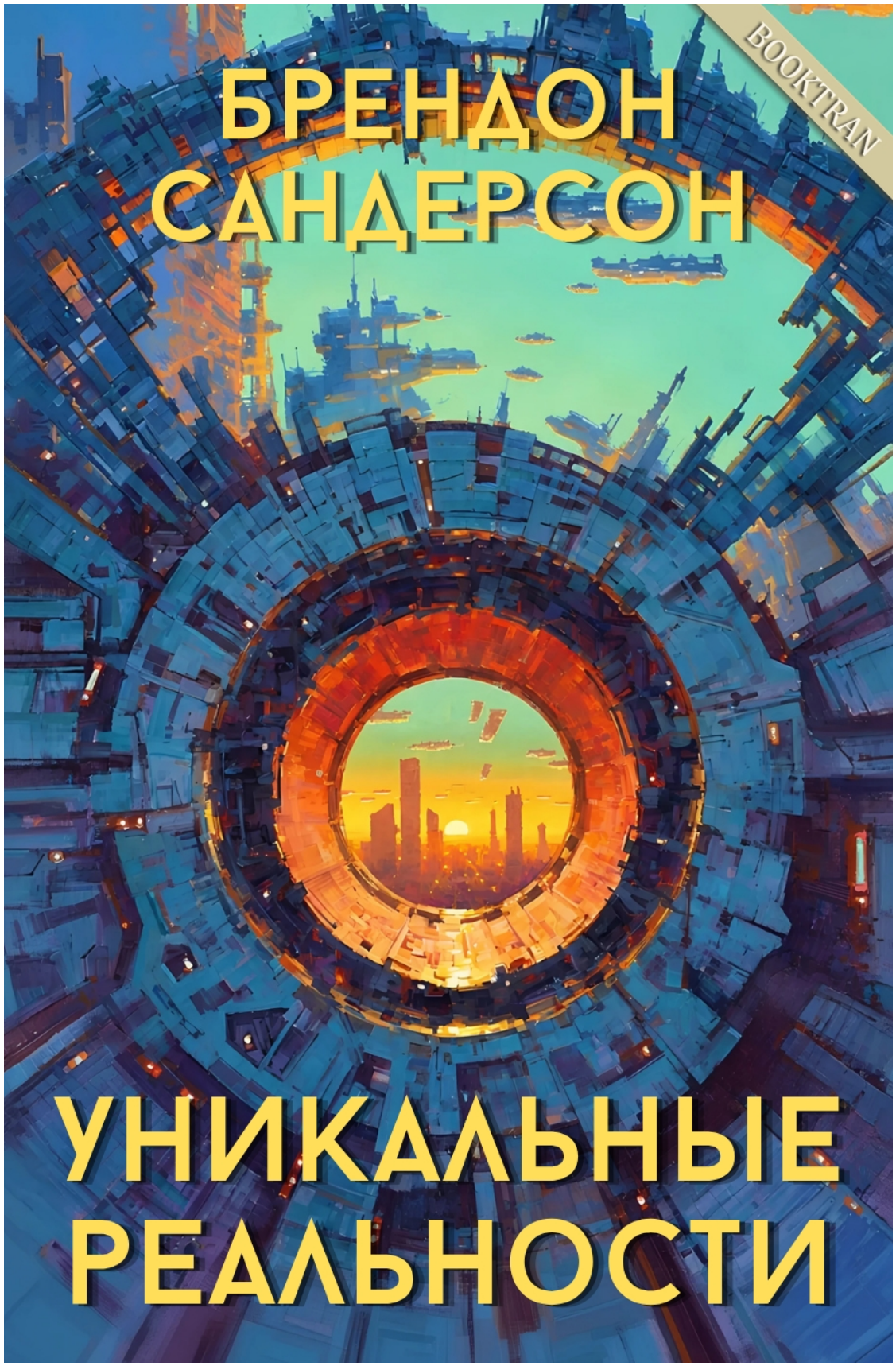

БРЕНДОН САНДЕРСОН
BOOKTRAN
УНИКАЛЬНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

Бену Максуини,

который иллюстрирует воображение.

Информация о переводчиках

Перевод и редактура: zhuzh, Anahitta, marmax

Booktran, 2026 г.

Интересные новости о творчестве Брендона Сандерсона:

www.vk.com/b.sanderson

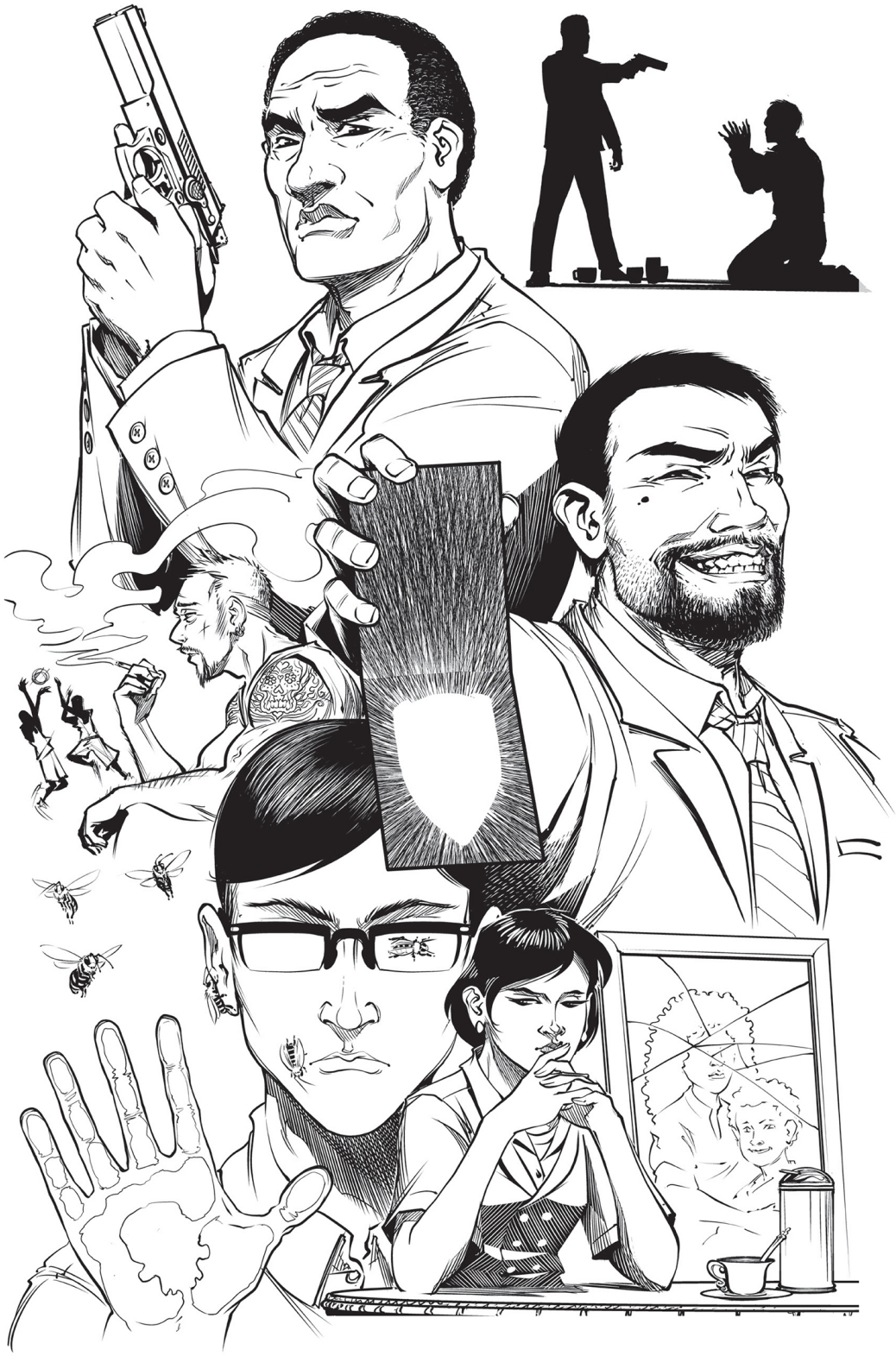
https://t.me/BooktranBrandonSanderson

Если вы хотите отблагодарить переводчиков и поддержать проект,
добро пожаловать на www.booktran.ru.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

Оглавление

Информация о переводчиках....3
Стоп-кадр....6
Склад мозгов....81
Я ненавижу драконов....93
Мечтатель....104
Идеальный штат....119
Вероятность стремится к нулю....183
Защищая Элизиум....187
Первенец....240
Митоз....284
Нулевой момент....313
Благодарности....478



Стоп-кадр

Глава 1

Энтони Дэвис, один из двух реальных людей в двадцатимиллионном городе, поймал буррито, которое ему бросил напарник, и поинтересовался:

— С какой стороны горчица?

— Горчица? — переспросил Чез. — Кто кладет в буррито горчицу?

— Ты. С какой стороны?

Чез улыбнулся, показав безупречно белые зубы. Они были искусственными. Два года назад ему врезали по лицу стулом в баре, и пришлось вставить один зуб. Однако, как уверял Чез, дантист сделал его настолько безукоризненным, что остальные не соответствовали. Поэтому Чез решил заменить их все.

— Горчица слева от тебя. — Чез кивнул на буррито. — Как ты узнал?

Дэвис только хмыкнул и оторвал уголок буррито: фасоль, сыр, говядина. И горчица. Чез упорно цеплялся за дурацкое убеждение, что когда-нибудь напарник случайно попробует горчицу и пересмотрит свое мнение. Дэвис покачал головой и выбросил кусок буррито в урну.

Двое в штатском шли по улице. Их окружал огромный, невероятно достоверный Нью-Клиппертон. И не подумаешь, что это стоп-кадр. Методами, недоступными пониманию простого копа вроде Дэвиса, был воссоздан определенный день в реальности, скопирован целый город.

На самом деле они находились в огромном подземном комплексе. Хотя и не скажешь: над головой сияет солнце, из ближайшего проулка несет вонью. Дэвису все казалось настоящим. В некотором роде все это и было настоящим, созданным из сырьевой материи: прикасайся, нюхай, слушай и даже пробуй на вкус, в чем он только что убедился, откусив от буррито.

Черт, немного горчицы осталось.

— Ты когда-нибудь задумывался, во сколько обходятся эти буррито? — проговорил Чез с набитым ртом. — Создать их, засунуть сюда, чтобы мы могли их купить, — это же прорва энергии.

— Они стоят кучу денег. — Дэвис откусил еще раз. — И в то же время ни цента.

— Да? Типа как когда ты наговорил уйму всего, но это ничего не значит?

— Чез, проект «Стоп-кадр» оплачен. Спецслужбы раскошелились и на место, и на технологию. Все уже настроено. Начальная установка стоила баснословных денег. Впрочем, особого выбора у нас не было.

Когда новое американское правительство покинуло Клиппертон, подземную установку решили не трогать. Дэвис всегда считал, что американцы пожелали оставить все как есть на случай, если решат вернуться и продолжить эксперименты. Но отдать ее просто так они тоже не захотели. Нью-Клиппертону, официально независимому городу-государству, предоставили «возможность» руководить проектом «Стоп-кадр». За очень большую плату.

Дэвис снова откусил от буррито.

— Эта штуковина стоила кучу денег, но теперь все на мази, можно пользоваться.

— Да, но буррито! Они готовят для нас буррито. Мне всегда было интересно, не придет ли в голову нашим счетоводам что-то типа: «Буррито — это слишком несерьезно. Давайте-ка без них».

— Это не так работает. Если собираешься воссоздать день с помощью «Стоп-кадра», нужно все сделать в точности. Поэтому наши буррито, граффити на стене, девица, на которую ты пялишься, — все идет в комплекте. Затратно, но бесплатно, все разом.

— Правда, хорошенькая?

Чез развернулся и пошел спиной вперед, не сводя глаз с девушки.

— Имей немного совести, Чез.

— С какой стати? Она не настоящая. Все они не настоящие.

Дэвис снова откусил от буррито. Вкусовые рецепторы уверяли, что еда настоящая. А вообще, что значит «настоящая»? Фасоль и сыр воспроизвели по образцу настоящего буррито из настоящего города с точностью до молекулярного уровня. И это не какая-нибудь виртуальная симуляция. Если положить этот буррито рядом с таким же из настоящего мира, даже электронный микроскоп не обнаружит различий.

Чез хмыкнул, откусив от своего буррито.

— Интересно, кто купил их в настоящем городе?

Хороший вопрос. Этот стоп-кадр — точную копию 1 мая 2018 года — воссоздали прошлой ночью. Этот день наступил десять дней назад. И все будет уничтожено, когда вечером они отправятся домой. Одно нажатие кнопки — и стоп-кадр распадется на сырьевую материю и энергию.

А вот Чез и Дэвис настоящие, так сказать, из «реальной жизни». Их внедрение, хоть и необходимое, представляет проблему. Если они взаимодействуют со стоп-кадром, появляются расхождения между стоп-кадром и тем, как прошло настоящее первое мая.

Некоторые их поступки, причем невозможно предсказать, какие именно, вызывают в стоп-кадре волновой эффект, и воссозданный день проходит не так, как настоящий. Процент отклонений, высчитываемый статистиками, — значимый фактор в любом суде, где представляют собранные в стоп-кадре доказательства.

Чез и Дэвис обычно оставляли это на совесть счетоводов. Порой они целый день вытворяли такое, что наверняка должны были угробить расследование, но в итоге все обходилось и процент отклонений оказывался незначительным. Однажды Дэвис заперся в отеле, в убежище, твердо решив обойтись без малейших отклонений, но на беду, хлопнув дверью, разбудил женщину в соседнем номере. В итоге та успела на собеседование, из-за чего образовались волны по всему стоп-кадру, и процент отклонений вырос до двадцати процентов. Все расследование пошло насмарку.

Его никто не обвинял. Копы в «Стоп-кадре» — причина отклонений, в этом заключается суть того, что они делают, но осадок все равно остался. Все здесь фальшивые, а вот он с Чезом… Почему-то они казались чем-то еще более худшим. Изъяны в совершенной системе. Незваные гости. Вирусы, оставляющие за собой хаос.

«Неважно, — сказал себе Дэвис, доедая буррито. — Думай о задании».

Штатный мозгоправ посоветовал ему сосредоточиться на текущем деле. Нельзя работать, если зацикливаться на отклонениях.

Они подошли к перекрестку Третьей и Двадцать второй и остановились у ряда магазинчиков: универсамы, винная лавка с решетками на окнах. Оборотные стороны знаков «Стоп» были облеплены эмблемами разных уличных банд. Не самый приличный район, но приличных в городе осталось немного.

Дэвис в очередной раз вывел на экран телефона параметры задания и кивнул на винную лавку.

— Думаю, нужно подождать внутри.

— В погоню оттуда так просто не пустишься.

— Зато он нас не увидит. Не будет отклонений.

— Отклонений не избежать.

Чез прав. Каждый день их расспрашивали о том, что они делали, скачивали данные с их телефонов, отслеживали перемещения. Их действия проверялись счетоводами из отдела внутренних расследований, но речь всегда шла только о том, чтобы «минимизировать риск отклонений для наблюдаемых объектов», и никогда о полном их устранении.

Кроме того, как прекрасно знал Дэвис, данные с телефона можно подделать, а сигналы извне с трудом пробиваются в стоп-кадр. На самом деле никто толком не знал, чем они тут занимаются.

Тем не менее Чез не стал спорить, и они зашли в винную лавку — открытую, несмотря на ранний час. Вопреки неприглядной обстановке снаружи, внутри царили чистота и порядок. Бородатый сикх в ярко-красном тюрбане подметал пол у кассы и с любопытством глянул на них, когда они пристроились у выходящего на улицу окна.

Дэвис снова перечитал параметры задания и посмотрел на часы. Полчаса. Время поджимает. Не надо было останавливаться на завтрак, хоть Чез и разнылся.

Хозяин лавки продолжал подметать, периодически посматривая на них.

— С ним будут проблемы, — отметил Чез.

— Мы просто пара обычных посетителей.

— Которые ничего не купили. А теперь таращатся в окно, причем один каждые пятнадцать секунд смотрит на часы.

— Я не... — начал Дэвис.

Его перебил сикх, который наконец отставил метлу и подошел к ним:

— Вынужден попросить вас уйти. У меня э-э... обеденный перерыв.

Дэвис улыбнулся и приготовился соврать, чтобы успокоить его, но тут Чез сверкнул полицейским значком.

Дэвису значок казался обыкновенным. Простое серебристое поле с чеканкой, ничего необычного. Разве что это значок реальности. Для каждого существа из стоп-кадра — каждого дубликата, каждого человека-фальшивки — он выглядел вовсе не как стандартный полицейский значок, а служил

свидетельством того, что его владелец настоящий. А также свидетельством того, что ты — нет.

Сикх уставился на значок широко распахнутыми глазами. Дэвису всегда было любопытно, что видят дубликаты. В их взгляде появлялось то же выражение, которое бывает, когда всматриваешься в нечто необъятное. Они выглядели ошеломленными. Даже немного восхищенными.

«Интересно, видел ли когда-нибудь такой значок мой дубликат? — подумал Дэвис. — Считал себя мной настоящим, не подозревая, что сам он и весь мир вокруг — просто стоп-кадр, пока ему на глаза не попался значок...»

Хозяин лавки встряхнулся и поднял глаза на посетителей.

— Эй, ловкий трюк. Как ты... как у тебя вышло... — Он осекся и снова опустил взгляд.

Дубликаты всегда инстинктивно узнавали значок. В глубине души они понимали, что он означает, даже если никогда раньше о нем не слышали. Разумеется, большинство все же о нем слышало в связи с недавними скандалами насчет вмешательства в частную жизнь. Кроме того, проект очаровал общественность Возрожденного Американского Союза и стал излюбленной темой кинематографа. В сети можно найти с полдесятка полицейских боевиков про детективов, которые работают в «Стоп-кадре», хотя, насколько знал Дэвис, единственная официальная установка находится в Нью-Клиппертоне.

В полицейских боевиках никогда не показывали, как выглядит значок реальности, словно действовало некое неписаное правило. Оставляли простор для фантазии.

Хозяин лавки что-то прошептал на родном языке. Снова поднял голову, помрачнев еще больше. Чез кивнул ему.

Сикх держался хорошо. Потрясенный, он распахнул дверь магазинчика и... просто вышел на улицу, бросив все на произвол судьбы. Ради чего торговать, если только что узнал, что ты не настоящий? Зачем беспокоиться о чем бы то ни было, если к вечеру весь мир исчезнет?

— Хочешь выпить? — Чез засунул значок в карман и весело кивнул на оставшиеся без присмотра полки магазина.

— Необязательно так делать, — сказал Дэвис.

— У нас всего пара минут. Некогда разглагольствовать. Это лучший вариант.

— От хозяина лавки пойдут отклонения.

— Невозможно избежать…

— Заткнись. — Дэвис прислонился к окну и снова глянул на часы.

«Чез, иногда я тебя ненавижу».

Но в то же время он ему завидовал. Хорошо смотреть на все вокруг, даже на прохожих, как на фальшивку, как на марионеток, которых создали из сырьевой материи и оживили на короткое время.

Просто… они точные копии, вплоть до химических процессов мозга. Как можно не считать их за настоящих людей? Дэвис и Чез ели буррито, воспринимали еду как настоящую, но в то же время должны относиться к встречным как к подобиям людей? Это кажется неправильным.

Чез сжал его плечо.

— Так лучше всего. Он сможет насладиться остатком жизни, понимаешь? — Он порылся в кармане и бросил на подоконник горсть мелочи. — Вот. Из ларька с буррито.

Чез отошел поискать пиво. Дэвис отчего-то разволновался и проверил параметры задания. В очередной раз. На сегодня два дела: одно на перекрестке, другое в 20:17 рядом с Варшавской улицей. К этому времени процент отклонений наверняка будет высоким, особенно если Чез сегодня не в настроении, но они все равно смогут сделать что-то полезное, помочь расследованиям в настоящем мире, добыть информацию для настоящих копов.

И Варшавская улица. В 20:17.

Дэвис наконец взял несколько монет и принялся их перебирать, подставляя каждую под лучи утреннего солнца и проверяя год чеканки. Вернувшийся Чез покачал головой.

— Можно ведь пойти в банк и попросить хоть ведро монет.

— Так не считается.

Дэвис, нахмурившись, рассматривал четвертак. Есть ли у него 2002 год из монетного двора Филадельфии? Он вытащил телефон, прокрутил список.

— Не считается? — переспросил Чез. — По каким таким правилам?

— По моим собственным.

— Так измени их.

— Не могу.

Ага, 2002 год уже есть, нужен 2003. Теперь трудно отыскать место, где еще принимают монеты. Разве что уличные торговцы да кое-какие магазинчики.

— Ты же понимаешь, что только усложняешь себе жизнь? — заметил Чез.

— Иногда, — признал Дэвис. — Но мне нельзя жульничать, иначе коллекция потеряет всякий смысл. К тому же, Хэл знает правила.

На прошлой неделе Дэвис получил электронное письмо от сына: мальчуган собрал почти полный набор монет 2000-х годов. В школе Хэла стоял автомат с газировкой, который давал сдачу мелочью.

— Допустим, ты найдешь нужную монету, — сказал Чез. — Кусочек металла с нужной чеканкой, от которого сойдешь с ума от радости и все такое. Что будешь делать? Мы же ничего не можем забрать из стоп-кадра.

— Если только это не внутри нас. — Дэвис кивнул на пиво Чеза.

— Ты собрался…

— Проглотить монету? Конечно. Почему нет? Что сделают счетоводы в участке? Станут копаться в моих экскрементах?

Чез сделал большой глоток.

— Странный ты чувак, Дэвис.

— Ты только сейчас это понял?

— Я подтормаживаю. А вот ты малость чокнутый. Тихий псих.

У Дэвиса зажужжали часы, и он проверил время. Пять минут. Он подался вперед, наблюдая за зданием через дорогу: бар, на верхних этажах – квартиры.

Чез потянулся к кобуре под мышкой.

— Это тебе не понадобится, — произнес Дэвис.

— Уж и помечтать нельзя? — Но пистолет Чез доставать не стал. — Кстати, что такого особенного в этом парне? В городе случаются тысячи убийств в год, но именно ради него запустили «Стоп-кадр».

Дэвис не ответил. Разве трудно изредка посматривать новости? Или хотя бы читать заметки к расследованию?

На противоположной стороне улицы раздался едва слышный выстрел. Они стояли далеко, и легкий хлопок мог оказаться чем угодно: бросили бутылку в урну, разбилось окно, просто хлопнули дверью. Но Дэвис все равно встрепенулся.

Через минуту по лестнице поспешно спустился подозреваемый, Энрике Эстевес. Пряча руки в карманах, он нервно огляделся и пустился наутек. Он не бежал, но заметно волновался.

— Я за ним, — сказал Чез.

— Не попадись ему на глаза.

Чез окинул Дэвиса взглядом «я что, первый день в полиции?», вышел на улицу и с телефоном в руке поспешил следом за Эстевесом.

Дэвис выскользнул из магазинчика мгновением позже, свернул в переулок и пошел к Шестой, сверяясь на ходу с картой в телефоне. Он подождет Эстевеса там, где его видели в последний раз, если вдруг Чез потеряет след.

Он позвонил Чезу:

— Как он?

— Нервничает. Улица пустая, всего несколько человек. Мне кого-нибудь сфоткать, чтобы копы поискали свидетелей в реале?

— Не надо. Это слишком подозрительно. И что они могут засвидетельствовать? Что Эстевес был на улице? Следуй за ним и все.

— Верно. Погоди-ка. Он свернул к Восьмой.

Дэвис остановился. Не то направление.

— Ты уверен?

— Да. Что-то не так?

— Через пару минут его видели на Шестой. Он повернул обратно?

— Нет, мы движемся на восток, пересекаем авеню. Похоже, теперь он знает, куда идет. Почти не оглядывается.

Выругавшись под нос, Дэвис рысцой побежал обратно по переулку. Либо ошибся очевидец, утверждавший, что видел Эстевеса на Шестой, либо повлияло отклонение, и подозреваемый направился в другую сторону. Если процент уже настолько высокий, на всем сегодняшнем стоп-кадре можно ставить крест.

— Я двигаюсь параллельно вам. — Дэвис старался не нервничать. — Ты еще на Восьмой?

— Только что ее пересек, — ответил Чез. — Черт, Дэвис, он свернул в переулок, на юг. Будет очень трудно следовать за ним, не вызывая подозрений.

Нельзя рисковать. Если Эстевес что-то заподозрит, в его поведении появится масса отклонений. И это как раз тот единственный вид отклонений, с которыми они могут совладать.

— Я сейчас южнее, на Двадцать первой, — сказал Дэвис. — Сто пудов, смогу его перехватить.

Он остановился на углу Восьмой авеню, пытаясь не выдать, что запыхался после короткой пробежки. Проверку на физическую подготовку для оперативной работы в реале ему не пройти. Причем давно.

Тем не менее он прибежал достаточно быстро, чтобы заметить, как Эстевес выворачивает из переулка и идет на восток по Двадцать первой улице. Дэвис последовал за ним.

— Вижу его.

Дэвис двинулся вперед прогулочным шагом, напустив на себя беспечный вид. Просто парень, болтающий по телефону. Не на что обращать внимание, нет повода для беспокойства.

Черт, он уже нервничал. Глупо. Это обычная погоня. С такой можно справиться и не распуская сопли.

— Молодец, — сказал Чез. — Я двигаюсь на восток по Двадцать второй, параллельно тебе.

— Понял.

Дэвис шел в одном темпе с Эстевесом. Преступник был худощавым, но более высоким и... более пугающим, чем на фотографиях в досье. Его огромная ошибка заключалась не просто в том, что он убил человека, а в том, кого выбрал жертвой — племянницу мэра.

Прокурор раскрутил дело, его поддерживали очень влиятельные люди. К сожалению, улик против обвиняемого недостаточно, поэтому запросили ордер на «Стоп-кадр».

Городские власти Нью-Клиппертона купили проект «Стоп-кадр», заплатив за него Возрожденному Американскому Союзу бешеные деньги. Но что они знают о принципе его работы? Почти ничего. Одно из этих... существ поймали и держали где-то в бессознательном состоянии, пропуская через него электрический ток, чтобы проект работал — воссоздавал дни во всей их полноте из подготовленной сырьевой материи.

Получить стоп-кадр определенного дня из прошлого можно лишь в течение небольшого промежутка времени. Пара недель, и все. Проект нужно запускать утром и сразу внедрять в него людей. Если задержаться, то становится все труднее, как с дверью, которая просто не открывается. Что касается извлекаемых сведений… копам приходилось выносить их с собой. Сообщения по защищенному каналу обычно проходят, но даже на них иногда действуют помехи.

Борцы за право на частную жизнь чуть с ума не сошли, когда узнали о «Стоп-кадре». Особенно когда обнаружили, что поначалу мэр использовал проект, чтобы поразвлечься, хотя все подробности подчистили.

В результате юридической неразберихи появилось ограничение, согласно которому для воссоздания дня необходимо постановление суда. Стоп-кадр разрешается использовать только для официальных дел. Технически в него можно отправить дроны, чтобы записывать происходящее, и полиция с ними экспериментировала. Не исключено, что в конце концов всю работу переложат на них, но пока самыми эффективными остаются старые добрые детективы. Коп может дать показания в суде о том, что видел собственными глазами. Это находило отклик у присяжных.

Дэвис гордился тем, как ведет Эстевеса, не вызывая у того ни малейших подозрений. Как настоящий коп.

Чез встретил его на перекрестке, и дальше они пошли вдвоем. Эстевес говорил с кем-то по телефону, но они были слишком далеко, чтобы разобрать слова, и только увидели, как он опустился на колени у тротуара и пошарил по земле, а потом исчез в соседнем переулке.

Выругавшись, Чез рванул следом, но Дэвис поймал его за руку.

— Уйдет! — воскликнул Чез и снова потянулся к пистолету под мышкой.

— Пусть. Ждали мы вот этого.

— Этого?

Дэвис подошел к тому месту, где Эстевес стоял на коленях, — у решетки ливневой канализации. Заглянул туда, просунул телефон и сделал несколько снимков. Пролистав на экране фото, выбрал удачное.

В грязи лежал пистолет.

— Орудие убийства. — Дэвис выпрямился и показал его Чезу. — Детективы в реале искали не в том месте.

Он прикрепил фото к сообщению и открыл в телефоне приложение для защищенной связи со штабом.

«Найдено орудие убийства. В сточной канаве перед салоном красоты на северной стороне Двадцать первой улицы, между Десятой и Одиннадцатой авеню».

Сообщение отправилось Марии, их связной.

— Не нравится мне, что мы его отпустили. — Чез скрестил руки на груди.

— Тебе не нравится, что не удалось пострелять, — возразил Дэвис.

Он подождал, беспокоясь, что придется отправлять сообщение еще раз. Никогда не знаешь, в каком виде оно дойдет. К счастью, через пару минут часы зажужжали, и он глянул в телефон. Линия связи работала, по крайней мере пока.

«Информация получена, — ответила Мария. — Отлично поработали. Между Десятой и Одиннадцатой? Далековато от того места, где вы должны быть».

«Свидетель ошибся, — написал Дэвис. — После убийства Эстевес направился на восток, а не на запад».

«Вероятность отклонения?»

«Это вопрос к счетоводам. Я просто докладываю о том, что нашел».

«Поняла. Высылаем команду к канаве в реале. На всякий случай оставайтесь поблизости».

Дэвис показал телефон Чезу.

— Итак... — Чез огляделся. — У нас есть немного времени. Не хочешь пройтись до улицы Ингред?

— Еще день, — сухо ответил Дэвис.

— И?

— И в школе занятия.

— А, точно. Тогда что?

— Ну, буррито за миллион баксов мы уже съели. — Дэвис кивнул на закусочную. — Не запить ли их кофейком за миллион?

Глава 2

Дэвис не мог отделаться от мысли о том, как отреагируют люди в закусочной, если узнают, что они дубликаты. Толстуха за стойкой пересчитывала выручку. Два белых парня в клетчатых фланелевых рубашках и бейсболках жевали горячие сэндвичи и ворчали друг на друга. Мамаша пыталась утихомирить целый выводок детишек, пичкая их картошкой фри.

Дэвису казалось, что, чего стоит человек, можно понять по тому, как он воспринимает новость о своей иллюзорности. Наблюдать за этим неловко, словно подглядываешь за чем-то интимным, но оторваться невозможно. Некоторые злились, другие падали духом. Кто-то разражался смехом. В этот миг в людях всплывало то, что они сами о себе не знали, да и не могли знать.

Подошла официантка с тарелкой картошки фри и начала подливать кофе. У Дэвиса зажужжали часы. В его голове тут же пронесся садистский образ: он строит догадки о реакции посетителей в забегаловке, а потом достает значок и показывает его всем, чтобы убедиться, что прав. Проблема в том, что Чез может отмочить нечто подобное просто из скуки.

Когда Чез вернулся из уборной, Дэвис жевал картошку.

— Ты же положишь горчицу? — спросил Чез, усаживаясь.

— Действительно, что за картошка фри без горчицы?

— Примерно как буррито.

— Какая гадость.

— Ты просто не ценишь жизнь, Дэвис. — Чез стащил кусочек картошки. — Нужно пробовать что-то новое, понимаешь?

— Повторяю еще раз: нет в этом ничего нового. — Дэвис открыл сообщение в телефоне. — Ты уже целых три года стараешься привить мне свои вкусы в еде.

— Потому и детектив из меня хоть куда. Все дело в настойчивости. Что там пишет наша цыпочка?

— Цыпочка? Мария?

Чез кивнул.

— Она старше тебя лет на двадцать.

— Но выглядит — огонь. Что говорит?

— Они нашли пистолет в реале. Он лежал в канаве, куда его и выбросил Эстевес. Пистолет десять дней провалялся в грязи, но его прогнали через баллистическую экспертизу. Пуля выпущена из него. Возможно, нам придется давать показания.

Теперь улик против Эстевеса достаточно, а показания двух работяг-копов их только укрепят.

Чез хмыкнул.

— Все равно я бы лучше пристрелил отморозка. Воздал бы ему по заслугам.

— Ты даже не знаешь, что он натворил, — сухо заметил Дэвис.

— Убил кого-то. Какую-то девицу?.. — Чез пожал плечами. — Так что, до конца дня лодырничаем?

Похолодев, Дэвис поднял голову.

— Когда следующее задание? — Чез стащил еще кусочек картошки. — Не раньше 21:00?

— В 20:15. Бытовой конфликт. Надо посмотреть, кто начал первым. Подтвердить версию одной из сторон.

— Нам что, больше делать нечего?

Дэвис пожал плечами. Нет ничего необычного в том, чтобы после основного расследования побегать по незначительным заданиям вроде этого.

— Не хочу торчать тут восемь часов, чтобы посмотреть, кто кому врезал, — сказал Чез. — Давай сэкономим всем время и деньги и свалим. Психиаторша говорит, что я должен сказать ей, если почувствую «эмоциональный стресс».

— И что это значит?

— Черт ее знает. Наверное, она думает, что жизнь в стоп-кадре для меня сплошной стресс.

— Серьезно? — удивился Дэвис. — Для тебя? Вообще что ли ничего не соображает?

— Да ну ее! У нее даже взглянуть не на что, — добавил Чез.

Дэвис вздохнул, не сумев скрыть внезапной тревоги. Им нельзя уходить. Или можно?

«Вероятно, это к лучшему...»

Нет. Варшавская улица, 20:17. План есть план.

— Давай, погнали, — сказал Чез. — Я даже дам тебе нажать кнопку, чтобы выключить стоп-кадр.

— Я и так всегда нажимаю кнопку, — отозвался Дэвис.

— И сегодня я не буду на это жаловаться.

— Нет, погоди, нам нужно сделать кое-что еще. — Дэвис снова полез за телефоном. — Я тут читал форумы переговоров по рации...

— Снова-здорово.

— ...и в тот день в реале был всплеск активности. В полицейских рапортах я ничего не нашел, но на форумах пишут, что приехало много патрульных машин, чтобы обыскать жилой дом. В стоп-кадре это произойдет примерно через час. Хочешь прибыть первым и посмотреть, в чем дело?

— Форумы, — сухо произнес Чез. — Подпольные форумы. Ты же сказал, что в официальных рапортах ничего нет.

— Из того, что мне можно видеть.

— Скорее всего, это означает, что они ничего не нашли.

— Нет. Тогда была бы запись. А там совсем ничего нет.

— Значит, у тебя нет нужного уровня допуска. Что бы там ни было, они не хотят, чтобы об этом знали рядовые детективы.

— А тебе не любопытно? — поинтересовался Дэвис. — Мы могли бы немного побыть настоящими детективами. Повынюхивать. Кто знает, может, кто-нибудь попытается тебя пристрелить.

— Думаешь? — оживился Чез.

— Вполне возможно. Ты отличная мишень.

Чез кивнул.

— Ага. Настоящими детективами, говоришь? — Он потер подбородок. — Ты же понимаешь, что мы откопаем? Какого-нибудь политика со шлюхой. Потому это и скрывают. Конечно, если действительно что-то было и психи с форума ничего не напридумывали.

— Ну, тогда можно и полодырничать, — сказал Дэвис. — Вернуться в скучный настоящий мир. Повалять дурака, посмотреть фильм. Вместо того чтобы пожить в нем...

— Ладно, уговорил. — Чез встал. — Но сначала мне надо отойти по нужде.

— Опять?

— Это буррито, чтоб его... — Он покачал головой. — Эх, буррито... — И пошел к уборной.

Дэвис разжал кулак и судорожно выдохнул. Они остаются в стоп-кадре. Он оплатил счет настоящими наличными, но в закусочной выдавали сдачу только в виде кредита от заведения, которым ему никогда не воспользоваться. Город в стоп-кадре существует сам по себе, за его пределами ничего нет. Люди, покидающие зону покрытия, тут же исчезают. Если кто-то должен приехать в город, стоп-кадр создавает тело и автомобиль и в нужное время помещает их на дороге.

Дэвис так и не разобрался в деталях. Как здесь проводятся денежные операции? Как стоп-кадру удается воссоздавать все исходящие и входящие сигналы? Линии электропередачи? Интернет? Солнечный свет? Насколько все это реально? Он ел местную пищу. Сколько нужно съесть, чтобы система признала его частью себя, а не пришельцем из настоящей жизни? Если однажды он переест буррито, не засияет ли значок для него так же, как для дубликатов?

Дэвис заставил себя отвлечься от подобных мыслей.

«Сосредоточься на задании».

Он развернулся к женщине с детьми. Та собрала их и вела к выходу. Старшему было лет шесть, он что-то доказывал сестренке.

Хэлу на два года больше, но он всегда был маленьким для своего возраста. Совсем как отец.

Мамаша с детьми ушла, и Дэвис поймал себя на том, что пялится на девушку, сидящую в глубине закусочной у окна. Стройная, с короткими черными волосами. Заостренные черты лица. Хорошенькая. Очень хорошенькая.

— Ну, я добавил в систему кое-что от себя, — сказал подошедший Чез. — Испражнения ведь тоже переработаются, когда день закончится?

— Наверное, — рассеянно ответил Дэвис, по-прежнему глядя на девушку.

— Приятно осознавать, что я поучаствую в воссоздании следующего стоп-кадра. Мои испражнения будут переработаны в юристов. Круто, правда?

— Совсем как в настоящей жизни.

— Ну... — Чез замолк и почесал затылок. — Да, наверное, ты прав. Хех. Так что, ты собираешься подойти и поговорить с ней?

— С кем?

— С той красоткой.

— Что? Нет. То есть тебе не следует такое говорить.

— Давай же, — подначивал Чез. — Ты так на нее пялишься, что едва искры не сыплются. Просто подойди и скажи «привет».

— Не хочу к ней приставать.

— Разговаривать не значит приставать.

— Это основной способ приставания.

— Может, и так. Но она тоже на тебя смотрит. Она заинтересовалась, Дэвис. Я же вижу.

Дэвис покрутил в уме идею. Легкая паника накрыла его подобно взорвавшейся бомбе.

— Нет. — Он встал. — Какой смысл? Все равно это не по-настоящему.

— Значит, еще больше причин попробовать. Ради практики.

Дэвис покачал головой и направился к двери. К несчастью, когда они проходили мимо столика девушки, Чез подошел к ней:

— Привет. Мой друг немного стеснительный, но он спрашивает, можно ли взять у вас номерок.

У Дэвиса едва не остановилось сердце.

Девушка покраснела и отвернулась.

— Извините за беспокойство. — Дэвис схватил напарника под руку и потащил к выходу. На улице продолжил: — Идиот! Я же сказал не делать этого!

— Строго говоря, ты сказал, что не будешь делать это сам, — заметил Чез. — Но не сказал, что и мне нельзя.

— Это было унизительно. Я...

Дэвис замер: дверь закусочной распахнулась, на пороге показалась та самая девушка. Снова покраснев, она сунула ему клочок бумаги и скрылась внутри.

Дэвис уставился на бумажку с номером телефона. Чез глуповато оскалился.

«Чез, иногда я тебя просто обожаю», — подумал Дэвис, пряча бумажку.

— Ну, куда двинем? — спросил Чез.

— На Четвертую. — Дэвис зашагал по улице.

— Далековато.

— Поймать такси?

— Да нет. — Чез засунул руки в карманы. — Просто к слову.

Некоторое время они шли молча. Дэвис чувствовал бумажку в кармане. Он был потрясен, даже смущен тем, как сильно обрадовался. На душе потеплело. Пусть даже он никогда ей не позвонит, пусть даже она не настоящая. Черт, он не испытывал подобных ощущений уже много лет, с тех самых пор, как встретил Молли.

— А ты никогда не думал пользоваться всем этим почаще? — спросил Чез.

— Ты о чем?

Чез кивнул на проезжающие по широкой улице автомобили. Не меньше половины — такси. Они перемещались плавно и аккуратно, согласованно друг с другом. К ним примешивались различные старые автомобили. Большинство двигалось так же плавно, но по рывкам и создаваемым помехам движению можно безошибочно определить водителей-людей: словно рыбки неожиданно отбиваются от основного косяка.

— Мы должны пользоваться всем этим почаще, — повторил Чез. — Мы в дне, который уже миновал. Почему бы нам... ну, не знаю... не купить лотерейные билеты или что-то в этом роде?

— И выиграть деньги, которые исчезнут, как только день закончится?

— Мы могли бы их проглотить. Как ты и говорил.

— Между одной монетой и лотерейными миллионами большая разница. Тем более сразу деньги не выплатят, какие бы выигрышные номера мы ни подсмотрели заранее. А если и удастся вытащить их отсюда, это, скорее всего, сочтут мошенничеством.

— Ну да. — Чез сунул руки в карманы. — Но выиграть все равно было бы забавно. В общем, мне кажется, нам стоит делать тут больше. Например, исправить что-нибудь, если кто-то напортачил.

— Именно это мы и делаем.

— Я не о юридической хрени, Дэвис, — вздохнул Чез. — Трудно объяснить.

Они перешли дорогу, и автомобильное движение за их спиной возобновилось. Пара старинных двигателей внутреннего сгорания взревели так, что Дэвис обернулся. Звуки из прошлого, как и запах бензина.

— Я понимаю, — сказал он.

— Понимаешь?

— Да.

Чез как будто успокоился.

— Есть идеи, что будем искать, когда доберемся до этого твоего дома?

— Понятия не имею. Это просто один из всплесков, которые заметили на форуме. Внезапный срочный вызов патруля, несколько откликов... и тишина. Никаких рапортов. Вообще ничего.

— И ты думаешь, кто-то боится, что мы что-то выясним?

Раньше они уже говорили на эту тему. Внутри стоп-кадра их власть абсолютна. Значки помогают миновать любое препятствие, отменить любой приказ. Они — два настоящих человека в толпе теней.

Здесь только у них есть права. Здесь они боги. Чем дольше Дэвис работал в стоп кадре, тем больше понимал, что определенных людей снаружи эта его власть ужасает. Им не давала покоя мысль, что существуют их двойники, которыми могут помыкать двое рядовых детективов. Велись нескончаемые споры, как их ограничить, как оградить частную жизнь людей.

— Странно, что они забыли отправить нас в какое-нибудь убежище, — сказал Чез, когда они наконец добрались до Четвертой авеню.

Дэвис кивнул. Они бы не пошли — никогда не ходили. Однако в участке продолжали приказывать одно и то же, утверждая, что если Дэвис и Чез встретят в городе собственных дубликатов, то получат психическую травму. Что за глупость.

— Если мы ничего не найдем по этому адресу, у меня выходной, — заметил Чез.

— Вполне справедливо. Но я думаю, что-то там да будет. Подозрительный случай.

— Говорю тебе, политик со шлюхой.

— Из-за этого не стали бы вызывать патрульные машины. — Дэвис пожевал губу. — Ты заметил, что в последнее время нам поручают незначительные задания? Найти орудие убийства, понаблюдать за преступлением. Никаких дознаний, очень мало настоящей полицейской работы.

— Наверное, решили, что не стоит нам слишком набивать руку в таких делах, — сказал Чез. — Черт, они не хотят пускать сюда детективов из реала. Поэтому и присылают парней вроде нас.

Местом загадочного вызова патрульных — вызова, который в стоп-кадре произойдет только через час, — было заброшенное жилое здание, все покрытое рисунками и подписями граффити-художников. Грязные разбитые окна сообщали о том, что в последнее время дом необитаем.

— Проститутку в таком месте я бы снимать не стал, — заметил Дэвис.

— Можно подумать, ты вообще снимал проститутку. — Чез поднял голову, затенив глаза рукой. — Я знаю этот район. Когда-то считался неплохим. Скорее всего, тут были дорогие квартиры.

Они поднялись по ступенькам и проверили дверь — заперта. Дэвис посмотрел на напарника. Чез пожал плечами и выбил ее пинком.

— Черт, это легче, чем я думал.

— Чувствуешь себя настоящим копом?

— Почти. — Чез заглянул в коридор.

Беглый осмотр ничего не выявил. Квартиры на первом этаже открыты, двери не заперты. Внутри все оказалось выпотрошено, если не считать лежанки какого-то бомжа, которую тот устроил около очередного граффити. Однако даже она выглядела так, будто ею не пользовались уже много месяцев.

Чем-то воняло. Затхлостью? Дэвис вернулся на лестничную площадку у входной двери и принюхался.

Чез пошел к лестнице на второй этаж.

— Дэвис, здесь этажей двадцать. Если придется обыскивать их все, хотя бы помоги. И с тебя буррито. С двойной горчицей.

— Давай начнем с подвала.

Дэвис догнал Чеза и развернул его к двери в вестибюле. Та была приоткрыта, за ней ничего не было видно. Дэвис распахнул дверь настежь и обнаружил ведущие вниз ступени. Запах усилился: затхлость и сырость.

Чез попробовал включить свет, но здание оказалось обесточено. Дэвис достал фонарик и осветил лестницу.

— Удобно. — Чез пытался посветить телефоном, но выходило не очень.

— Всегда носил с собой фонарик. — Дэвис начал спускаться. — В реале, когда был детективом. Ты удивишься, как часто он бывает полезен.

У подножия лестницы оказалась другая дверь, которую Чез открыл хорошим пинком. Они ступили в подвал, повеяло сыростью. На стенах висели разбитые зеркала. В углу валялось несколько старых забытых гантелей.

— Видишь, раньше тут было шикарно. — Чез поднял телефон и посветил вокруг.

Дэвис пересек тренажерный зал, водя фонариком вправо-влево и все больше нервничая. Судя по всему, ничего тут нет. Наверное, можно подождать, пока вызовут копов и приедут патрульные машины.

Чез держался рядом, направляя по сторонам слабый свет от телефона. Может, копов вызвали из-за того, что обрушился один из этажей или что-то в этом роде. Весьма удачно: два вышедших в тираж детектива гибнут в поддельном мире, потому что им не сидится на месте.

Чез ткнул Дэвиса в бок. Тот направил фонарик в нужную сторону и заметил дверной проем. Свет отразился от выложенного плиткой пола. А за ним…

— Вода? — Дэвис шагнул вперед. Затхлый запах сразу обрел смысл. — Бассейн? Почему его до сих пор не спустили?

— Будь я проклят, если знаю.

Чез вошел следом за Дэвисом. Это был бассейн, довольно скромных размеров, поскольку находился в подвале жилого здания. Дэвис, уперев руку в бок, посветил вокруг. Вода заполняла бассейн лишь частично. В нем не…

Фонарик высветил лицо под водой.

Дэвис замер, задержав луч на мертвых остекленевших глазах. Чез, выругавшись, потянулся к пистолету, а Дэвис просто стоял и смотрел. Девушка, даже скорее подросток. Рядом с ней виднелось еще одно тело — лицом вниз.

Дрожа, Дэвис медленно прошелся фонариком по дну бассейна. Еще тело. И еще.

Трупы. Восемь трупов.

Глава 3

— Какого черта?! — вопрошал Чез. — Какого черта!

Дэвис сидел на ступенях здания через дорогу от того места, где они нашли трупы.

— Нет, ну правда... какого черта!

Чез расхаживал взад-вперед с пистолетом в руке. Дэвис его не осуждал. Он сам держал перед собой пистолет, вцепившись в него, словно из-за угла вот-вот должен выскочить убийца со ржавым тесаком наперевес.

— Как им удалось это скрыть? — возмущался Чез. — В здании восемь трупов. Восемь! Как это не попало во все новостные сводки? Почему на это дело не направили всех копов в городе? Черт возьми!

Он развернулся и зашагал в другую сторону.

«Сам виноват, — подумал, сгорбившись, Дэвис. — Надо было просто оставить все как есть».

Он просто хотел удержать Чеза в стоп-кадре до 20:17. А теперь... такое.

— Ладно, Чез, — сказал Чез самому себе, снова сменив направление. — Ладно, ладно. Это ведь не настоящие трупы, так? Просто дубликаты. Мертвые дубликаты. Это все, что ты видел. — Он посмотрел на напарника. — Дэвис? Ты в порядке, дружище?

Дэвис держал пистолет, и рука его дрожала.

— Дэвис? — повторил Чез. — Что нам теперь делать? Ты настоящий коп. Что нам делать?

— Я не настоящий коп, — тихо ответил Дэвис.

— Верно, уже нет. Но ты же был им... целых десять лет?

— Я десять лет служил в полиции. Но никогда не был настоящим копом.

Что касается Чеза, тот не прослужил и года, когда его назначили в «Стоп-кадр» на замену прежнему напарнику Дэвиса, вышедшему наконец в отставку.

— Что же нам делать? — повторил Чез.

— Одно из двух. — Дэвис спрятал пистолет в кобуру и глубоко вздохнул. — Мы убираемся отсюда, надеемся, что детективы в реале работают над этим делом, и притворяемся, что ничего не видели. Стираем из телефонов наши перемещения, утверждаем, что проторчали в закусочной на несколько часов дольше, и обо всем забываем.

— Ясно, — кивнул Чез. — Да, незачем нам впутываться. И они явно не хотят, чтобы мы об этом знали. Поэтому, если мы развернемся и уйдем, никто ни о чем не догадается. — Он посмотрел на пистолет у себя в руках. — А второй вариант?

— Останемся здесь до вечера, до бытовухи. Попробуем разнюхать насчет убийств, вдруг что-нибудь выясним и поможем расследованию. А если нет... хоть разберемся, какого черта это от нас скрывают. Трупы выглядят свежими: не слишком раздутые, плоть почти не сходит с костей. В заброшенном здании нашли восемь тел, и никто ничего не шепнул парням, которые могут вернуться во времени и выяснить, кто убийца? Какого черта нас не привлекли?

— Да. — Чез посмотрел на него. — Да, черт возьми. Что вообще происходит?

В копы идут по уйме причин. Для одних это подразумевается само собой: семейная традиция или просто хорошая работа для «синего воротничка». Другие любят власть. Чез как раз из таких.

Однако в глубине души каждого копа есть кое-что еще — некое стремление навести порядок в мире. Пошел ли ты на службу по настоянию семьи или же тебя завербовали в подходящий момент, все равно убеждаешь себя в одном и том же: ты делаешь что-то хорошее, что-то правильное.

Иногда в это верится с трудом. Но временами тебе словно дают пощечину и спрашивают: «Ты начнешь действовать или нет?»

«Хороший способ покончить со всем — снова заняться настоящим делом», — подумал Дэвис.

— Ты ведь хочешь покопаться в этом? — спросил Чез.

— Хочу. — Дэвис встал. — Ты со мной?

— Конечно. Черт возьми, почему бы и нет. — Чез поежился и наконец убрал оружие. — Что будем делать?

— Ждать. — Дэвис проверил телефон.

Вскоре подъехало такси, из которого вышли двое. Белые, в деловых костюмах.

«Агенты по недвижимости, — предположил Дэвис. — Или представители банка, которому принадлежит это здание».

Женщина порылась в сумочке в поисках ключей, мужчина указал на разбитые окна и что-то проговорил, но Дэвис не расслышал.

Похоже, их обеспокоила взломанная дверь. Оставалось надеяться, что это не вызовет слишком сильного отклонения. Переговариваясь, они вошли внутрь.

И выскочили всего через пару минут, заметно взволнованные. Мужчина рухнул на ступеньки и схватился за лицо, пытаясь отдышаться. Немного погодя его вырвало. Женщина что-то истерично кричала в телефон.

Минут через десять прибыли дежурные машины. Две, третья подоспела позже, все без мигалок. Они появились примерно на минуту раньше, чем значилось в записях у Дэвиса. Тот не узнал ни одного копа, но в этом нет ничего удивительного, поскольку он уже много лет работает в «Стоп-кадре». Он знает тех, кто работает в участке, но мало кого из патрульных.

Несколько копов успокаивали агентов по недвижимости, остальные проверяли здание. Почему ничего из этого нет в отчетах? Абсолютное молчание. Если верить форумам, машины не пробудут здесь и получаса.

— Все это очень странно, — сказал Чез. — Черт возьми, что происходит?

— Понятия не имею, — тихо ответил Дэвис. — Но мне кажется, я знаю, как выяснить.

Чез посмотрел на него и улыбнулся. Похоже, он решил всерьез разобраться с увиденным.

— В участок?

Дэвис кивнул.

Не в настоящий, конечно. В поддельный, внутри стоп-кадра.

Глава 4

Дэвис с Чезом ворвались в сорок второй участок, где, помимо других отделов, размещалась и команда «Стоп-кадра». Дэвис пытался излучать

уверенность, как Чез, но это было нелегко. Приходя сюда в настоящем мире, он чувствовал себя неловко, не в своей тарелке. Может, его даже презирали.

Он остановился в дверях. Пахло кофе, суетились полицейские, занятые повседневными делами. Все словно знали о позоре Дэвиса. Он подвел своих, потому его и изгнали.

К счастью, с ним Чез, для которого не существует понятия «неуверенность в себе». Чез высоко поднял значок реальности и прокричал:

— Знаете что? Вы все не настоящие!

Он двинулся вперед, водя значком и ухмыляясь так, будто только что выиграл в лотерею. Большинство при виде значка замирали с остекленевшими глазами. Джина Гутьеррес уронила чашку с кофе, и тот расплескался во все стороны. У Марко отвисла челюсть. Он стал похлопывать себя по бокам, словно пытаясь убедиться, что настоящий.

Дэвис шел за напарником, сочувствуя увидевшим значок полицейским. Однако потом его поглотили воспоминания о том, как он побывал здесь в прошлый раз, в настоящем мире. Джина глянула так, будто он крыса, прокравшаяся на свадебное застолье. Марко вообще не стал с ним разговаривать.

Люди суетились вокруг столов, выглядывали с рабочих мест. Каждый хотел увидеть значок лично. Не было необходимости демонстрировать его на всеобщее обозрение. Они могли действовать тоньше — пройти прямиком к Марии, показать ей значок и получить информацию, не устраивая переполох. Именно так им надлежало поступать, чтобы не создавать лишних отклонений.

Дэвис не стал упрекать напарника. Может, эти отклонения предотвратят то, что случится на Варшавской улице в 20:17. В глубине души он очень этого хотел.

Рабочее место Марии находилось в дальней части большого офисного помещения. Чез и Дэвис остановились в дверях кубикла и уставились на нее. Вокруг поползли шепотки, послышался даже плач.

Мария была строгой женщиной чуть за пятьдесят, с крашеными черными волосами, в очках. Из упрямства она упорно отказывалась сделать операцию по коррекции зрения. Она посмотрела на детективов поверх очков и сосредоточилась на значке в руках Чеза.

— Как ты его подделал? — спросила она и отвернулась к стене кубикла, перед которой парило несколько виртуальных экранов.

— Мария, никаких подделок. — Дэвис уселся на свободный стул. Чез со значком в руке нависал над ними, как маяк. — Боюсь, ты дубликат. Мы в стоп-кадре.

Она хмыкнула, но больше ничем не выказала беспокойства. Несмотря на возражения, она знала, что Дэвис с Чезом не лгут. Дубликаты всегда знают. Однако Мария на все реагировала так же спокойно, потому они и пришли за информацией именно к ней. Некоторым людям можно доверять даже после того, как те обнаружили, что вся их жизнь не стоит выеденного яйца.

— Был вызов, — сказал Дэвис, не обращая внимания на Холли Мартинес, которая дернула Чеза, чтобы посмотреть на значок, и отшатнулась, прижав руку ко рту. — Примерно час назад, к жилому комплексу на Четвертой авеню. По непонятной причине этого вызова не оказалось в моей базе данных, когда я проверял отчеты.

— Значит, у тебя нет допуска, — сухо отозвалась Мария. — Ты же знаешь, что база данных динамическая, в зависимости от уровня допуска.

— У меня должен быть полный доступ.

— Так и есть. Просто есть уровни выше «полного доступа».

— К счастью, здесь у меня есть и эти уровни тоже.

Дэвис потянулся и постучал пальцем по значку, который держал Чез.

Мария посмотрела на него и на миг замерла. Что они там видят?

— Я уточню у шефа, — выговорила она, оторвав взгляд от значка.

— Уточнишь что? — спросил Дэвис. — Здесь у меня абсолютная власть. Что произошло в том здании на Четвертой?

— Дай мне позвонить шефу.

— Нет необходимости. — Чез указал на шефа полиции Робертса.

Тот спешил по коридору между кубиклами в костюме. Наверное, сегодня встречался с политиками. Костюмы шефу никогда не шли, даже сшитые на заказ, — ему всегда в них было тесно.

Он подскочил прямо к Чезу, выхватил значок. Уставился на него, потом сунул обратно и без единого слова убрался прочь.

— Шеф? — позвала Мария, поднимаясь.

— Погоди... — произнес Чез.

Дэвис откинулся на спинку стула. Он терпеть не мог то, что за этим следовало. На другом конце офиса шеф хлопнул дверью кабинета.

Секунду спустя раздался выстрел. Мария ахнула, привалилась к столу, глаза ее расширились.

— Похоже, ты теперь сама по себе, — заметил Чез. — Не стесняйся, сходи проверь, в самом ли деле он мертв. Ты так поступаешь примерно в половине случаев.

Она посмотрела на него, беззвучно шевеля губами, и поникла на стуле.

— Как часто? — прошептала она. — Как часто вы это делаете?

— Каждые полгода или около того, — ответил Дэвис. — Это проще, чем выуживать информацию у ваших людей в реале.

— Я... — Она глубоко вздохнула. — Что вы хотели узнать?

— Вызов около часа назад, — мягко напомнил Дэвис. — На Четвертую авеню. Думаю, звонили некие агенты по недвижимости.

Над столом перед Марией выскочил еще один экран, и она застучала пальцами по невидимой клавиатуре.

— О! — вырвалось у нее. — О!..

— Что там? — Чез наклонился к Дэвису, чтобы прочитать с экрана. Информация поступала от патрульных, исследовавших заброшенное здание, в режиме реального времени. Восемь тел. Предположительно все утонули.

«Согласуется с предыдущими случаями», — гласила одна из пометок.

— С предыдущими случаями? — спросил Дэвис.

Он потянулся к столу Марии и набрал на клавиатуре запрос. В воздухе повисли картинки — мертвые тела с синими губами. Три человека найдены задушенными в пластиковых мешках, их выбросило на берег в черте города. После смерти тела обработаны химикатами.

Второй случай: пять тел, на этот раз найдены в море вдали от побережья. В мешках, как и в первом случае, но причина смерти — не удушье, а отравление.

— Че-ерт, — прошептал Чез.

— Что связывает эти два случая с только что обнаруженными трупами? — Нахмурившись, Дэвис перемещал над столом голокартинки.

— Вроде, жидкость для бальзамирования, — прочитала Мария. — Детективы нашли ее на месте происшествия. Это очень важно.

— Значит, сегодняшние восемь трупов найдены по счастливой случайности — Дэвис прищурился. — Остальных сбрасывали в море, а этих нашли, пока убийца их подготавливал. Сначала вымачивал, а потом избавлялся от них. Это шанс раскрыть дело.

Быстрый просмотр файлов показал, что до сих пор детективы топтались на месте. Убийца был педантичным и выбирал жертв среди тех, кого не будут искать: бомжей, проституток. Просто ужасно, как некоторые люди могут исчезнуть, и никто этого не заметит, по крайней мере, никто из тех, кто обратил бы на это внимание полицейских или политиков.

«Умен, — подумал Дэвис. Пока он читал записи по делу, у него по спине побежали мурашки. — Очень умен. А вообще...»

Что-то во всем этом его поразило до самой глубины души.

— Это расследование Джины, — сказала Мария. — По крайней мере, она его ведет. Мы привлекли кучу людей. Я тоже за ним слежу, по понятным причинам.

— Понятным? — переспросил Чез и, перегнувшись через Дэвиса, стащил со стола несколько «Эм-энд-эмс».

Мария нахмурилась и увеличила одно из окон с отчетом Гутьеррес, в котором та прозвала убийцу Фотографом.

— Что это? — спросил Чез. — Почему такое прозвище? Оно имеет какое-то отношение к стоп-кадру?

— Он убивает их определенным образом, — прошептал Дэвис. — Чтобы детективы «Стоп-кадра» не смогли его найти.

Мария мрачно кивнула.

— После убийства Фотограф бальзамирует тела, чтобы криминалисты не могли определить время смерти. Затем сбрасывает трупы в океан, где их подхватывает течение и в конце концов прибивает к берегу. Убийце, видимо, все равно, найдут их или нет, возможно, он даже этого хочет, но использовать стоп-кадр в этом деле мы не можем. Он или она знает, что для получения ордера нужно знать определенный день или место.

Она просмотрела текущий отчет, который до сих пор обновлялся полицейскими с места происшествия.

«Осмотр тел подтверждает прежние предположения, — написал один из копов. — Убийца вымачивает их в бассейне, чтобы труднее установить время, когда их сбросят в океан».

Дэвис кивнул.

— Так зачем замалчивать? Почему так надежно скрыли сегодняшний вызов?

— Лучший способ поймать кого-то — не дать заподозрить, что за ним гонятся. — Мария поморщилась. — Очень скоро все выплывет наружу. Так почему бы не давать пищу репортерам как можно дольше?

«Тут есть что-то еще», — подумал Дэвис, прокручивая на экране отчеты.

«Опасно, — гласила одна из заметок. — Если люди потеряют веру в «Стоп-кадр», его нельзя будет использовать в суде».

— Все равно ты должна была нам сказать, — заметил Дэвис.

— Зачем? — сказала Мария. — Какой в этом смысл?

— Когда мы бываем в стоп-кадрах определенных дней, то можем поразнюхать что к чему, — сказал Чез, хрустя «Эм-энд-эмс». — Раздобыть побольше информации.

— Откуда? — спросила Мария. — Когда? Разве ты не понял, что убийца специально обставляет все так, чтобы вы двое остались не у дел?

Дэвис посмотрел на напарника. Мария заняла чересчур оборонительную позицию. Делала она это часто, впрочем, как и остальные. Считалось, что он и Чез не должны совать нос в расследования настоящих детективов. Для всего отдела они мальчики на побегушках, которых посылают собирать конкретные сведения и ничего больше.

На самом деле никто, похоже, не знает, что делать со «Стоп-кадром». На город надавили, чтобы тот купил проект, и на него ушла куча денег, однако законы о неприкосновенности частной жизни крепко связывают им руки. Чудо, что в «Стоп-кадр» разрешают входить хотя бы двум детективам. А если общественность узнает, какой свободой действий Чез и Дэвис пользуются на работе...

В общем, даже после стольких лет никто не понимал, как пользоваться этим инструментом, не говоря уже о том, чтобы знать наверняка. Но все равно это не оправдывает того, сколько информации скрывают от работающих в проекте полицейских.

— Мария, что ты не договариваешь? — прошептал Дэвис.

Она с вызовом встретила его взгляд. Когда Чез приставил ей к виску пистолет, ее глаза метнулись в сторону.

— Чез, — вздохнул Дэвис. — Пожалуйста, не убивай ее опять.

— Опять?! — воскликнула Мария.

— Просто расскажи все, — добавил Дэвис. — Обычно мы тебя не убиваем. Клянусь.

— Мария, это стоп-кадр. — Чез пожал плечами. — Что бы мы здесь ни делали, это не имеет значения. Поведай этому славному парню то, что он хочет знать.

— Я не знаю, почему вам не говорят, — упрямо произнесла она. — Да, вам не рассказали об этом деле. Да, вас не хотят привлекать к расследованию. Но почему, я не знаю.

— Ты лжешь.

— Докажи.

Дэвис со вздохом посмотрел на Чеза.

Тот выстрелил.

Даже если стрелять в голову, тела дергаются не так сильно, как многие думают, — просто обмякают, что и случилось с Марией. Хлопок от выстрела взвихрил волосы, голова качнулась, будто по ней стукнули, и... тело поникло на стуле. Даже крови не много — пуля не вышла с другой стороны головы. Несколько капель вытекло из носа и из пулевого отверстия в виске.

Чез спокойно поднял значок над головой для тех немногих, кто еще оставался поблизости. Не все полицейские отправились куда глаза глядят при виде значка и не все разбежались в испуге после того, что сделал шеф.

— Вот засранец! — Дэвис встал и вышел из кубикла. — Ты и правда это сделал!

— Ага, — согласился Чез. — Ты же знаешь, мне всегда хотелось. Этот ее самодовольный взгляд... Относилась к нам, как нянька к трехлетней малышне.

— Ты и правда это сделал!

— Да что такого? Ты же намекал, что мы проделывали это миллион раз.

— Это метод допроса!

— Убогий метод, судя по результатам. — Чез столкнул тело со стула и уселся сам. — Лучше помоги просмотреть всю эту фигню. У нее доступ выше нашего. Может, что-нибудь разузнаем.

Дэвис повернулся и стал осматривать офис поверх стен кубикла. Несколько человек, несмотря ни на что, остались на местах. При звуке выстрела они вскочили, но теперь попятились от Дэвиса. Друзья… вернее, знакомые. Страх в их глазах пробрал его до глубины души. Будто он террорист.

Доббс вытащил пистолет и смотрел на него, взвешивая в руке. Дэвис отчетливо видел, как его разрывают противоречия. «Если я его пристрелю, — думал Доббс, — то убью настоящего человека. Копа, который не совершил ничего противозаконного. Но если я не настоящий… какая разница? Меня нельзя по-настоящему наказать».

Доббс встретился с ним глазами, и Дэвис инстинктивно почувствовал, что ему следует вытащить собственный пистолет и пристрелить Доббса прежде, чем тот примет решение. Однако он стоял столбом и не мог заставить себя.

Даже будучи дубликатом, Доббс оказался лучше, чем Чез. Покачав головой, он убрал пистолет в кобуру и побрел прочь.

Дэвис выдохнул — не облегченно, скорее устало — и наклонился к напарнику, стараясь не обращать внимания на истекающее кровью тело Марии на полу.

Чез не стал смотреть дело серийного убийцы. Смахнув в сторону все окна, он изучал кое-что другое — личные досье.

Его собственное.

— Черт, Дэвис, нужно было сделать это сто лет назад. Видишь? У нее полный доступ к нашим данным.

Чез проработал в полиции Нью-Клиппертона всего год, прежде чем его перевели в «Стоп-кадр». До этого он служил в Мехико, с которым действовало иммиграционное соглашение, допускающее получение гражданства. В досье Чеза из Мехико отмечались рвение и усердие в обучении, но в самом конце была приписка: «Слишком агрессивный».

— Агрессивный, — фыркнул Чез. — Что это вообще значит? Родригес, ублюдок. Я хочу сказать, разве коп не должен быть агрессивным? Ну, чтобы вершить правосудие и все такое?

Чез прокрутил файл вниз: дальше шли пометки полицейских из Нью-Клиппертона.

«Энергичный. Волевой. Думаю, добьется успеха», — написал Диас перед уходом на пенсию.

«Хам, — отметила Мария после того, как Чез несколько месяцев прослужил в городе автоинспектором. — У меня уже семь жалоб на этого парня».

«Относится к службе в полиции как к видеоигре». Это от бывшего напарника.

Дальше была еще одна запись от Марии: «Рекомендован для работы в "Стоп-кадре". Не можем его уволить без серьезного повода. По крайней мере, в стоп-кадре, когда он неизбежно кого-нибудь пристрелит, не будет оснований для судебного разбирательства».

Дэвис снова взглянул на ее труп.

Чез хмыкнул.

— Прочел?

— Да.

— Диас, отличный был мужик. — Чез вздернул подбородок. — Волевой? Да. Да, я волевой. И знаешь, я мог бы добиться успеха. Если бы она не запихнула меня сюда.

— Конечно.

— Давай посмотрим, что говорят о тебе. — Чез провел пальцами, чтобы начать поиск.

Хлопнув по столу, Дэвис заблокировал окна.

— Давай не будем.

— Да ладно. Разве тебе не интересно?

— Я догадываюсь, что там, — сказал Дэвис. — Верни другие окна, те, что с заметками по делу Фотографа. Скинь файлы мне на телефон.

Чез вздохнул.

— Было бы только справедливо прочитать и твое досье, Дэвис. Ты знаешь, почему я здесь. Как насчет тебя?

— Агрессивность, — пояснил Дэвис.

Чез посмотрел на него и рассмеялся. С формальной точки зрения, все верно: проблема Дэвиса — агрессивность. Точнее, ее недостаток.

Они скачали файлы, и Дэвис потянул Чеза за плечо, кивнув на выход.

— Давай выбираться отсюда, пока кто-нибудь не решил, что если он дубликат, то может пристрелить нас безо всяких последствий.

Чез не стал спорить и вышел, чуть не споткнувшись о ноги Марии. Дэвис взглянул на нее в последний раз. Не сумев перебороть себя, схватил со стола мисочку с мелочью и высыпал монеты в ладонь.

Они покинули участок. Выйдя под солнечные лучи Дэвис почувствовал себя лучше, пусть солнце такое же фальшивое, как и все вокруг.

— Что теперь? — спросил Чез.

Дэвис проверил телефон: 14:07. Еще шесть часов.

— Я собираюсь остановить монстра. Ты со мной?

— Конечно. Я могу добиться успеха, Дэвис. Говорю тебе, могу. Знаешь, это наш шанс. Шанс проявить себя. Но куда мы пойдем?

— Обратно в здание с трупами. — Ткнув пальцем в телефон, Дэвис вызвал такси.

— Чтобы разузнать все от копов?

— Нет, их отчет у меня уже есть. Мы поговорим с хозяевами здания.

— С банком?

— Нет, с настоящими хозяевами.

Глава 5

Всю поездку Дэвис перебирал монеты со стола Марии: рассеянно подносил каждую к окну машины на свет и проверял год чеканки. В большинстве городов-государств в ходу американские деньги, но одно- и двухдолларовые монеты позаимствовали у канадцев.

Он расслаблялся, когда рассматривал что-нибудь вроде монет. По сути, они превратились в анахронизм. О монетах известно все, новые больше не выпускаются. Забавно, как быстро они начали исчезать. Прошло всего два года с тех пор, как отчеканили последние.

Так или иначе, их история закончилась. Новых загадок они не подкинут.

«Погоди-ка». Дэвис остановился на пятицентовике и просмотрел в телефоне список. 2001 год, денверский монетный двор? Его слегка затрясло от волнения. Им обоим не хватало пятицентовика 2001 года. С ним будет полный набор.

— Так что ты натворил, Дэвис? — спросил Чез. — Похоже, все знают, за что тебя сюда отправили, но мне никто не скажет. Ребенка что ли застрелил?

Дэвис не стал отвечать и, радуясь как дурак, сунул монету в карман.

— До сих пор не понимаю, почему ты так любишь эти монеты. Они устарели, в них никакого смысла. И они практически ничего не стоят.

— Моя жена всегда твердила то же самое.

— Твоя бывшая жена, Дэвис.

— Я это и имел в виду.

Он покопался в остальных монетах, но не нашел ни одной нужной. К несчастью, они напоминали ему о Марии, лежащей на полу в полицейском участке: мертвые глаза уставились вверх, из небольшого аккуратного отверстия в виске сочится кровь.

Он вытащил телефон и, просто чтобы успокоиться, отправил сообщение настоящей Марии за пределами стоп-кадра.

«Ну что, в реале вы поймали серийного убийцу? Того, которого прозвали Фотографом?»

Долгое время ничего не происходило. Наконец пришло уведомление о том, что сообщение не доставлено, и раздраженный Дэвис отослал его повторно. На этот раз открылась прямая линия в реал.

«Как ты об этом узнал, Дэвис?» — сразу ответила Мария. Он словно наяву услышал ее резкий тон.

«Нам сказал твой дубликат, — написал он. — Почему-то она считает это важным. Не знаю, почему. Может, имела в виду, что мы могли бы что-нибудь разузнать, пока ждем».

«У вас нет допуска. Если мой дубликат говорит с вами об этом, значит, вы создали отклонение. Идите в убежище. В любом случае вы должны быть там. Или снова нарушаете протокол?»

«Уже идем, — отозвался Дэвис. — Но вы его поймали? Трупы в бассейне в заброшенном здании помогли его выследить?»

Пауза.

«Нет, — призналась Мария. — Те трупы не дали никаких зацепок. Правда, вы ничего не можете сделать».

Он поверил ей, по крайней мере, в том, что касалось трупов. Мария не лгала. Она все время утаивала информацию и просто таращилась на тебя, если ты пытался что-нибудь у нее выведать, но ни разу не солгала насчет чего-либо важного.

О некоторых людях не скажешь и этого.

Дэвис повернул экран телефона к Чезу, и тот кивнул.

— Ты когда-нибудь задумывался над тем, может ли существо, благодаря которому все тут работает, видеть, что мы делаем?

— Оно ведь должно быть без сознания. — Дэвис сунул телефон в карман. — Ему снится воссозданный день, а мы в него проникаем.

— То есть мы в его сне. — Чез поежился. — Мы прикидываемся, что все это какая-то технология, будто мы в какой-то симуляции. Но... То есть...

— Примерно так, — согласился Дэвис. — Выключается кнопкой, запускается компьютерным кодом. Какая разница?

— Ощущения другие. Когда я об этом думаю. Может, оно за нами следит.

— Может. Но вряд ли. Тут все идет своим чередом... не похоже, что кто-то наблюдает. Иначе откуда взяться отклонениям? Судя по всему, код предписывает ему воссоздать точный образ нужного дня, а затем события развиваются сами по себе.

Насколько они могли судить, день в стоп-кадре проигрывался точно так же, как и настоящий, пока ничто не вмешивалось. Однако это трудно доказать, поскольку они не могут отслеживать изменения. Раньше уже пробовали: предоставляли целому дню идти своим чередом, а вечером отправляли дронов на проверку. Но результаты все равно не внушали доверия, поскольку при входе в стоп-кадр и выходе из него в любое время, кроме момента создания, появлялись значительные отклонения.

Лучшее, что смогли придумать, — отправлять внутрь системы двух копов, которые проживали день, действуя наобум. При этом надеялись, что они ненароком не уведут стоп-кадр в неверном направлении. Конечно, план не

учитывал того, что эти двое могут кого угодно пристрелить и разрушить жизни множества людей.

Такси остановилось, и Дэвис вздохнул. Он решил сойти за пару кварталов от заброшенного здания. Вылез из машины, прихватив бутылку воды из мини-холодильника в кабине. Оплату снимут с его счета, но это ненастоящий счет. На улице он порылся в кармане в поисках пятицентовика. Его пальцы коснулись мятой бумажки с номером девушки из закусочной. Он вытащил и монету, и бумажку, но, покачав головой, сунул номер телефона обратно в карман.

— Что это? — спросил Чез.

— Я нашел пятицентовик, которого у меня нет в реале.

Дэвис сполоснул монету и попытался ее проглотить, но это оказалось не так легко, как он думал. Дело кончилось тем, что он, стоя на четвереньках, выкашлял пятицентовик, и тот с вызовом звякнул о тротуар.

— Черт, никогда бы не подумал, что ты и правда попытаешься это сделать, — сказал Чез.

Дэвис глотнул воды.

— Лучше я попробую выменять его у настоящей Марии.

— Ну да, — развеселился Чез. — Конечно, это проще.

Он помолчал.

— Странный ты парень, Дэвис.

Как только он пришел в себя, Чез повернул к зданию. Дэвис схватил его за руку, покачал головой и показал в другом направлении.

Пришлось потратить некоторое время на поиски. Прибывшие копы распугали тех, кто был ему нужен. Однако спустя пятнадцать минут он заметил подходящего кандидата: на углу улицы, засунув руки в карманы спортивного джемпера, стоял мальчишка. На нем были бейсболка и армейские ботинки — последний писк моды среди уличной шпаны.

Дэвис помахал ему телефоном, и мальчишка едва заметно кивнул. Дэвис подбежал к нему, заинтригованный Чез подошел следом.

— Сколько? — спросил мальчишка.

— Десять доз, — ответил Дэвис. — Стиффа.

— Есть пять, — сказал мальчишка, смерив его взглядом.

Дэвис кивнул.

— Ты из Примеро?

— Тебе-то что? — огрызнулся мальчишка, доставая из кармана наркотики.

Дэвис шагнул назад, вскинув руки.

— Слушай, я знаю, что Примеро делают с теми, кто торгует на их территории. Лучше поищу кого-нибудь другого.

— Не дергайся. Я из Примеро. — Мальчишка быстро показал условный жест. — Чертовы чипперы. Тебя не должно заботить, у кого покупать.

— Просто не хочу проблем, — сказал Дэвис.

Он приложил свой телефон к телефону мальчишки, прижал большой палец к устройству опознавания и перевел ненастоящие деньги за ненастоящие наркотики ненастоящему продавцу.

— В трех кварталах отсюда есть здание, — добавил он. — Обшарпанное такое. Все в граффити Примеро. Кому твои ребята его сдают?

Мальчишка замер, зажав в ладони пять больших белых таблеток.

— Вы выгнали оттуда бомжей. И заселили кого-то другого. И никого туда теперь не подпускаете, верно? Кто он?

— Ты коп?

Взяв таблетки, Дэвис бросил одну в рот и запил.

— Станет коп так делать?

Мальчишка отпрянул и нахмурился.

— Тот парень — проблема, — продолжил Дэвис. — Большая проблема. Тебе незачем знать, почему мы за ним охотимся, но я готов купить информацию. Передай мои слова своему нарко. Я подожду здесь, пока ты его приведешь. Он захочет с нами поговорить.

Мальчишка убежал, и Дэвис перевел взгляд на Чеза.

— Черт, — тихо выругался тот. — Ты только что принял целую дозу стиффа?

В ответ Дэвис выплюнул таблетку из-за щеки. Бросил все пять таблеток на землю и растоптал ботинком. Затем как следует глотнул воды из бутылки, понадеявшись, что в организм попало не слишком много стимулятора.

Чез рассмеялся.

— Ты что, думаешь, эта банда и правда придет с нами поговорить? Пацан просто дал деру.

— Может, и так, — согласился Дэвис и уселся на лавочку на углу.

Ждать пришлось недолго. Они пришли вшестером: мальчишка, с которым говорил Дэвис, четверо подростков постарше и парень лет тридцати. Скорее всего, он и есть нарко — главарь наркодилеров в этом небольшом районе. Не главарь банды, а вожак двух десятков уличных мальчишек. Наполовину босс, наполовину отец.

Дэвис поднялся, подавив нервозность. Развел руки в стороны, показывая, что не опасен. Нарко был высоким, бритоголовым, с более светлой кожей, чем у Дэвиса с Чезом. Дэвис скорее мог представить его в повседневных тенниске и брюках в офисе, чем в джинсах и армейских ботинках.

Дэвис и Чез последовали за бандой в переулок. По знаку нарко двое его людей подскочили к ним, видимо, чтобы обыскать.

— Пистолет у меня в правом кармане, — сказал Дэвис. — А у моего друга в кобуре под мышкой. Их мы хотим получить обратно. Бумажники не трогайте, иначе будут проблемы.

Члены банды забрали оружие и к явной досаде Чеза все равно их обыскали. Бумажники, правда, оставили. Дэвис вытерпел с закрытыми глазами, постаравшись успокоиться. Наконец копам позволили пройти дальше в воняющий отбросами и стоячей водой переулок. Чез с тоской оглянулся на улицу и похлопал по пустой кобуре, уже скучая по пистолету.

— Нам лучше поговорить наедине, — сказал Дэвис.

— Почему? — спросил нарко.

— Ты не захочешь, чтобы то, что мы расскажем, получило огласку. — Дэвис заглянул ему в глаза, стараясь излучать уверенность.

Нарко окинул его оценивающим взглядом. Позади них по улице с тихим гулом проехало такси. Наконец нарко кивнул и повел их дальше в переулок. Остальные члены банды остались на месте. Один, как бы предупреждая, направил на Дэвиса его же пистолет.

— Пепе ты перепугал что надо, — сказал нарко. — Он решил, что вы федералы. Ловко ты спрятал дозу стиффа прямо у него перед носом. Скажи, почему бы мне просто не пристрелить тебя?

— Если мы федералы, то почему ты решил, что укокошить нас — хорошая идея? — заметил Чез.

Дэвис спокойно достал из кармана бумажник, открыл его и показал значок реальности.

Нарко, будто загипнотизированный, впился взглядом в значок. Глаза его расширились, как после дозы. Прошептав тихую молитву, он благоговейно коснулся пальцами значка.

— Ты... — Нарко сглотнул. — Ты сказал, что вы не копы.

— Этого я не говорил, — отозвался Дэвис, не убирая значок. — Я сказал, что мы готовы заплатить за информацию. О человеке, который арендует у вас определенное здание.

— Ты влип, приятель. — Чез достал сигарету и сунул в рот, но не зажег. Он пытался бросить курить. — Знаешь, кто этот парень, который тебе платит? Он убивает людей: проституток, детей. Находит тех, от кого не бывает проблем.

Нарко тихо выругался.

Дэвис показал телефон, выведя на экран все свои сбережения. Приличная сумма, большинство копов столько никогда не накопит. Но расходов у него мало, разве что алименты на сына. Ночевал он в убежище на окраине города, которое предоставлял участок, поскольку так меньше шансов наткнуться в стоп-кадре на самого себя.

— Расскажи нам о парне, который снимает здание, — сказал Дэвис. — Ты же знал, что с ним что-то не так. Облегчи совесть, и получишь всю сумму до последнего цента. Я плачу.

— Все ненастоящее, да? — Нарко провел ладонью по бритой голове и грубо выругался. — Все ненастоящее.

— Конечно, конечно, — подтвердил Дэвис. — Абсолютно ненастоящее. Но об этом знаешь только ты, приятель.

— Возьми деньги, — предложил Чез, прислоняясь плечом к стене. — Оторвись сегодня по полной. Этот стоп-кадр выключат вечером, и ты исчезнешь. Так почему бы не воспользоваться тем временем, что осталось?

Дэвис покачал телефоном. Взглянув на экран, нарко сполз по стене.

И заплакал.

Чез закатил глаза. При виде плачущего бандита у Дэвиса сжалось сердце. Стоп-кадр устроен так, что дубликаты, увидев значок, сразу понимают, что они не настоящие. Счетоводы снаружи это отрицают, но они здесь не живут и не видят, как мужчины вроде этого, закоренелые преступники, столкнувшись с неминуемой правдой о том, что их мир обречен, ломаются и превращаются в детей.

Дэвис опустился на землю рядом с нарко. Жестом попросил Чеза передать пачку сигарет и предложил одну парню.

— Мама всегда говорила, что сигареты меня убьют, — сказал тот и засмеялся.

Дэвис понял, что ошибся с его возрастом. Ему не за тридцать, просто он выглядел старше по сравнению с остальными.

Нарко взял сигарету. Дэвис дал ему прикурить и прикурил сам.

— Порой я чувствую себя вестником смерти, — признался Дэвис. — Знаешь, являюсь непонятно откуда и сообщаю людям, что через пару часов они умрут.

Нарко затянулся, выдохнул дым. Он сидел, прислонившись затылком к стене, и по щекам у него по-прежнему текли слезы.

— Как тебя зовут? — спросил Дэвис.

— Это имеет значение?

— Парень, я настоящий. Я запомню твое имя.

— Хорас. Меня зовут Хорас.

— Хорас. Денег, значит, не хочешь?

Тот покачал головой.

— Деньги не заставят забыть, эсе.

— Тогда иди домой. Обними маму. Но сначала сделай доброе дело. Расскажи о том, кто снимает у тебя здание.

— Какое это имеет значение?

— Он убивает детей, — сказал Дэвис. — Конечно, твоя жизнь окончена. Мало приятного. Но черт, почему бы перед смертью не помочь нам остановить монстра?

Чез покачал головой, скрестив руки. Мальчишки у входа в переулок перешептывались, явно напуганные поведением нарко.

— Молодой, — пробормотал Хорас. — Наверное, моего возраста. Двадцать четыре—двадцать пять. Азиат. Спокойный такой. И жуткий. Мы не лезем в его дела, решили, что он кого-то убил и хочет отсидеться. Но мы и не думали... ну... — Он вздрогнул. — Он не вернется. Один из наших видел, как он убегал. Ваши люди побывали в его норе и спугнули его. Он свалил.

— Имя знаешь? — спросил Дэвис. — Хоть что-нибудь?

— Имени не знаю. — Хорас затянулся сигаретой. — Есть на чем написать?

Порывшись в кармане, Дэвис вытащил клочок бумаги. Хорас достал из кармана ручку и что-то написал — адрес.

— Он хотел снять два здания. С большими ваннами или бассейнами, которые можно заполнить водой. Это второе. Бывшая школа. Если он соображает, то сбежит, и вы его никогда не увидите. Но такие, как он, в чем-то соображают хорошо, а в чем-то...

— Совсем тупые, — кивнул Дэвис. — Спасибо.

Хорас пожал плечами, снова затянувшись.

— Ты прав. Я знал, что с ним что-то не так. Береги себя, эсе. Он... ну, я думал, он просто чокнутый. Но он знает.

— Знает? — переспросил Дэвис, глянув на Чеза.

— Что это все не настоящее. Все время это твердил. Это стоп-кадр, мы в стоп-кадре. Говорил, нужно избавиться от отклонений. Предупреждал меня — не будь отклонением...

Дэвис похолодел.

— Короче, гони бабки. — Хорас протянул телефон.

— Ты же сказал, что не хочешь.

— Я не хочу. — Он махнул в начало переулка. — А вот парни от премии не откажутся. Пусть пошикуют пару часов. Только не говори им, идет?

— И не собирался. — Дэвис коснулся своим телефоном телефона Хораса и перевел ему сумму, которой бы хватило на хорошую тачку.

Хорас поднялся, затоптал сигарету и пошел к своим. У ног Дэвиса остался небольшой клуб дыма. Перед тем как приблизиться к мальчишкам, нарко зашагал увереннее, нарочито излучая непобедимость.

— Пушки верните! — крикнул Дэвис, вдруг испугавшись, что мальчишки сбегут, прихватив оружие.

Они бросили пистолеты на землю и исчезли.

— Поверить не могу, что сработало. — Чез сложил руки на груди и посмотрел на напарника. — Как тебе удалось его разговорить?

— Он был напуган, — пояснил Дэвис, поднимаясь на ноги. — Наверное, я сыграл на этом.

— Мы больше не занимаемся настоящей полицейской работой. Не опрашиваем подозреваемых. Хотя можем их разговорить, но в реале этого бы ни за что не случилось. Растрачиваем тут себя попусту, разве нет?

— Может, да. А может, и нет.

Большинство собранных в стоп-кадре доказательств в суде не принимают. Если находится свидетель, то настоящие копы должны заставить его дать показания в настоящем мире. И разумеется, свидетельства дубликата нельзя использовать в суде против настоящего человека.

Все это весьма затруднительно. Большинство расследований, в которых прибегали к «Стоп-кадру»,архисложные. Доказательная база строится с учетом отклонений, вероятностей и доводов технического характера. Единственное, на чем все держится, — показания копов. Эти копы должны иметь достаточно хороший послужной список, чтобы их показания заслуживали доверия, и одновременно входить в число тех сотрудников, кого участок готов отправить на работу, которую больше никто не хочет делать.

Дэвис с Чезом подобрали пистолеты.

— Я и не знал, что ты начал носить пистолет, — заметил Чез.

— Всего пару месяцев, — отозвался Дэвис.

Это правда, он хотел вернуться к старой привычке. Но пистолет новый, он впервые взял его в стоп-кадр.

Дэвис поискал взглядом членов банды, но их уже и след простыл.

— Хорошо, что все тут не настоящее. — Чез прикрыл ладонью глаза от послеполуденного солнца. — Иначе бы ты разорился, дружище. Я понятия не имел, что ты скопил такую кругленькую сумму. Как тебе удалось?

— Скромные запросы, — пояснил Дэвис. И планы когда-нибудь купить дом. Для себя, сына, жены...

Что ж, и этой мечте суждено умереть.

— Пошли, — сказал он. — Давай проверим второе место. Мне не по себе. Мы уже наделали кучу отклонений. Постарайся по дороге не наступить ни на какую бабочку.

Чез озадаченно посмотрел на него, но Дэвис только покачал головой и вызвал очередное такси.

Глава 6

Дэвис и Чез остановились на потрескавшемся тротуаре перед громадным приземистым зданием. Оно было мрачным, пустым, неуютным из-за слишком маленьких окон, словно тюрьма. По мнению Дэвиса, очень точное сравнение.

— «Юго-восточная средняя школа», — прочитал Чез на испещренной пулевыми отверстиями вывеске.

— Закрыта два года назад, — добавил Дэвис, сверившись с телефоном.

— В этой коробке два года назад еще учились? — удивился Чез. — Черт, неудивительно, что местные мальчишки торгуют наркотой.

Входные двери школы были перетянуты цепями. Дэвис набрал побольше воздуха и переглянулся с Чезом. Оба вытащили пистолеты.

Их могли убить, хотя это случалось далеко не так часто, как с полицейскими в реале. В стоп-кадре можно предугадать окружающую обстановку, за исключением отклонений. Всегда известно, кто из головорезов начнет стрелять и какие ситуации более опасные.

Тем не менее смерти случаются. Чаще всего по прозаическим причинам. Женщина, на смену которой взяли Дэвиса, погибла в обычной автокатастрофе. Настояла на том, чтобы ехать в патрульной машине вместо такси. С тем же успехом она могла бы погибнуть по пути с работы, но разбилась в стоп-кадре.

В том, что коп погибал в стоп-кадре, было нечто неестественное. Это место не совсем реальное, а следовательно, не должно служить причиной столь реальных последствий. Как говаривал Чез, твои действия в стоп-кадре немного значат...

— Крепко заперто, — сказал Чез, пробуя цепи.

Возможно, у убийцы есть ключ, но Дэвис в этом сомневался. Парадный вход слишком заметен. Не рискуя попасться кому-нибудь на глаза, трупы не потаскаешь, даже ночью. Так где же?

Он обошел школу по газону с засохшей травой. Сзади обнаружился служебный вход с коротким пандусом. Уже лучше. Сюда можно потихоньку подогнать и разгрузить машину.

Дэвис дернул дверь и обнаружил, что та не заперта. Кивнул Чезу, и они вошли внутрь, целясь по теням из пистолетов.

— Хорошая пушка, — негромко заметил Чез. — «Таурус PT-92»? Понтовая, даже рукоятка перламутровая. Не ожидал от тебя такого.

Дэвис не ответил. С колотящимся сердцем, намеренно убрав палец со спускового крючка, он шел по гулким коридорам школы. Мусор тут какой-то более личный, чем в том заброшенном здании: старые тетради, сломанные карандаши, бейсболка, спущенный футбольный мяч. До недавнего времени здесь царило оживление.

От всего этого становилось еще более жутко. Школа наводила страх. В отличие от заброшенного здания, которое выпотрошили подчистую, школу покидали в спешке. Никто не хотел здесь задерживаться: ни ученики, ни администрация, ни учителя.

Они прошли мимо старой витрины с наградами: стекло разбито, плашки покрыты пылью. Стены разрисованы граффити. Было уже почти 16:00, и солнечный свет проникал внутрь через заколоченные окна, отражаясь от старой плитки на полу и отбрасывая тени. Дэвис разглядел табличку на стене, не зажигая фонарик. Он махнул в ее сторону пистолетом, а потом и указал на нее. Похоже, в школе есть свой собственный бассейн. Крытый, рядом со спортзалом.

Дэвис поймал себя на том, что весь вспотел, пока они крались по коридору. Из какого-то прохода метнулась уличная кошка и исчезла в темноте. Дэвис подскочил на месте, так испугавшись, что чуть не разрядил в нее пистолет.

«Придется перебороть это», — подумал он.

Они неуклонно продвигались вперед, и его сердце колотилось как бешеное. Минули годы с тех пор, как он был в схожей ситуации, но воспоминания вернулись с остротой разбитого стекла. Темное здание. Просьбы о подмоге и...

И Дэвис, ни на что не годный.

«Не потому ли ты настаивал на том, чтобы заниматься подобными делами? Чтобы доказать самому себе, что сможешь? Что сможешь спустить курок?»

Он все еще держался за Чезом, когда они добрались до бассейна. Остановился за дверью, тяжело дыша, и вытер лоб дрожащей рукой, прежде чем заставить себя войти вслед за напарником. Он знал, что ждет слишком долго. Если внутри таится опасность, Чез попадет в беду один.

Опасности не было. Вообще ничего не было. Пришлось снова включить фонарик, но в бассейне не оказалось даже воды.

«Воздух влажный», — подумал Дэвис, стараясь выровнять дыхание.

— Ха! — Чез упер руки в бока. — Так мы ошиблись?

Дэвис подождал, пока прошла дрожь, но от напряжения полностью избавиться не получалось. В груди давило так, будто он удирал со всех ног. Он навел фонарик на раздевалку и двинулся вперед. Внутри был стол с чашками и обертками от фаст-фуда. Они выглядели новее, чем остальной мусор в школе.

— Осторожно. Здесь кто-то побывал.

Дэвис стоял на пороге раздевалки, пока Чез не подтолкнул его сзади. Только тогда он заставил себя войти, сжимая в одной руке пистолет, а в другой — фонарик.

Кто-то поработал с перегородками унизительной общей душевой, так что кабинка превратилась в подобие чана. Да, это убежище убийцы. Он готовил к вымачиванию еще несколько тел. Импровизированная ванна наполнена водой примерно на четыре фута, но трупов еще нет. Возможно, Фотограф проверял, насколько прочным получился чан.

«Может, мы как раз вовремя! — подумал Дэвис. — Скорее всего, он еще не убил следующую группу».

Он тут же почувствовал себя глупо. Этот стоп-кадр — слепок событий десятидневной давности. И все же наверняка они могут сделать что-то полезное, помочь изловить того, кто творит такое.

— Эй, посмотри-ка, — позвал Чез.

Дэвис отвернулся от душевой. Чез светил телефоном на плотно закрытую дверь, подпертую стулом. Дверная ручка была привязана веревкой к столбику у стены.

Дэвис поспешно подошел, его напряжение снова усилилось. Похоже на импровизированный запор, чтобы удержать кого-то. Он кивнул, и Чез убрал стул, а потом отвязал веревку. Изнутри не доносилось ни звука. Они переглянулись, и Дэвис предоставил напарнику открыть дверь, направив пистолет вниз, чтобы

случайно не застрелить никого из пленников. В помещении воняло так отвратительно, что Дэвис поперхнулся.

— Трупы, — фыркнул Чез, подсвечивая себе телефоном. — Черт, как же тут воняет. — Он шагнул вперед.

Под ботинком у него захрустело.

Чез отпрянул назад, и оба копа наклонились к полу. Пол был усеян трупами насекомых.

«Пчелы», — понял Дэвис, когда Чез открыл дверь шире.

Фонарик высветил сгорбленные трупы людей на полу, окруженные мертвыми насекомыми. Вонь была настолько невыносимой, что Дэвису приходилось дышать через рот.

«Почему пчелы?» — Он вошел в комнату, расчищая перед собой путь. Здесь были сотни, может, даже тысячи мертвых пчел.

Ситуация начинала проясняться. Перед лицом фактов напряжение Дэвиса растаяло. Он стоял в темной комнате, которая оказалась кладовкой для старого спортивного инвентаря. Здесь лежали шесть человек, все мертвые.

— Проверь трупы, — сказал он Чезу. — Посмотри, нет ли у них чего-нибудь явно общего: возраст, пол.

Едва обратив внимание, послушал ли его Чез, он убрал пистолет и вывел на экран телефона отчеты о вскрытии с предыдущих убийств.

«Все время это твердил. — Голос наркоторговца Хораса эхом звучал в памяти Дэвиса. — Это стоп-кадр, мы в стоп-кадре. Говорил, нужно избавиться от отклонений. Не будь отклонением».

Первая группа умерла от удушья. Копы решили, что они задохнулись в мешках, но почерк не совпадал. Их ведь убили до того, как запихнули в мешки. Убийца захотел бы сначала их вымочить, чтобы скрыть, как долго они находились в океане.

— Плоховато они выглядят, Дэвис, — сказал Чез. — Даже для мертвых. Меня сейчас стошнит.

— Только не здесь, выйди, — рассеянно отозвался Дэвис.

«Вот оно», — подумал он, открыв отчет по одному из опознанных тел.

Проститутка. Он просмотрел ее медицинскую карту: астма. Вот и связь. Еще одна жертва страдала от того же недуга. О других мало информации, но по ним не поступало сведений от близких родственников. Может, просто не выяснили все до конца.

Вторая группа умерла от отравления. Какая основная тема? Дэвис просмотрел отчеты и наткнулся на одну из пометок проведшего обследование врача: «У всех жертв сильная дальнозоркость, носили корректирующие линзы».

После третьей группы, которую они обнаружили в подвале заброшенного здания, все встало на свои места. Полицейские уехали оттуда, чтобы разобраться с переполохом в участке, но прежде чем свернуть расследование, оставили очень важную пометку: «Похоже, все были от природы парализованными».

— Э-э, Дэвис? — позвал Чез, вернувшись с ведром в руках. — Черт возьми, хватит стоять столбом. Да что с тобой?

Дэвис огляделся.

— Ты их всех проверил?

— Большинство.

Дэвис спрятал телефон и перевернул одно из тел. Лицо женщины распухло от пчелиных укусов. Ужасное зрелище. Он понимал, почему беспокоится Чез.

— Он убивает людей, которых считает отклонениями, — сказал Дэвис. — Думает, что он в стоп-кадре.

— Он и есть в стоп-кадре.

— Да, но прав только его дубликат. И он делает лишь то, что уже сделал настоящий. Убийца считает, что вокруг стоп-кадр, и пытается покончить с отклонениями. По его мнению, это люди с физиологическими недостатками. У первой группы была сильная астма. У второй — плохое зрение.

Дэвис перевернул другой труп.

— У этих аллергия на пчел. Посмотри, это не обычные укусы. Он собрал людей со страшной аллергией и запер их с пчелами. Он очищает город от отклонений.

— В этом нет никакого смысла.

Дэвис не ответил, осматривая следующую жертву — лежащую на спине женщину с опухшими щелками вместо глаз.

— Серийные убийцы вроде этого… многие из них жаждут власти. Контроля. Им кажется, что они не контролируют собственные жизни, поэтому начинают контролировать чужие. Представь, что ты параноик. Тебе втемяшилось в голову, что ты в стоп-кадре, что ты не настоящий. Что будешь делать?

Дэвис поднял голову.

— Все люди разные, — пожал плечами Чез. — Ты же видел. Некоторые разбредаются, некоторые плачут, некоторые…

— Некоторые убивают, — закончил за него Дэвис.

— Ага.

Такое случается нечасто. Большинство людей не способны на убийство, даже если выясняют что-то ужасное. Однако время от времени кто-нибудь, кому показывают значок реальности, тут же тянется к оружию, видимо, думая, вопреки здравому смыслу, что если убить человека со значком, то это сведет на нет только что увиденное.

Наверное, для этого убийцы это слишком примитивно. Дэвис оглянулся на мертвую женщину. Он уже тронулся умом, иначе такое не сотворить. А в сочетании с убеждением, что твой мир фальшивый…

Полный бред. Сейчас дубликат убийцы был бы прав — он в стоп-кадре. Но это не отменяет того факта, что в настоящем мире кто-то убивает людей целыми группами. Настоящих людей. Не дубликатов.

Лежащая перед Дэвисом женщина пошевелилась.

Он с криком отскочил, схватившись за пистолет, хотя, конечно, тот ему не понадобился.

— Что там? — воскликнул Чез.

— Эта еще жива. — Дэвис дрожащей рукой указал на женщину.

— Воды, — прошептала она, повернув голову.

Дэвис опустился на колени.

— Принеси воды. Живо! — бросил он Чезу.

— Воды, — прошептала она снова.

— Уже несут, — ответил Дэвис. — Мы копы. Все хорошо. Не волнуйтесь.

— Он… вернется…

Она не могла открыть глаза, настолько они опухли, и едва шевелила губами.

— Когда? — спросил Дэвис.

— Каждый вечер. Каждый вечер в половине восьмого. Проверяет нас. Мы хотели наброситься на него... но... — Она тихонько выругалась. — Очень больно...

Чез вернулся с чашкой воды, которую взял со стола. Он опустился на колени, но больше не двинулся.

— Дай ей воды! — воскликнул Дэвис.

Чез попытался смочить женщине губы. Она могла шевелить только головой, да и то с трудом. В конце концов ей все-таки попало в рот немного воды.

— Полвосьмого, — произнес Дэвис. — Он вернется в полвосьмого?

Женщина что-то прошептала, но он не смог разобрать слов, даже наклонившись. С мрачным видом он проверил остальных. Определенно, все мертвы.

Женщина затряслась в рыданиях без слез.

Чез поднялся на ноги и бросил взгляд на Дэвиса. Тот в ужасе смотрел на женщину.

— Я обо всем позабочусь. — Чез достал пару затычек для ушей. — Все нормально.

Дэвис оцепенело кивнул и заставил себя выйти из комнаты.

Позади прозвучал выстрел, в дверном проеме показался Чез с мертвенно-бледным лицом. Они вместе закрыли дверь, повязали веревку, как было, и вернули на место стул. Чез поставил чашку с водой обратно на стол. Дэвис тяжело опустился на скамейку рядом со шкафчиками. Во рту у него пересохло.

— Так что, подождем его здесь и схватим, когда вернется? — спросил Чез.

Дэвис покачнулся. Его преследовал шепот женщины.

— Дэвис! — позвал Чез. — Что будем делать?

— Мы... — Дэвис глубоко вздохнул.

«Просто дубликат. Она просто дубликат. В настоящем мире она уже мертва».

— Чез, что будем делать, если поймаем его?

— Допросим. Как делали раньше.

— Раньше, в участке и с нарко, мы просто показали значки. Но Фотограф уже верит, что он дубликат. Не думаю, что это сработает.

Чез обдумал его слова.

— Что нам и правда нужно, так это вычислить, где его смогут повязать копы в реале, — продолжил Дэвис. — У него явно есть третье убежище, в котором он живет. Если мы найдем это место и сообщим о нем Марии, у копов появится хороший шанс схватить убийцу.

— И...

— И поэтому мы проследим за ним, когда он вернется. — Дэвис снова глубоко вздохнул. — И сядем ему на хвост. Если покажется, что он нас засек, схватим его и посмотрим, что удастся из него выбить. Может, этого будет достаточно. Но надеюсь, мы все же выясним, где он живет.

— Отлично, — сказал Чез. — Но мы ведь не будем ждать здесь. Не среди трупов же.

— Нельзя уходить далеко, если вдруг он...

— Тебе нужно передохнуть, Дэвис. Погляди на себя! Черт, даже мне нужно передохнуть. Пойдем выпьем кофе или еще чего-нибудь. Когда мы в последний раз ели? Буррито? — Чез на мгновение задумался. — А еще лучше, пойдем на улицу Ингред. Ведь уже четыре? Как раз пора.

Ингред.

«Конечно, ты хочешь пойти на Ингред».

Дэвис лишь молча кивнул. Чез прав. Стоило затаиться поблизости и понаблюдать, но он уже на пределе и не сможет одолеть такого убийцу. Нужно немного отдохнуть.

— Ингред так Ингред, — сказал Дэвис, вставая.

Глава 7

Чез ушел, как и всегда, когда они останавливались у парка на углу Ингред и Девятой.

Это был маленький городской парк, какие встречались на границе кварталов. Со старым, но еще прочным детским городком, который время от

времени покрывали новым слоем краски. Здесь пахло лучше, чем на улицах: землей и мокрым песком. И конечно, звуки приятнее. Отдаленный грохот стройки и гудки автомобилей перекрывались детскими голосами.

Дэвис с улыбкой ступил в парк, наслаждаясь смехом. Детишки бегали взад-вперед, кричали, играли. Когда он в последний раз просто получал удовольствие от жизни? Он утратил это умение, столь естественное для детей. Им не приходилось прилагать усилий, чтобы повеселиться.

Как и надеялся Дэвис, Хэл был там. В свои восемь он казался меньше ребятишек, с которыми играл. Улыбчивый, с копной темных волос, как всегда растрепанных. Самое большое счастье для него — находиться среди людей. Он любил людей, и это качество тоже унаследовал от отца. Дэвис всегда думал, что ему самому это поможет стать хорошим полицейским.

Увидев его, Хэл замер на месте и широко улыбнулся. Дэвис выкинул из головы тревогу насчет того, что они могут опоздать и прозевать убийцу. Несмотря на весь груз прошлого, повидать сына того стоило.

Хэл подбежал, и Дэвис крепко обнял его. Мальчик не спросил, почему отец пришел навестить его в случайный день, без предупреждения. Он не понимал, что сейчас 16:00 — время, когда, как знал Дэвис, его жена ложится вздремнуть и отпускает сына поиграть. Хэл просто радовался, что удалось повидаться с отцом.

И к счастью, на дубликатов в стоп-кадре постановления суда не распространяются.

— Папа! — воскликнул Хэл. — Я тебя так давно не видел!

— У меня много работы.

— Ловил злодеев?

— Ловил злодеев, — тихо повторил Дэвис.

— Пап, а мы ходили в зоопарк. У меня теперь есть игрушечный пингвин. Там была маленькая антилопа — называется дикдик, и когда мы шли, она бежала за мной. Пап, она везде за мной бегала. И напала на Грега. Все время бодала его в ногу своей маленькой головой, куда бы он ни пошел, но я ей понравился.

Хэл набрал побольше воздуха и опять обнял Дэвиса.

— Ты пришел поговорить с мамой?

Дэвис посмотрел на окно ее квартиры неподалеку. Шторы были задернуты.

— Нет.

— Ох. — Хэл на мгновение помрачнел, но тут же оживился. — Хочешь поиграть в монстра?

— С удовольствием.

Следующий час был настоящим блаженством: они гонялись друг за другом, рычали, лазали по игровому городку и фантазировали. Превращались то в монстров, то в супергероев, строили горы из песка и растаптывали их. Хэл в каждой игре менял правила как попало, и Дэвис задумался, почему это его всегда раздражало. Мальчику не нужна организованность. Ему нужно быть свободным, жить, иметь все, чего не было у отца.

Однако все быстро закончилось. Не могло не закончиться. В конце концов Дэвис заметил на ближайшем перекрестке Чеза и не смог поверить, что время вышло. Истекая потом, он почувствовал, как тает его улыбка.

Все верно. Мир ждет, и Чез — его знамя, под которое собираются верующие. Или, в случае Дэвиса, сомневающиеся.

Хэл подошел к отцу.

— Это твой напарник?

— Да.

— Тебе пора?

Дэвис притянул сына ближе, на глаза навернулись слезы.

— Да. — Он опустился на корточки, полез в карман и достал пятицентовик, задев бумажку с номером телефона. — Смотри-ка.

— Две тысячи первый? — изумился Хэл. — О! Ты же искал такую!

— Забирай.

— Правда?

— Ага. У меня есть еще.

— Ты нашел две?

«Одну и ту же дважды», — подумал Дэвис и обнял сына в последний раз. Похоже, Хэл что-то почувствовал и прижался крепче.

— Не можешь остаться еще чуть-чуть? — спросил он.

— Нет. Меня ждет работа.

«И скоро придет твоя мать».

Он заставил себя отпустить сына. Хэл вздохнул и побежал показывать пятицентовик друзьям. Дэвис натянул носки с ботинками и побрел через дорогу к Чезу.

Внутри у него все сжалось. Последний час был чудесным, но суровая реальность нашептывала, что это не Хэл. Настоящий мальчик не вспомнит ни этого, ни десятка других случаев, когда Дэвис навещал его в стоп-кадре. Настоящий Хэл продолжит думать, что отец никогда к нему не приходил.

— Несправедливо, — сказал Чез, засунув руки в карманы. — Ты должен иметь возможность видеть его, когда захочешь.

— Это временно.

— Временно уже полгода.

— Мы скоро разберемся с опекой. Моя жена...

— Твоя бывшая жена.

— Молли просто перестраховывается. Всегда была такой. Не хочет, чтобы Хэл разрывался между нами.

— Все равно это несправедливо. — Чез вздохнул. — Перекусим?

— Давай.

Не помешает немного разобраться с воспоминаниями о Хэле. Похоже, теперь Дэвису нужно отдохнуть от перерыва на отдых.

Они отправились в «Фонгс» — забегаловку за углом, которая всегда ему нравилась. По пути он вдруг замер, оглянувшись на одного из прохожих. Неужели... та девушка из закусочной?

Нет. Одета по-другому. Однако он призадумался, сжав в кармане бумажку с номером. Они вошли в забегаловку и уселись у окна.

— Ты когда-нибудь хотел просто жить здесь? — спросил Чез. — В стоп-кадре?

— Ты же вечно напоминаешь, что все тут не настоящее.

— Ага. — Чез отпил воды, которую принесла официантка. — Я хотел сказать, ты когда нибудь об этом задумывался?

— Если тут все точно такое же, как во внешнем мире, то в чем смысл?

— В уверенности. — Чез уставился в окно. — Здесь... я много чего могу. Не волнуюсь понапрасну. Хочется прихватить это с собой наружу, понимаешь? Либо остаться здесь и не выключать стоп-кадр, пусть дни текут своим чередом.

Дэвис хмыкнул, тоже отпив воды.

— Было бы здорово.

— Серьезно? Странно.

Дэвис кивнул и тихо сказал:

— Хочется увидеть, что я тут делаю. Понимаешь, мы называем это отклонениями. Осложнения, которые вносим в систему. Но можно смотреть на них иначе. Все, что здесь меняется, случается из-за нас. Я хотел бы увидеть, как все будет через неделю, через месяц, через год.

— Ха. Думаешь, через год тут будет лучше или хуже, чем в реальном мире?

— В принципе это не важно. Главное, что по-другому. Тогда я пойму, что кое-что значу. — Дэвис выудил из кармана номер телефона девушки. — Мы не даем им прожить здесь достаточно долго, чтобы стать индивидуальностями.

— Они же просто дубликаты.

Они сделали заказ: Дэвис — свою любимую курицу с кешью, Чез спросил у официантки самое острое блюдо и заказал его. А потом еще и попросил к нему горчицы.

Дэвис улыбнулся, бросив взгляд за окно. Он надеялся мельком увидеть Молли, когда та придет за Хэлом, но мальчика в парке не видно. Мать уже его увела.

— Это... всегда так? — тихо спросил Чез. — Я про работу в полиции. Ну и повидали мы сегодня.

— В Мехико ты ни разу не расследовал убийство?

Чез покачал головой.

— Там я тоже работал автоинспектором. Никогда не видел настоящей автомобильной аварии. В Мехико уже запретили машины с ручным управлением. В основном ругался на детей, которые переходили улицу в неположенном месте. Поэтому я и настаивал на переводе. Хотел туда, где можно побыть настоящим копом.

Дэвис разломил палочки для еды и потер их друг о друга, чтобы сгладить шероховатости.

— В целом, да. Настоящая полицейская работа очень на это похожа. Кроме тех случаев, когда не похожа, что бывает большую часть времени.

— Ты снова за свое, — ухмыльнулся Чез. — Сплошная бессмыслица, сам себе противоречишь.

— Но когда я объясняю, смысл появляется?

— Допустим.

— Полицейская работа детектива в реальном мире — это почти всегда скукотища. Сидишь без дела, перекладываешь бумажки, разговариваешь то с одним, то с другим. Ждешь. Вся суть в том, чтобы дождаться, когда что-нибудь пойдет не так. И когда нас вызывают, когда нам есть чем заняться, по определению это означает, что мы уже опоздали.

— Я всегда представлял, что буду служить правосудию, решать проблемы. Но чаще всего никакие мы не спасители. Мы прибываем на место, там уже труп, и в лучшем случае мы ловим убийцу. Но для мертвых это не имеет значения. Для них мы просто… очевидцы. — Чез опустил голову. — Я говорю себе, что хоть кто-то был рядом.

Ели они молча. Курица с кешью оказалась не так хороша, как помнил Дэвис, — пересоленная. Он целую вечность смотрел на номер девушки.

«Мне нужно что-то такое, — подумал он, вертя бумажку в пальцах. На одной стороне ее номер. На другой смерть — адрес школы. Он перевернул бумажку. — Нужно начать все сначала, в реальной жизни».

Необходимо забыть Молли. Он знал, что должен ее забыть и начать общаться с другими женщинами, хотя во время развода у него еще теплилась надежда.

Но этот телефонный номер… это западня. Он не может позвонить девушке и солгать, притворившись, что встретил ее по-настоящему. Хватит отговорок. Ему просто нужно изменить свою жизнь.

«Ты и планируешь ее изменить. Варшавская улица».

После слежки за Фотографом в 19:30 в запасе останется не так много времени, чтобы туда добраться.

— Позвонишь? — полюбопытствовал Чез, когда они собрались уходить.

Дэвис опять перевернул бумажку и скомкал.

— Чего ради? Пойдем ловить мерзавца.

Он оставил бумажку на столе рядом с несъеденным печеньем с предсказанием.

Глава 8

Дэвис с Чезом добрались до школы около 19:00, за полчаса до того, как должен был вернуться Фотограф. Они вошли в многоквартирный дом, задние окна которого выходили на школу. Это оказалось одно из немногих подходящих для наблюдения мест. Постучав в несколько дверей, они нашли квартиру, из которой не ответили. Чез вышиб дверь, а Дэвис успокоил соседей, показав полицейский значок — обычный, не значок реальности.

Они расположились в ванной, где из крошечного окна открывался хороший, хоть и ограниченный обзор. Пока они ждали, Дэвис прокручивал в голове факты. Он не так сильно нервничал, когда сосредотачивался и выстраивал в уме упорядоченные цепочки предположений, группируя факты в абстрактные множества и совокупности.

— Почему яд? — наконец выдал он.

— А? — переспросил Чез, занявший место рядом с унитазом.

— Он убивает при помощи того, что считает изъянами, — пояснил Дэвис. — Тех несчастных запер с пчелами, чтобы они умерли от аллергии. Астматиков задушил. Будто... будто он полагает, что отбраковывает слабых. Предоставляет нашим собственным недугам и дефектам уничтожать нас. А парализованных? Копы нашли окровавленные царапины на стенках полупустого бассейна. Люди пытались выкарабкаться, ломая ногти. Он бросил этих бедолаг в бассейн живыми, чтобы они утонули, потому что у них не действовали ни руки, ни ноги.

— Сволочь, — прошипел Чез.

— Да. Но яд... Почему яд? Для страдающих дальнозоркостью? Неувязка. — Дэвис постучал по окну там, где отслаивалась краска. Сгущались сумерки. — И еще кое что. С какой стати нам все-таки не рассказали об этом в участке?

— Наверное, боялись, что мы займемся тем, что делаем сейчас, — предположил Чез.

— А кого это волнует? Пусть мы создадим чуть больше отклонений для бессмысленной бытовухи, но неужели это не стоит того, чтобы что-то выяснить о

жутком убийце? Кроме того, они знают, что обычно мы пренебрегаем приказом оставаться в убежище, так что по-любому вызываем отклонения. С тем же успехом можно сделать хоть что-то полезное.

— Да, но его называют Фотографом. Он знает о «Стоп-кадре» и о том, как избегать отклонений, верно? Так сказала Мария. Мы ничем не можем помочь.

— Как будто сейчас мы чем-то помогаем.

— Это другое. Они не понимают, что ты действительно что-то можешь, считают нас обоих бесполезными. Но ты только с виду такой, Дэвис. В тихом омуте черти водятся.

Дэвис хмыкнул.

— Я на это не куплюсь, Чез. На прошлой неделе мы полезли в стоп-кадр, чтобы найти того паренька, что работает с Хуаресом. Почему бы нам тогда не заглянуть в старую многоэтажку? К тому времени они уже знали о ней в реале. Мы могли бы проверить, не был ли в тот день еще жив кто-то из утопленников. Может, что-нибудь узнали бы. Но нет, вместо этого они прикидываются, будто мы вообще ни на что не способны.

— Слишком мудрено для меня, — признался Чез и указал за окно. – Знаешь, мне кажется, с нашей наружкой не все хорошо. Что, если он не пойдет через эту дверь? Что, если его спугнули и он вообще не явится? Или вернулся сегодня пораньше, еще до нас?

— То есть одному из нас надо туда пойти? — Дэвис занервничал.

— Ага. — Чез посмотрел на него. — Не волнуйся, пойду я.

— Подбросим монетку.

— Не. Все в порядке. — Он похлопал Дэвиса по плечу. — Я отправлю сообщение, как только займу позицию, с которой виден спортзал. Чуток послушаю, а потом загляну проверить, там он или нет. Напиши, если увидишь, что он подходит. Договорились?

Дэвис кивнул, не сдержав глубокого облегченного вздоха. Чез направился к двери, но Дэвис его окликнул.

— Чез?

— Да, напарник?

— Я не смог спустить курок.

Чез нахмурился, замерев в дверном проеме.

— Что...

— Ты хотел узнать, почему я здесь. — Дэвис выглянул в окно. — Много лет назад, когда я был настоящим копом, мы попали в перестрелку. Преступники, заложники, в общем, весь ужас, который смакуют в новостях. Туда отправили всех копов. И я ...

— Не смог выстрелить?

— Один был прямо передо мной. И я облажался. Ты слышал о Перес?

— Ага.

— Парень, в которого я не смог выстрелить, убил ее. Меня нашли в коридоре, я весь дрожал, пистолет валялся передо мной на полу. — Дэвис зажмурился. — Я подумал... ну, ты понимаешь.

— Я знал об этом.

— Но...

— Мне рассказала Гутьеррес. Вскоре после того, как меня приписали к тебе. Я подумал, будет лучше, если ты сам все объяснишь. Хотел дать тебе возможность раскрыть душу. Тогда из нас получились бы настоящие напарники.

Дэвис моргнул, уставившись на усмехающегося здоровяка.

«Только мне начинает казаться, что у нас есть что-то общее, как ты тут же напоминаешь, какой ты хороший лжец», — подумал он.

— Пришлю сообщение, — сказал Чез, уходя.

Дэвис проводил его внимательным взглядом, пока тот пересекал улицу и заходил в дом. До предполагаемого возвращения Фотографа еще оставалось время, но Дэвису чудилось, как убийца замечает Чеза и удирает, а они не успевают его поймать.

Телефон зажужжал вскоре после того, как Чез исчез в здании. Дэвис с удивлением обнаружил, что сообщение не от него.

«Дэвис, скоро ваше второе дело, — написала Мария. В реале она все еще была в участке. В дни работы со «Стоп-кадром» ей приходилось оставаться на длинную смену. — Вы в убежище?»

«Да», — отправил Дэвис, пытаясь смотреть одновременно и на улицу, и в телефон.

«Хорошо. Подробности второго дела у вас есть. Идите к Десятой. Имейте в виду, что в квартале от нее, на Варшавской, будут какие-то бандитские разборки. Советую держаться подальше. Проверьте бытовуху на Десятой и все».

«Понял», — ответил Дэвис.

Он раздумывал, не рассказать ли ей о том, чем они на самом деле занимаются, но отказался от этой идеи. Стоп-кадр никогда не выключали, пока Дэвис с Чезом внутри, но мало ли, с них станется. Разумеется, полицейских не утилизируют вместе с дубликатами, но все равно очень неприятно смотреть, как все вокруг рушится.

Он не убирал большой палец с телефона. После смерти Перес он несколько месяцев корил себя за то, что не справился. Потом начал корить себя за саму мысль о том, что способен пристрелить человека. Это противоречило его натуре, по крайней мере до сих пор.

У него в телефоне была копия собственного досье, защищенная паролем. Скачал его когда-то с компьютера Марии. В начале так много положительных отзывов: «Прекрасный дознаватель. Разбирается в людях; как никто умеет их разговорить. Ему доверяют, причем даже те, кто доверять не должен».

А затем тот случай.

«Не годится для оперативной работы. Страдает тревожными расстройствами. Рекомендуется к посещению психотерапевта и в случае восстановления настоятельно рекомендуется к работе в "Стоп-кадре"».

Больше никто в участке не говорил о нем такими обтекаемыми формулировками. Он до сих пор не знал, почему Мария представила его к работе в «Стоп-кадре»: то ли считала, что его следственным навыкам найдется хорошее применение, то ли полагала, что там его научат убивать.

«На месте, — наконец прислал сообщение Чез. — Из раздевалки ни звука. Что у тебя?»

«Ничего», — отправил Дэвис.

«Сейчас загляну туда».

Дэвис ждал с бешено бьющимся сердцем. Какой же он дурак: нервы расшалились, хотя опасность угрожает вовсе не ему.

«Его здесь нет, — сообщил Чез. — Все спокойно. Хорошо бы копы, которые нашли его последнее логово, не спугнули его окончательно».

«Да, — написал Дэвис. — Будь осторожен. Если он зайдет с другой стороны, я не смогу тебя предупредить».

«Понял».

Через мгновение телефон зажужжал снова.

«Если бы опасность угрожала мне, ты бы выстрелил», — прислал Чез.

«Не уверен».

«Выстрелил бы. Я точно знаю».

Дэвис подобной уверенности не испытывал. И вообще. Многим кажется, что в стоп-кадре риск меньше. Но в то же время все эти люди созданы для того, чтобы Дэвис с Чезом разрешали свои мелкие дела. В один день заселяют целый город, а потом его уничтожают. Истребляют миллионы. Регулярный холокост. Если Дэвис потерпит неудачу, все зря.

Для него риск громадный.

«Ничего?» — прислал Чез.

«Ничего. Что-нибудь увижу — сообщу. Но если будешь и дальше меня отвлекать...» — Дэвис остановился на полуслове и не стал отправлять сообщение.

По переулку шел какой-то мужчина: высокий, в длинном плаще, руки в карманах. Солнце уже село, и света не хватало, чтобы рассмотреть его как следует, но типаж подходящий.

У Дэвиса бухнуло сердце.

«Идет», — быстро отправил он.

«Наконец-то», — прислал Чез.

Дэвис затаил дыхание, стараясь не думать о том, что будет, если Фотограф заметит Чеза. Маловероятно. Или нет? А если он проверит женщину, которую они застрелили, и обнаружит пулевое ранение? Этого Дэвис не учел.

Фотограф вошел в здание.

Немного спустя пришло сообщение от Чеза: «Только что прошел мимо меня. Идет к бассейну».

По крайней мере, можно не беспокоиться о Варшавской улице. У них новое дело, более важное. Они туда не пойдут, а стало быть, все его приготовления ничего не значат.

Эта мысль успокаивала. Успокаивала настолько, что он почти избавился от тревоги.

«Заглянул за дверь, к трупам», — написал Чез.

«Ты пошел за ним в раздевалку?»

«Ага».

«Прекрати писать и затаись, идиот!»

Дэвис напряженно ждал, уставившись в телефон. Его раздирали противоречия. Он только что велел напарнику не писать, но теперь молчание выводило его из себя. Дэвис представил, как Чез чихает, а Фотограф дает деру. И еще с десяток вариантов развития событий.

«Он заглянул в комнату с пчелами, — прислал Чез. — Кажется, очень волновался, чтобы насекомые не разлетелись, хотя они все дохлые. Там темно, и, по-моему, он не заметил, что мы застрелили женщину. Может, просто прислушивался, дышит ли еще кто. Дверь закрыл быстро, пошел к импровизированному бассейну. Я вернулся наружу. Он ест гамбургер».

Дэвис расслабился и опустил крышку унитаза, чтобы сесть. Честно говоря, он бы меньше нервничал, если бы пошел сам, а не остался ждать.

Где-то в квартире открылась дверь. Черт, вернулись хозяева.

«Выхожу на улицу, — написал Дэвис. — Прослежу за ним, когда он уйдет».

Он выскочил из ванной, напугав женщину. Та выронила сумку с продуктами и закричала. Дэвис сунул ей под нос значок, не сразу сообразив, что схватил значок реальности. Нахлынуло чувство вины за то, что он использует его с такой неосмотрительностью. Совсем как Чез. Ладно, ничего не поделаешь.

Он бросился в коридор, а женщина рухнула на диван, держась за сердце. Сбежав по ступеням, Дэвис окунулся в темноту и притаился у входа в переулок, ведущий от задней стены школы к улице.

Он уселся на землю рядом с какими-то ступеньками, свесив голову, словно один из множества человеческих отбросов, засорявших город.

Спустя некоторое время пришло сообщение: «Вышел. Идет прямо на тебя».

«Так быстро?» — отправил Дэвис.

«Ага. Похоже, обеспокоен. Наверное, просто заходил проверить».

«Немного подожди и следуй за ним».

Дэвис съежился, с гордостью отметив, как ровно дышит. Когда Фотограф прошел мимо, он отчетливо рассмотрел азиатские черты и черные волосы. Как только тот отошел на приличное расстояние, Дэвис поднялся на ноги и молча двинулся за ним.

«Идет на восток», — отправил он Чезу.

«Я пойду параллельно. Через переулки».

«Понял».

Следуя за убийцей, Дэвис ощутил, как его охватывает азарт. Вот что, наверное, чувствует Чез. Он попробовал рассуждать, как напарник, для которого все это просто игра. Разве нельзя наслаждаться игрой?

Фотограф повернул направо.

Дэвис остановился на углу.

«Он только что повернул к Варшавской», — отправил Дэвис, почти машинально набирая текст большими пальцами.

«Понял».

Дэвис продолжил преследование, его будто тянуло по пятам за убийцей. Чем дальше, тем более неизбежным все казалось. Разумеется, убийца повернет к Варшавской. Разумеется, все упирается в эту точку. Дэвису при всем желании никуда не деться.

Наконец Фотограф начал подниматься по ступенькам одного из старых, тесно прижатых друг к другу таунхаусов. Дома не заброшенные, просто изрядно обветшали. У большинства с крыш отвалилась черепица, из-за чего они казались облысевшими.

Вот и настоящий дом убийцы. Дэвис стоял и рассматривал дом, удивляясь, каким обычным он кажется.

«Мы через улицу от Варшавской, — подумал он. — Но не на той стороне, где должны быть, чтобы разобраться с бытовухой».

Это в двух кварталах отсюда.

Не то же самое место, куда они должны были попасть, если бы не дело Фотографа, но все равно до жути близко. Дэвис посмотрел на телефон: ровно 20:00. Еще семнадцать минут.

Подбежал Чез, и они стали вместе смотреть на узкий таунхаус.

— Так что, отошлем Марии адресок? — спросил Чез. — Мы справились? Они могут поймать его в реале?

— Мне нужно больше, — тихо произнес Дэвис.

— Больше?

— Я хочу с ним поговорить.

— Я могу войти и…

— Нет, — возразил Дэвис, дивясь собственной решимости. — Наблюдай снаружи. Если побежит, хватай.

— Но…

— Просто сделай, как говорят, Чез! Не вмешивайся. Предоставь все мне.

По крайней мере до 20:17.

Чез удивленно шагнул назад.

«Ничего неизбежного», — настойчиво сказал себе Дэвис, поднимаясь по ступенькам.

Неужели так же думают все дубликаты? Что они хозяева собственной жизни? Не подозревая, что обстоятельства, воспроизведенные в начале дня, направят их в точности по тому же пути?

Он подошел к двери, спиной чувствуя взгляд напарника. Чез бы вышиб входную дверь.

Дэвис постучал.

Слишком любезно по отношению к серийному убийце, у которого руки по локоть в крови, но пусть так. Дэвис постучал еще раз, вежливо.

Фотограф открыл дверь.

Глава 9

У Дэвиса было описание, к тому же он мельком видел убийцу, но тот оказался моложе, чем ожидалось, не старше двадцати двух–двадцати трех. Такой молодой, а уже натворил в жизни таких ужасных дел.

— Чего тебе? — спросил Фотограф, окинув Дэвиса взглядом с головы до ног.

Дэвис вытащил значок реальности.

Глаза Фотографа расширились.

— Красиво, — с улыбкой прошептал он.

— Мне нужно... — начал было Дэвис.

Фотограф попытался захлопнуть дверь. Дэвис инстинктивно сунул ногу между косяком и дверью, в спешке даже не почувствовав боли. Фотограф развернулся и бросился прочь.

— Дэвис! — позвал Чез.

— Беги к задней двери! — крикнул Дэвис, протискиваясь в дверь.

Он не раздумывал. Он гордился тем, что не дрожит. Да, наверное, время, проведенное в стоп-кадре, его изменило.

Стены, окрашенные в уютный персиковый цвет, голые, покрытые лаком деревянные полы. Фотограф нырнул за угол и затопал вверх по лестнице. Дэвис кинулся следом, выхватив пистолет.

Он пробежал мимо ряда чемоданов вдоль стены. «Собраны, — отметил он мимоходом. — Уезжает. Этот адрес бесполезен. Когда сюда придут в реале, никого здесь не будет». Фотографа и правда спугнули копы, которые обнаружили тот бассейн.

Дэвис взбежал по лестнице.

«Осторожно. Помни, чему тебя учили».

Добравшись до верха, он проверил углы и убедился, что никто не поджидает в засаде.

«Преследуя убегающего, не теряй бдительности. Будь быстрым, но ловким. Контролируй ситуацию».

Здесь было темнее. Лампы не горели. Дэвис пошел дальше, обливаясь потом и учащенно дыша. В коридоре оказалось всего две комнаты, в конце с потолка спускалась деревянная лесенка, ведущая на чердак.

Дэвис осторожно заглянул в одну из комнат, спальню, одновременно наблюдая за лесенкой. Никого. Он пересек коридор, открыл другую дверь и проверил углы.

Убийцы нет. Зато есть пленник.

Пожилой азиат сидел на полу, прислонившись к стене, и плакал. Он был связан, во рту торчал кляп. На полу перед ним стояли в ряд чашки, до которых он с трудом мог дотянуться.

— Я знал, — раздался голос из коридора, со стороны лесенки. — Я знал, что это стоп-кадр. Никто мне не верил. Но я знал, что однажды вы явитесь.

Дэвис заставил себя не обращать внимания на пленника и вышел обратно в коридор. Сюда проникало совсем немного света с лестницы, но его хватало, чтобы рассмотреть совершенно обыкновенный коридор: на стенах картины, на полу ковер. В воздухе чувствовался лимонный аромат лака для пола.

Однако справа хныкал похищенный мужчина, а с чердака доносился ледяной голос безумца.

«Может, собирается сбежать через крышу?» — подумал Дэвис.

Эти таунхаусы стоят бок о бок, и по ним можно передвигаться поверху. Ему никогда не угнаться за молодым парнем в отличной форме, да еще по крышам.

— Как ты узнал? — крикнул Дэвис, пытаясь придумать, как задержать убийцу. — Как догадался, что ты в стоп-кадре?

— Отклонения, — крикнул в ответ Фотограф.

Да, он взобрался по той лесенке. Он прямо там, наверху. Прислушивается.

— Эта жизнь слишком испорчена. Слишком многие пошли по кривой дорожке, слишком много кварталов загнивает. Стоп-кадр... разваливается на куски. Слишком много отклонений.

— Ты прав, — отозвался Дэвис. — Да, я тоже заметил. Нельзя такое допускать. Нужно избавиться от отклонений, согласен? Нужно поддерживать в стоп-кадре стабильность.

Полная чушь, но можно усмотреть в ней логику.

— Какое тебе до этого дело? — спросил хриплый голос.

— Я отсюда, — сказал Дэвис. — Это мой дом.

«Только стоп-кадр логичен. Жизнь в первый раз — это хаос, но если переживаешь ее заново, то видишь, что она очень упорядоченная. Система слишком сложная, чтобы сходу разобраться. Но если живешь здесь, то всегда знаешь, что произойдет...»

— Нет. Ты не здешний. Ты коп.

— Но это не значит, что я с тобой не согласен. Я могу помогать тебе наводить порядок. Поддерживать стоп-кадр. Ведь нужно, чтобы он продолжал существовать? Я должен не давать ему рассыпаться, чтобы делать свою работу.

Похоже, он выбрал правильные слова, и, что удивительно, они подействовали. В определенной степени. Фотограф не стал убегать, а зашуршал наверху.

— Ты коп, — наконец повторил он. — Ты здесь, чтобы остановить меня.

— Не тебя, — возразил Дэвис. — Вовсе не тебя. Да, в настоящем мире мне пришлось бы тебя задержать. Но мы ведь не там? Все, что меня волнует, — это чтобы стоп-кадр продолжал существовать. Этим ты и занимаешься. Ты важен. Только ты во всем разобрался. Ты можешь мне помочь очистить это место.

Фотограф начал спускаться по лесенке, но вдруг неуверенно застыл на месте. Дэвиса накрыл внезапный приступ тошноты, а парень развернулся и стал подниматься обратно.

— Подожди! — окликнул Дэвис. — Подожди! Я могу доказать. Я... — Осекшись на полуслове, он отступил назад и заглянул в комнату с пленником.

Мужчина протянул к нему руки со связанными запястьями, в его глазах застыла мольба.

— Я докажу! — прошептал Дэвис.

«Всего лишь стоп-кадр. Не реальность. Это единственный способ спасти настоящих людей. Не будь трусом...»

Словно в трансе Дэвис навел пистолет на мужчину.

«Я не могу. Не могу...»

Он уже проделывал это простым нажатием кнопки. Сотни раз. Каждый раз, когда выключал стоп-кадр.

Он выстрелил.

Тишина взорвалась. Выстрел получился гораздо громче, чем ожидал Дэвис, и он вздрогнул. Пленник упал навзничь. На этот раз пуля вышла из затылка, кровь забрызгала стену.

У Дэвиса зажужжал телефон. Он на него даже не взглянул. Уставившись на мертвеца, потрясенный тем, что натворил, он выронил пистолет.

— Ты… — Фотограф снова начал спускаться по лесенке. — Ты просто взял и сделал это?

— Чтобы… чтобы защитить стоп-кадр. — Голос у Дэвиса дрожал. Он зажмурился.

— Ты понимаешь их истинную сущность, — с гордостью произнес Фотограф. — Но тебе следует знать, что не мы должны их убивать. Мы предоставляем это стоп-кадру, подобно иммунной системе организма. Естественное очищение.

Фотограф приблизился.

— Это мой дядя, он незрячий. Мы ждем, пока его не начнет мучить жажда, а потом даем выбрать напиток. Но этикетки прочитать он не в состоянии. И система его убивает.

— В следующий раз я все сделаю правильно, — сказал Дэвис. — Есть план? Кто следующий? Я могу помочь.

Фотограф облизнул губы.

— Кончаются люди, которых можно найти на улице. Надо быть осторожными. Копы из стоп-кадра попытаются нас остановить. Они не понимают.

— А я понимаю.

— В школе Марии Магдалины у семнадцати детей аллергия на арахис. Я старался придумать, как все провернуть, чтобы самому не засветиться. Но если ты со мной, если копам в реале все равно, то, наверное, мне не о чем беспокоиться. В любом случае мы приступим двенадцатого мая. Я выяснил, что…

Раздался выстрел — громкий, наглый, внезапный. Фотограф упал как марионетка, у которой обрезали нити. Дэвис обернулся: наверху лестницы, освещенный снизу, стоял Чез с пистолетом в руке.

— Черт возьми! — воскликнул Чез. — Дэвис, ты в порядке? Как он тебя обезоружил?

Дэвис моргнул.

«Чез, вот же идиот».

Его телефон издал долгое жужжание. Будильник.

Ровно 20:17.

Дэвис невозмутимо подобрал свой пистолет. Они далековато от Варшавской, но он все равно должен следовать намеченному плану. Ведь сработает? Все правдоподобно?

Хотя какая разница?

Чез оттолкнул Дэвиса с дороги и опустился на колени перед убийцей.

— Ого, совсем мальчишка. — Он заглянул в комнату с мертвецом. — Черт! Что случилось, Дэвис?

В ответ Дэвис поднял пистолет и направил его в голову Чеза.

Тот отшатнулся.

— Дэвис?

— Прощай, Чез.

— Эй, ты чего! Чего творишь?!

— Скажи-ка, — тихо произнес Дэвис, — когда ты наведываешься в стоп-кадре к Молли, тебе каждый раз приходится соблазнять ее заново? Или ты просто показываешь значок, убеждаешь ее, что она не настоящая, и дело в шляпе?

У Чеза отвисла челюсть и выпучились глаза.

— Ты делаешь это по-быстрому, каждый раз, когда я навещаю Хэла? — продолжил Дэвис.

— Дэвис, подумай!

— Я подумал, Чез! Видишь этот пистолет? Вот что я думаю!

С улицы донеслись далекие выстрелы. Бандитские разборки на Варшавской.

— Этот пистолет я забрал из вещдоков в реале, — грубо проговорил Дэвис. — Слышишь выстрелы? Один бандит стреляет в другого из этого самого пистолета. Я думал, как скрыть убийство в стоп-кадре? Можно взять тот же пистолет, что был у бандита. Я могу тебя пристрелить и сказать, что ты схлопотал шальную пулю. Баллистика подтвердит. Никто не узнает. Решат, что это несчастный случай.

— Черт, — прошептал Чез и со вздохом выронил пистолет. — Да ты все продумал.

Стиснув зубы, Дэвис вспотевшими ладонями сжимал пистолет. В кои-то веки он не нервничал. В кои-то веки не дрожал и дышал ровно. Он был зол. Разъярен.

— Моя жена, Чез, — прошептал он.

— Бывшая жена.

— То есть поэтому все в порядке?

Чез пожал плечами.

— Нет. Наверное, нет. — Он закрыл глаза.

«Пора. Надо сделать это быстро».

Дэвис вытер лоб, не сводя пистолета с Чеза.

И вдруг… он подумал о втором шансе. О женских улыбках, о сыне.

«Ты ведь совсем недавно думал о том, как забыть Молли, — прошептал внутренний голос. — Если из-за нее ты пойдешь на такое, что ты за человек?»

Однако он только что застрелил невинного. А теперь стоит напротив Чеза, и момент самый что ни на есть подходящий. Все именно так, как он планировал и представлял. Почему не сделать этот шаг?

Ведь это неизбежно?

Были ли неизбежны его неудачи в реале? Кто отклонение, он или Чез? Важно ли это?

«Я могу начать все заново, — подумал он. — Начать новую жизнь, ходить на свидания с другими женщинами. Но если спущу курок, ничего не выйдет. Если убью его, никогда не смогу примириться с собой».

Дэвис глубоко вздохнул. В конце концов, люди становятся копами, потому что хотят делать что-то хорошее. По крайней мере, так они говорят себе. Так он всегда говорил себе.

Дэвис опустил пистолет.

Глава 10

— И давно ты знаешь? — спросил Чез, поднося ко рту рюмку виски.

Они сидели на кухне таунхауса, наверху лежали два трупа.

— Месяцев пять назад я мельком увидел тебя в окне, — тихо ответил Дэвис. — И мне все стало ясно. Ты постоянно подначивал меня повидать Хэла.

Дэвис налил себе еще рюмку. Руки тряслись, и он старался не расплескать виски. Как Чез может пить так спокойно?

— В реальной жизни это было только раз. — Чез прислонился к столешнице. — Разве стоило об этом рассказывать? Но теперь мне нужно покаяться. Это случилось как раз перед разводом.

Дэвис закрыл глаза.

— Вот почему это срабатывает в стоп-кадре, — продолжил Чез. — Значок я не показываю. Каждый раз она думает, что это второй раз. Я обещал повидать ее еще, но в реале так этого и не сделал. Решил, что нужно ограничиться этим местом. Понимаешь, из уважения к напарнику. А это стоп-кадр. В стоп-кадре ничто не имеет значения.

— Да. — Дэвис открыл глаза и поднял рюмку. — За отсутствие значения.

Чез кивнул, поднимая свою.

Дэвис выпил и взглянул на лежащий на столе телефон. На экране светилось сообщение, которое он отправил Марии: «Фотограф, серийный убийца, попытается убить детей из школы Марии Магдалины, у которых аллергия на арахис. Завтра, двенадцатого мая. Устройте засаду, поймайте его. Улики можно найти по этим адресам».

Затем он отправил адреса школы и дома, в котором они сидели, в надежде, что улики подтвердят его слова, даже если в реале Фотограф уже смылся.

Мария не ответила, но сообщение дошло. Дэвис представил, как она потрясена. И скорее всего, разгневана.

— Мы отлично поработали, напарник. Разве нет? — сказал Чез. — Вместе мы горы свернем.

— Чез?

— Да?

— После сегодняшнего я не хочу тебя видеть. Никогда.

Чез опустил взгляд в пустую рюмку.

— Хорошо. Понял.

Они выпили молча.

— Я рад, что ты не выстрелил, — в конце концов сказал Чез. — Рад, что не смог.

Дэвис допил виски.

— Знаешь, почему я каждый раз настаиваю на том, чтобы самому выключать стоп-кадр?

— Нет. Почему?

— Каждый раз я убиваю Хэла. Каждый раз. Кто-то должен это делать, поэтому я делаю это сам. Но каждый раз у меня разрывается сердце. И если я сотню раз убил собственного сына, ты правда думаешь, что я не смог бы выстрелить в тебя?

Чез побледнел.

Собрав свои вещи, они вышли из дома. На улице пахло свежестью, с моря долетал бриз. Уставший Дэвис спустился по ступенькам и остановился внизу, увидев двух человек. Высокий чернокожий мужчина. И девушка. Девушка из закусочной. Она переоделась.

— Детективы Дэвис и Чавес? — спросил высокий мужчина. — Можно вас на пару слов?

Дэвис переглянулся с Чезом. Тот пожал плечами.

— По какому поводу? — поинтересовался Дэвис. — Вы из участка? — Он нахмурился еще сильнее. — Вы из реала? Федералы?

— Мы объясним. — Мужчина взял Чеза за плечо и увлек за собой по улице. Девушка подошла к Дэвису.

Хорошенькая. Такая, как он помнил.

— Я потерял ваш номер, — вырвалось у него. — Простите.

Она вспыхнула.

— Детектив Дэвис, почему вы сегодня не убили своего напарника?

— Как вы узнали...

— Пожалуйста, просто ответьте на вопрос.

Дэвис потер подбородок.

— Потому что я не монстр. Я наставил на него пистолет под влиянием минутного порыва.

— Минутного порыва? — переспросила она. — Который вы планировали несколько месяцев, ожидая идеального стоп-кадра, в котором можно скрыть свои действия и сделать вид, что его застрелил бандит?

Чуть дальше по улице Чез вдруг оттолкнул мужчину, потянулся за пистолетом и прокричал:

— Нет! Нет, нет, нет!

Мужчина невозмутимо пристрелил Чеза.

Похолодев, Дэвис следил за происходящим.

«Не может быть».

— Вы действительно поможете расследованию, если скажете, в чем мы ошиблись, — произнесла девушка.

— Вы тоже детективы «Стоп-кадра», — сказал Дэвис. — А... Черт! Вот почему нам не дали дело Фотографа. Им занимались другие!

— Вы были для отвода глаз, Дэвис. Чтобы скрыть настоящие команды, которые отправляли в стоп-кадры других дней. Мы можем выкладывать ваши отчеты и показывать, что город пользуется установкой «Стоп-кадр», за которую столько заплатили. Мы можем делать вид, что не...

— Не занимаемся ничем серьезным, — закончил за нее Дэвис. — Тайные копы. Слежка за людьми. Черт! Вот почему нам не поручали настоящих дел, по крайней мере, важных. — Поежившись, он продолжил шепотом: — А сейчас вы расследуете мое дело. Сегодняшний стоп-кадр... это стоп-кадр стоп-кадра.

— Мы не были уверены, что получится. Никогда не приходилось расследовать дело, в котором коп убил напарника в стоп-кадре.

— Но я его не убил.

— В реальном стоп-кадре убили, — возразила она. — Сначала разобрались с Фотографом, а потом застрелили Чавеса.

— Мой план...

— Хитрый план, но вы были слишком далеко от Варшавской. Мария сочла смерть Чавеса подозрительной. Вы признались, когда вас прижали, но затем отказались от своих слов, и судья потребовал доказательства. Нам нужно было застать вас на месте преступления, но не вышло. Что произошло?

— Мне помочь вам уличить меня же в убийстве?

Она пожала плечами.

— Вы и правда не понимаете, как тут все работает. — Дэвис помолчал. — Новенькая?

— Меня недавно назначили. Для двух других команд вы мелкая сошка. Нас прислали учиться на этом деле. На занятиях говорили...

— Занятия не заменят опыта, — отозвался оцепеневший Дэвис. — Вам не следовало давать мне номер своего телефона.

— Так вот в чем дело, — сказал подошедший мужчина. Тело Чеза осталось лежать на улице. — Я же тебе говорил.

— Я должна была что-то сделать. Он заметил, что я на него смотрю! Было бы странно, если бы я вообще не отреагировала.

— Нет, вы дали мне кое-что осязаемое — тот клочок бумаги. Появилось стойкое отклонение, и оно изменило меня. — Дэвис поднес руку к голове. — Изменило то, что я сделал. Выбирал не я. Сделать выбор меня заставили вы...

Мужчина с девушкой обменялись кивками и собрались уходить.

— Подождите! — окликнул их Дэвис. — Фотограф! Его поймали?

Мужчина нахмурился.

— У вас нет допуска к этому делу...

— Да черт с ним, с допуском! Вы же сейчас все вырубите. Расскажите, его поймали?

— Да, — подтвердила девушка. — Та информация, что вы прислали из стоп-кадра, оказалась верной. Его схватили в школе, когда он пытался отравить продовольственные запасы.

Дэвис закрыл глаза и вздохнул. Итак, он кое-чего добился. Но не сам, а другой он.

Он открыл глаза.

— Я отклонение. Но я не убивал своего напарника. Я лучше, чем тот, что сидит у вас взаперти, но именно меня вы собираетесь убить.

У девушки был виноватый вид. Как можно извиниться за уничтожение целого города? За убийство человека, за его, Дэвиса, убийство?

— Хотя бы покажите мне, — попросил он.

— Что показать?

— Значок. Мой выглядит как обычная металлическая бляха. Покажите.

Девушка неохотно вытащила бумажник.

— Для вас он так выглядит потому, что в тот день, который мы копируем, таким вы его и видели. Его нужно воссоздать точно...

— Я знаю, как все устроено. Покажите.

Она достала значок.

И в нем Дэвис увидел всю свою жизнь: ребенок, юноша, взрослый. Молли, хорошие времена и плохие. Рождение Хэла, малыш у него на руках. Слезы, гнев, любовь и страх. Он увидел, как съежился в торговом центре, поддавшись нервному срыву, и как твердо стоял, нацелив пистолет в голову Чеза. Герой и глупец. Он увидел все.

И понял. Понял, что сам дубликат, хотя до этого момента не мог поверить.

Джвис моргнул, видение исчезло. Детективы ушли вперед. Они покинут стоп-кадр через дверь, которую дубликатам видеть не дано.

Дэвис подошел к телу Чеза и опустился рядом.

— Что ж, напарник, свою пулю ты все-таки схлопотал.

Детективы впереди вдруг исчезли. Когда собираешься выключить стоп-кадр, можно раствориться в воздухе не таясь.

— Как припекло, я смог спустить курок, — сказал Дэвис, — Так что «Стоп-кадр» меня и правда изменил, а, напарник? — Он испустил долгий вздох. — Интересно, каково это, когда...

Послесловие

«Стоп-кадр» — это маленькая (ну, скорее средняя) повесть, которая не перестает меня удивлять. На сегодняшний день права на ее экранизацию выкупали чаще всего, и именно она сейчас ближе всего к тому, чтобы наконец увидеть свет на больших экранах.

В основе повести лежит пересечение двух идей. Первая — это, собственно, слово «стоп-кадр». Забавно, но одной из причин, почему я вообще взялся за эту историю, стало то, как звучит само слово: мне показалось, из него выйдет отличный заголовок для небольшого произведения. Но куда сильнее меня увлекла мысль о расследовании преступлений с помощью путешествий во времени, где детективы возвращаются в прошлое, чтобы раскопать нужную информацию, но в строго ограниченных масштабах. В этом крылось нечто мрачное, посягающее на частную жизнь, в духе «Особого мнения».

Вторая идея касалась взаимоотношений двух напарников. Один из них спал с женой другого, а тот знал об этом и готовил идеальную месть. Кроме того, концепция «Стоп-кадра» позволила глубже исследовать психологию людей, оказавшихся в чудовищной ситуации, когда они внезапно осознают, что они ненастоящие.

Я переживал, что финал для подобного жанра окажется предсказуемым. Но с другой стороны, он потому и предсказуем, что бьет без промаха. Сама мысль о том, что «экран» гаснет прямо посреди мысли персонажа, завораживала меня настолько, что я обязан был привести сюжет именно к этой точке, пусть даже такой финал и считается классическим для подобных историй.

Эту банальность я попытался компенсировать тем, что устроил полную «прокачку по Сандерсону». То есть добавил детально проработанный мир, острые конфликты между персонажами и настолько масштабный размах, насколько вообще позволяли рамки сюжета. Результатом я очень доволен. Мне до сих пор кажется любопытным, что по духу эта история ощущается как эпическое фэнтези, хотя бесконечно далека от них и представляет собой чистый триллер о серийном убийце.

Склад мозгов

— Какой у вас мозг? — спросила стильно одетая девушка-консультант.

Барака растерялась. Ее никогда не спрашивали так в лоб. Обычно люди деликатничают.

— У нас обычный мозг, — ответил Род, успокаивающе положив ладонь ей на плечо. — У обоих.

Консультант поджала губы, накрашенные вишневой помадой и обведенные черным контуром.

— Ой! У нас здесь почти не бывает... таких клиентов.

Она обвела взглядом демонстрационный зал. Консультанты в серебристых деловых костюмах водили парочки вдоль металлических витрин с голограммами мозга. Около двадцати подсвеченных голограмм висели в воздухе и вращались, словно балерины в музыкальных шкатулках.

— Это не по религиозным мотивам, — объяснил Род. — Признаться, мы просто парочка нежданчиков. В моем случае напортачила лаборатория.

— Я получилась случайно, — сказала Барака. — Зачата по старинке. Мама не знала, что беременна, пока не стало слишком поздно.

— И вы нашли друг друга, — лучезарно улыбнулась консультант. — Это так мило. Что ж... Род и Барака, верно? Меня зовут Чжи, и я буду вашей помощницей. Не стесняйтесь задавать любые вопросы. Я хочу, чтобы этот визит был для вас комфортным и полезным. Род, отличная футболка. Где вы ее купили?

Род опустил глаза на свою футболку и расплылся в улыбке:

— На стадионе, когда «Рейнджерс» выиграли серию, десять лет назад. Я был на той игре. На самом верхнем ряду, но я там был.

— Билеты можно было купить и поближе, — сказала Барака, взяв его за руку. — Но он решил, что история будет круче, если они сядут буквально выше всех.

— Согласна, — сказала Чжи. — Звучит круче. Вы похожи на рассудительного человека, Род. Не удивительно, что вы пришли к нам.

Хороший переход. Чжи с очаровательной ненавязчивостью проводила их в зал, двигаясь так же плавно, как остальные консультанты.

Барака подумала, что у Чжи мозг, максимизирующий навыки коммуникации. Может, «Бенчли»? Спрашивать она, конечно, не стала. Не любила совать нос в чужие дела.

Чжи слушала историю Рода — он обожал ее рассказывать — о том, как он чуть не пропустил победный ран, потому что ему хотелось хот-дог. Конечно, это был предлог поболтать о том, как стадион обошел запрет. Но как только они подошли к первой витрине, Чжи мастерски перехватила инициативу.

— Поверить не могу, что вы вообще захотели его съесть! — сказала она. — Я бы не смогла.

— Ну, я не мастер умных решений, — сказал Род.

— Чепуха! Вы же здесь, верно?

«Хороший маркетинг, — подумала Барака, пересмотрев свои выводы. — Может, у нее бизнесовый мозг. “Ху-Гоу”?»

— Мы просто хотим все сделать правильно, — сказал Род. — Для нашего ребенка. Нам нужен идеальный мозг.

— Что ж, боюсь, что не смогу вам помочь, — сказала Чжи.

Барака нахмурилась:

— Не сможете? Но это же склад мозгов.

— Мы в «Крещендо» предпочитаем называть его демонстрационный зал, — засмеялась Чжи. — Но я хотела сказать, что идеального мозга не существует.

Она повернулась и показала на голограмму над первой витриной, гладкой и простой по стилю. Чтобы ничего не отвлекало от голограммы.

— Это распространенное заблуждение, — сказала Чжи. — В наше время у всех целевая архитектура мозга... или почти у всех! Но целевая не значит идеальная, хотя лично для вас она может быть идеальной!

Существует старый миф, что люди используют лишь малую часть потенциала своего мозга. Это неправда — важны каждая клетка и каждый нейрон. Ни один разработчик, даже самый искусный, не может создать мозг, который хорош во всем. Так что для вашего ребенка нам придется спросить себя, что вы цените больше всего, какие сильные стороны пожелаете своему малышу.

— Логично, — сказал Род, бросая взгляд на Бараку. Он заметил, что она хмурится, — всегда замечал — и легонько толкнул ее локтем. — Что думаешь, Бара?

— Если идеального мозга не существует, значит, каждый из этих будет в чем-то плох? — спросила та.

— К сожалению, да, — ответила Чжи. — Хотя у нас первоклассные модели, самые лучшие. Не поймите меня неправильно. У вашего ребенка будут поразительные способности и бесконечный потенциал. Но наряду с повышением большинства способностей некоторые снизятся.

Она снова показала на мозг перед ними и с гордостью произнесла:

— «Дельфы». Разработан Кубло Норатами на базе мозга самых гениальных художников современности. У ребенка, рожденного с такой архитектурой мозга, шанс стать великим художником на три тысячи процентов больше, чем у детей с обычным мозгом. Сюда также включены продвинутые вычислительные навыки, обеспечивающие высокую вероятность способностей к математике. Это одна из самых популярных наших моделей.

— Три тысячи? — сказал Род. — Ого. — Он снова пихнул Бараку. — Ты чего?

— Однако у нее есть слабое место, верно? — спросила Барака.

— Небольшой недостаток коммуникабельности, — призналась Чжи. — Однако улучшенные дисциплинированность и индивидуализм гарантируют, что ребенок прекрасно занимается самостоятельно. К тому же все равно художникам свойственна некоторая эксцентричность — так что это по сути фишка. Разве может не нравиться странноватый гений с другим взглядом на мир?

«Хороший маркетинг», — снова подумала Барака.

Род потер подбородок:

— Что-то мне не нравится идея ребенка, с которым не поговоришь.

— О, Род, вы сможете с ним разговаривать, — пообещала Чжи. — Не волнуйтесь. Но идемте, у нас семнадцать разных моделей, и каждая создана лучшим разработчиком мозга из ныне живущих.

Она повела их дальше и показала еще несколько моделей. Харизматичная модель увеличивала «вероятность достичь успехов в политике на шесть тысяч процентов». Ее минусом было нетерпение, иногда склочный характер.

— Ожидаемо! — провозгласила Чжи.

Следующим был научно ориентированный мозг, созданный по образцу мозга Кэт Гутрич, женщины, которая стояла у истоков моделирования мозга. Предмет гордости «Крещендо», дающий им преимущество перед остальными семью крупнейшими компаниями.

— Вы все время говорите про проценты, — сказал Род, показывая на научный мозг. — Значит... есть люди с этим мозгом, которые не становятся учеными?

— Отличный вопрос, Род! — похвалила Чжи. — Действительно, есть. Гарантий никто не даст. У вашего ребенка будет свой характер. Мы не хотим, чтобы все были клонами! Эти модели готовят ребенка к успеху, но индивид сам принимает решения.

Тем не менее, уверяю вас, любой ребенок, родившийся с нашей архитектурой, имеет очень высокую степень выдающихся достижений. А теперь вам просто необходимо увидеть «Ди Маджо» — мозг, оптимизированный под занятия спортом. Вы знали, что у Донни Ника такой?

— Ник Штрафник? — У Рода загорелись глаза. — Правда? Вы шутите. У меня есть его джерси. Даже с цифровой подписью!

Барака улыбнулась. Она это предвидела; именно поэтому сначала затащила его в «Крещендо». На самом деле, большую часть того, о чем рассказывала Чжи, она уже читала. Возможно, если быть честной, она слишком рьяно подошла к изучению вопроса. Просто она не любила чувствовать себя глупой, а если сначала подготовиться, то быстрее схватывала суть в дальнейшем.

А вот Роду нравилось нырять в новую тему без подготовки или спрашивать экспертов. Он не особо любил читать.

— ...шанс попасть в профессиональный спорт на семь тысяч процентов больше, — закончила Чжи, эффектным взмахом показывая на «Ди Маджо».

— Семь тысяч, — выдохнул Род.

— В самом деле!

— И... в чем минус? — спросил он.

— Математика, — сказала Барака. — Я читала.

Оглядываясь назад, казалось глупостью не подумать, что у всех моделей будут слабые стороны. У всех людей есть заскоки. Она просто решила, что если выбираешь лучшее — если идешь в «Крещендо» — то... об этом можно не беспокоиться.

— Если дело в этом, — сказал Род, — ребенок отлично впишется в нашу семью, а?

Они прошли к следующей витрине, хотя Барака задержала взгляд на «Ди Маджо» — голограмма, очень сложная и насыщенная огоньками, медленно вращалась. Род выбрал бы эту, и Барака была склонна согласиться.

Но цена...

— Это «Правление», — сказала Чжи, показывая на следующий мозг. — Архитектура оптимизирована для коммуникабельности, лидерских качеств и командной работы. У генерального директора этой компании мозг «Правление». Эта модель одна из самых лучших для исключительного бизнес чутья.

— И какое тогда слабое место? — спросил Род. — Несмешные шутки в перекурах?

— Это дополнительная опция! Нет, «Правлению» слегка не хватает индивидуализма и амбиций.

— Пониженные амбиции? — спросила Барака. — У бизнесового мозга?

— На самом деле это преимущество, — сказала Чжи. — Хотя мы часто говорим о ярких предпринимателях-индивидуалистах, такие быстро выгорают — и их великие свершения часто можно проследить до уравновешенных исполнителей среди их подчиненных. Спросите любого менеджера, и он скажет: лучше работники со средним уровнем амбиций, которые хорошо взаимодействуют в коллективе, чем те, которые хотят все разворотить и стать знаменитыми.

Род улыбнулся:

— Мне нравится, как вы это делаете.

— Как я делаю что? — спросила Чжи.

— Описываете каждый минус как что-то замечательное. — Он показал на Бараку. — Похоже на то, что ты пишешь.

— Я занимаюсь маркетингом, — пояснила Барака. — Меня восхищает ваше умение представить товар.

— Можно переборщить, да? — сказала Чжи, наклоняясь к ней. — Признаюсь, большую часть текста нам выдают. Но с архитектурой мозга совсем как в жизни — приходится брать, что дают, и показывать в максимально выгодном свете.

Барака склонила голову набок. Эти слова звучали более искренними, чем все, что Чжи говорила до этого. Как будто они чуть-чуть заглянули под ее маску.

— У вас такой мозг, верно? — Барака показала на голограмму. — У вас «Правление».

Бараке тут же стало стыдно за то, что выпалила вот так. Где ее тактичность?

Чжи покраснела. Еще один проблеск из-под маски.

— Вы правы, — сказала она. — Удивительно, как вы догадались! Конечно, у меня более старая модель. Все наши модели обновляются каждый год.

— Но вы не генеральный директор, — нахмурился Род. — Вы всего лишь...

«Ох, Род», — подумала Барака, сжимая его ладонь. Он замолчал, но Чжи снова покраснела.

— Все не могут быть генеральными директорами, — ответила она. — Я хочу сказать, у меня хорошая работа. Я работаю с такими людьми, как вы, Род!

— Полагаю, вы правы, — сказал он. — Извините. Я не имел в виду ничего...

— Нет-нет. Я не обижаюсь. Идемте, позвольте показать вам воссоздатель, где можно посмотреть, каким получится ваш ребенок.

Она хотела отвести их к стенду у стены, но Барака не сдвинулась с места, глядя на ряды мозгов, мимо которых они проходили. Поняв, что ее ждут, она спохватилась и поспешила за своими спутниками.

— Ты о чем-то задумалась, — сказал Род, беря ее за руку.

— Я не должна спрашивать такое.

— Я хочу услышать. Давай.

— Вы можете задавать любые вопросы, — заверила Чжи, когда они подошли к стенду с монитором.

— Мне просто интересно, — сказала Барака. — Каков реальный шанс того, что наш ребенок станет профессиональным игроком, если у него будет тот мозг? Спортивный.

— «Ди Маджо», — напомнил Род.

— Точно, «Ди Маджо».

— На семь тысяч процентов выше, — оживилась Чжи.

— Ты бы знала, если бы слушала, — сказал Род, шутливо ткнув пальцем в бок Бараке. — Итак, что за воссоздатель?

— Это...

— Но какой именно процент? — спросила Барака. Род и Чжи повернулись к ней, и она покраснела из-за того, что перебила, но потом глубоко вдохнула и продолжила: — Реальный процент стать профессиональным игроком. На семь тысяч процентов выше, чем обычно — это... сколько? Каковы реальные цифры?

Род засмеялся:

— Это уже математика.

— Вы не обязаны отвечать, — сказала Барака, — если не знаете. Этого, наверное, нет в маркетинговых материалах...

— Я знаю, — тихо сказала Чжи. — Я смотрела. Вы правы, этого нет в рекламе. Четыре сотых процента.

— Четыре процента? — спросил Род.

— Нет, четыре сотых, — поправила Чжи. — Чуть меньше, чем половина одной десятой процента. Столько «Ди Маджо» становятся профессионалами.

Род моргнул.

— Все не так плохо, — поспешила объяснить Чжи. — Правда, учитывая, как мало профессиональных спортсменов — и как много человек проживает в стране — без соответствующей архитектуры мозга шансы ребенка бесконечно малы.

— Равно как и не все люди с «Правлением» становятся генеральными директорами крупных компаний, — сказала Барака.

— Не все, — согласилась Чжи, — но без подходящей архитектуры шансов почти нет. Разве смысл не в том, чтобы дать вашему ребенку лучшую жизнь?

— Лучший шанс на лучшую жизнь, — сказала Барака.

— Именно.

— Я просто думала, — начала Барака, — что за такие деньги...

— Но это же бесплатно, — возразила Чжи.

— Для нас.

Да, им с Родом не нужно платить за мозг, но ребенок по достижении тридцати лет будет должен компании двадцать пять процентов своего дохода до конца жизни. У «Крещендо» самые высокие ставки среди всех компаний-

разработчиков архитектуры. Такова цена, которую приходится платить за лучший в мире усовершенствованный мозг.

— Нельзя смотреть только на мегауспешные истории, — сказала Чжи. — Да, очень немногие «Ди Маджо» становятся профессиональными спортсменами, но их мозг заряжен на физическую закалку, тренировки и самодисциплину. Вы удивитесь, как много из них становятся моделями, бодибилдерами и даже религиозными деятелями. Многократные исследования показывают, что в среднем человек с мозгом от «Крещендо» зарабатывает больше, чем конкуренты, даже с поправкой на выплату.

Это был отличный маркетинговый ход, но Барака видела пробелы. Из слов «в среднем» и «исследования» можно многое выжать.

Барака посмотрела в подведенные глаза Чжи.

— А вы? Что вы думаете по этому поводу?

Чжи посмотрела по сторонам, а потом, как ни странно, улыбнулась.

— Честно говоря, — тихо ответила она, — это отстой. Средний заработок мало значит, когда ты застрял на левом краю кривой Гаусса и пялишься на подъем без лестницы.

Мне пришлось подать заявление на государственную помощь, и меня освободили от контракта, но после этого больше никто меня не брал. Кому нужна женщина, которая получила усовершенствованный мозг и «профукала» его? Через два года я была вынуждена попроситься в «Крещендо» хоть на какую-нибудь работу. Меня взяли, потому что «Правление», живущий на пособие, вреден для имиджа. Но... понимаете.

Род перевел взгляд с одной девушки на другую.

— То есть... вы советуете нам не продолжать?

— Конечно нет, — сказала Чжи. — Статистика верна. Ваш ребенок с большей вероятностью — в среднем — будет успешным с нашим мозгом, чем с любым другим. Взимаемая плата специально так рассчитана.

— Но? — подсказала Барака.

— Иногда кажется, — призналась Чжи, — что единственный способ наверняка выиграть в этой системе — быть собственником архитектуры. Отдельные люди могут бросить кости и все равно проиграть. Но само казино получает долю с каждого выигрыша. Просто... сделайте вид, что я этого не говорила, хорошо? У меня могут быть проблемы... — Она показала на экран перед

ними. — Если не возражаете. Это поможет вам понять. Он быстро сканирует ваши архитектуры и выдает в процентах шансы вашего ребенка на достижение различных целевых ориентиров.

Сканирование мозга было обычным и в общем-то пустяковым делом. Пока Чжи проводила расчеты, Барака о чем-то задумалась.

— Прогноз, наверное, выйдет позорный? — пошутил Род. — С такой обычной парой, как мы? Без навороченной архитектуры.

— Все немного смущаются, — улыбнулась Чжи. — Многие люди с модифицированным мозгом полагают, что их дети естественным образом наследуют их способности, но генетика несколько сложнее. Политика компании предписывает сканировать всех клиентов, чтобы мы могли убедить их заключить договор на их детей, а не полагаться на природу, раз уж у них самих наш мозг. Когда они видят, насколько низкие проценты будут, если надеяться на удачу, то обычно быстро соглашаются. Это довольно...

Она замолчала.

— Что? — Барака придвинулась ближе, чтобы лучше видеть экран.

— Настолько плохо? — со смешком спросил Род.

— Не настолько, — ответила Чжи. — То есть да, в некотором роде ужасно. Не обижайтесь. Это поразительно низкие проценты, но... посмотрите. Вот, я объясню.

Экран демонстрировал, насколько меньше вероятность того, что потенциальный отпрыск получит престижную работу в случае естественной наследственности по сравнению с модифицированной архитектурой мозга. И снова компания скрывала абсолютные цифры, оперируя коэффициентами.

Но Чжи нажала кнопку, показав реальную статистику с вероятностью для каждого достижения. И... показатели почти совпадали. Генеральный директор, профессиональный спортсмен, лауреат Нобелевской премии, знаменитый художник — одинаковые цифры, одинаковые шансы.

— Это даже забавно, — сказала Чжи. — На самом деле, это ничего не значит, но разве не удивительно, что для вашего потенциального ребенка все шансы равны? Я никогда такого не видела.

— Я вижу лишь ребенка без слабых сторон, — сказал Род.

Чжи усмехнулась:

— Это не так, Род. Теоретически он может не иметь слабостей в каждой конкретной сфере, но это потому, что в реальности он будет плох во всем.

— Просто перефразирую, как делаете вы двое. Показываю в выгодном свете. — Он засмеялся. — Почему мы вообще этим занимаемся? Мы все понимаем, что я захочу «Ди Маджо». Ребенку не обязательно становиться профессионалом. Если он будет попадать по мячу, я уже буду счастлив. Бара, что думаешь?

Она смотрела на цифры на экране и думала над словами Рода.

Без слабых сторон. Да, это подтасовка, просто фигура речи, но... так устроен мир, по крайней мере мир корпораций. И если все остальные пользуются тем же языком, тогда есть шанс, что...

Она посмотрела на Чжи, и консультант широко распахнула глаза, увидев выражение ее лица.

— Чжи, что, если мы поможем вам построить лестницу? — произнесла Барака.

***

— Добро пожаловать в «Архитектуры высшего порядка», — сказал хорошо одетый консультант, с энтузиазмом пожимая руку Джоан. — Меня зовут Джефф. А вас?

— Джоан, — ответила она, потом взглянула на мужа. — И Вийом. Мы просто смотрим.

— Конечно-конечно, — согласился Джефф, жестом приглашая их в демонстрационный зал, в котором, как ни страннно, стояла всего одна витрина.

— Всего один? — спросил Вийом. — У других десятки.

— Я вижу, что вы умный мужчина, — широко улыбнулся Джефф. — Хорошо подготовились, посетили все демонстрационные залы. Отлично! Потому что теперь вам есть, с чем сравнивать.

Джоан нерешительно вошла.

— Один мозг.

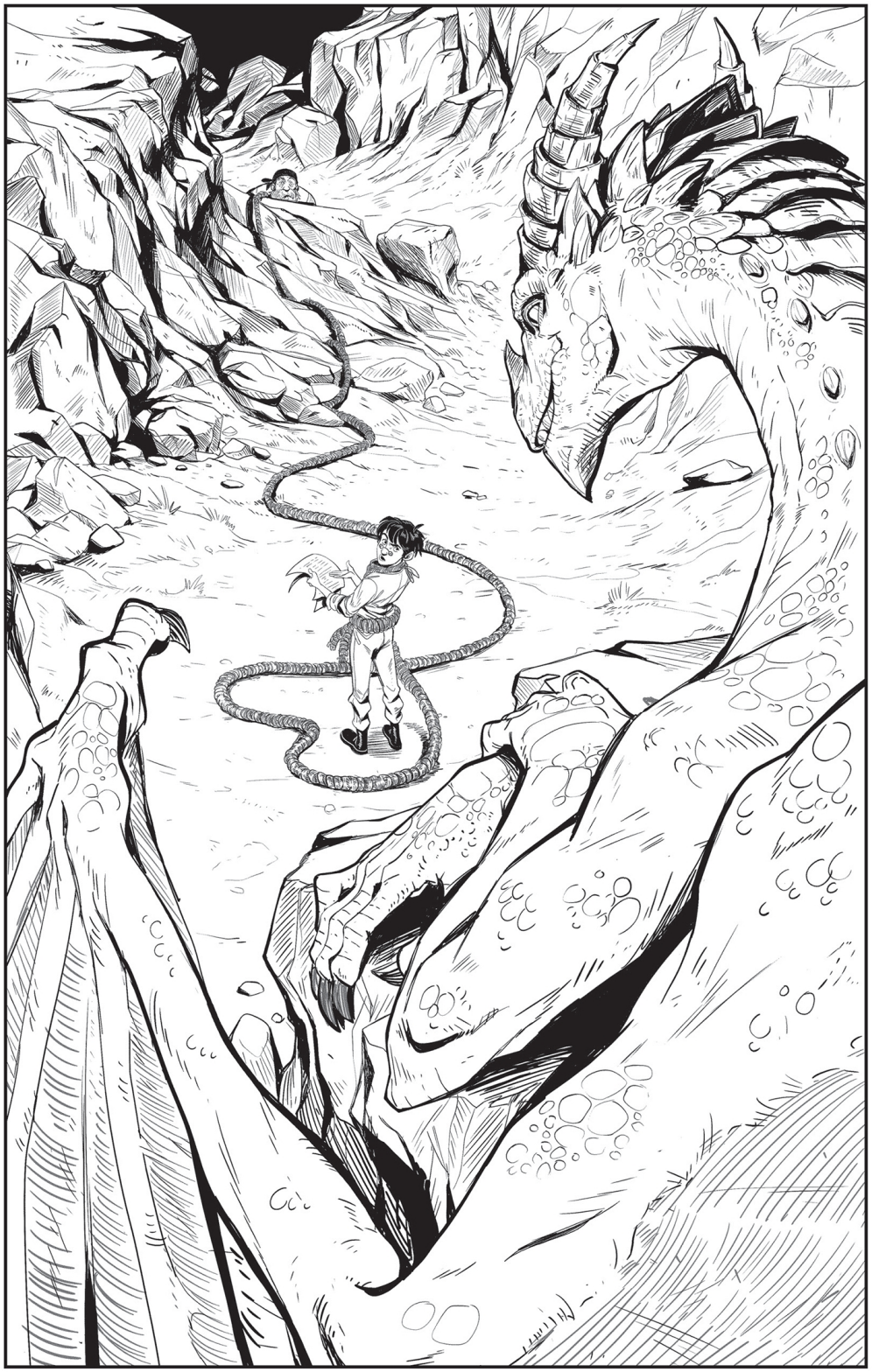
— Больше и не нужно, — сказал Джефф, продолжая улыбаться. — Хотя я понимаю ваше недоверие. Да, мы новички. Но именно такими и должны быть разработчики архитектуры — молодые первопроходцы-визионеры! Как-никак наша компания — естественный результат эволюции моделирования мозга. Концепция этого мозга принадлежит нашему генеральному директору, и знаете, у нее мозг от «Крещендо».

— «Крещендо», — повторил Вийом. — Они лучшие.

Послесловие

Этот рассказ родился из короткой заявки: сконструированный мозг. У меня была идея на эту тему, и я некоторое время прокручивал ее в собственном (не сконструированном) мозгу, пока однажды мы с женой не отправились покупать новый телефон. Моя жена любит «Айфоны», и мы зашли в «Эппл Стор». Пока она выбирала телефон, я размышлял о магазине для мозгов.

Меня всегда интриговала эта сторона научной фантастики — «клянемся, это никакая не антиутопия». В таких историях мы читаем про какой-то аспект жизни в будущем, который по меркам героев «нормален», но с нашей точки зрения, очевидно, далек от нормы. К тому же это один из тех рассказов, которые я писал, зная, что для него нет подходящего места. Это своеобразная, незамысловатая история, которую можно было бы пристроить в какой-нибудь журнал. Но если бы я продал рассказ журналу (если вдруг такой простенький рассказ вообще захотели бы у меня купить), мое имя напечатали бы большими буквами на обложке в рекламных целях. Тогда люди стали бы покупать журнал, ожидая рассказ «в стиле Брендона Сандерсона», а вместо этого получили бы крохотное исследование будущего, в котором я даже не пытаюсь делать то, что делаю обычно. Так что я придержал его и решил никому не продавать, посчитав, что этот сборник станет для него лучшим домом. Я рад, что теперь у вас есть возможность его оценить!



Я ненавижу драконов

— Господин Джонстон?

— Чего тебе, Скип?

— Я тут подумал, может, нам следует прояснить ситуацию с моей работой.

— Что? Сейчас? Парень, сейчас не время.

— Э-э, простите, сэр. Но я полагаю, что время как никогда подходящее. И прошу прощения, конечно, но я не сдвинусь с места до тех пор, пока не выскажу свое мнение.

— Ладно, ладно. Давай разберемся с этим.

— Хорошо, господин Джонстон. Вы же знаете, сэр, что мы здесь для того, чтобы убить дракона?

— Да. Это наша работа. Охотники на драконов. Так написано на твоей дурацкой куртке, парень!

— Ну, сэр, технически охотники — это вы и другие парни.

— Ты тоже важен, Скип. Без тебя дракон никогда ни появится!

— Наверно, вы имеете в виду «никогда не появится», сэр. И, кстати, о моем участии. Я понимаю, для вас важно, чтобы кто-то подманивал дракона.

— Без приманки ниче не поймать.

— «Ничего не поймать», сэр. И вы это верно подметили. Тем не менее я не могу не отметить один факт насчет моей роли в охоте. Я и есть, как вы выразились, приманка.

— И?

— И мне кажется, что в итоге, если приманку подкладывать достаточно часто...

— То?

— Ну, сэр, в конце концов, приманку съедят. Сэр.

— А...

— Теперь вы понимаете мое беспокойство?

— Ты занимался этим целый год, разве тебя съели?

— Ваша сентенция не очень-то убедительна, сэр.

— Эй, ты сомневаешься в моих способностях?

— Сэр, не компетенция, а сентенция. Так или иначе, верно, я остался жив целый год. Только… я начал задумываться.

— Опасная это привычка.

— Боюсь, хроническая. Я думал о том, сколько промахов у нас было. О том, что в конечном счете вы и другие парни никогда не торопитесь поскорее разобраться с драконом. Я размышлял о том, сколько коренных зубов рептилий повидал за эти месяцы.

— Я не раз проклинал себя.

— Итак…

— Хорошо, парень. Понимаю, куда ты клонишь. Два процента, не больше.

— Надбавка?

— Конечно. Два процента — хорошие деньги, сынок. Знаешь, в твоем возрасте я бы умер, чтобы заполучить эти два процента сверху!

— Мне бы не хотелось умирать, сэр.

— Тогда три процента.

— Вы же платите мне едой, сэр. Я не получаю никаких денег.

— А, точно! Я и забыл, ты ведь умный парень. Ну ладно. Четыре процента.

— Сэр, вы можете хоть удвоить процент, но это бессмысленно.

— Не будь таким нахальным! Удвоить? Ты что, думаешь, я в состоятельности платить дважды?

— «В состоянии», сэр.

— Что? Я так и сказал. Как…

— Не берите в голову. Сэр, видите ли, дело вовсе не в деньгах.

— Ты хочешь больше еды?

— Нет, э-э…

— Заканчивай уже! Дракон сам себя не убьет!

— Скорее всего, среди драконов такой же уровень самоубийств, как среди любых других разумных существ. Следовательно, конкретно этот вполне может убить себя сам. Во всяком случае, статистически это возможно. Но не суть. Видите ли, сэр, я бы предпочел изменить свою роль в охоте.

— В каком смысле?

— Я бы хотел стать охотником, сэр. Ну, вы знаете, держать гарпун, стрелять из арбалета. Я мог бы просто перезаряжать оружие других охотников, пока не освоюсь.

— Не глупи. Ничего не выйдет, если ты сидишь посреди поля как приманка!

— А речь и не идет делать два дела одновременно. Я бы предпочел заниматься быть охотником вместо того, чтобы быть приманкой, сэр.

— Но ни у кого больше нет твоего особого дара, сынок.

— Не думаю, что он такой уж особый...

— Да как это не особый?! За все мои годы охоты на драконов я еще не встречал никого, кто притягивал бы их так, как ты. У тебя дар.

— Дар аппетитно пахнуть для драконов? Сэр, я об этом вообще-то не просил.

— Если дар оказался неожиданным, это еще не значит, что это не дар.

— Нож в спину тоже может быть неожиданным. Но это не делает его даром, сэр.

— Послушай, сынок. Ты особенный. И было бы стыдно растрачивать свой дар впустую, сынок. Занимайся тем, для чего ты создан. Дотянись до звезд.

— Звезды — это гигантские газовые шары, горящие очень далеко.

— Они что?..

— Да. Дотянувшись до них, даже если это возможно, скорее всего, обожжешь руку, сэр.

— Разве это не самое?

— Разве это не «то же самое».

— Я так и сказал. В общем, сынок, тебе нужно изучать свои таланты.

— Мой талант — быть съеденным драконами, сэр. Изучать тут нечего, только пережить. Заметьте, не больше одного раза. Причем весьма жутким, болезненным и внезапно обрывающимся образом.

***

— Так что?

— Я вижу, что ты умен, сынок.

— Спасибо.

— Пять процентов.

— Я...

— Он здесь! Кружит! Парень, поговорим об этом позже.

— Ладно, давайте. Еще разок. Но это последний.

— Вот и молодец. Давай, топай. Сценарий помнишь?

— Конечно, помню. Кхм-кхм. Как же я устал! А ещё я просто терпеть не могу солнечный свет. Так что ни за что не стану смотреть наверх. Я просто не спеша прогуляюсь по этому... э-э... каменистому месту из камней и найду местечко, где бы прилечь и вздремнуть. Черт! Мне так грустно. Я споткнулся, и пыль попала мне в глаза, так что я ничего не видел, пока дул ветерок. Просто ветерок, а не хлопанье драконьих крыльев. Пожалуй, посплю в этой небольшой ямке. Надеюсь, никакие дикие звери на меня не нападут.

— Эй, Скип! «Не укусят»! По сценарию надо говорить «меня не укусят».

— Это обобщение!

— Какое еще общение? Ты с ним поболтать решил?

— Да не «общение», а «обобщение», господин Джонстон. Глядите, он возвращается. Цыц! Кхм. Глаза слипаются, я сейчас засну!

***

— Что зверюга делает?

— Приземлился вон там, наверху. Кажется, подозревает что-то. Вытянул шею вниз и...

— Ты ужасный актер.

— Э... Правда? А я-то думал, не все так плохо. Видите ли, я практиковался перед зеркалом.

— Ужасный. Я видел куски мыла, из которых актеры и то лучше, чем из тебя. Предполагаю, у вас тут в засаде целая команда охотников на драконов.

— Э... нет.

— Нет охотников? Или нет — в смысле, что я не могу предполагать? Так как я действительно сомневаюсь в твоей способности судить о том, что я могу или не могу предполагать. Кстати, кто написал тебе этот сценарий?

— Господин Джонстон.

— Ему нужен редактор.

— Я пытался ему объяснить! Знаете, как трудно работать с таким ужасным текстом?

— Это не оправдывает твою плохую актерскую игру.

— По крайней мере, объясняет.

— Нет.

— Так если вы разгадали нашу уловку... почему вы все еще здесь? Почему не сбежали?

— Я... в тебе что-то есть, маленький человечек. Да. Что-то... дурманящее. Почему бы тебе не подняться сюда, ко мне?

— Простите?

— Поднимайся сюда.

— Вы меня съедите.

— А это идея.

— Тогда, пожалуй, я откажусь.

— О, брось. Все не так плохо, как ты думаешь. И боли ты почти не почуствуешь.

— Плевать, больно или нет. Я все равно буду мертв. И вы пропустили букву: нужно «почувствуешь», а не «почуствуешь».

— Да? Откуда ты знаешь? Ведь в произношении нет никакой разницы.

— На самом деле я умею слышать правописание.

— Серьезно?

— Да. И пунктуацию.

— Это… интересно, малец. Очень интересно. Ну, пора нам заканчивать. Нет смысла тянуть кота за хвост. Поднимайся, и я тебя съем.

— Не очень-то убедительные аргументы вы привели.

— Я весьма занятой дракон.

— Забавно. Но я никуда не тороплюсь. И могу просидеть здесь хоть весь день, лишь бы меня не съели.

— Ой, да ладно. Не будь занудой. Ты для того и создан.

— Что натолкнуло вас на такую нелепую мысль?

— Круговорот жизни, малец! Красота природы! Каждое существо потребляется более крупным существом, и так до тех пор, пока мы не доберемся до вершины — хищников. Между прочим, я один из них.

— Я заметил.

— Коровы едят траву, волки едят коров, люди едят волков, а драконы едят людей. Все гениальное просто.

— Вообще-то мы не едим волков.

— Правда?

— Правда. Если, конечно, не проголодаемся как следует. Но даже тогда они довольно неприятны на вкус, как мне говорили. Слишком жилистые.

— Ну, вам полагается есть волков. Просто люди никогда не поступают так, как должны. Например, взять хотя бы эту твою поразительную дерзость. Ты отказываешься, чтобы я тебя съел. Как тебя убедить?

— Вообще-то, вы меня убеждаете.

— Действительно? Получается? Э-э… я имею в виду… разумеется. Я славлюсь искусством беседы, среди своих собратьев.

— Запятая там не нужна, да «среди своих собратьев» лучше перенести в начало. Однако это к делу не относится. Понимаете, я сказал, что вы «меня убеждаете», потому что само определение этого слова подразумевает лишь попытку склонить кого-то к действию, независимо от успеха. Вы сначала

убеждаете кого-то, а затем либо терпите неудачу, либо добиваетесь своего. Большинство людей используют это слово неправильно. На самом деле вам нужно другое слово — «уговорить». Меня нужно уговорить, а не просто убеждать.

— С тобой не очень-то весело на вечеринках, человечек.

— Меня... не часто приглашают на вечеринки.

— Даже не представляю почему. Так что, ты кончишь ныть и подойдешь, как мужчина?

— Нет.

— Ты заставляешь матушку-природу плакать.

— Хорошо. Чуть больше дождей нам только на пользу. Почему бы вам просто не съесть корову?

— Почему бы тебе не пожевать травы?

— Люди не способны переваривать траву.

— А драконы — коров.

— В самом деле?

— Сущая правда. Люди созданы для того, чтобы их поедали драконы. Такова природа вещей.

— Я считаю сей факт весьма несправедливым. А кто ест вас?

— Черви после нашей смерти. Все очень метафизично.

— Однако вы должны питаться людьми?

— Иначе мы попросту умрем.

— А что будете делать, когда людей не останется?

— У нас нет необходимости питаться очень часто, человечек. Один раз в несколько месяцев. Популяция людей больше, чем нам нужно для выживания. Вы не закончитесь... Напомни-ка, что вы там едите?

— Коров. Свиней. Морковку. Очень редко волков.

— Ну вот, а мы точно так же питаемся людьми.

— Только вот я умру.

— Подумай, какую хорошую службу сослужишь.

— Хорошую? Оставив дракона в живых, чтобы он продолжал терроризировать людей?

— Нет, пожертвовав собой ради других. Если я не съем тебя, то найду кого-то еще. Возможно, чистую юную девственницу. Бедное дитя. Если подумать, то было бы очень храбро с твоей стороны пожертвовать собой. Благородно, героически.

— Ну, раз вы так ставите вопрос...

— Вот так, подходи ближе.

— ...пожалуй, я подойду прямо к подножию этого уступа...

— О-о... твой запах... я... почему ты остановился? Подойди ближе! Я не могу... не могу... р-р-раугр-р-р!

— В атаку, парни!

— А-а-а!

— Рг-р-р!

— Хр-рм!

— Моя рука!

— Колите его, колите!

— Глупые людишки! Гр-р! Гр... Бл-лрк!

— Готов?

— Парни, вы же знаете мое правило. Всегда есть повод ткнуть еще разок! Колите. А ты, Скип, молодец. Пусть и совершенно испортинизировал сценарий.

— «Испортинизировал»? Серьезно? Вы правда так сказали?

— Ну, ты вечно используешь всякие заумные словечки. Вот я и подумал...

— Забудьте. Пойду смою с себя драконью кровь. Поверить не могу, на что я подписался...

— Что-то он не выглядит счастливым, господин Джонстон.

— За Скипа не переживай. Все с ним будет в порядке.

— Не знаю. В этот раз он прямо совсем не рад.

— Да не бойся. У меня есть секретное оружие.

— Да?

— Ну еще бы. Сегодня вечером, когда как следуем поедим и выпьем…

— Ну?

— Выпишу ему прибавку к жалованью. Целых шесть процентов!

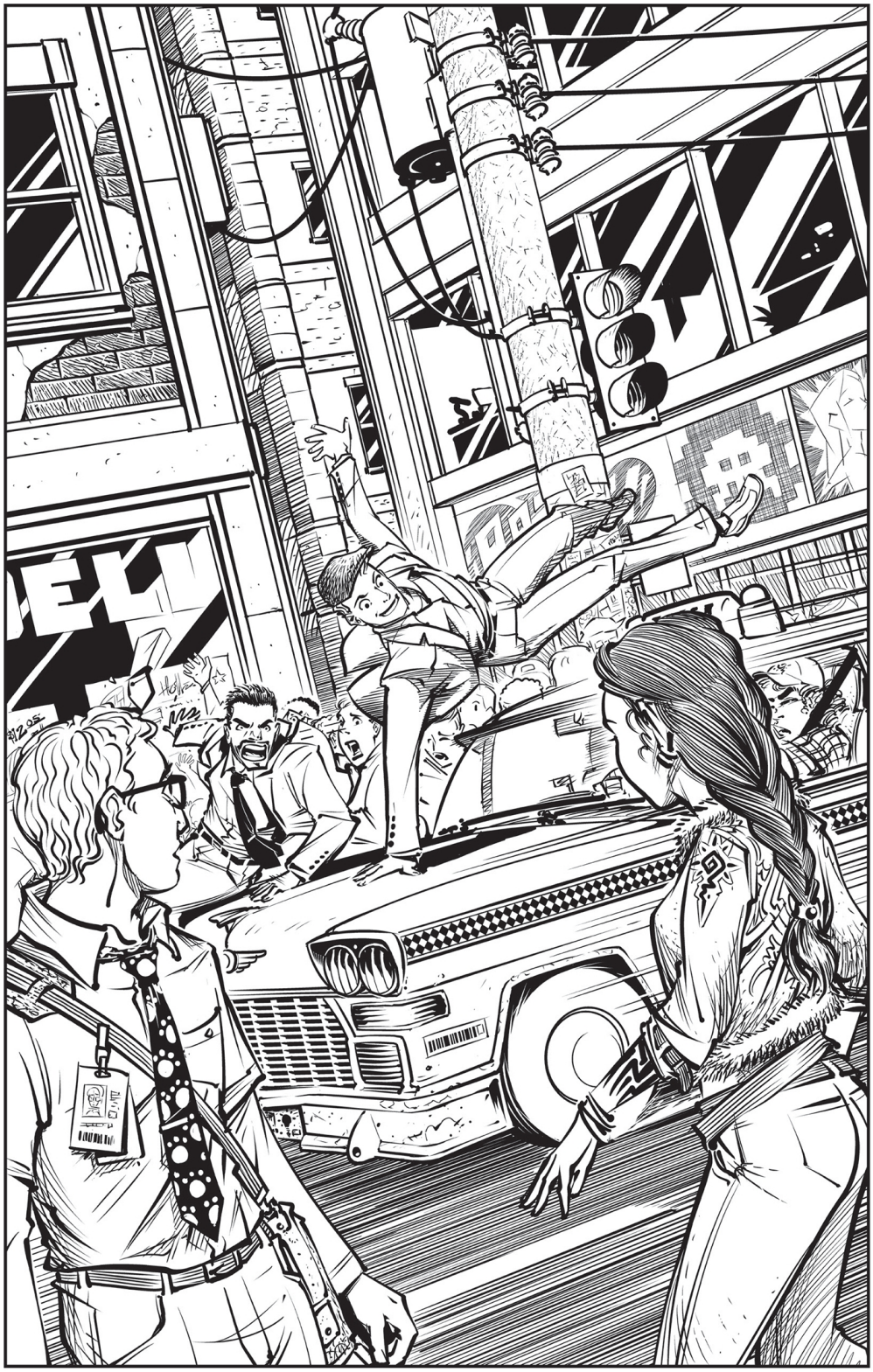
Послесловие

Пожалуй, это самый причудливый рассказ во всем сборнике. Я написал его в качестве упражнения, когда делал серию постов в блоге о том, как прокачивать писательские навыки. Мне, например, очень помогает одно упражнение — писать сцены исключительно в виде реплик. Участвовать могут сразу несколько персонажей, но вы не используете вообще ничего, кроме прямой речи, даже банальных указаний вроде «сказал он» или «ответила она».

Суть в том, чтобы сам диалог (и только он) тащил на себе всю сцену. Если все сделать правильно, то даже в беседе целой компании читатель по контексту и манере речи легко поймет, кто именно произносит каждую реплику.

Я предложил эту идею читателям блога, а потом решил и сам попробовать, так и родился этот рассказ. Читателям он так зашел, что они то и дело о нем спрашивали. В итоге я слегка причесал текст: добавил описания, авторские ремарки и все такое. Но даже тогда он оставался просто забавным примером из писательского блога. И все же его продолжали любить. Так что, хоть рассказ и короткий и оставляет ощущение вырванной главы из большой книги, так и не написанной, я решил включить его в этот сборник.

А еще это помогло мне обкатать одну задумку для магической системы. Я давно хотел ее куда-нибудь пристроить, но для Космера она казалась слишком уж глупой: персонаж с талантом, который позволяет ему буквально видеть диалоги, как в РПГ. Так что можете считать, что я одной ногой ступил и в этот жанр.



Мечтатель

— Вижу его, — заорал я в трубку, во весь опор несясь по улице. — Сорок Девятая и Бродвей!

Я растолкал азиатскую семью, которая возвращалась с рынка. Сумки полетели в стороны, апельсины посыпались на асфальт и покатились, подпрыгивая, прямо под колеса гудящих такси. В спину мне неслись ругательства с акцентом.

Опустив телефон, я прибавил ходу. Мою добычу — паренька в зеленой спортивной куртке и кепке — окружало ярко-желтое свечение, верный признак его истинной сущности, видимый только мне.

Я был в теле бизнесмена: лет под сорок, подтянутый, сухощавый. К счастью для меня, бизнесмен захаживал в спортзал. На полной скорости я свернул за угол. Беглец петлял в ранней вечерней толпе Театрального квартала. Возвышающиеся вокруг здания сверкали яростными огнями рекламы.

Фай оглянулся через плечо. Мне показалось, на его худощавом лице мелькнуло удивление. Разумеется, он узнал меня по свечению, которое видно только таким же, как мы.

Я перемахнул через строительное ограждение и выскочил на проезжую часть, огибая толпу. Под слаженный хор гудков и криков я шаг за шагом настигал Фая. На Манхэттене трудно потерять человека: никаких закоулков, куда можно шмыгнуть, и в толпе не затеряться.

Фай нырнул вправо и скрылся за стеклянной дверью закусочной.

«Какого черта? — Я с размаху ударил плечом в дверь и влетел в зал. — Неужели он надеется уйти через черный ход? Это же...»

Фай поджидал прямо у входа, вытянув руку в мою сторону. Пистолет был направлен мне в лоб. Я замер, на мгновение разинув рот. Фай выстрелил в упор.

Дезориентация.

Я забился вслепую, теряя ощущение пространства, цели и даже собственного «я», пока меня вышвыривало из умирающего тела. В первые несколько секунд совсем не получается соображать. Я как крыса в темноте, отчаянно стремящаяся к свету.

Вокруг сияние. Тепло душ. Одна исходила из покинутого мной тела — душа мужчины, которому оно принадлежало изначально. Ярко-желтая и теперь неприкосновенная. И непригодная. Мне требовалось тепло.

Я рванулся к первому попавшемуся телу, полагаясь исключительно на инстинкт, и вцепился в него, как лев в газель, терзая и сокрушая чужое сознание, подчиняя его. Оно отчаянно сопротивлялось, но мне позарез было нужно это тепло.

Я одержал верх. В таком первобытном состоянии я обычно побеждаю. Мало какие души способны справиться с подобным вторжением. Сознание возвращалось, словно вода, просачивающаяся под дверь. Все еще чувствовались паника, ужас — остаточные эмоции души, владевшей этим телом до меня, как шлейф духов, оставшийся после того, как женщина покинула комнату.

К тому времени, как я обрел полный контроль, вернулось зрение. Я сидел за одним из столиков в закусочной и смотрел на труп — мое бывшее тело, которое убил Фай.

«Проклятье», — подумал я, дожевывая кусок. Когда я захватил женщину, она что-то ела. Во рту чувствовался слабый вкус меда и выпечки.

У Фая был пистолет. Значит, он был у тела, которое он занял. Везучий ублюдок.

За соседними столиками на каком-то незнакомом мне языке галдела группа пожилых женщин в вязаных кофтах и платках. Некоторые посетители кричали и визжали, пятясь от трупа. Конечно, Фая уже и след простыл. Он прекрасно знал: лучший способ сбросить меня с хвоста — прикончить мое тело.

Кровь растекалась по щербатому кафельному полу. Проклятье. Отличное было тело, мне с ним повезло. Я тряхнул головой, подхватил лежащую рядом сумочку — судя по всему, она принадлежала прежней хозяйке тела — и начал в ней рыться. Теперь я был пожилой женщиной, как и остальные за столом. Это было мне видно в отражении в окне.

«Давай, — думал я, вставая и продолжая рыться в сумочке. — Давай же... Есть!»

Я выудил мобильный телефон.

Мне повезло. Это была старая «раскладушка», а не смартфон, а значит, нет ни блокировки, ни пароля. Не обращая внимания на крики подруг пожилой дамы, я обошел труп и вышел на улицу.

Мой уход послужил сигналом к массовому бегству, будто из взболтанной бутылки шампанского вышибло пробку. Люди в панике бросились из закусочной, многие бледные от ужаса. Родители прижимали к себе детей.

Я набрал номер Пули. Вообще-то Фай охотился именно за ней, но она не желала сидеть сложа руки. В любом случае мы часто оставляли кого-то в тылу в качестве координатора. Пока остальные скачут по телам и ищут новые мобильники, лучший способ оставаться на связи — иметь человека с постоянным номером, который принимает звонки от остальных четырех и передает сообщения.

Трубку взяли после первого гудка.

— Это Мечтатель, — сказал я.

— Мечтатель? — Пуля была в теле с мягким женским баритоном. — Голос у тебя, как у старой бабки.

— Так и есть. Пока.

В моем голосе проскальзывал едва заметный акцент, доставшийся от души прежней владелицы. Подобные вещи оставались неизменными. Мышечная память, акцент, все, что не связано с сознанием напрямую. Языки, к сожалению, не сохранялись, но некоторые навыки — вполне. Однажды я пару недель прожил в теле профессионального пианиста и сам исполнял музыку, пока этот дар окончательно из меня не выветрился.

— Что произошло? — поинтересовалась Пуля.

— У его тела было оружие. Он заскочил в кафе и вышиб мне мозги, когда я вбежал следом. Не знаю, где он сейчас.

— Проклятье. Секунду, нужно предупредить остальных, что он вооружен.

— Это кстати не так уж плохо. — Я покосился в сторону: сквозь редеющую толпу уже пробивались двое копов. — Теперь за ним будет гоняться обычная полиция.

— Если только он не перескочит в другое тело.

— Это у него уже третье по счету. В запасе не так много. Кроме того, перескочив, он рискует остаться без оружия. Думаю, он будет держаться за это тело. Он нахал.

— Ты уверен?

— Пуля, я знаю его лучше, чем кто-либо.

— Ладно-ладно, — сдалась она, но я уловил подтекст: «Он тоже тебя знает, Мечтатель, и он снова обвел тебя вокруг пальца».

Я опустил телефон. Пуля отключилась и принялась звонить остальным. Мне не терпелось снова броситься в погоню за Фаем, но нужно действовать умнее. Мы знали, куда он направляется. Его цель — Пуля. Она затаилась на крыше одного из ближайших зданий, неспособная перемещаться. Мы должны воспрепятствовать ему до нее добраться.

На этот раз Фай от меня не уйдет. Больше никаких неудач. Никаких оправданий.

— Извините! — Я подковылял к одному из полицейских, пытавшихся утихомирить толпу. Проклятье, до чего же немощное тело. — Детектив! Я видела, кто это сделал.

Полицейский повернулся ко мне. Меня до сих пор поражает, как разительно меняется отношение людей в зависимости от того, какое тело на мне надето. Этот парень сразу надулся, будто все держал под контролем.

— Мэм?

— Я его видела, — повторил я. — Невысокий, жилистый. Смуглый, возможно, индиец. В зеленой куртке и кепке. Худощавое лицо, высокие скулы, короткие волосы. Рост примерно пять футов пять дюймов.

Коп безмолвно таращился на меня несколько секунд.

— Э-э, лучше запишу.

У них ушло целых пять минут, чтобы зафиксировать мои показания. Пять минут, за которые Фай мог уйти бог знает куда. С другой стороны, от Пули звонков не поступало, поэтому бежать мне пока что некуда. Как только кто-то из наших его засечет, я сразу узнаю. Еще двое, как и я, прочесывали улицы. Последний, Качок, охранял подступы к позиции Пули.

Целая команда из пяти человек против одного, но Фай — скользкий тип. Проклятье, поверить не могу, что он снова застал меня врасплох.

Я уже в шестой раз заканчивал описание его внешности, когда наконец позвонила Пуля. Я отошел от полицейских, те опрашивали других посетителей закусочной для подтверждения примет и передавали ориентировку по рации. Подъехала скорая, хотя толку от нее уже никакого.

— Да? — буркнул я в трубку.

— Льдинка решила занять позицию повыше, на крыше на Бродвее. Она засекла его. Фай почти дошел до Сорок седьмой. Идет не спеша, явно старается не привлекать внимания. Ты был прав, он в том же теле.

— Замечательно.

— Льдинка уже спускается, чтобы перехватить его. Мечтатель, ты ведь не допустишь, чтобы ваши с Фаем старые счеты нам помешали? Фай...

— Я уже натравил на него копов, — перебил я. — Я перескочу, но возьму с собой этот телефон.

— Мечтатель! Это будет твое последнее тело! Не смей...

Я захлопнул «раскладушку» и повернулся обратно к полицейским. Выбрал мускулистого темнокожего мужчину. На нем была белая рубашка вместо голубой, и остальные называли его лейтенантом.

— Детектив, — позвал я и заковылял к нему, стараясь привлечь его внимание так, чтобы не вызвать подозрений у остальных полицейских.

— Да, мэм, — рассеянно отозвался он.

Я притворился, что споткнулся, и он наклонился, чтобы помочь. Я схватил его за запястье.

И атаковал.

Это сложнее, когда ты уже в теле. Душа мгновенно привязывается к плоти, и заставить ее перебраться куда-то еще — задача не из легких. Кроме того, когда находишься вне тела, верх берет первобытная сущность и практически неосознанно помогает тебе продраться сквозь защиту чужой души.

Некоторые утверждают, будто первобытным бесплотным «я» можно управлять. Мол, можно научиться мыслить и в таком состоянии. Лично у меня это никогда не получалось. Так или иначе, у меня уже было тело, и часть энергии уходила на то, чтобы удерживать внутри душу той пожилой дамы. В то же время мне нужно было атаковать офицера полиции и подчинить его душу.

Мужчина судорожно вздохнул, глаза его широко распахнулись. Проклятье. Крепкая у него душа. Я напрягся изо всех сил, как человек, застрявший в шпагате между двумя далекими точками опоры, и надавил. Это все равно что опрокинуть кирпичную стену.

«На этот раз я до тебя доберусь!» — подумал я, увеличивая давление. Стену наконец удалось обрушить, и я скользнул в новое тело.

В этот раз дезориентация прошла быстрее. Полицейский споткнулся, на миг потеряв контроль над конечностями, но я подхватил тело до того, как оно упало. Поймав равновесие у декоративной клумбы, я опустился на одно колено, но удержался на ногах.

— Лоренцо? — позвал один из полицейских. — Ты в порядке?

Труп уже накрыли белой простынью. Он лежал внутри закусочной прямо у двери. Вокруг виднелись кровавые следы — их оставили убегавшие в панике люди. Но некоторые посетители и работники все еще в ужасе жались друг к другу. Я смутно помнил этот страх с тех времен, когда еще был жив. Страх смерти, страх неизвестности.

Да и что они могли знать?

Я кивнул полицейским и поднялся на ноги. Когда они отвернулись, успел незаметно вытащить телефон из рук пожилой женщины. Она стояла как вкопанная, разинув рот. Примерно через час ее душа придет в норму. Женщина ничего не будет помнить о том времени, что мы провели вместе.

Я сунул телефон в карман и зашагал прочь.

— Лейтенант? — крикнул вслед один из копов.

— У меня есть зацепка! — ответил я. — Продолжайте работать.

— Но...

Я перешел на бег. В полиции решили, что это бандитские разборки, поэтому улицы пока не перекрывали. Может, еще перекроют. Мне же на руку, если они ничего не сделают: для моей команды это значит, что при необходимости можно воспользоваться большим количеством тел.

Тело копа ощущалось сильным и полным энергии. В голове затихали слабые отзвуки мелодии, которую он напевал про себя, когда я в него вселился. Проплывали какие-то смутные образы.... лицо. Жена? Девушка? Непонятно, все растворилось в небытии...

Я свернул за угол, высматривая свечение тела, которым завладел Фай. Отсюда уже рукой подать до здания, где засела Пуля. Если Фай до нее доберется... шансов у нее нет.

Вот место, где его заметила Льдинка. Я замедлил шаг. Ни следа ни того, ни другой.

Я лавировал среди оживленно болтающих прохожих. Коп был высоким, что обеспечивало мне отличный обзор. Удивительно, как люди могут совершенно ни о

чем не догадываться. Буквально в двух улицах царит полный хаос, страх и ужас. А здесь — смех и веселье в предвкушении вечернего шоу. Бойкие уличные продавцы избавляли туристов от денег, промоутеры с потухшими глазами, вкалывающие за минималку, раздавали рекламные буклеты, которые никто не хотел читать.

Фай должен быть где-то рядом. Здание Пули располагалось чуть дальше по улице, а она засела на самом верху. Он сначала погуляет вокруг, чтобы составить план.

Я ждал, взвинченный и напряженный. Ждал до тех пор, пока из наушника, настроенного на официальные полицейские каналы, не донеслось:

— Маркс на связи. Кажется, это он. Перекресток Бродвея и Сорок Седьмой. Рядом с информационным центром.

Я рванул с места.

— В бой не вступать, — затрещали голоса в эфире. — Ждать подкрепления.

— Говорит лейтенант Лоренцо, — закричал я в микрофон. — Маркс, отставить приказ! Он опаснее, чем мы думали. При возможности — ликвидировать!

Другие копы на линии принялись спорить, заладили про «протокол». Не обращая на них внимания, я выхватил из кобуры пистолет и убедился, что он заряжен.

«Теперь, Фай, мы оба вооружены».

Я ринулся за угол. При виде полицейского с оружием наперевес люди с криками бросились врассыпную. В этот раз крики, летевшие мне в спину, были другими — менее возмущенными, более потрясенными.

Впереди прогремели выстрелы. На миг я понадеялся, что Маркс последовал моему приказу, но тут увидел, как на землю рухнула светящаяся желтым фигура. И это не Фай.

«Льдинка», — подумал я с раздражением.

И действительно, по улице убегал Фай, все в том же теле, в зеленой куртке. Это он положил Льдинку. С моего места чистой траектории для выстрела не было, но я все равно резко остановился, прицелился и выпустил всю обойму.

Это тело умело обращаться с оружием. Сам бы я не мог так прицельно вести огонь. Пули изрешетили стены прямо возле Фая и, увы, задели кого-то в толпе. Но в него я не попал. Так близко, но все мимо.

— Черт побери! — крикнул я, бросаясь в погоню. В толпе закричали, кто-то повалился на землю, другие, пригнувшись, разбегались. Фай направлялся прямо к зданию Пули.

В воздухе прогремел еще один выстрел. Я инстинктивно попытался увернуться от пули, но потом увидел брызги крови. Фай упал.

«Что?!»

Из-за клумбы поднялся бледный, как мел, полицейский. Это, должно быть, Маркс — тот самый, что доложил о подозреваемом. Коп в ужасе огляделся: стонущие от шальных пуль люди, мертвое тело, которое использовала Льдинка, убитый Фай.

Коп подошел к телу Фая.

— Нет! — Я судорожно нащупал микрофон и побежал вперед. — Кто-нибудь, скажите Марксу, чтобы не подходил! Маркс!

Маркс одеревенел, затем упал. Проклиная все на свете, я пытался добраться до него, но вокруг было слишком много людей: они бестолково толпились, пытались найти укрытие и путались под ногами. Я пробился сквозь них как раз вовремя, чтобы увидеть, как тело Маркса — молодого, рыжего парня худощавого телосложения — снова поднимается и поворачивается в мою сторону. Фай вселился в четвертое тело. И направил на меня пистолет Маркса.

«Только не в этот раз, козел», — подумал я и отпрянул в сторону. В толпе грохнули четыре выстрела. Только четыре — обойма была наполовину пуста.

Кувыркнувшись, я вскочил на ноги, радуясь, что Лоренцо держал себя в хорошей форме. Мое тело лучше меня знало, что делать. Фая уже и след простыл — побежал к Пуле.

Никакой маскировки, никакого осмотра позиций. Он прекрасно понимал: пальба в толпе мгновенно превратит это место в смертельную ловушку.

Я бросился за ним, крича в микрофон:

— Маркс заодно с целью. Повторяю, Маркс заодно с целью. Преследую его.

Что ж, это посеет еще больший хаос. Хотя трудно сказать. Вытащив наушник, я помчался за Фаем. Зазвонил мобильный телефон пожилой дамы. Я на бегу прижал его к уху.

— Льдинку вывели из строя, — сообщила Пуля. — Это ее последнее, третье тело.

Проклятье. Я еле дышал.

— Кажется, он и до Бешеного добрался, — продолжила она. — У того было всего второе тело, но я не могу до него дозвониться. Наверное, еще не обзавелся телефоном. Остался только ты, Мечтатель.

— Качок?

— Ушел, — тихо ответила Пуля.

— Что, черт возьми, значит «ушел»? — вскинулся я, пыхтя.

— Лучше не спрашивай.

Черт, черт, черт! Качок охранял вход.

— Фай по-прежнему вооружен, — предупредил я. — Если он доберется до тебя, держись как можешь.

— Постараюсь.

Я убрал телефон в карман, сунул пистолет в кобуру и припустил со всех ног. Улица быстро погружалась в хаос. На земле валялись раненые, люди с криками разбегались, бросая вещи и документы, машины тормозили, некоторые прохожие прятались внутри. Настоящая зона боевых действий. Впрочем, в каком-то смысле так оно и есть.

Я скользнул по капоту автомобиля, не отставая от Фая и даже немного сокращая дистанцию. Он добежал до нужного здания, но внутрь заходить не стал, а нырнул в соседнее — невысокий офисный центр с зеркальными стеклами.

«Он не знает, что Качка больше нет, — понял я, бросаясь вслед. — Не хочет, чтобы его загнали в угол».

Офисный центр и здание Пули были примерно одной высоты. Он легко мог перепрыгнуть с одной крыши на другую.

И он все еще опережал меня. Прошла целая минута, прежде чем я добрался до двери. На этот раз я ожидал засаду. Но нет, лишь хлопнула дверь на другом конце вестибюля.

— Что здесь происходит? — возмутился охранник, вскакивая из-за стойки у входа.

— Полиция! — крикнул я. — Эта дверь ведет на крышу?

— Ага. Я только что дал вашему приятелю ключ.

Проклятье. Он успеет забежать на крышу и запереть за собой дверь. А потом перепрыгнет на крышу другого здания и устранит Пулю. Надо отдать ему должное, соображал Фай хорошо.

Я ворвался на лестницу и на всех парах помчался наверх. Он мог опять устроить засаду, но некогда осторожничать. Подстрелит — так подстрелит. Риск огромный, но если он быстро доберется до крыши, я проиграл. А я не собирался снова его упускать!

Сверху доносилось тяжелое сопение и топот.

Мое тело находилось в лучшей форме, чем его, но бежал я дольше. Впрочем, разговор с охранником его замедлил, так что я нагонял.

Я обогнул очередной выкрашенный белой краской пролет, миновал граффити и бетонные косяки, которых годами не касалась швабра. Я почти его достал. На самом верхнем этаже до меня донесся яростный лязг — он пытался сладить с дверью.

Нет! Собрав остатки сил, я взлетел по последнему лестничному маршу и навалился на дверь в тот самый миг, когда Фай захлопнул ее с другой стороны. Я буквально вышиб ее плечом и вывалился на крышу, не дав ему запереть замок.

Фай отшатнулся. Мокрые от пота рыжие волосы прилипли ко лбу, плечи тяжело вздымались от усталости. Он попытался выхватить пистолет, возясь с запасной обоймой, но я сбил его с ног.

— Попался, — прорычал я, вжимая его в крышу. — Теперь не уйдешь. Хватит с меня.

Он плюнул мне в глаз.

Признаться, такого я не ожидал. Отпрянув от отвращения, я на секунду ослабил хватку. Фай тут же лягнул меня в ногу, столкнул с себя и отбросил в сторону.

Выругавшись и утирая глаз, я погнался за ним. Соседнее здание стояло вплотную, крыша была футов на пять ниже нашей, без малейшего зазора. После бешеного подъема мышцы моего тела сводило судорогой. Внизу по-прежнему царила неразбериха, слышались крики, в отдалении завывали сирены.

Фай перепрыгнул на соседнюю крышу, я за ним. Пуля в теле молодой женщины скорчилась в дальнем углу. Фай понесся прямо к ней.

Я с криком рванулся вперед и в последний момент сбил его с ног.

Мы полетели с крыши вниз.

Это был единственный выход. Сбавь я скорость, он бы до нее добрался. На таком разгоне быстро не затормозить. Мы упали за долю мгновения и разбились о землю.

Дезориентация.

Первобытные силы потащили меня к теплу.

«Нет. Это тело последнее».

Мысль всплыла откуда-то из самой глубины. Говорят, первичным, освобожденным «я» можно управлять.

Я метался из стороны в сторону, но каким-то чудом удерживал контроль. Дух Фая тяжело скользил к ближайшему телу. Волевым усилием я заставил себя следовать за ним. Над землей текли два мерцающих сгустка, похожие на неоновую плесень, невидимые для глаз смертных. Погоня продолжалась. И на этот раз победа будет за мной.

Он уже почти прыгнул в тепло. Я догнал его, вцепился мертвой хваткой, навалился, не давая завладеть телом. Он бился, царапался, но я не отпускал. Уже забыл, зачем и для чего, но не отпускал. Сколько это длилось? Для меня будто целую вечность.

В конце концов он все-таки выскользнул. Как всегда!

Я рванулся к другому источнику тепла, открыл глаза и увидел улыбающееся лицо.

— Пуля? — пробормотал я, еще не придя в себя. Как оказалось, я лежал на земле в новом теле, судя по всему, рабочего-строителя. Схватка окончилась. Теперь можно находиться в теле.

— У тебя получилось! — сказала Пуля, сияя. — Ты не выпускал его достаточно долго, подоспел Бешеный. Когда Фай все же захватил контроль над своим последним телом, Бешеный уже его скрутил. Ты победил, Мечтатель.

— Он жульничал.

Я сел. Фай сидел рядом в теле другого строителя. Похоже, двое работяг прятались у подножия здания. Я сразу понял, что это он. У моего брата всегда эта самодовольная ухмылка на лице. Я узнаю его в любом теле.

— Что? Чушь какая. — Судя по тону, бизнес-леди, сидевшая на краю бетонной клумбы, теперь была Льдинка. — Фай, мы тебя поймали.

— Он стрелял в толпу! — огрызнулся Фай.

— А ты будто нет! — отрезал я, поднимаясь на ноги с помощью Пули.

После столь долгого… слишком долгого… пребывания вне тела так приятно почувствовать тепло. Наверное, прошло всего несколько минут, но без тела это кажется вечностью.

— Ты был в роли детектива, Дэйв, — напомнил Фай, ткнув в меня пальцем. — А я — преступника. Мне можно стрелять в гражданских, а тебе нет.

— По каким таким правилам? — спросила Льдинка.

— По общепринятым! — Фай всплеснул руками. — Вас пятеро, а я один. У преступника должно быть хоть какое-то преимущество. Поэтому мне можно убивать, а вам нет.

— Нас пятеро на одного, — сказал я, — только потому, что ты хвастался, будто можешь сделать всех нас в одиночку.

— Ты жульничал, — повторил Фай, откидываясь назад. — Внаглую.

— Да уж, ребят, — подал голос Бешеный. Он занимал тело широкоплечего темнокожего мужчины и стоял немного поодаль, наблюдая за неразберихой на Бродвее, куда уже подъехали скорые и полиция. — Ну и кашу мы заварили, а?

— Оружие вообще надо запретить, — сказала Пуля.

— Ты всегда так говоришь, — отмахнулся Фай.

— Сами посмотрите, — не унималась Пуля. — Теперь мы несколько месяцев не сможем играть на Манхэттене.

— Плевать, — отозвался Фай. — У меня следующая гонка с Качком через всю страну. — Какая мне разница?

— Кстати, а что вообще случилось с Качком? — спросила Льдинка.

Пуля поморщилась.

— Мы повздорили. Он ушел.

— Свалил посреди игры? — удивилась Льдинка. — Будь проклят этот мальчишка. Вообще зря его позвали.

— Сюда идут, — перебил Бешеный. — Хотят проверить тела двух копов. Нам лучше разделиться.

— Встречаемся в Джерси? — предложила Пуля.

Мы дружно кивнули. Светящиеся люди разошлись в разные стороны и направились к выходу из города, перескакивая из одного человека в другого, как бог на душу положит.

В итоге я пошел вместе с Фаем. Мы шагали бок о бок, стараясь убраться подальше от мертвых копов, надеясь, что нас никто не остановит. Я жутко устал, и мысль о том, чтобы прямо сейчас прыгать в другое тело, не вызывала никакого восторга.

— Я все-таки обыграл тебя, — сказал я.

— Ты очень старался, отдаю тебе должное.

— Я победил, Фай. Неужели так трудно это признать?

Он лишь ухмыльнулся.

— Давай так. Наперегонки пешком до Джерси. Количество тел не ограничено. И специально для тебя никакого оружия. Проигравший признает поражение.

С этими словами он сорвался с места.

Я вздохнул и покачал головой, глядя вслед старшему брату. Пешком? Значит, никаких машин и метро. Придется всю дорогу топать на своих двоих, каждые несколько минут перескакивая в новое тело, едва прежнее начнет выбиваться из сил. Этакая эстафета в исполнении призраков.

У Фая нет чувства меры. Я мало что помнил с тех времен, когда мы были живы, когда наши игры ограничивались геймпадами и плоским экраном, но точно знал, что и тогда он вел себя точно так же.

Что ж, в пешей гонке я его сделаю. Тут он далеко не так хорош, как в видеоиграх.

На этот раз победа будет за мной. Пускай утрется.

Послесловие

«Мечтатель» — единственный рассказ в этом сборнике, написанный по приглашению (то есть меня позвали поучаствовать в антологии). За всю карьеру я соглашался на такое всего дважды, и то лишь когда звали правильные люди. Первый раз это был Джордж Мартин. Он попросил меня написать что-нибудь для сборника «Опасные женщины», который выпускал вместе с Гарднером Дозуа. (Я тогда сочинил «Тени в лесах ада».)

В этот раз меня пригласила Шарлин Харрис, собиравшая хоррор-антологию. Мне показалось, это отличный шанс размяться и попробовать себя в жанре, куда я заглядывал нечасто. (Это было еще до «Теней в лесах ада» и «Стоп-кадра», которые бьют в ту же точку, так что, думаю, эта тренировка мне сильно помогла.) Задумка может показаться странной для ужастиков, но я все объясню. В то время я вовсю резался в онлайн-игры и до глубины души поражался (да и сейчас поражаюсь), как же черство и жестоко там ведут себя некоторые.

Самый жуткий кошмар, который я только мог себе представить, — это если бы таким геймерам дали возможность творить реальное зло в настоящем мире и они бы знали, что им за это ничего не будет. Так что да, если упростить, этот рассказ вдохновлен подростками из Xbox Live. А еще этот рассказ сильнее всего разочаровал Питера Альстрома (главу редакционного отдела). Ему безумно понравилась механика магии, и он надеялся, что сюжет пойдет по более привычному пути охоты на тех, кто умеет переселяться в чужие тела, а не оборвется финальным твистом. Именно эта концовка и делает историю страшной (тотальное отсутствие эмпатии у персонажей и абсолютная безнаказанность за все разрушения). Впрочем, я прекрасно понимаю Питера. Более классическая «сандерсоновская» версия этой истории тоже могла бы получиться невероятно крутой. Так что, кто знает, может, когда-нибудь к ней и вернусь.

Идеальный штат

К своему трехсотлетнему юбилею мне наконец-то удалось завоевать мир. Весь мир. Получился весьма запоминающийся подарок на день рождения, хотя, надо признать, меня и поместили в этот мир с намерением и ожиданием, что когда-нибудь я приду к власти.

Следующие пятьдесят лет я рисковал умереть от скуки. В конце концов, что делать человеку со своим временем после завоевания мира?

В моем случае я обзавелся заклятым врагом.

— Шейл, он что-то замышляет, — сказал я, размешивая сахар в чае.

— Кто?

Шейл — единственный из моих знакомых, кто может принять расслабленную позу, будучи облаченным в латы. Он почти никогда не снимал их, это часть его Концепции.

— А ты как думаешь? — Я потягивал чай и перебирал письма, запечатанные темно-красным воском.

Мы сидели на большой, парящей в воздухе платформе со стульями и перилами, напоминающей патио. Ливень барабанил по барьеру, который я создал для защиты от непогоды. Даже сквозь грозовые облака виднелось мерцающее в вышине Великое Сияние. Оно окрашивало землю под нами в бледно-голубой цвет.

Редкие разряды молний высвечивали вокруг сотни других каменных платформ. На них расположилось небольшое количество воинов, всего-то шесть тысяч, — моя почетная стража.

Прогремел гром, нас тряхнуло. Шейл зевнул.

— Кай, тебе действительно нужно научиться управлять погодой.

— Когда-нибудь у меня получится.

Последние пятьдесят лет, потраченные на изучение практического применения пронзания, были наиболее продуктивными, но управление погодой, по крайней мере в большом масштабе, мне не давалось.

Я глотнул чая. Холодало, но уж с этим-то я справиться в состоянии. Я расстегнул пуговицы на правой манжете и подставил кожу под пульсирующий

сине-фиолетовый свет. Великое Сияние опоясывало весь мир, и даже самые мощные бури лишь слегка туманили его перламутровое мерцание. Сияние одержало верх над бурями, вот откуда я знал, что когда-нибудь и сам смогу этого добиться.

Я перешел на пронзающее зрение, и все вокруг потускнело. Все, кроме Великого Сияния. Я купался в теплом свете, который внезапно стал чувствоваться как пульсирующие удары по коже. Втянув сияние в руку, я послал энергию из пальцев в чашку.

Над чаем поднялся пар. Отхлебнув из чашки, я вышел из пронзающего зрения и вскрыл одно из писем. На печати стоял оттиск с символом моей шпионской сети.

«Ваше величество, — гласило письмо, — я считаю необходимым сообщить вам, что Скрижаль Модеров снова...»

Я скомкал бумагу.

— Ого, — произнес Шейл.

— Пустяки. — Я отбросил бумагу и застегнул рукав.

Письмо вообще не от моих шпионов, просто Беск знал, что я в первую очередь открываю их донесения.

Пока я просматривал пачку писем, на каждом из которых красовался мой имперский знак, платформу снова тряхнуло от очередного раската грома.

— Ты не можешь заставить эту штуку двигаться быстрее? — спросил Шейл.

— Радуйся, что нам не приходится передвигаться по старинке.

— По старинке? То есть... на лошадях? — Шейл почесал подбородок. — Я скучаю по ним.

— В самом деле? По ноющему заду, скачкам под дождем, укусам и необходимости искать корм для животных?..

— У лошадей есть индивидуальность. А у платформ — нет.

— Ты так говоришь, потому что это часть твоей Концепции, — сказал я. — Бравый рыцарь верхом на коне, завоевывающий руки прекрасных дев.

— Конечно, конечно. У меня неплохая коллекция рук. Пара рук, а иногда попадаются и ноги...

Я улыбнулся. Шейл теперь счастливый семьянин с пятью детьми. И единственные девы, с которыми он проводит время, называют его папочкой и выпрашивают конфеты.

Я вернулся к донесениям. В следующем был предварительный эскиз нового комплекта монет с моим изображением, которые планировалось чеканить в этом году. В основном все было нарисовано правильно: резкие черты лица и царственные кудри до плеч, однако борода чересчур пышная. Я аккуратно подстригал ее в форме квадрата, длиной не больше пальца, чтобы представать в строгом образе. На рисунке борода была слишком всклокоченной.

Я сделал замечания по наброску и продолжил работу, не обращая внимания на брошенную на пол смятую записку. Чрезмерная хитрость Беска не пойдет ему во благо. Этого человека нужно сжечь и нанять канцлера поглупее. Либо взломать и переписать его Концепцию.

Хотя переписать Концепцию непросто. И, по правде говоря, я не силен во взломе, поэтому, несмотря на проведенные вместе столетия, у меня так и не дошли руки его изменить. Разумеется, не потому, что мне нравится канцлер. Этот похожий на тролля мужчина никогда не делал то, что ему велено. Я правил без преувеличения миллиардами людей, и только он один игнорировал мою волю.

— Вот, — сказал я, подавая Шейлу отчет. — Взгляни.

Шейл подошел, позвякивая доспехами.

— Очередной робот? — зевнул он.

— Роботы Мелхи опасны.

— У-у-э-э-а-а.

— Когда зеваешь, не обязательно делать это так громко.

— У-у-э-э-а-а. Кай, что случилось с большими приключениями? Охота на драконов, поиск магических мечей? Ты теперь только изучаешь магию и бьешься на дуэлях с живорожденными из других штатов.

— Старею, Шейл. — Я вернулся к донесению.

Мои шпионы подслушали, как кое-кто из людей Мелхи в приграничном штате хвастается этим его новым роботом. Я покачал головой. Мелхи все еще страдал после того, что я сделал с ним в Лекорсе, другом приграничном штате, к которому у нас обоих есть доступ. Он был так уверен в том, что его войска сокрушат мои.

— Стареешь? — рассмеялся Шейл. — И причем тут это? Ты бессмертен. Твое тело молодо.

Я не мог ему объяснить. Все эти приключения — создание королевства, поиск скрытых сокровищ и тайн, объединение тех, кто следует за мной, и покорение тех, кто не следует, — интересовали меня только в молодости. Они сделали меня тем, кто я есть, — личностью, способной управлять империей.

В последнее время империя превосходно управлялась сама по себе. Сенаторы, дипломаты и министры вполне справлялись. Я очень старался не вмешиваться, разве только затем, чтобы исправить какую-нибудь чрезвычайную глупость. Честно говоря, мне доставляло удовольствие проводить ночи в кабинете, экспериментируя и медитируя. Меня вытаскивали оттуда только редкие государственные дела вроде сегодняшнего празднования пятидесятилетней годовщины объединения мира.

Ну, и еще нападения Мелхи.

Дождь внезапно прекратился, небеса посветлели. Великое Сияние по-прежнему мерцало в небе, сменившем цвет с серого штормового на голубой. Мы добрались до Алорнии. Я встал из-за стола, прошел к краю платформы и посмотрел вниз на неясные очертания почти бесконечных городских улиц.

По крайней мере здесь, в центре своего могущества, мне удалось остановить бури.

«Когда-нибудь я смогу сделать это без Камня Сияния в центре города», — подумал я.

Алорния — город пальцеобразных башен и позолоченных куполов в форме луковиц. Следуя заданному курсу, платформа замедлилась и, покачиваясь, начала снижаться вместе с сотней других платформ с почетной стражей. Народ ждал, когда мы будем пролетать, ибо мои передвижения записывались в государственных отчетах. Внизу грянули приветственные возгласы, и нас словно подхватило потоком.

Я улыбнулся. Наверное, следует почаще выбираться в люди. Шейл положил руку на меч и, прищурившись, наблюдал за толпой.

— Никто не способен подстрелить меня с такого расстояния, — сказал я, потешаясь.

— Не зарекайся, Кай.

Платформа опустилась к дворцу, расположенному на холме в центре города, и пристыковалась сбоку к большой башне, снова став балконом. Я сошел с нее и

направился в кабинет, в то время как группа слуг в жилетках на голую грудь и свободных штанах поспешила на балкон, подняла стол и понесла следом за нами.

Шейл потянулся, бряцая латами.

— Похоже, поездка с каждым разом становится все дольше.

— Возможно, без доспехов тебе было бы удобнее.

— Я твой телохранитель, Кай. Один из нас должен быть готов. Помнишь, когда небесные кочевники попытались тебя ограбить? — Шейл с нежностью улыбнулся, как от воспоминания о романе в молодости. — Или когда мы попались в Щупальца Сашим?

— Конечно. Ты нес меня... сколько?

— Добрых пятьдесят миль. О Боги! Это было... больше ста лет назад?

Я ничего не ответил. Шейл уже давно не старел, с тех пор как мы с ним обнаружили секретное зелье долголетия в тайнике дракона Галбромета. Сейчас я думаю, что зелье поместили туда специально для того, чтобы я его нашел и появилось приемлемое объяснение тому, что я не старею. Я не знал правды о своем происхождении, пока не достиг пятидесяти — Возраста Осознания Модеров.

Шейл снова потянулся.

— Ну, лучше сохранять бдительность. Когда все спокойно, надо быть в наибольшей готовности.

— Непременно в наибольшей. Спасибо, что помог мне сегодня.

— Без проблем. А ведь неплохо, когда я поблизости? Ладно, пойду проведаю Синдрию. Посмотрю, чем там занимаются дети и все такое.

— Хорошая идея. — Я наблюдал, как обслуга тщательно расставляет все предметы на столе.

«Есть у меня время просмотреть донесения?..»

Нет, уже пора идти. Я направился вслед за Шейлом, который открывал дверь в коридор. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Если я поспешу, — объяснил я, — то успею спуститься в лабораторию до того, как Беск...

Шейл распахнул дверь полностью. За ней стоял Беск.

— Ой, — сказал Шейл. — Прости, Кай.

Беск поднял единственную подрисованную бровь. Он походил на одну из тех статуй, которые высекают снаружи зданий. Его руки и ноги казались чересчур длинными, облачение — слишком жестким, лицо — лишенным выражения. Давным-давно я поделился с ним каплей зелья бессмертия. С тех пор он меня и преследует.

Беск поклонился.

— Ваше императорское величество.

— Беск, — сказал я. — Боюсь, ежедневное совещание придется отложить. Я сделал очень важное ментальное открытие в пронзании, его необходимо записать.

Беск долгое мгновение изучал меня немигающим взглядом. В руках у него была необычная грифельная доска размером с книгу, но невероятно тонкая. Во всей империи нет ничего подобного. Один из слуг предупредительно принес смятую бумагу, которую я оставил на балконе, и положил ее на стол на случай, если она окажется важной.

Бровь Беска поднялась еще выше.

— Тогда я пойду с вами в лабораторию, ваше величество.

Шейл на прощание хлопнул меня по плечу и ушел, лязгая доспехами. Он без дрожи встречался лицом к лицу с убийцами, головорезами и мятежниками, но даже спустя столько времени Беск заставлял его нервничать.

— Не желаете рассмотреть возможность отправить сэра Шейла в отставку, ваше величество? — поинтересовался Беск, когда мы двинулись по коридору.

— Ему нравится то, чем он занимается. И мне нравится, что он рядом.

— Разумеется, ваша воля — закон.

— Ага. Если только не вмешиваются Модеры.

— Модеры обратились к вам единственный раз за более чем век правления.

Беск поднял грифельную доску. Скрижаль Модеров, единственный официальный способ связи с внешним миром.

Скрижаль была заполнена словами, ни одно из которых мне не хотелось читать. Однако, судя по тому немногому, что я заметил, послания Модеров становились все более настойчивыми. Я слишком долго их игнорировал.

В молчании мы вышли на стену между башнями. Знаю, я не должен так резко вести себя с Беском. Он действует согласно своей Концепции и по-своему лоялен, даже когда проявляет неповиновение.

Снизу послышались приветствия, и я рассеянно простер руку к подданным. Или это играют уличные музыканты? В небе мерцало Великое Сияние, однако на этот раз его свет не принес мне успокоения.

— Это такое тягостное задание, ваше величество? — спросил Беск. — Модеры настоятельно просят вас потратить всего один день, чтобы выполнить то, что большинство людей сочли бы приятным.

— Не само задание. Все дело... в том, что меня вызывают. Что толку быть императором, если кто-то может просто кликнуть тебя, словно ты обычный виночерпий или мальчик на побегушках? Это сводит на нет все, что я совершил, все, чего достиг.

— Они просто просят вас исполнить долг перед себе подобными.

— А какой долг мне подобные исполнили передо мной?

— Милорд. — Беск остановился. — Это вас недостойно. Вы напоминаете мне ребенка, каким когда-то были, а не короля, которым стали.

Я попробовал идти дальше без него, но мои ботинки словно налились свинцом. Я остановился в нескольких шагах впереди, не оглядываясь.

— Это ваш долг, — повторил канцлер.

— Я мозг в банке, Беск, — сказал я. — Один из миллиардов. Почему бы им не донимать кого-нибудь другого?

— Вам суждено достигнуть великого...

— Мы все достигли великого положения. — Я развернулся и указал на город. — В этом весь смысл. Сколько из тех миллиардов живут такой жизнью, как я, в исходных фэнтезийных штатах?

— Программирование позволяет, даже требует, чтобы штаты приспосабливали под каждого индивидуально.

— Это не имеет значения, Беск.

Боги! Терпеть не могу думать о таких вещах.

Модеры только дважды вмешивались в мою жизнь. В первый раз, когда мне было пятьдесят, меня известили о том, что моя реальность — многоуровневая симуляция.

И вот теперь, чтобы потребовать от меня продолжить род.

— Это бессмысленно, — сказал я, шагнув к Беску.

Конечно, он не из Модеров. На самом деле я никогда не встречал никого из них. Беск — часть моего мира, моего штата. Но если потребуется, он, как все сущее в моей реальности, станет служить Модерам. Они контролируют программы и, если их вынудить, могут изменить в моем мире все, кроме меня самого, чтобы заставить меня подчиниться.

Боги, как больно об этом думать!

— Бессмысленное требование, — продолжил я. — Им нужна моя ДНК, чтобы создавать живорожденных людей? Ладно, хорошо. Они могут ее взять. Проткнуть маленькой иголкой или еще чем-нибудь мою банку и извлечь ее. Все просто.

— Они требуют, чтобы вы взаимодействовали с женщиной, ваше величество. Предписание гласит, что вы должны выбрать ее, а она — вас, а затем вам нужно встретиться и совершить акт.

— Наши тела просто симуляции. Зачем нам встречаться?

— Я не знаю.

— Какой вздор!

Я спустился со стены и вошел во дворец.

Беск последовал за мной.

— Я распорядился организовать охоту на диких драклецов, ваше величество. Самых злобных, каких мы смогли найти. Возможно, охота улучшит ваше настроение.

— Возможно, — отозвался я.

Даже одна мысль о Модерах превращала меня обратно в ребенка. На этот счет Беск прав. Я командовал тысячными армиями. Единолично выковал империю, охватывающую целые континенты. Но... при мысли о Модерах чувствовал себя избалованным ребенком.

Я задержался на лестнице.

— Мне неизвестно, что легло в основу этих правил, милорд. — Беск положил руку мне на плечо. — Но они древние и хорошо служили таким, как вы. Доктрина Ксин-Вей гласит...

— Не читай мне лекций.

Он замолчал, но... Проклятие, я слышал его голос у себя в голове. Беск довольно часто зачитывает эти правила. Доктрина Ксин-Вей гласит, что самый главный моральный принцип человечества заключается в обретении максимального счастья для как можно большего числа людей при использовании наименьшего количества ресурсов.

Оказалось, что лучший способ даровать величайшую удовлетворенность людям при минимальных затратах ресурсов, — это изъять мозг еще на стадии зародыша и подключить его к смоделированной реальности, наиболее подходящей для развивающейся личности. Все живорожденные получают целый мир, в котором проявляют себя как важнейшие люди своего времени. Некоторые становятся артистами, другие — политиками, но у всех есть шанс добиться величайшей славы.

Для всего этого достаточно пространства, в котором поместится коробка размером с дыню, содержащая моделирующую машину, мозг и питательный раствор. Поразительно эффективно! И... если честно, меня это не возмущает. Проклятие, мне это нравится! Я стал императором. И хотя симуляция обеспечила меня возможностями, каждый шаг, будь то сверхсложный квест или достижение, я должен был сделать сам. Я заслужил такую жизнь.

Однако мысли о том, что миллионы других делают то же самое... расстраивают меня. Неужели существуют миллионы Бесков и миллионы Шейлов, миллионы меня, живущие под Великим Сиянием?

Все сущее учило, что я уникален, важен и могуществен. У меня вызывала протест сама идея того, что я могу оказаться обычным человеком.

— Это не займет много времени, милорд, — сказал Беск. — Выберите женщину из списка, который составили для вас Модеры по результатам прогноза совместимости, и направьте ей просьбу о встрече. Может быть, вы с ней поужинаете.

— Женщину из списка, — фыркнул я. — Живорожденная женщина, правящая собственным миром. О Боги, она будет невыносима.

Самое близкое расстояние, на которое я подпускал к себе другого живорожденного, — разные концы поля боя в приграничном штате, и мне

понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть даже к этому. Моя первая встреча с Мелхи...

— Милорд, — сказал Беск. — Стена.

Я вздрогнул: в каменной стене лестничной клетки что-то изменилось. Строчка за строчкой в камне проступали слова: «Малыш-император! У меня для тебя приятный сюрприз».

— Мелхи, змея! Как тебе удалось взломать мой дворец? Ты нарушаешь принципы ведения войны.

«Принципы — лишь слова. Как и крики. И я услышу твои крики за то оскорбление, что ты мне нанес».

— Мелхи, мои шпионы уже рассказали о твоем роботе. Не стоит посылать роботов. В моем штате они не работают должным образом.

Я не упомянул, но был удивлен тем, насколько хорошо они работают. Гораздо лучше, чем пронзание в его штате, где действуют законы физики.

«Ты будешь кричать, малыш. Кричать».

Я перешел на пронзающее зрение. Теперь я видел Великое Сияние даже сквозь каменные стены дворца, но на всякий случай отступил в дверной проем, где свет падал прямо на меня. Я втянул в руки силу и толкнул ее перед собой волной. Благодаря пронзающему зрению передо мной открывалось внутреннее устройство всех вещей, сами частицы энергии, мысли или, чем бы оно ни было, то, что составляло мою реальность.

Так я смог увидеть и взлом Мелхи. Он проявлялся как красные усики, расползающиеся по дворцу подобно яду. Наполненный силой, я заблокировал взлом. Усики не были сильны: Мелхи не мог совершить мощный взлом, не столкнувшись с защитными программами Модеров.

Поверхность стены вернулась в нормальное состояние. На всякий случай я расплавил камень и придал ему новую форму, затем моргнул, возвращаясь к обычному зрению.

— Боги, ему нужно перестать завидовать, — сказал я. — Меня ему никогда не побить. Пора бы уже понять.

— Действительно, — согласился Беск. — Похоже, он просто продолжает упрямиться, ведет себя как мальчишка и отказывается решать проблему. Как считаете?

— Довольно, Беск.

— Я по возможности стараюсь поддерживать разговор, ваше величество.

Я сделал глубокий, успокаивающий вдох. Не сработало.

— Хорошо. Мне все равно. Выбери женщину из списка. Я встречусь с ней, покончу со всем этим и вернусь к прежней жизни.

— Какую выбрать? Наиболее совместимую с вами, по мнению Модеров?

— О Боги, нет! — рявкнул я. — Выбери из нижней части списка. Так я хотя бы интересно проведу время.

***

Встреча должна была состояться в общем штате. Любой живорожденный мог посетить один из них, хотя я никогда этого не делал. С какой стати лишний раз напоминать себе, насколько я такой же, как все?

Конечно же, Шейлу не понравился мой отъезд из нашего штата.

— Не понимаю, почему я не могу пойти с тобой, — сказал он, преградив мне путь к порталу. — Я же все время сопровождаю тебя по приграничным штатам.

— Они плавно перетекают в наш мир, — ответил я. — Приспосабливаются под наше программное обеспечение. В общих штатах все иначе: они предназначены для посещения только живорожденными. Даже если бы нам каким-то образом удалось отправиться туда вместе, тебя бы интегрировало в местную программу. Ты получил бы жизнь, воспоминания, историю, соответствующие общему штату. Это изменило бы твою личность, в сущности, убило бы тебя.

— Я всегда готов отдать за тебя жизнь, Кай.

— Что я всегда ценил. Если бы мне грозила опасность, я принял бы такую жертву. Но я не позволю тебе пойти на риск только ради того, чтобы... я мог заняться сексом.

О Боги, как же глупо это звучит.

— Это моя вина, Кай. Если бы Молли была жива, они бы никогда тебя не выбрали. Модеры выбирают только неженатых.

— Да, но ее больше нет.

И уже сколько... девяносто лет? Мне следовало принять заигрывания одной из женщин, которые проявляли свое расположение. Я мог обзавестись целым гаремом. О Боги, в какой-то момент у меня и был гарем. До Молли.

— Это нужно сделать. Не заставляй меня использовать пронзание, чтобы убрать тебя с пути.

Шейл неохотно опустил руки.

— Ты не сможешь воспользоваться пронзанием на той стороне. Ты будешь бессилен. Как... как обычный человек...

— Не совсем, — возразил Беск.

Я повернулся. В большой зал с порталом входил канцлер. Он шагал по полу, сверкающему переливчатым вихрекамнем — породой, которая обладает свойством менять цвет в зависимости от давления. Это подарок ларкианцев, преподнесенный мне после того, как их король отрекся в мою пользу. Я использовал камень для отделки зала с порталом, куда редко заходил. Сменяющиеся цвета плохо действовали на мой желудок.

— Ваше императорское величество, — Беск протянул мне сверток, — я исследовал фолианты, которые вы обнаружили среди сокровищ Отца Личей. Из записей о видениях пророков из других штатов можно сделать вывод, что некоторые ваши способности будут функционировать после прохода через портал. Вы сможете пронести с собой кое-какие подпрограммы, присущие нашему штату.

— Пронзание? — спросил я с надеждой. — Но... нет, конечно, нет. Там нечему его подпитывать.

— Ты мог бы взять с собой Камень Сияния, — сказал Шейл.

— Он исчезнет, как только я пройду через портал. Все, что не часть меня и что не разработано для штата, в который я иду, не переместится. Но это означает... точно. Мои ментальные усилители, они же будут работать?

— Да, — подтвердил Беск. — Они ускоряют процессоры, подключенные непосредственно к физическому мозгу.

— А если Модеры их остановят? — спросил я задумчиво. — Ограничат процессоры, притормозят мою мыслительную деятельность до нормальной скорости?

— Я не могу определить, как они поступят. Не думаю, что усилители существуют в штате, который вы собираетесь посетить, но, возможно, принести их извне вполне допустимо. Я бы на всякий случай ограничил их использование, чтобы не насторожить Модеров.

— А что насчет исцеляющих усилителей?

— Опять же, я не уверен, ваше величество. Скорее всего, они будут работать. В конце концов, общие штаты спроектированы так, чтобы обеспечивать безопасность живорожденных.

Кивнув, я перешел на пронзающее зрение. Обратил взгляд внутрь себя, отыскал ментальные усилители, под действием которых все происходящее вокруг будто замедляет темп, и настроил их на автоматическое включение, если рядом со мной произойдет взрыв или пострадает моя кожа.

— Все равно мне это не нравится, — сказал Шейл. — Исцеляющие усилители не совершенны. Если кому-то удастся убить тебя, ты...

Мой мозг умрет. Часть доктрины Ксин-Вей. Человеку должна грозить реальная опасность, или он никогда не будет находить радость в своих достижениях. Так что должен присутствовать риск, вероятность умереть.

Конечно, я не умру от случайного падения с лестницы. Я слишком важен. Но в конечном итоге смерть настигнет меня в глубокой старости, до которой оставались еще сотни лет. Однако, что более важно, меня можно убить, особенно если нападет другой живорожденный. В определенной ситуации со мной может покончить даже смоделированный организм вроде Шейла или Беска.

Короче, просто нужно соблюдать осторожность.

— Полагаю, это соответствующая для того штата одежда? — спросил я, сжимая в руках сверток.

Беск кивнул.

— Она окажется на вас, отутюженная и чистая, как только вы пройдете через портал. Как и соответствующее для этого штата оружие, как вы просили.

— Спасибо.

— Оно не будет работать, милорд. Общие штаты задуманы безопасными, и за тем штатом, в который вы направляетесь, пристально следят. Подозреваю, ваше оружие даже не выстрелит, пока Модеры намеренно это не позволят.

— С ним я буду чувствовать себя спокойнее, — сказал я. — Никогда не ходите на свидание без оружия.

Мудрое изречение моего отца. Ну, приемного отца. Конечно, я сирота. Лучшие короли всегда сироты.

— Я буду на связи, милорд, — добавил Беск. — При посещении этого общего штата разрешены прямые ментальные связи живорожденным.

— Отлично.

Вдохнув поглубже, я сунул сверток под мышку и, больше не имея поводов задерживаться, шагнул в портал.

Миновав вспышку света, я вышел из странного цилиндрического приспособления на колесах. Оно походило на множество скрепленных вместе экипажей, в каждом из которых имелись собственные дверь и окна.

«Это называется поезд, милорд, — заметил Беск. — Я читал о них. Довольно занятно. Может, вам удастся воссоздать такие же с помощью пронзания. Людям придется по душе более быстрый способ путешествовать из города в город».

«Пусть Главный Библиотекарь сделает заметки с описанием, — мысленно ответил я. — Подумаю над этой идеей, когда вернусь».

Я обнаружил, что стою на платформе на окраине странного города. Здания, сконструированные в виде прямоугольных коробок, возносились высоко вверх, во многих окнах мерцал свет. Город под темным пасмурным небом выглядел очень оживленным, несмотря на очевидно поздний час.

Моя одежда была неприметной: брюки, черные ботинки, казавшиеся ужасно непрактичными, белая рубашка, что-то вроде узкого шарфа на шее и плащ. Одежда чересчур облегала и не шла ни в какое сравнение с теми громоздкими одеяниями, что я привык носить. Она жала в самых неожиданных местах, слишком туго застегнутый воротничок причинял неудобства.

Вместо короны мою голову венчала странная широкополая шляпа. Я снял ее и отшвырнул прочь. Покрывать чем-то мои царственные волосы кажется мне оскорбительным. Люди вокруг расходились от поезда. Мужчины носили одежду, похожую на мою, и такие же шляпы с широкими полями. Ни у кого не было бороды, и я почувствовал, что выделяюсь.

«Город называется Мальтес, — передал Беск. — Однако большинство людей так же называют и штат, почти не используя официальное наименование Найтингейл-124. Местное оружие — пистолет — находится у вас под мышкой в особых скрытых ножнах. Чтобы оно сработало, его нужно направить трубкой на врага и нажать на спусковой крючок внизу».

«Как арбалет?»

«Да, милорд. Мое исследование показало, что из них трудно точно поразить цель. В этом штате нет симбиотических прицельных модификаций».

«Просто отлично. — Я сошел с платформы. — Куда мне идти?»

«Прямо по улице. Ищите высокое, освещенное голубым светом здание. Назовете свое имя швейцару, для вас забронирован столик».

Следуя инструкциям, я вышел на широкую улицу, заполненную самоходными металлическими экипажами. В большинстве моих городов есть похожие устройства, но они подключаются к Камням Сияния, вмонтированным в дороги.

В воздухе слегка пахло дождем, земля была сырой. Беск протараторил информацию о Мальтесе, почерпнутую в одном из наших фолиантов. Этот штат представлял собой густонаселенный город, в котором царила вечная ночь, и приблизительно соответствовал тому, что описывалось в книге как «западные культуры Земли начала двадцатого века», что бы это ни означало. Дожди здесь шли часто, но никогда не сильнее мороси.

Заинтересованный, я кивнул на ходу, прислушиваясь к звукам города. Этот штат не то чтобы громче моего — Алорния бывает довольно шумной, — но звуки другие, чужие. Экипажи резко сигналили друг другу и ревели, как звери. Возможно, внутри находятся какие-то животные, приводящие их в движение.

Я прошел мимо уличного исполнителя, громко играющего на медном горне. Мелодия звучала как призыв на войну, хотя и казалась невнятной, будто сама музыка была пьяной. Я порадовался тому, что смоделированные организмы вроде моих подданных не могут путешествовать в такие штаты. Мне бы не пришлось по душе, если бы уличные исполнители из моих владений приехали сюда и обнаружили, насколько эффективно звуки такого горна разносятся над толпой.

А еще улицы заполняли говорливые толпы. Люди были упакованы в слишком тесную одежду. По пути к ресторану я пристроился за группой мужчин и женщин. Они болтали о местной политике.

«Выборы?» — спросил я.

«Именно, — ответил Беск. — Каждые два года местные жители выбирают нового правителя-живорожденного».

«Это глупо».

Многие подчиненные мне королевства выбирают чиновников, хотя я, разумеется, могу вмешаться и назначить кого-нибудь сам, если массы действуют неразумно.

«Кто додумался позволять машинорожденным выбирать, что делать их живорожденным? Кроме того, что может совершить король за такое короткое правление?»

«Похоже, это просто формальный титул, ваше величество, — отозвался Беск. — В этом штате нет коренных живорожденных жителей, для правления избирают только пришельцев вроде вас. Создается впечатление, что одна из причин посещения этого места — вступить в борьбу с другими живорожденными. Хотя, так как армии извне запрещены, претенденты должны использовать для достижения своих целей местных машинорожденных. — Он помедлил. — Возможно, вас это заинтересует».

«Вряд ли, — фыркнул я. — Если титул передается так часто, нет никакого реального могущества. Я не собираюсь в это ввязываться».

Судя по всему, суть этого штата заключалась в том, чтобы показать: политическая власть — иллюзия, предназначенная лишь для того, чтобы дразнить и будоражить нас, живорожденных.

Следуя указаниям Беска, я добрался до нужного здания, высокого и прямоугольного. Очевидно, ресторан располагался ближе к верху. Приблизившись ко входу, я вдруг остановился. Что это за хлопки послышались справа?

Люди впереди меня — судя по их разговорам, смоделированные организмы — тоже остановились, но затем возобновили движение по улице.

«Что там за хлопки, Беск?»

«Выстрелы из пистолета», — пришел ответ.

Мгновение я колебался, затем бросился бежать в сторону звуков.

«Вы же не собираетесь вмешиваться, ваше величество?» — спросил Беск, потешаясь.

«Заткнись».

Я привел в состояние готовности ментальные усилители. Не стал их использовать, когда услышал звуки, а попридержал, чтобы ненароком не привлечь внимание Модеров. Однако лучше быть готовым ко всему.

Я пересек две вымощенные слишком гладким камнем улицы этого штата и выскочил на улицу поменьше, где группа мужчин в шляпах напала на молодую женщину, одетую в брюки и жакет. Та отчаянно отстреливалась из небольшого пистолета, прячась под сомнительным укрытием дверного проема. Дверь за ее

спиной, по-видимому, была закрыта. Еще одна женщина, ее единственная спутница, раскинувшись, лежала лицом вниз посреди улицы: золотистые волосы разметались вокруг головы, на спине сквозь платье проступила кровь.

«Предупреди Модеров, — сказал я. — Здесь происходит что-то противозаконное».

И перешел на пронзающее зрение. Это было как шагнуть в никуда. Вместо Великого Сияния я обнаружил холодную пустоту.

«Идиот», — подумал я, спотыкаясь в темноте.

Чего я ожидал? Выскользнув из пронзающего зрения, я вытащил из-под мышки оружие. Пистолет казался громоздким, рукоять имела форму коробки вместо гладкой округлости эфеса меча. Я направил открытый конец трубки на мужчин и спустил крючок. Пистолет громыхнул и дернулся в руке, чуть не выскочив. О Боги! Его почти невозможно контролировать. А шум! Зачем нужно оружие, которое привлекает к себе столько внимания?

К счастью, мое внезапное появление и какофония выстрелов, когда я еще несколько раз нажал на крючок, отвлекли мужчин и дали женщине возможность перебежать из ее укрытия в более безопасное, за большой металлической коробкой, из которой вываливался мусор. Дрожа от азарта, я метнулся следом и прислонился спиной к мусорной коробке.

— Ты лучше меня знаешь эту территорию, — сказал я женщине. — Куда нам бежать?

Она изучающе посмотрела на меня. Хорошенькая, со скуластым лицом и темной кожей. Затем она подняла оружие и выстрелила.

Я уклонился от пули.

Ну, фактически я не уклонялся, потому что заранее убрался с траектории пули. Я задействовал ментальные усилители, убыстряющие мое восприятие, и определил, куда женщина направит оружие. Мои движения не стали быстрее, но с помощью усилителей у меня появилось преимущество. Наблюдая за ее мускулами и позой, я смог увернуться. Так что когда она действительно выстрелила, то промахнулась.

Тем не менее пуля едва разминулась с моим боком. Я отключился от усилителей — обычно я пользуюсь ими недолго, — упал навзничь и направил пистолет на женщину. Довольно сносно управившись с оружием, с близкого расстояния всадил ей пару пуль в грудь. Мелькнула мысль, какими же

примитивными кажутся эти металлические трубки по сравнению с мощью Великого Сияния.

«В вашем пистолете остался один заряд, ваше величество», — мысленно произнес Беск. Он чувствовал себя счастливым, когда мог что-нибудь посчитать для меня.

«Спасибо», — ответил я, хотя больше не собирался использовать это оружие.

Пока ко мне подбирались мужчины, я бросил пистолет в одного из них и схватил конец какого-то предмета, торчащего из мусорной коробки. Тонкий металлический прут. Я покрутил его в руке, взвешивая, затем повернулся к ближайшему нападающему. Тот неуклюже пытался поймать оружие, которое я в него бросил.

Я развернулся. Прут, конечно, не Инделебриан — мой заколдованный меч, но довольно тяжелый и очень убедительно просвистел в воздухе, когда я обрушил его на руку мужчины. Кости хрустнули, и он выронил пистолет, крича от боли. Я шагнул вперед, поднимая прут и надеясь, что исцеляющих усилителей хватит, чтобы справиться с пулевым ранением, если другой нападающий выстрелит...

— Стой! — закричал мужчина, падая передо мной на колени. — Какого черта! Ты с ума сошел?

Двое других подняли руки, отводя от меня пистолеты и пятясь.

— Успокойся, чужак. Таймаут, пауза.

Тот, который стоял ближе ко мне, выругался. Я отступил, оставаясь настороже.

— Рауль, — сказал стоящий мужчина тому, которого я ударил, — ты сам виноват. Ввязался в рукопашную схватку.

— Это не значит, что он может бить меня дурацким прутом, — отозвался Рауль с земли, держась за сломанное запястье.

— Вообще-то значит.

Я стоял в позе фехтовальщика, настороженный и смущенный, не выпуская прут.

— Проклятье. — Третий мужчина глянул на убитую мной женщину. — Он прикончил Жасмин. Ты из какой группировки, чужак?

— Группировки? — переспросил я.

— Мы просто посмотрим, как зарегистрируется убийство. — Второй мужчина проверил маленький прибор на запястье.

Женщина застонала и поднялась на ноги. Я в изумлении разинул рот и направил на нее оружие, готовый его применить. Некромантия? Исцеляющие усилители? Нет... С удивлением я обнаружил, что мои выстрелы не пробили ее одежду. Я взглянул туда, где пуля, от которой я уклонился, ударила в землю, и увидел, что на мостовой остался кровавый след.

Краска. Пули от удара взрывались краской.

— Что за фокусы? — требовательно спросила женщина, указывая на меня. Поблизости поднималась ее подруга. — Рауль, ты думал, я поверю, что кто-то пришел мне на помощь в последнюю минуту?

— Это не мы, — сказал мужчина со сломанным запястьем. Его рана, видимо, не могла так просто исцелиться. — Он из какой-то другой группировки.

Все посмотрели на меня.

— Я... э-э-э... — Я прочистил горло, выпрямляясь. — Меня зовут Кайроминас Алорнийский, Бог-Император...

— Черт! — выругалась женщина. — Средневековый штат.

— Ага. — Один из мужчин смотрел на прибор на руке. — Убийство зарегистрировано как случайное.

— Понятно, — сказал я. — Это... игра?

Они проигнорировали меня, и женщина — Жасмин — шлепнулась обратно на землю, не обращая внимания, что краска пачкает ее жакет и рубашку.

— Хочешь сказать, я проведу следующие две недели невидимой для местных ботов и никто даже не получит очки за мое поражение?

— Тебе он хотя бы руку не сломал, — пожаловался Рауль и поднялся на ноги. — Как мне ее подлечить? В Мальтесе даже нет технологий по сращиванию костей.

— Какая разница? — заныла Жасмин. — Убита случайным типом? Да вы понимаете, что теперь будет с моим рейтингом?

— Жасмин, ты согласилась на гражданскую войну, — ответил один из двух других мужчин. — Не наша вина, что ты позволила нам тебя окружить.

Он протянул руку, чтобы помочь ей подняться на ноги. Она посмотрела на него, затем устремила сердитый взгляд на меня.

— Это его вина.

Они опять уставились на меня, и я почувствовал, насколько неуместен здесь с моим импровизированным оружием. Но тем не менее выдержал их взгляды. Я император.

«Так же, как и они», — напомнил я себе.

Это было заметно по тому, как они держатся, как Жасмин отвергла руку и поднялась сама, как Рауль подавил боль и игнорировал рану. Переговариваясь с кем-то по прибору на здоровом запястье, он спорил насчет совершенного мной убийства и доказывал, что его следует записать на него, так как западня — его идея. Каждый из них привык считать себя самым важным.

Выяснив, что я не представляю для них интереса, они стали расходиться, переговариваясь друг с другом или по наручным устройствам. Третий мужчина, произнесший за все время лишь пару слов, удалился вместе с женщиной, убитой еще до моего появления.

— Фэнтезийные штаты, — сказал он. — Ты бы видела, как он примчался спасать Жасмин. Не хватало только доспехов и коня.

— Не понимаю, зачем Модеры создают такие миры, — отозвалась женщина. — Люди в них вынуждены развиваться в абсолютно варварских, примитивных условиях.

— Это не вина Модеров. — Голоса отдалялись по мере того, как они уходили, оставив меня на улице одного. — Они подгоняют штаты в соответствии с индивидуальными особенностями личности. Там он на своем месте.

«Но не здесь», — подразумевал его тон.

Я отшвырнул прут. Боги, что за кошмарный штат!

«Ваше величество, — раздался в моей голове расстроенный голос Беска, — я связался с Модерами. Поначалу они вроде бы обеспокоились, но потом прислали сообщение, что с вами все будет в порядке. Похоже, они... они потешались, милорд».

Великолепно. Теперь я выгляжу дураком и перед Модерами. Я подошел к своему пистолету, подобрал его и выпустил в мостовую последний заряд — брызнула краска.

«Ваше величество? Что случилось? — спросил Беск. — Судя по данным эмпатической связи, вам больно».

«Все в порядке, — ответил я, покидая место происшествия. Позади остались только пятна краски, по-прежнему казавшиеся мне поразительно похожими на кровь. — Это была игра, Беск».

«Игра?»

«Ты прав, оружие трансформируется программами штатов. Здесь оно стреляет несмертельными зарядами. Живорожденные этим пользуются, чтобы поиграть в убийство друг друга или что-то наподобие».

«Любопытно. В нашем фолианте написано, что в Мальтесе предусмотрены последствия за стрельбу из такого оружия, и я сделал вывод, что это означает запрет со стороны Модеров».

«Нет. Похоже, наказание за то, что тебя "убили", — невидимость на несколько недель для местных машинорожденных».

В этом есть смысл. Если главенствующая политика в штате основана на завоевании благосклонности голосующей публики, то «таймаут» на несколько недель — действительно серьезное наказание. Тем самым игра становится более захватывающей, но не опасной. В основном этот штат — спокойное место для встреч, ужинов и ночной жизни, однако политическая система позволяет живорожденным приходить сюда поиграть: присоединиться к одной из банд, попытаться захватить часть города и построить криминальную империю.

Подобные развлечения увлекали меня лет в семьдесят, когда я был ребенком. Сейчас они казались слишком простыми. Мое настроение не улучшилось и от того, что теперь я точно знал: оружие у меня под мышкой бесполезно, если я столкнусь с настоящей опасностью.

***

Ресторан располагался на верхнем этаже одного из самых больших зданий в центре города. У входа стояла очередь желающих попасть внутрь, но я прошел мимо. Разумеется, я не должен ждать в очереди.

Являться без сопровождения было непривычно. Ни слуг, ни солдат. Охранник у двери поклонился и жестом пригласил меня войти. Я заметил дощечку с прикрепленным листком бумаги с портретами, включая мой. Там были изображения и нескольких человек из недавней перестрелки, поэтому я предположил, что в этом листее содержится информация обо всех живорожденных, посещающих город, чтобы охранник знал, кому повиноваться. Только немногие в этом городе могли быть живорожденными — может, сотня из миллионов. Как и в других штатах, остальные были машинорожденными —

смоделированными организмами, которые родились в пределах штата и проживут здесь всю жизнь.

Модеры могли просто запрограммировать охранника у двери узнавать живорожденных без необходимости заглядывать в список, но это нарушило бы иллюзию. Знают ли эти люди о своем происхождении? В моем штате об этом говорят очень немногим. Законы Возраста Осознания на них не распространяются, поэтому узнать обо всем можно только от меня или из Скрижали Модеров.

Когда я поднялся на верхний этаж в стеклянной коробке на тросах, меня провели к столику на двоих в стороне от других. Отсюда открывался впечатляющий вид на погруженный в сумерки город. Так много огней. Похоже, тут есть источник энергии для них. Это мне понравилось, хотя и не шло ни в какое сравнение с Великим Сиянием.

Я сел, рассеянно передав плащ ближайшему слуге и надеясь, что мне его все-таки вернут. Заглянул в меню, заказал небольшой набор выпивки — шестнадцать бокалов, в каждом по глотку вина на пробу, чтобы решить, какое захочу взять к ужину. Слуга моргнул на такой запрос. Возможно, я заказал недостаточно. Винная терминология походила на мою, пусть я не разбирался в сортах местных вин.

«Интересное оформление», — сообщил я Беску, рассматривая маленькую свечу под стеклом в центре стола, совсем не дающую тепла. Негромкая музыка. Приглушенный свет. В самом деле довольно мило.

«Желаете, чтобы я отпустил со службы имперских барабанщиков, милорд?»

«Нет, но поищи, что за инструменты производят такие звуки».

Прибыл слуга с подносом бокалов. Я выбрал один и поднес к губам. И замер.

В мою сторону между столиками скользила женщина. На ней было красное платье, совершенно не похожее на те, что носят в моем штате, — облегающее, с разрезом на боку и скромным декольте, образованном складками ткани. Туфли на шпильках. Темные волосы до плеч.

Я опустил бокал. Женщина излучала уверенность. Слуги уступали ей дорогу, и она шла, принимая это как должное. Ее шаги были медленными, уверенными, и кто-то даже отодвинул столик, чтобы она могла беспрепятственно пройти. Она не смотрела под ноги и не сбивалась с шага. Ее глаза были устремлены на меня.

Бокал выскользнул из моих пальцев, и красная жидкость выплеснулась на стол. Выругавшись, я протянул ладонь за энергией Сияния, чтобы...

Ну, я хотел, разрушив пигмент в вине, обесцветить его, затем вытянуть влагу и расщепить воду на два первичных газа, которые испарились бы, оставив стол сухим. С пронзанием я на это способен.

Вместо этого я уставился на скатерть, скосил глаза, чтобы перейти на пронзающее зрение, и оставался в полной темноте, пока не переключился на обычное зрение.

— Так это ты? — Женщина на мгновение замерла, подойдя к столу. — Знаешь, считается вежливым вставать в присутствии леди.

— Также считается вежливым приветствовать Бога-Императора реверансом. — Я прикрыл пятно от вина салфеткой.

— Замечательно. — Она села. — Ты один из этих.

— Кайроминас Первый Алорнийский, — представился я, протягивая руку. — Хранитель Семнадцати Маяков, Мастер Наивысшего Пронзания, Убийца Галбромета.

— Штат с магическими королевствами. — Она отвергла руку и устроилась поудобнее. — Прискакал сюда на единороге?

— У нас их нет, — сказал я ровно. — Ну а ты?..

— Зови меня просто Софи.

— Софи из?..

— Штата Развивающегося равенства. Я руководила всемирным движением за гражданские права, привела мой народ в прогрессивную эру и отслужила пять сроков как первая женщина-президент всего мира.

— Впечатляюще, — произнес я, стараясь быть любезным.

— На самом деле нет. — Она жестом показала слуге принести ей вина. — Я просто играла предназначенную мне роль.

— Понимаю.

Мы уставились друг на друга. Вино начало просачиваться сквозь салфетку, но Софи, казалось, это не заботило. Она смотрела на меня.

— Что? — наконец спросил я.

— Пытаюсь в тебе разобраться, — ответила она.

— Ты говоришь так, будто уже разобралась.

— Ты надменный. Но мы все такие. Авторитарный. Пришел сюда по приказу, хотя тебе это неприятно. Предпочитаешь контролировать все вокруг. В твоем дворце я бы нашла безукоризненные сады и полотна классической живописи в зданиях с незамысловатой архитектурой. Я видела сотни таких, как ты. Тысячи. Чрезвычайно могущественные, но скучные.

«Знаешь, — подумал я для Беска, — наверное, зря я стал выбирать из нижней части списка...»

Беск каким-то образом воздержался от комментариев.

— Итак, — сказал я, прилагая усилия, чтобы сохранить спокойствие в голосе, — если ты уже сделала выводы на мой счет, то почему пришла? По тону можно предположить, что ты не уважаешь авторитет. Странно для президента целого мира.

— Я покинула пост, — отмахнулась она.

— Ты... что?

— Отказалась от президентства. Прямо на середине заседания Всемирного сената. Это вызвало настоящий переполох в муравейнике запрограммированных разумов. Я проникла в высоконаучный штат, узнала там некоторые технологии, которые формально не запрещены в моем штате, затем вернулась и вооружила повстанческую фракцию современным оружием. Мирной жизни пришел конец, разразилась глобальная война, которая бушует до сих пор.

Я разинул рот.

Она пожала плечами. Подошел слуга и стал наливать ей в бокал вино.

— Это... это ужасно, — сказал я. — Сколько жизней загублено!

— Что? Разве ты не развязывал войн? — спросила она, забавляясь. — Мистер император? Полагаю, программа просто подыграла тебе и подарила трон?

— Война необходима. Для объединения. Когда я был моложе, мой штат состоял из сорока различных королевств, все ютились на одном континенте. Кровопролитие не прекращалось. Только объединение положило ему конец.

— Конечно. — Она глотнула вина. Похоже, сорт ее не волновал. — Ты еще не обнаружил затерянный континент?

— У нас нет такого.

— Конечно есть. Затерянный континент есть всегда. Программа позволит его неожиданно обнаружить, когда твоя жизнь начнет казаться пресной. У тебя появится новый смысл в жизни. Тебе снова будет чем заняться пару столетий, пока ты не состаришься настолько, что даже технологии Модеров не смогут поддерживать твой мозг в рабочем состоянии. Затем несколько лет поживешь в мире и спокойствии, пока не умрешь.

Ее губы растянулись в самодовольной улыбке.

— Я читала о фэнтезийных штатах. Затерянный континент, как правило, находится в одном из немногих мест, скрытых от магии.

«Запиши все это, Беск», — подумал я, но внешне лишь улыбнулся.

— Мы разберемся с ним, если это произойдет. Меня больше интересуешь ты и твоя война. Да, я совершал ужасные поступки, но, по крайней мере, в моей жестокости был смысл. А ты говоришь, что начала войну только для того, чтобы загубить человеческие жизни.

— Человеческие жизни? Сомневаюсь, что Модеры обращают много внимания на то, что я делаю.

— Я не имею в виду жизни Модеров. Я имею в виду людей, погибших в твоем штате. Во время войны.

Софи пренебрежительно шевельнула пальцами.

— Этих? Они же просто биты в машине.

— Просто биты в... — Я вскинул голову. — По-моему, ни от кого я не слышал ничего более примитивного, а я сражался даже с варварами!

Пожав плечами, она допила вино.

— Ты действительно не считаешь машинорожденных настоящими людьми?

— Конечно нет. Все их «чувства» — сплошная подделка.

— Наши чувства — тоже подделка.

— У нас есть тело. Ну, оставшийся от него кусочек.

— Что такого особенного в теле? — требовательно спросил я.

Беск и Шейл... мои друзья. Я ощущал необходимость высказаться в защиту их и им подобных. Мои подданные не просто какие-то биты в машине.

— Да, у нас есть мозг, у тебя и у меня. То, что мы «чувствуем» и «думаем», — результат химических процессов внутри наших голов. Разве это отличается от эмоций машинорожденных? Биты или гормоны, какая разница?

Она посмотрела на меня в упор.

— Конечно, разница есть. Этот мир, все эти миры… фальшивые.

— Так же, как и «реальный» мир. Когда люди снаружи прикасаются к предметам, они «чувствуют», как электроны материи передают электромагнитные сигналы в электроны их пальцев. То, что они «видят», — это фотоны, попадающие на сетчатку глаз. Все это энергия, запрограммированная в очень маленьком масштабе.

— Очень научно для фэнтезийного штата.

— Фэнтезийный не обязательно означает примитивный. Насколько помню, я где-то читал, что Модеры признают права машинорожденных. Разве они не оставляют штат жить своей жизнью после смерти живорожденного?

— Ага. Но в итоге штат повергают обратно в хаос, затем забрасывают туда новорожденную реальную личность, чтобы, повзрослев, она там правила. Но это к делу не относится. Чего ты добился в своей жизни? По-настоящему?

— Я объединил…

— Из того, что они не могли запрограммировать в штате изначально? — уточнила она. — Что-то реальное.

— Я уже сказал, что не согласен с твоим толкованием реального.

— Но согласись, они могли бы изначально устроить в твоем штате всеобщую гармонию? С налаженным мировым правительством?

— Полагаю, да.

— Они считают, что должны нас чем-то занимать, развлекать. Отвлекать. Это и есть наши жизни — сложные развлекательные симуляции. Они заставили меня родиться в штате, в котором господствует устаревшая социальная система из прошлого Земли, чтобы я изменила ее, решая проблемы, которые в реальном мире решили столетия назад. Бессмысленно.

Я сложил руки на столе и посмотрел в окно.

— Что? — спросила она.

— Ненавижу проигрывать спор, — сказал я. — Но ты права. Это... меня беспокоит.

— Хм. Не ожидала, что ты признаешь мою правоту.

— Проблему представляет не сама симуляция. Машинорожденные — люди. И их, и мои чувства реальны. Что я ненавижу, так это способ, каким Модеры подрывают наш авторитет. Думаю, я бы смирился, если бы не грызущее беспокойство о том, что они делают испытания достаточно трудными, чтобы заинтересовать нас, но не настолько трудными, чтобы мы проиграли. Но нам хотя бы может угрожать смерть.

— Ха! — Софи махнула рукой. — Это миф.

— Что? Конечно нет.

— О, да. Клянусь. Живорожденные не умирают от других причин, только от старости. По крайней мере, пока не достигнут поздних веков своей жизни. Тогда Модеры начинают позволять им сталкиваться с живорожденными из других штатов. Мы можем убить друг друга, но наши симуляции... нет, в них нам не угрожает опасность. Я видела штаты, где живорожденные абсолютно ни на что не способны и все равно добились необходимого минимума из того, что должны были сделать.

Я не ответил.

— Ты не веришь мне, — заметила она. — Я могу предоставить...

— Я верю тебе. Я знаю.

Я знал. О, мне совсем не хотелось это озвучивать, даже думать об этом, но я предполагал такой оборот. Еще с моей первой поездки в приграничный штат, когда во мне зародилось беспокойство.

Это настоящая причина, по которой я избегаю другие штаты и других живорожденных. Все, что мы делаем, подобно игре тех людей на улице, вооруженных пистолетами с краской. Наши жизни — игры.

Мое тайное беспокойство заключалось не только в том, что я могу оказаться обычным, но и в том, что со мной нянчатся. Как с малышом в колыбели.

— Мне жаль, — сказала Софи. — Лучше, когда мы можем просто притворяться?

— Лучше — это сомнительное определение. — Я снова посмотрел в окно. Опять пошел дождь. — Мне по-прежнему кажется, что в наших жизнях есть смысл. В успехах, которых мы добиваемся, в том, кто мы.

— О, я не говорю, что смысла нет. Я просто считаю, что нам не следует позволять им преподносить его на блюдечке с голубой каемочкой. Как, например, эту встречу. Я игнорировала всех других живорожденных, которые просили о встрече со мной.

— Почему же пришла?

— Потому что ты первый, кто выбрал меня из конца списка совместимости. Мне стало любопытно.

Софи рассматривала меня, взмахивая длинными ресницами. Как она сказала? Любопытно? Тогда зачем выбирать красивое платье и наносить макияж?

«Боги, — подумал я, глядя на нее. — Боги, я действительно нахожу ее интересной».

Как неожиданно. Я потянулся за другим бокалом и обнаружил на столе слова, появившиеся возле пролитого вина. Их словно выткали на скатерти.

«Я иду, малыш. Ты будешь кричать. Я сделаю это для твоего же блага».

«Черт возьми, Мелхи, — подумал я. — Не сейчас».

Не хотелось даже думать о том, как он взломал общий штат.

— Пойдем отсюда. — Я встал и прикрыл послание салфеткой.

— Пойдем?

— Еда меня не интересует.

Она пожала плечами, поднимаясь.

— Мы оба просто мозги, плавающие в питательной жидкости. Пища — это для удобства. Она помогает нам притворяться.

Мы покинули столик, прошли мимо озадаченных слуг, кативших к нам заполненную едой тележку. Я направился в холл, где находилась поднявшая меня коробка. Однако не стал в нее заходить, а открыл дверь, на которой была надпись «Лестница».

Софи последовала за мной.

— Прекрасная смена обстановки, — произнесла она, рассматривая холодную каменную лестницу.

Я начал подниматься по ступенькам.

— Обувь, которую здесь носят, смешна. Чем им не угодили старые добрые сапоги?

— Кроме того, что они безобразны?

— И это говорит женщина на каблучищах.

— Каблуки считаются очень модными. И феминистку внутри меня ужасно бесит ношение такой обуви и такого платья.

Софи широко ухмыльнулась.

— Ты необычная женщина.

— Приходится быть необычной, когда понимаешь, что консервативное общественное устройство заставляет тебя становиться прогрессивным либеральным борцом за всеобщие права. — Она догнала меня и стала подниматься рядом со мной. — Я должна была отказаться от этого, но не знала, кем стать взамен. Единственное, что я смогла придумать, что-то по-настоящему трудное, — стать полной анархисткой. Они выстроили для меня совершенный мир, поэтому я должна была его спалить.

— Разрушать не трудно.

Она свирепо усмехнулась:

— Трудно, если сражаешься против того, чего хотят Модеры. Это единственный способ быть настоящим воином, единственный способ найти сложную задачу. Бросить им вызов.

Я хмыкнул, соглашаясь.

— Кстати, — сказала она. — Что было написано на скатерти?

— Так ты видела?

— Конечно видела. Сначала решила, что ты прячешь пузырек с ядом. Но там были всего лишь слова.

— Это послание, — сказал я, когда мы поднялись на следующий этаж. — От моего заклятого врага.

— Заклятого врага? — спросила она с усмешкой. — Ты что, пятиклашка?

— Я не знаю, что это.

— Ребенок, который учится.

Я ничего не ответил, на мгновение прислонившись к лестничным перилам.

— Серьезно. Как можно заполучить заклятого врага? Непобежденный дракон вернулся домой или что-нибудь в этом роде?

— Это другой живорожденный.

— О, конечно. Ты ведь понимаешь, что просто играешь в то, чего хотят Модеры? Дуэль с другим живорожденным, чтобы отвлечь вас обоих.

— Может быть, — признал я. — Поначалу так и выглядело, только... не думаю, что Мелхи действует в соответствии с их ожиданиями.

— Что ты имеешь в виду?

— Это долгая история.

— А нам предстоит преодолеть еще много ступенек, если ты собираешься добраться до самого верха.

Я вздохнул.

— Впервые я встретился с Мелхи в приграничном штате...

***

Впервые я встретился с Мелхи в приграничном штате, хотя даже не уверен, что разговаривал тогда именно с ним.

Меня сопровождал целый легион, около пятидесяти тысяч человек. Тогда приграничные штаты были для меня в новинку, и я не хотел рисковать.

Я отправился в путешествие на небольшой парящей платформе, около пяти шагов в ширину. Платформа была с бортами спереди и по бокам, как большая колесница, но без колес и лошади. Места как раз хватало для Шейла и Беска.

Мой авангард уже занял позиции на краю обширной долины, занимающей большую часть приграничного штата. Когда мы прибыли, я обернулся и окинул взглядом широкую тропу через лес. Мы ступили на нее в джунглях Эвасти в моем штате. После примерно получаса путешествия по заколдованной дороге деревья начали сменяться местными соснами и осинами. В конце концов дорога вывела нас сюда.

— Вот мы и покинули наш мир. — Я надел блестящий золотой нагрудник и шлем. — Почему же я до сих пор вижу Сияние?

Я наблюдал за ним сквозь облака все время нашего путешествия, со страхом ожидая того момента, когда оно исчезнет. Этого не произошло. Да, теперь оно выглядело непривычно далеким, мерцая в своей величественной манере над

вершинами гор за деревьями. Но я видел его и при переходе на пронзающее зрение по-прежнему ощущал его импульсы, хотя здесь они были слабее.

— Это очаровательно, ваше величество, — сказал Беск. Перед ним лежал большой раскрытый фолиант, страницы которого были пришпилены, чтобы во время полета их не трепало ветром. — Этот штат не полноценный мир. Просто долина, окруженная лесом. За пределами леса штат просто... сходит на нет. Если кто-то отправится в том направлении, то заблудится в тумане, а затем появится на противоположной стороне долины!

Шейл хмыкнул:

— Значит, выйти отсюда можно только....

— Да, по дороге, которой мы воспользовались, — указал Беск. — Есть еще две такие же, ведущие в штаты других живорожденных. Дороги зачарованы, никто не может ни войти сюда, ни выйти без помощи живорожденных, и тут живут только смоделированные организмы. Этот штат существует исключительно для того, чтобы мы его посещали.

— Или покоряли, — добавил я и мысленно приказал платформе подняться.

Она эффектно взмыла в небо над армией, и два десятка похожих платформ, занятых моими лучшими лучниками, последовали за мной для обеспечения безопасности. Снизу все летящие колесницы выглядели одинаково, и вражеским армиям, которые задумают меня сбить, придется поломать голову, в какой из них нахожусь я.

С такой высоты я увидел упомянутый Бесском туман. Он поглотил лес позади нас и распространялся на горы, которые, по всей видимости, были простой декорацией. Интересно, можно ли до них долететь.

Штат занимал довольно большую территорию, несмотря на то, что ограничивался лесом. Я с трудом различал край кольца тумана на другой стороне. При необходимости здесь можно расположить армию и удерживать позицию, блокируя два других выхода. Особенности штата легко использовать как преимущество. Если понадобится быстро перевести войска на другой край поля битвы, я отправлю их назад через туман.

На самом деле все казалось слишком идеальным. Меня раздражало то, что я обнаруживал такие места теперь, когда уже завоевал весь мир. Это как боль в пояснице, от которой невозможно избавиться. Я думал, что уже покончил с завоеваниями, но если существует много таких приграничных штатов, то мне еще есть чем заняться.

Я направил платформу вниз к передовым отрядам моей армии. Местное население пользовалось примитивным оружием — копьями и деревянными щитами. Кожа у них была фиолетовой. Я взглянул на Беска.

— Наши разведчики установили, что цвет кожи обусловлен рационом с большим количеством специи, получаемой из местных деревьев, — объяснил Беск. — Эта специя делает туземцев выдающимися воинами, способными часами сражаться без устали и исцеляться от смертельных ран. Кроме того, они, похоже, имеют доступ к странному металлу, который добывают где-то в этой долине и держат в секрете. Их копья проходят через сталь как сквозь масло, ваше величество.

— Из них получатся превосходные подданные, Кай. — Шейл рассматривал выстроившихся в боевом порядке туземцев. Присев на корточки, те с благоговением глазели на мои летающие платформы. Казалось, что по сравнению с моей армией их всего лишь жалкая кучка. — Твои генералы жаловались на недостаток отборных воинов. И этот металл...

Я почувствовал в его голосе вожделение.

— Ты сам говорил, что мы не сможем всегда полагаться на заколдованные мечи. Зарядка Камня Сияния — пустая трата твоего времени.

— Существует и невоенная польза, даже если мы всего лишь установим с этой долиной выгодную торговлю, ваше величество, — добавил Беск. — Уверен, ваши ученые очень взволнованы открытием этой специи. Ее целительная сила может спасти тысячи жизней.

— Ну да, — проговорил Шейл, — если ты захочешь превратить в суперсолдата каждого парня со сломанной ногой. — Он потер подбородок. — В самом деле, возможно, это неплохая...

— Шейл, специю нужно употребить множество раз, прежде чем проявятся способности, — заметил Беск.

— Хочешь сказать, мне придется переломать множество ног?

Я в основном игнорировал их шутливую перепалку, хотя мне нравилось за ней следить. В последнее время Шейл был робок с Беском. Я сосредоточил внимание на вождях туземцев — трех вооруженных копьями женщинах с лицами, раскрашенными красной и белой красками. Я перешел на пронзающее зрение и потянулся к Сиянию. Энергия текла медленно, волны жара были не такими горячими, как обычно, но моя магия все же работала. Пока мы спускались, чтобы зависнуть над вождями, я установил вокруг нашей колесницы небольшой

невидимый пузырь. Он отразит любую атаку и трансформирует чужую речь так, что...

— Приветствуем, — сказала одна из женщин.

Я понимал слова, будто они сказаны на моем языке. Созданный пронзанием щит действовал как переводчик.

— К императору подобает обращаться «ваше величество», — предупредил Шейл.

— Он нам не господин. Демонстрация его мощи впечатляет, но если он думает захватить долину силой, то увидит, что не все так просто.

— Несомненно, вы понимаете преимущества союза с нами! — сказал Беск. — Ваши воины великолепны, но они не могут скрыть благоговения перед нашими летающими машинами. Можете не сомневаться, император Кайроминас способен завоевать вас, если пожелает. Но зачем его к этому вынуждать? Наверняка нам удастся прийти к соглашению.

Пока они говорили, я понял, что собираются сказать вожди. Читать их мысли я не мог, просто ситуация казалась очевидной. Скрытая долина с дорогами в разные штаты нашептала мне о своем назначении.

— Вам следует знать, что... — начала вождь.

— Где он? — спросил я.

— Кто?

— Другой живорожденный. Вы собирались сообщить нам, что встретили другого подобного мне. Он все еще здесь?

Шейл и Беск посмотрели на меня, как на сумасшедшего, но туземная женщина не удивилась.

— Модеры, — пояснил я спутникам, — позволили нам обнаружить это место. Создали его на границе нескольких штатов и поместили сюда ресурс, которым желал бы обладать каждый из нас. Чтобы одержать победу, нужно не договариваться с этим народом, а одержать верх над другим живорожденным.

Я посмотрел на женщину.

— Вот что вы собирались предложить, не так ли? Вы узрели наше величие и знаете, что завоевания не избежать. Все, что вы можете сделать, — это решить, которому живорожденному служить.

— Мы будем выбирать, — сказала женщина с недовольством. — Зарекомендуешь себя лучше других — получишь нашу преданность. Тогда мы провозгласим тебя королем, чужестранец, но не раньше.

Очевидно, это ее Концепция. Бесстрашный, но прагматичный вождь. Она понимала истинный смысл этих вторжений. Несомненно, если я завоюю ее преданность, она станет надежным и мощным союзником. Но, чтобы достичь этого, мне придется сделать то, чего я никогда раньше не делал. Победить другого живорожденного.

Я поймал себя на том, что в восторге от такого поворота событий. На данный момент мое королевство уже двадцать лет пребывало в мире. Я жаждал чего-то нового, испытаний, которые не мог предоставить мой штат.

Другой живорожденный. Другой император, такой же, как я. Это будет настоящий противник, непохожий ни на кого из тех, с кем я встречался прежде.

— Я повторяю вопрос, — сказал я. — Он все еще здесь?

— Да.

Мое возбуждение возросло.

— Где?

— В нашей деревне. Если хочешь встретить посланника, тебе придется отправиться туда в нашем сопровождении.

— Это не... — начал было Шейл.

— Веди, — сказал я, спускаясь с колесницы.

Шейл был недоволен, впрочем, как и Беск, которому я приказал остаться с армией и принять командование, если что-то пойдет не так. Я не беспокоился. Пока за моей спиной мерцало Сияние, я один стою целой армии.

Вождь, которая представилась как Лет-мер, провела нас за деревянный частокол в деревню, представляющую собой скопление хижин и каменных лачуг. У жителей деревни фиолетовый оттенок кожи был более бледным. По-видимому, специя воинов предназначалась в основном для высшего сословия. И без расспросов ясно, что они поколениями сражались с другими племенами этого штата, осваивая искусство войны и считая долину центром мироздания.

Я присоединился к почетному караулу туземцев и ступил в деревню, где меня ждало существо, которое впоследствии я буду звать Мелхи.

***

Я остановился на верхней лестничной площадке.

— И? — спросила Софи, преодолевая последние несколько ступеней.

Мы добрались до двери, которая, как я рассчитывал, вела на крышу, но она была заперта на цепь. Я перешел на пронзающее зрение и потянулся к Сиянию...

Ничего не вышло. Проклятье! Трудно перестроиться, когда два века владеешь силой созидания на кончиках пальцев.

— Ну-ка. — Софи достала что-то из сумочки, пока я выходил из пронзающего зрения. Очень маленький пистолет. — Заткни уши, император.

— Ничего не получится, — сказал я, но уши заткнул, вспомнив, как громыхает это оружие. — Пистолеты запрограммированы стрелять только краской...

Меня прервал оглушительный выстрел. Поскольку на этот раз я не дал прямых указаний ментальным усилителям, они среагировали на внезапный взрыв. В замедленном темпе я увидел, как разорвалась цепь. Пистолет Софи определенно стрелял не шариками с краской.

— Эти штуки не должны здесь срабатывать, — произнес я и открыл уши, когда она убрала пистолет.

— А я хорошо управляюсь со штуками, с которыми не должна уметь управляться, — парировала она и пинком открыла дверь.

«Этими каблуками невозможно ударить так сильно, — мысленно обратился я к Беску. — Она взломала программу. Либо она увеличивает силу ног, либо ее туфли — иллюзия».

Нет ответа.

«Беск?»

На ментальной линии царила тишина. Когда я слышал его в последний раз?

Молчание показалось зловещим. Может, пора бежать?

«Не глупи», — подумал я.

На протяжении веков я справлялся и без поддержки Беска. И все же, выйдя на крышу, я стал вести себя немного осторожнее.

Моросил мелкий дождь.

— Там, откуда ты явился, подъем по лестнице считается романтическим свиданием? — спросила Софи.

— Крыша — не то место, где нам следует находиться. — Я подошел к самому краю, где только парапет служил защитой от случайного падения. — Я решил, тебе понравится.

— Мы не можем попасть в те места, где нас не должно быть. Каждый цифровой дюйм каждого штата предназначен для нас. — Она помолчала. — Но я сомневаюсь, что Модеры ожидают чего-то подобного, так что я довольна. Хотя от подъема не в восторге.

— Ты не запыхалась, — сказал я. — У тебя физические усилители.

Она только улыбнулась в ответ.

Я глубоко вдохнул влажный воздух. Когда в последний раз я был на улице в дождь? От непогоды меня всегда защищали силовые пузыри.

— Может быть, не следовало нам рассказывать, — произнес я. — О том, что наши реальности смоделированы.

— Не глупи. Неведение не лучше.

— Даже не знаю...

— Тебя должна злить эта ложь, эта фальшь.

— С какой стати? Они же рассказывают нам правду, когда мы достигаем совершеннолетия, и все, что они делают, направлено на то, чтобы улучшить нашу жизнь.

— Мы как крысы в клетках. — Она перегнулась через перила и глядела на темный город, полный мерцающих огней. — Это красивая клетка, но все равно клетка.

— Возможно. — Я склонился рядом. — Но я не могу злиться на Модеров. Без этой системы тебя и меня, вероятно, не было бы. Земля не может поддерживать такую высокую численность населения. Мы живем хорошей жизнью. Каждый мужчина — герой, каждая женщина — лидер. Просто...

— Все кажется ненастоящим? Как будто мы живем в кино?

Я не знал, что такое кино, но все равно кивнул.

— Конечно, кое-что из этого должно быть реально, Софи. Мои достижения, мое обучение. Даже в рамках фальшивой системы я многого добился, спасал жизни.

— Фальшивые жизни.

— Жизни людей. Я защищал их. Героизм реален.

— Героизм? Ты же не можешь умереть, император. Так в чем заключается твой героизм? Они бросают в воду пару бумажных фигурок, и ты ныряешь за ними, а затем гордишься тем, что кого-то спас, в то время как Модеры могут сделать в миллиард раз больше, буквально щелкнув пальцами, или даже воскресить тех, кто умер. Что касается твоих «достижений», скорее всего, они тебе что-то подсунули, какой-то особый навык, которому только ты способен научиться и который только ты можешь развить.

— Мы называем это «пронзание», — признался я. — Ты бы назвала это магией. Я изучил его сокровенные тайны.

— Для меня приманка — сама природа штатов. — Она не обращала внимания на дождь, портящий макияж и прическу. — Я захотела узнать правду о реальности. Это заставило меня заняться исследованиями, учиться. И чем больше я изучала, тем больше понимала, как далеко зашли их иллюзии. Они даже мои стремления использовали против меня, выдавая информацию бит за битом. Чтобы поддержать мой интерес, мою любознательность. Они так стараются, чтобы наши жизни казались наполненными смыслом.

— Трудно их винить.

— Их жизни тоже не вызывают зависти. Модеры — просто обслуживающий персонал. Каждый день едят безвкусный суп и сидят за терминалами.

Софи побарабанила пальцами по перилам.

— Я сказала, что ты должен злиться. И я тоже. Но, честно говоря, сейчас мне трудно по-настоящему злиться на что бы то ни было.

— И почему же?

— Потому что я просто делаю, что хочу. Выдумываю конфликты, разжигаю войны. Цепляюсь за все, что может дать ощущения. Я сильно надеялась на то, что возненавижу тебя сегодня вечером, поскольку согласно прогнозу совместимости мы бы никогда не поладили.

— Прогноз оправдался?

— Нет, к несчастью.

— К несчастью?

— Как я сказала, конфликтовать забавно.

— Если хочешь, я могу тебя ударить.

Мы замолчали, и я кое-что осознал. Я не без причины в последнее время не выходил под дождь. Под дождем холодно и неуютно. Я не захватил ни плащ, ни шляпу. Возможно, в них было бы комфортнее.

— Это глупо, — сказал я. — Пора покончить со всем этим и возвращаться к моему народу.

— Ах, да. Очень типично.

— Что ты имеешь в виду?..

— Ты соответствуешь архетипу, — объяснила Софи. — Мы ведем глубокомысленную беседу о бесцельности наших жизней, а ты по-прежнему хочешь вернуться и быть королем.

— Я — это я.

— Ты тот, кем тебя сделали. У тебя есть собственная Концепция, как у любого смоделированного организма.

— Я настоящий! — рявкнул я. — И не собираюсь бросать королевство только потому, что у меня экзистенциальный кризис.

— Полагаю, это благородно. Искусственное благородство — фирменный бренд с маленьким символом копирайта в уголке, но все равно состоит в родстве с настоящим.

Она завела обе руки за спину и расстегнула молнию на платье.

— Что... ты делаешь?

— Мы здесь за этим, разве нет? — Она сняла с плеча одну из бретелек платья. — Тогда Модеры наконец-то оставят нас в покое. Продолжим род, чтобы колесо жизни вращалось и дальше.

— Здесь, под дождем?

— Конечно. Это не должно быть мило, это просто должно произойти. Займемся сексом в этой маленькой цифровой коробке, Модеры соберут урожай наших генов и слепят нового ребенка. Я позволю тебе выбрать малышу первичное жанровое клише. А то я в итоге остановлюсь на чем-нибудь совершенно для них ужасном просто ради забавы.

Платье опустилось до груди. Оказалось, под ним ничего нет. Софи мельком глянула на мое изумленное лицо, когда потянулась назад, чтобы дальше расстегнуть молнию, застрявшую на середине спины.

— Что? Женская нагота для тебя в новинку?

— В новинку? Софи, у меня когда-то был гарем.

— Как неожиданно, — промолвила она, хотя щеки ее вспыхнули. — Мужчины! Женоненавистники, негодяи, грубияны.

— Ты наверняка думаешь о том, как твоя юная феминистская сущность отнесется к тому, что ты переспишь с мужчиной, который содержал гарем.

— Конечно думаю. Все время, пока ужасаюсь тому, что делаю, я на правильном пути. Поможешь мне с проклятой молнией? Дождь...

Я пришел на помощь. Несмотря на дождь, меня бросило в жар. Когда я взялся за молнию, моя рука коснулась ее обнаженного плеча. Мое и ее тепло смешались.

«О Боги! — осознал я. — Я не желал женщину так сильно уже много лет. Много десятилетий».

— Если бы мы могли что-то сделать с дождем, — сказала она. — Он отвлекает.

— В моем штате я близок к тому, чтобы обрести контроль над погодой. Как только разберусь с погодой, стану всемогущим.

— Тебе найдут еще какое-нибудь занятие, — напомнила она. — Они всегда так делают. Это...

Весь город содрогнулся.

Я замер. Молния на спине Софи расстегнулась почти до конца. Город снова тряхнуло. Внезапно дождь на мгновение усилился — неестественно, будто включили душ. Мы оба промокли до нитки.

Раздался третий удар, тише предыдущих.

— Что-то не так. — Софи обернулась. Вода стекала по ее полуобнаженному телу. — Что...

Что-то замаячило на фоне темнеющего города. Над зданиями появилась голова с горящими красным глазами. Неуклюжее тупое существо с шумом продвигалось сквозь мрак, от корпуса отражались редкие вспышки молний.

Я застонал.

— Помнишь, я упомянул моего заклятого врага?

— Угу. Кстати, ты все еще должен мне окончание истории.

— Так вот, он обещал мне нового робота. — Я перебежал через крышу поближе к созданию Мелхи.

Оно было еще далеко, но направлялось прямо к нам. Каждый шаг сопровождался глухим ударом.

— Ого! — воскликнула Софи, присоединяясь ко мне и придерживая платье, чтобы оно окончательно не сползло. — Не думаю, что людям разрешено вторгаться в общие штаты.

Она по-прежнему оставалась почти обнаженной. Странно, но и вымокшая под дождем Софи, и смертоносная машина казались мне одинаково привлекательными.

«Я снова чувствую себя молодым, — осознал я. — Как до объединения».

— Ну? — спросила она.

— Я...

— Груди подождут, сейчас гигантский робот. Этот твой заклятый враг, он хороший хакер?

Я заставил себя поднять взгляд на ее лицо.

— Слишком хороши... й.

— Еще бы. — Она подтянула насквозь промокшее платье. — Если он может взломать общий штат... Ну, у нас два варианта. Либо мы бегаем от робота до тех пор, пока Модеры не прижмут твоего приятеля за вопиющее нарушение границ, либо просто перебираемся в другой общий штат и займемся делом там. Я склоняюсь ко второму.

— Нет, — возразил я, прислушиваясь к ударам. На улицах послышались крики. — Гибнут люди. Я не сбегу от этого существа в расчете на то, что его остановят Модеры.

— В самом деле? Ты намереваешься с ним справиться? Как?

— Я найду способ. — Я направился к лестнице.

— Вы, мужчины из фэнтезийных штатов, такие бойскауты, — проговорила Софи, следуя за мной. — Подожди, дай мне натянуть проклятое платье. То, что я живорожденная, не спасет меня от ареста за непристойное поведение.

Я подождал у лестницы, переминаясь с ноги на ногу, пока она приводила в порядок платье. Спуск займет много времени.

— Я должен был это предвидеть, — сказал я, когда она ступила на лестницу. — Чуть раньше я потерял связь с моим канцлером. Держу пари, ее как-то оборвал Мелхи.

Мы начали спускаться по ступеням. Я не доверял этой подвешенной на тросах коробке, особенно когда Мелхи взломал штат.

— Хм-м, обрезали твою ментальную связь. Опасно. Это должно было тебя насторожить.

— Я отвлекся.

— Так давай вернемся в твой штат. Наверное, я потерплю эльфов и поющие деревья, пока мы не переспим.

— Я не уйду. — Я бегом спускался по лестнице. — Он разнесет весь город, чтобы найти меня.

— Почему? Что такого ты ему сделал?

Я посмотрел на нее.

— Не знаю точно.

— То есть?

— Идем. Я расскажу все, что мне известно, пока мы будем спускаться. Помнишь, как я наведался в тот приграничный штат? Так вот, я пошел в деревню, чтобы встретиться с ним...

***

Я пошел в деревню, чтобы встретиться с ним. Из одной хижины вышел стальной человек.

Раньше я создавал големов из костей мертвецов, оживляя их силой Сияния. Однако металл оказался для меня бесполезным материалом. Поэтому я был заинтригован, когда это существо шагнуло на солнечный свет. Туземцы нервно направили на него копья. Вождь Лет-мер предупредила меня, что когда оно

впервые явилось в долину, то, прежде чем уйти, убило десятки людей из другой деревни.

Оно не имело ни глаз, ни рта, только плоское отполированное лицо из бронзы, напоминающее маску. Остальное тело походило на человеческое, но было сделано из чистой серебристой стали.

Существо повернуло ко мне безглазое лицо.

— А-а. — Голос звучал как металлический гул, совершенно не похожий на человеческий. — Так это с тобой я буду сражаться за это место?

— Кто ты? — спросил я, жестом остановив Шейла, который вытащил оружие и шагнул вперед. — Ты существо из металла?

— Я живорожденный, как и ты. — Мелхи оглядел меня с головы до ног. — Перед тобой всего лишь одна из моих форм. Ты из фэнтезийного штата? Они действительно считают, что ты представляешь для меня вызов? Моим легионам роботов потребуется лишь пара часов, чтобы уничтожить...

Я развернулся и пошел прочь.

Не могу с уверенностью сказать, что заставило меня так поступить. Со временем мне все сильнее стало казаться, что дело в чересчур благоприятных условиях. Исключительно удобная для ведения войны местность, причем мой штат не подвергается опасности. Идеальные, расписанные под меня тактические позиции. Ресурсы, чтобы помочь тому, кто сумеет захватить штат первым. Трое живорожденных вместо двух для поощрения союзов.

Вся эта фальшь для меня как пощечина. Нас, двоих полновластных повелителей целых миров, поставили друг перед другом, чтобы языками трепать? Как вояк, хвастающихся подвигами, чтобы произвести впечатление на девку из таверны?

В этот краткий миг мое воодушевление по поводу поединка с равным противником исчезло, хотя вернулось позже, когда Мелхи попытался вторгнуться в мой штат. Мы сражались в других приграничных штатах, и, должен признать, эти столкновения были для меня увлекательными.

Но в тот день я наконец увидел все в истинном свете. Нас, как пару псов, забросили на арену, чтобы посмотреть, кто первым прольет кровь. Я не хотел иметь с этим ничего общего.

Так что я ушел.

— Что происходит? — спросила вождь Лет-мер.

— Тебе придется заключить союз с металлическим существом, вождь, — отмахнулся я. — Мне неинтересно.

— Но...

— Испугался, маленький император? — крикнуло мне вслед металлическое существо.

— Да, — обернувшись, согласился я, хотя испугался не его.

Возможно, мне стало страшно за хрупкость моего эго. Я притворялся, я должен был притворяться, пока находился в своем штате. Путешествие в другой штат, особенно в такой надуманный, как этот... нет, это не для меня. Пока нет.

— Он твой, — сказал я. — Если только третий живорожденный не ждет наготове. Можешь сражаться с туземцами. Сплясать для Модеров. Побыть их маленькой марионеткой. Но это не для меня.

— Я не марионетка! — закричала механическая скорлупа. — Слышишь меня, фэнтезиец? Я не марионетка!

***

— Разумеется, он оскорбился из-за того, что я не стал с ним сражаться. — Отдуваясь, я спустился на очередную площадку. — Я позволил ему завладеть приграничным штатом, а он просто разграбил его: захватил ресурсы, перебил большинство людей. Мне пришлось вмешаться и направить оставшимся туземцам помощь для восстановления. Лет десять спустя он напал на другой приграничный штат, соседствующий с моим, и на этот раз совесть не позволила мне его проигнорировать. С тех пор мы периодически воюем. Уже двадцать лет, и тридцать прошло с нашей первой встречи. В последнее время он даже пытается вторгаться в мой штат, хотя его роботы не действуют должным образом.

— Вот как, — сказала Софи. Мы почти добрались до подножия лестницы. — Так ты понимаешь, что сражаться с ним здесь — это безумие?

Я не ответил.

— В этом штате его роботы будут действовать. — Ее голос эхом разнесся по лестничной клетке. — В Мальтесе есть наручные часы-телефоны и вещи, которых нет в реальном мире в аналогичной эпохе. Такие элементы научной фантастики послужат для твоего друга базой, он обманет программу и заставит механизмы функционировать. Держу пари, этот робот опасен, по-настоящему опасен. Протоколы защиты Модеров к нему не применимы.

Я кивнул, добравшись до третьего этажа. Осталось совсем немного.

— Так скажи, почему мы до сих пор собираемся сражаться? — требовательно спросила Софи. — Давай выбираться отсюда.

— Послушай. — Я повернулся к ней. — Я поступаю так, потому что должен знать, ясно? Если то, о чем мы говорили, правда и до настоящего момента Модеры подстраховывали все мои действия... то я не знаю, не могу знать, что из себя представляю. Столкнувшись лицом к лицу с другим живорожденным, я это пойму.

Софи остановилась посреди лестничного пролета, и на ступеньке у ее ног сразу образовалась лужица.

— Ты что, серьезно?

— Конечно, черт побери! Жди здесь. Я уведу его куда-нибудь в менее населенное место.

— Ждать здесь? — переспросила она. — Ждать здесь? Я не одна из твоих пустоголовых фэнтезийных девиц в бронелифчиках, мистер император. Я тоже управляла миром, и, да будет тебе известно, мне для этого не требовалась абсолютная диктаторская власть. Я...

— Ладно. Ты умеешь сражаться?

— Не очень.

— Тогда что собираешься делать?

— Взламывать.

Это могло пригодиться.

— Что ты умеешь?

— Я могу сделать так, что оружие здесь будет работать. Ты же сам видел.

— Мало. А можешь заставить работать мою магию?

— Дружок, такой взлом провернуть непросто. Это очень немагический штат. Как я уже сказала, даже робот уместен здесь гораздо больше, чем магия.

— Да, но ты можешь?

— Попробую. Давай отправимся к тому месту, где робот проник в штат.

— Почему это место так важно?

— Вообще-то оно не должно иметь значения, — сказала она, огибая перила позади меня. Стук наших шагов разносился по лестничной клетке. — Технически все это программный код, и не существует такого понятия, как расстояние. Но

природа системы такова, что если мы приблизимся к точке входа, то окажемся «близко» к тому месту, где твой приятель прорвал защиту штата. Структура там ослаблена, и есть вероятность, что он не очень хорошо замел следы. Нестыковки в коде облегчат мне привязку еще нескольких взломов.

— Ладно.

— С таким же успехом я могла бы рассказывать все это пещерному человеку?

— Фэнтезийный не означает примитивный.

— Ну конечно. Ты хоть компьютер-то видел когда-нибудь?

Я мог его представить. Светящиеся огоньки, питающая машину энергия, подобная вспышкам молнии.

— Объясню проще, — сказала Софи, — если у меня и получится заставить работать твою магию, это произойдет в том месте, где вломился робот. Затем ты сможешь призвать своего говорящего коня или кого там еще и полетишь взрывать магическими радугами робота, воплощающего комплексы твоего друга.

Мы наконец добрались до первого этажа, и я выскочил на омытую дождем улицу. Софи — следом за мной. Я побежал к роботу, но она бросилась к одному из множества припаркованных неподалеку не занятых самоходных экипажей.

Чувствуя себя дураком, я ринулся за ней. Мы залезли в экипаж, и Софи заставила его зарычать. Он задрожал как пробуждающееся животное.

— Так он живой, — заметил я.

— Конечно, можешь думать и так, дружок.

Она стряхнула капли с волос и заставила экипаж двигаться. И быстро.

Я завопил и стал хвататься за все, что можно. Мы помчались по улице гораздо быстрее, чем на галопирующей лошади. Только и контроля, как мне показалось, у нас гораздо меньше.

— В этих штатах все такое варварское!

— Варварское? — прокричала она.

— Сначала пистолеты, разрывающие цепи, теперь это. Никакого изящества, одна грубая сила. Осторожнее, там люди! Боги!

Она свернула за угол на возмутительной скорости. Хорошая лошадь никогда настолько не вышла бы из-под контроля, даже мои летающие колесницы

маневрировали с изумительной аккуратностью. Мы обогнули робота, прокладывающего путь через город к зданию, в котором мы ужинали. Он нас не заметил.

«Он не может отслеживать меня напрямую, — подумал я. — Должно быть, что-то указало ему, где я находился».

Ну, с резервированием столика и моей физиономией в списке живорожденных меня, вероятно, нетрудно выследить. Я достал пистолет.

— Можешь заставить его работать?

— Не уверена, что мне захочется быть рядом, когда ты начнешь из него палить.

— Я не собираюсь целиться в твою голову, Софи, — сухо заметил я. — Займись.

Она потянулась к пистолету и коснулась его пальцем. Я пожалел, что отвлек ее, потому что мы чуть не въехали в спасающуюся от робота толпу, но Софи удалось вовремя повернуть экипаж.

— Сделано, — заявила она, убирая палец. — Он перепрограммирован и теперь заряжен настоящими пулями. Простой взлом.

— Ну да, но все равно кое-кто заметил, — сказал я.

Робот повернул массивную голову с красными глазами в нашем направлении. Самый большой робот из всех, которых посылал за мной Мелхи.

— Вот черт! — выругалась Софи. — Наверное, твой приятель наблюдает за всеми сбоями в штате. Что бы я ни сделала, он заметит.

Я прижал руку к стеклянному окну металлического экипажа.

— Как это...

— На двери ручка. Поверни ее.

Когда я повернул ручку, стекло поползло вниз. Изобретательно. Я высунулся и, наставив пистолет на робота, сделал один за другим три выстрела. Мои ментальные усилители включились на первом, замедляя для меня время.

Разумеется, существо повернуло к нам, отслеживая наше перемещение. Благодаря выстрелам оно меня заметило. В этом штате оружие не должно стрелять настоящими пулями, поэтому пальба оставила отметку в структуре штата.

— Это еще зачем? — спросила Софи.

— Хочу, чтобы он шел за нами.

— За каким дьяволом?

— Если он пойдет обратно тем же путем, то нанесет меньше ущерба, — объяснил я. — Кроме того, если я собираюсь его уничтожить, нужно подпустить его поближе.

Я выстрелил еще несколько раз, чтобы убедиться в том, что робот следует за нами. Более того, он ускорил шаг. Нырнув обратно в экипаж, я перевел дух.

— Не могу поверить, что говорю это... но эти экипажи могут ездить быстрее?

Оказалось, что могут. Софи расплылась в ухмылке. Я держался изо всех сил.

— Там, — сказала она.

Посреди развалин, в десяти футах над дорогой мерцало перламутровое свечение, которому здесь явно не место. Оно напомнило мне Великое Сияние, хотя и походило очертаниями на увеличенную версию портала, через который я сюда попал.

Софи остановила экипаж. Точнее, она прекратила им управлять, но он не остановился совсем, а, проехавшись по тротуару, врезался в здание. От резкого толчка я чуть не извергнул содержимое желудка.

— Ты с ума сошла! — воскликнул я.

— Я думала, это мы уже выяснили. — Она с трудом выбралась из металлического экипажа, но по-прежнему широко улыбалась.

На дрожащих ногах я последовал за ней. Робот приближался быстрее, чем я рассчитывал, и, к несчастью, люди покидали это место не так уж быстро. В развалинах зданий, несмотря на дождь и опасность, прятались целые семьи. Плачущая девочка лет четырех снова и снова спрашивала маму, почему трясется земля.

«Они вынуждены жить в мире, который знает лишь тьму, — подумал я, — только затем, чтобы у живорожденных было место для игр».

Я отвернулся и поплелся вслед за Софи к месту прорыва.

— Дай мне руку, — сказала она, когда мы достигли мерцания.

Я послушался, и она, крепко сжав мою руку и закрыв глаза, опустилась на одно колено.

Я ощутил покалывание.

— Я не могу напрямую изменить твой код. Я не посмею.

— Мой код?

— Заволновался? Ты же вроде считал, что смоделированные и живорожденные организмы равны?

— Я такого не говорил. Я сказал, что машинорожденные тоже люди и убивать их неправильно. Безусловно, живорожденные важнее.

— Хорошо, что ты определился с приоритетом.

— Ну я же Бог-Император. Ты говоришь, у меня есть код?

— Расслабься. У всех нас есть кодовые записи вокруг ядра наших личностей. Как заметки на полях, записанные в учебнике кем-то, кто готовился к экзаменам.

— Что такое учебник? — спросил я. Затем, через мгновение: — Что такое экзамены?

— Не отвлекай меня. Хм-м... Так вот. Я не могу перестроить твою магию без риска полностью выжечь твой разум.

— Не изменяй магию. Просто сделай так, чтобы она заработала здесь.

— Не уверена, что это возможно. Пришлось бы полностью изменить законы самого штата. Но может быть...

— Что?

От шагов робота мои зубы выбивали дробь. Я уже различал его голову над крышей ближайшего здания. Красные глаза светились сквозь пелену дождя.

— Ну, — произнесла Софи, — кодовые записи, объясняющие, как работает твоя магия, остаются с тобой. Все привязано к твоему штату. Полагаю, там есть какой-то внутренний источник энергии?

— Да, — подтвердил я. — Магию ты изменить не можешь... а можешь ли перенастроить ее источник? Сделать так, чтобы мое пронзание в этом мире подпитывалось от чего-то другого?

— Хм-м... умно. Да, стоит попробовать. Подожди минутку.

Ветер начал усиливаться, дождь из мороси перешел в ливень. Моя рубашка прилипла к телу, волосы и борода пропитались влагой.

Создание Мелхи надвигалось на нас, огибая ближайшее здание и задевая каменные стены.

— Еще минутку... — повторила Софи.

— Минуты уже на исходе!

— Я работаю... работаю так быстро, как могу... Это как собирать головоломку. Электричество. Возможно, получится использовать электричество вместо этого твоего Сияния...

— Софи! — воскликнул я.

Робот наступил огромной ногой на брошенный экипаж. Усиливающийся дождь обрушивался на нас яростными струями.

— Есть! — воскликнула Софи.

По мне прошла волна дрожи, более холодной, чем дождь. Она пробудила меня, взволновала, изменила. Взлом сработал. Я чувствовал, что сработал.

Софи застонала, и ее рука выскользнула из моей. Она начала заваливаться на землю, но я подхватил ее и, взвалив на плечи, побежал по улице через ужасный ливень, пытаясь увеличить расстояние между нами и роботом.

— Отпусти меня, — слабо пробормотала Софи. — Я не какая-нибудь девица в беде из твоих варварских владений...

Отыскав укромный переулок вне поля зрения робота, я поставил ее на землю. Она с трудом держалась на ногах, глаза закрывались...

— Я не... — проговорила она. — Не надо меня спасать, я...

— Посмотри на это с другой стороны, — сказал я. — Твоя внутренняя феминистка сойдет с ума от мысли, что ее спасают.

— Не ты спасаешь меня. Это я спасла тебя... с магией... и... — Она глубоко вздохнула. — Я здесь подожду.

— Мудрое решение. — Я выглянул на улицу.

Я слышал сокрушительные шаги робота, ощущал, как дребезжат стекла в ближайших окнах. Сделав глубокий вдох, я снова вышел на улицу.

Робот наклонился и огромной рукой подобрал с дороги экипаж. Переведя на меня красные глаза, горящие в темноте дождливой ночи, он поднял экипаж, словно хотел его швырнуть.

Несколько столетий мое сердце не билось так сильно. Я улыбнулся и перешел на пронзающее зрение.

Вокруг меня была разлита энергия. Ею полнилась земля, она пульсировала в зданиях и огнях. Я втянул ее со странным треском и, наполненный силой, попытался сплести воздух так, чтобы вознестись в небо и создать вокруг себя защитный барьер.

Ничего не произошло.

— Вот черт, — проговорила позади Софи.

Робот швырнул экипаж. В пронзающем зрении все высвечивалось силовыми контурами. Выругавшись, я бросился в сторону. Совсем рядом рухнул и проскользил по камням экипаж, а я покатился по мокрой земле.

Я остался жив, но лежал оглушенный. Не выходя из пронзающего зрения, я потряс головой и посмотрел на Софи в переулке. Она присела, придерживаясь рукой за стену, и для моих глаз казалась ослепительным источником энергии.

Погодите-ка, это неправильно. Почему она светится?

— Со взломом промашка, император! — прокричала она сквозь шум дождя. — Я случайно перенастроила твою магию на тепло, а не на электричество.

О Боги! Я потряс головой и поднялся на ноги. Робот быстро приближался. До меня доносились звуки, с которыми дождь разбивался о металл его корпуса. Втянув еще немного энергии, я понял, что Софи права. Находясь в пронзающем зрении, я ощущал отдельные атомы во всех окружающих предметах. Когда я вытягивал энергию, они замедлились, а потом застыли. Сделав шаг, я почувствовал, как под ногами затрещал лед.

Взлом не сработал, и дела обстояли вовсе не так, как сказала Софи. Каждый раз, когда я пытался использовать энергию, ничего не происходило. Я мог втянуть ее в себя, но затем она просто испарялась, даже не нагревая воздух.

Структура штата восставала против того, чтобы я использовал эту силу. А значит, нельзя трансформировать воздух, чтобы защититься. Нельзя поразить робота молнией. Вообще нельзя воспользоваться магией.

Робот был уже близко и нависал своим холодным, почти невидимым для моих глаз корпусом. Небрежно махнув рукой, он смел стену вместе с прячущимися внутри здания людьми.

— Не сработало! — закричала Софи. — Нужно уходить, сейчас же!

Люди. Теперь я легко различал их даже в помещениях. Они были островками обжигающего жара посреди холодной, залитой дождем земли. Женщина с дочкой убежали от робота, но упали неподалеку. Ребенок вцепился в руку матери, крича от ужаса.

Реальные люди, испытывающие эмоции, имеющие семьи, любящие. И я. Без подстраховки. Я чувствовал себя беспомощным. Впервые за несколько десятилетий я чувствовал себя беспомощным.

Немыслимо.

Сквозь дождь я направился к роботу.

— Кай! — закричала Софи.

Я поднял руки и зачерпнул энергию. Она испарилась.

Дождь усилился.

«Ливень хлынул с появлением робота, — подумал я. — Эта буря — реакция на взлом. Беск говорил, что в этом штате никогда не идет дождь сильнее мороси».

Я вытянул еще тепла. Буря набирала мощь. Молнии раскалывали небо. Раскаты грома заглушали тяжелые шаги робота, который был уже в нескольких ярдах.

Атомы у меня под ногами застыли, и мне пришлось выбраться из ботинок, намертво примерзших к земле. Моя кожа не слишком страдала от холода. Эта часть магии, видимо, осталась со мной. Я обладал защитой от большинства эффектов пронзания.

Робот обрушил руку, намереваясь раздавить меня.

Включились ментальные усилители. Я смог определить, куда придется удар, и ушел с траектории. Раздробив лед и камень, рука скользнула в мою сторону.

Я позволил роботу сжать меня в холодной стальной хватке.

— Я поймал тебя! — прогремел голос сверху. Этот же голос, жужжащий и металлический, я слышал в том приграничном штате. — Я наконец-то поймал тебя! Я могу раздавить тебя пальцами, малыш! Будешь знать, что значит оскорблять Мелхи.

Дождь все усиливался, а я втягивал все больше энергии.

— Тебе не вытянуть тепло из робота, глупец, — рассмеялся Мелхи.

В самом деле, я видел ядро, скрытое глубоко под слоями изоляционного металла, и не мог вытянуть из него тепло, сколько бы ни пытался. Плевать. Я заставил бурю взъяриться еще сильнее. Дождевые струи замерзали, прежде чем ударить в меня, и терзали кожу, как ножи.

Включились исцеляющие усилители, но им с трудом удавалось справляться с распарывающими кожу льдинками. Я втянул так много энергии, что застыли сами атомы воздуха и газы стали жидкостью. Воздух превратился в странный пар из мельчайших капель воды, которые практически сразу с шипением закипали и снова становились газом.

— ...часть меня, которая восстала против... пойдет вперед... не... их марионетка...

Я не мог разобрать слова Мелхи. Буря ревела чересчур громко, лед и дождь стучали по телу робота, как камни по жести. Дождь обрушивался на нас подобно океанской волне. Гром и молнии распарывали небо, разрушая структуру штата.

Я вытягивал энергию, насыщаясь ею. Наслаждался музыкой, которой не знал раньше. Робот сжал пальцы, но с рукой было что-то не в порядке, и хватка вышла не такой сильной, как должна бы. Улыбнувшись, я потянулся к держащей меня руке. Затем высосал тепло из внешнего слоя робота. Металл — превосходный проводник, я пил тепло, как воду через соломинку.

Мгновение я не осознавал ничего, кроме все возрастающей мощи бури. Как ярость самого Бога, кричащего на меня за нарушение законов реальности.

Робот начал трескаться. Не от холода, от воды. Воды, которая просачивалась в швы. Ее становилось все больше, и, замерзая, она расширялась. Сочленения деформировались и раскалывались.

Робот рассыпался на тысячи осколков.

Я сильно ударился. Меня пронзила боль, и пронзающее зрение исчезло.

Открыв глаза, я обнаружил, что лежу среди обломков робота. Дождь утихал, и я отпустил энергию, которую удерживал. Все вокруг — разрушенные здания, развороченная улица — было покрыто толстым слоем льда. Я тяжело дышал, ловя ртом чересчур холодный воздух. Одежда превратилась в лохмотья. Ткань замерзла на мне и раскололась, как стекло.

Выбираясь из-под обломков, я оставил значительное количество кожи, примерзшей к руке робота. К счастью, мои исцеляющие усилители работали достаточно хорошо.

Широко улыбаясь, я повернулся к поверженному чудовищу. Я победил. Победил там, где мой успех не подстроен, победил на поле битвы, к которому Модеры не имеют ни малейшего отношения. Не следуя алгоритму, который бы меня направлял.

Я чувствовал себя более живым, чем когда-либо. Я обнаружил кое-что реальное. Это было как... будто я впервые проснулся.

Софи стояла на краю замерзшей земли. Боги, она прекрасна. Раньше я не сознавал, как велико мое желание свести знакомство с кем-то реальным, по-настоящему живым. С кем-то, кто не создан специально для меня, с кем-то, у кого есть независимая от моей жизнь. Это чертовски сексуально.

Софи широко улыбнулась мне, а потом достала из сумочки маленький пистолет, поднесла его к голове и нажала на спусковой крючок.

Из-за выстрела сработали мои ментальные усилители. Я совершенно четко увидел, как из ее головы брызнула кровь — алые ленты, под цвет платья. Я наблюдал за происходящим в замедленном темпе. Пока ее глаза угасали, умирала по кусочкам моя новая жизнь.

Действие усилителей прекратилось. Труп Софи рухнул на землю.

Я бросился к ней и обнаружил выведенные на льду слова, будто высеченные мастером.

«Я же сказал, что мой новый робот будет прекрасен. Мне понадобилось много времени, чтобы сделать Софи идеальной. Меня радует, что она завоевала твое сердце. Ты расплатился».

***

— Мне очень жаль, милорд, — сказал Беск. — Но она была не настоящей. Я это заметил, но Мелхи отрезал меня от связи. Эта женщина как тот лазутчик, с которым мы встретились в приграничном штате, — подделка, контролируемая на расстоянии, только на этот раз созданная так, чтобы быть неотличимой от человека.

Я ничего не ответил, просто стоял у окна и смотрел на город. Кабинет казался слишком теплым. Слишком дружелюбным. Обман.

— У меня возникли проблемы с получением ответов от Модеров, — продолжил Беск. — Я... я не понимаю, как он узнал, какую женщину мы выбрали.

— Он и не знал, — сказал я. — Он перехватил информацию о том, кого мы выбрали, сделал так, чтобы она не дошла до реальной женщины, и послал замену.

— Ах, конечно же. — Голос Беска был бесстрастным, как и всегда.

— Был ли среди них хоть кто-нибудь настоящий? — тихо спросил я. — Среди людей, которых я спас? Или в этом штате все — создания Мелхи?

— Я не знаю.

«Все, о чем я говорил с ней... все, что она сказала... все это фальшивка».

Я ничего не знал. Я даже не знал, что должен чувствовать.

Беск оставил меня в кабинете. Он явно не имел ни малейшего понятия, что делать, и с момента моего возвращения пребывал в подвешенном состоянии. Подогретое вино ждало на столе у камина, нетронутое.

Я мерил шагами комнату, чувствуя себя преданным, злым и опустошенным.

Наконец я взял Скрижаль Модеров и написал простой запрос: «Меня интересуют живорожденные, которые находятся в ближайших ко мне банках. Хотелось бы узнать их имена и указатели их штатов».

Я подождал. Наконец пришел ответ, буквы проступили на каменной поверхности, будто выведенные чернилами: «Приносим извинения за полученную вами травму. Мелхи будет наказана. Нам не известно, как она взломала тот штат. Это представлялось невозможным. Единогласным решением вы освобождаетесь от обязанностей продолжения рода. Можете вернуться к правлению».

Несколько мгновений я пялился на грифельную доску, затем написал: «Каковы имена и указатели штатов живорожденных в десяти ближайших ко мне банках? Хочу наладить с ними контакт».

Долгая пауза. Наконец появились имена.

Пора прекратить жить в изоляции.

***

Лениво оттолкнувшись ногой, Мелхи крутанулась во вращающемся кресле вправо, затем влево. Покачалась взад-вперед перед монитором.

На экране Конан-бойскаут разговаривал с распустившим сопли машинорожденным слугой о Модерах.

«Даже его гримасы нелепы, — подумала она, потягивая виски со льдом. — Борода словно у греческой статуи. Скорбный вид, будто у какого-нибудь сентиментального поэта. А голос... каждая фраза как из трейлера к фильму».

Она постучала ногтем по бокалу. Приятно вернуться в свой бункер. Блестящий, металлический, полный самых разных вещичек, которые император-супергерой посчитал бы удивительными и магическими. Взять хоть сливные туалеты. Ей нравилась отделка бункера полированной сталью. Возможно, стоит ее сменить. От этого чувства уюта недолго и снова размякнуть.

Остальные разговаривали в комнате для совещаний, из открытой двери доносились голоса. Перегавкиваются, как собаки. Живорожденные, все до единого. Привыкли управлять мирами и быть большими шишками.

— Я преодолела шесть штатов, чтобы сюда попасть! — Голос Гнасс. — А ее, видите ли, нельзя побеспокоить и отвлечь на совещание?

— Какая разница? Кормят здесь неплохо. — Это Хо Нам. Он бы заявился и на казнь любимой нянюшки, если бы там накрыли хороший стол.

— Пойду ее проверю, — сказала Дионисса. Послышались шаги.

Наслаждаясь напитком, Мелхи продолжала следить за Каем на экране. На двух боковых мониторах бежали колонки с данными.

— Софи? — позвала Дионисса от дверного проема. — Идешь на совещание?

— Не называй меня так, — проговорила Мелхи.

— Как скажешь, дорогая.

Дионисса прошла в комнату и склонилась над терминалами. На ней было синее платье из тонкой ткани, в старомодном стиле, зато волосы коротко острижены и выкрашены в ярко-розовый.

Не обращая внимания на Кая, Дионисса изучала колонки данных.

— Любопытно. Они не заметили?

Мелхи покачала головой.

— Пока нет. Разве что ухитрились замаскироваться от моих цифровых дозорных. Но раньше они ничем не показывали, что способны их засечь.

— Они тебя заблокировали, — сказала Дионисса. — Здесь, здесь. И здесь.

— Это явные взломы, — пояснила Мелхи. — Пусть считают себя умниками, раз их нашли. Отвлекающий маневр сработал превосходно: вторгнуться в общий штат, перевернуть там все с ног на голову. Они думают, что изолировали меня, но так сосредоточились на главных взломах, что не обнаружили лазутчиков. Моя сеть расширяется.

— Это и правда нам под силу.

Мелхи до сих пор не определилась, что же такое «это». Однако проникновение в общую систему означало большой шаг вперед, в каком бы направлении ни развивались дальнейшие события. Другие живорожденные месяцами жаловались, что она лезет на рожон, привлекает к себе слишком много внимания. Говорили, что Модеры нанесут удар, отключат ее. Обрекут их движение на провал прежде, чем у них появится возможность сделать хоть что-то.

Она поступила так, как поступала всегда. Бросила вызов им всем, даже союзникам. Это было даже забавно.

— Пойдем, расскажешь остальным, — предложила Дионисса.

Мелхи кивнула подбородком на экран с Каем. Знай Модеры, что она имеет доступ к этому каналу данных, они бы обязательно его вырубили. Лучшее доказательство того, на какую небывалую глубину ей удалось запустить пальчики в систему.

— Он связывается с соседними штатами, — отозвалась Мелхи. — Смирился с тем, кто он такой, — кто мы все такие.

— Мелхи, ты ведь не надумала пополнить наши ряды фэнтезийцем?

— Ты сама из древнего Рима.

— Из реального Рима.

— Из поддельного реального Рима.

— Поддельная Нарния с ним и рядом не стояла. Слушай, ты же знаешь, что это за люди.

Да, она знала. Ими так легко манипулировать. Они такие... прямолинейные. Но в то же время искренние. Искренности в ее жизни, пожалуй, маловато. Большинство живорожденных интересуется властью и политикой между штатами ничуть не меньше, чем идеей независимости от Модеров. Только Гнасс можно доверять безоглядно, но у нее своих проектов по горло.

Тем не менее Мелхи оторвалась от Кая на мониторе и, присоединившись к Диониссе, проследовала в комнату для совещаний. Она годами пыталась пробудить — или уничтожить — соседей по штатам, но результаты ее мало интересовали. Постепенно это приелось. Требовалась задачка посложнее.

— Добро пожаловать, — обратилась Мелхи к группе из пяти живорожденных. — Насколько мне известно, это первое собрание подобного рода. Полностью скрытое от Модеров, проходящее в штате, о существовании которого

они даже не подозревают. Дамы и господа, мы пойманы, заперты и обречены на практически одинокое существование внутри машины. Давайте обсудим, как нам выбраться на свободу.

Послесловие

«Идеальный штат» — единственное произведение в этом сборнике, номинированное на престижную премию «Хьюго» лет десять назад. В те времена премия оказалась в самом эпицентре культурной войны между двумя группами, которые совершенно по-разному видели ее будущее. И все же мне показалось, что меня номинировали вполне искренне. В итоге повесть не выиграла, однако я до сих пор считаю ее одной из самых сильных историй в сборнике. (Пожалуй, в этом плане она делит первое место со «Стоп-кадром»).

Скажу честно: из всех идей в сборнике эта моя самая любимая. Причем родилась она из моей собственной жизни. Время от времени я оглядываюсь по сторонам и думаю: «Да не может это быть по-настоящему. Сто процентов я живу в симуляции. Ну каковы шансы, что я стал одним из самых продаваемых авторов научной фантастики и фэнтези в мире?»

Из этого легкого недоумения и выросла концепция «Матрицы» наоборот, когда целый виртуальный мир создается под одного-единственного человека, и сам он прекрасно это понимает. К слову, я вовсе не считаю такое будущее антиутопией. Скорее, это отличный способ дать каждому его собственный «идеальный» мир, где любой сможет прожить насыщенную, интересную и исключительную жизнь. Я не называю этот мир антиутопией еще и потому, что в нем нет никакой скрытой фальши. (В классическом понимании антиутопия — кошмарный мир, который притворяется утопией, хотя за последние годы это значение, кажется, совсем поменялось).

Люди в таком мире видят его изъяны. И пусть они не до конца понимают все нюансы своего положения (ведь они никогда не жили иначе), с другой стороны, а кто вообще способен познать все нюансы бытия, если перепробовать все возможные варианты жизни физически нереально? К тому же система создана вовсе не из каких-то зловещих побуждений. Мне кажется, это вполне жизнеспособный сценарий нашего реального будущего. Разумеется, у такой системы есть свои минусы (я разберу их чуть ниже), но они найдутся вообще у любой системы.

Изначально повесть вышла без последней сцены. Однако со временем, когда эмоции поутихли, я понял, что с ней история выглядит куда лучше. Поэтому дальше я приведу два примечания, которые когда-то опубликовал в блоге. Первое — это самое первое послесловие, написанное еще во времена номинации на «Хьюго». Второе объясняет, почему я все-таки вернул последнюю сцену и планирую оставлять ее во всех будущих переизданиях.

Примечание 1

Повесть родилась из идеи взять несколько распространенных научно-фантастических клише — мозги в банке, виртуальное существование, как в «Матрице», — и попробовать перевернуть их с ног на голову. Во всех подобных историях эти клише представали ужасающими символами антиутопии. Я спросил себя: «А что, если виртуальное существование обернется для людей благом? Что, если выйдет не антиутопия, а разумная и действенная система, приносящая человечеству огромную пользу?»

Из этих предпосылок выросли истории Кая и Софи. Мне пришлось по душе, что решение поместить людей в смоделированные миры может и в самом деле оказаться разумным, а вовсе не пугающим. Это крайняя мера, но, возможно, логически обоснованная, вызванная ростом населения и ограниченностью ресурсов. В философии есть направление, согласно которому мы должны судить исходя из того, что лучше для человечества в целом. Полагаю, это как раз тот случай.

Это первая причина, по которой я вырезал удаленную сцену. Она смещает внимание на «побег из Матрицы», хотя упор должен быть на технологиях, благодаря которым удалось достичь великих свершений ценой отказа от взаимодействия между людьми.

Учитывая вышесказанное, аргументы Софи и правда обоснованны. Одна из целей повести — показать, насколько фальшивость жизней Кая и Софи обесценивает саму суть их личностей.

Для Кая это касается героизма. Он никогда не подвергался настоящей опасности, а значит, играл в видеоигру на низшем уровне сложности, хотя все это время считал, что поставлен в самые жесткие условия. Однако возникает вопрос: если героизм казался ему реальным, имеет ли значение то, что ему никогда ничего не угрожало? Я не знаю ответа, но это один из самых занимательных вопросов повести.

У Софи схожий внутренний конфликт. Подобно тому, как героические свершения Кая обесцениваются тем, что его подстраховывают, ее бунты и выступления за права человека — тем, что все эти битвы в реальном мире уже выиграны. Ее штат намеренно создали лишенным подобных концепций, чтобы она могла воплощать их в жизнь.

И все же, разве тот факт, что подобный конфликт был разрешен раньше, делает ее собственную борьбу лично для нее менее важной?

Для нее да. Она считает, что Модеры, сознательно поместив ее в мир, полный поддельных проблем и страданий, поступили бессовестно и тем самым обесценили любой успех, которого она могла бы добиться.

Мне нравится, что эта удаленная сцена подчеркивает подобные вопросы. Тем не менее есть более важная причина, по которой я посчитал необходимым ее вырезать. И касается она проблемы, которую я заметил в своих текстах: иногда мне хочется круто завернуть сюжет только потому, что этого никто не ждет.

В ранних книгах, например, в «Элантрисе», это проблема была для меня более явной. В конце концов мои редактор и агент убедили меня вырезать из книги некоторые сюжетные повороты. (Их было больше в концовке. Удаленные сцены из «Элантриса» можно найти на моем сайте.) Я громоздил неожиданность на неожиданности, и каждая ослабляла эффект, одновременно умаляя основную идею книги.

Мне казалось, в концовке был легкий перебор с «Ага, не ждали!» Похожая проблема встречается и у других авторов, обычно в длинных циклах. Из-за стремления к оригинальности сюжет развивается совершенно не так, как ожидает читатель. Некоторые из этих сюжетных поворотов полностью подрывают развитие персонажа и ожидания публики, и все ради эффекта внезапности. Я частенько задумываюсь, не лучше ли нам, писателям, поменьше заморачиваться на том, что еще можно выдумать, и побольше сосредотачиваться на том, хорошо ли это для повествования. (Приношу извинения Яну Малькольму.)

Сюжетный поворот должен естественным образом вырастать из самой истории и ее целей. Я решил, что «Идеальный штат» — это история о том, как одурачили Кая: сначала Модеры, потом Мелхи. В опубликованной версии сюжет соответствует этой цели, наглядно демонстрируя, что героизмом Кая можно манипулировать и что его существование стало слишком комфортным.

Меня беспокоило, что дополнительный эпилог уведет историю от этих идей. Поэтому в итоге я его вырезал.

Примечание 2

Удаление последней сцены не прошло для истории бесследно. Долгое время после этого что-то не давало мне покоя, но было трудно определить, что именно не так с тем, что получилось.

Повесть прошла через руки редакторов и бета-ридеров, но никто не выявил того, что же меня беспокоило. Это убедило меня добавить две сцены. Первая — «пейнтбольная» перестрелка в городе с атмосферой в стиле нуар. Ее цель —

добавить динамики и сведений о мироустройстве, при этом полнее раскрыть личность Кая. Вторая сцена — флэшбек, в котором Кай и Мелхи встречаются на «нейтральной территории», на поле боя. Здесь я хотел показать, что на настоящий момент Мелхи — угроза более чем реальная.

И все равно, даже после всех этих добавлений, меня что-то беспокоило. Мне потребовалось время, чтобы разобраться, и я понял, в чем же дело, всего за несколько недель до публикации повести. (И это хорошо, поскольку мне удалось внести пару правок в последний момент. До сих пор не уверен, что они решили проблему, но результат нас удовлетворил.)

Проблема была вот в чем: удаление финальной сцены сильно навредило Софи как персонажу.

В варианте с удаленной сценой оба персонажа получаются цельными. С одной стороны, это Кай, который хочет вернуться в свой фэнтезийный мир, жить там и чтобы никто не заставлял его задумываться о том, что его жизнь фальшивая. Он хочет, чтобы поддельных сложностей хватало для утоления его жажды героизма, но не стремится исследовать жизнь за пределами разработанного для него идеального мира.

На контрасте выступает Софи, которая отказывается жить в предоставленном ей идеальном мире и настолько им разочарована, что не оставляет жестоких и разрушительных попыток открыть глаза другим. Она стремится сокрушить чужие штаты, тем самым сталкивая их обитателей с недостатками системы.

Ни один из персонажей не совершенен. Софи отважная, но безрассудная. Решительная, но жестокая. Кай склонен к героизму, хотя в глубине души не уверен в себе. Он добродушный, но сознательно остается невеждой. Даже, можно сказать, упорствует в своем невежестве. Достойные восхищения качества одного подчеркивают недостатки другого.

История хорошо складывалась до самой концовки, которая все переворачивает с ног на голову и выбивает почву из-под ног читателя. Софи погибает, выясняется, что Каем манипулировали, — все это работает на пользу повествованию, потому что достигается эффект, который я называю «двойное ограбление». Это когда вводят в заблуждение не только персонажа, но и самого читателя. Заставляют читателя не просто сопереживать герою, а испытать обман на собственной шкуре.

Попробую объяснить конкретнее. Цель этого эпизода — показать, что Кай действует героически, а затем обесценить его поступок, дав понять, что его героизмом манипулировали. В то же время я рассчитываю (а ведь не каждая сцена

срабатывает для каждого читателя), что читатель почувствует себя обманутым, когда, насладившись захватывающей динамикой, обнаружит, что ни доблестью, ни значимостью деяния здесь и не пахнет.

Кстати, обычно это не самая удачная затея — заставлять читателей испытывать подобные впечатления. Тем не менее мне показалось, что здесь это сработает, и я даже немного горжусь тем, как все вместе сыграло: эмоции персонажей, динамика и лейтмотив усиливают основную идею.

К сожалению, этот сюжетный поворот создает некоторые проблемы. Из-за него Софи вместо того, чтобы быть самостоятельной личностью, озабоченной тем, как изменить мышление попавших в ловушку системы, становится безвольной пешкой, роботом, предназначенным только для дальнейшего развития Кая.

Осознание этого поставило меня в затруднительное положение. Если слишком рано намекнуть, что Софи — это Мелхи, вся вторая половина повести идет коту под хвост. Но если так и не разоблачить Мелхи, от ее персонажа остается лишь пустая оболочка, полное противоречие той личности, которую я ей уготовил.

Теперь мне кажется, что, на первый взгляд, неважно, насколько реален персонаж Мелхи/Софи. Как я упомянул в первом примечании, суть истории в том, что Каем манипулируют силы за пределами его контроля.

Однако когда сюжетный поворот вредит персонажу, я чувствую, что ступаю на зыбкую почву — рискую запутаться в уловках, вместо того чтобы писать стоящие, убедительные истории, какими я их понимаю. Конечная цель повести заключается не в крутом повороте сюжета, а в том, чтобы провести читателя по пути сложных эмоций. Пути, на котором Кай мирится с изменениями и обращает взгляд на внешний мир. Его превращение обусловлено взаимодействием с человеком, не имеющим с ним ничего общего, но при этом человеком многогранным и не лишенным обаяния. Поверхностность Софи сильно обесценивает как саму историю, так и результаты исканий Кая.

Кроме того, есть еще и проблема половой дискриминации. Если в наше время поднимать эту тему в литературе, можно огрести кучу неприятностей, но я считаю, что мы обязаны в нее углубиться. Видите ли, в мире Кая явно господствует половая дискриминация. Софи сама несколько раз на это указывает. Жизнь научила Кая, что все остальные, особенно женщины, существуют только ради достижения его собственных целей. Не поймите меня превратно, он добрый человек. Но его мышление глубоко укоренено в системе, которая приучила его думать очень сексистским образом.

Если в повести подчеркнуть это еще и тем, что Софи — робот, наделенный свободой воли даже в меньшей степени, чем окружающие Кая машинорожденные программы, история выйдет не просто оскорбительной, а провальной, хоть и покажется сперва удачной.

Возможно, тут я перемудрил. Есть у меня такая склонность. Как бы то ни было, надеюсь, вы поняли, что я имел в виду под проблемой в этой повести. Наверное, с ее описанием я переборщил. Пока что две трети аннотации занимает проблема, и совсем немного — решение.

Признаюсь, я долго обсуждал, каким образом все исправить. Вернуть ли обратно эпилог, несмотря на то, что он нарушает канву повествования? Есть ли другой способ намекнуть читателям, что с Мелхи не все так просто, как кажется?

Я постарался дать понять, что «Мелхи» что-то скрывает. Переделал диалог в эпизоде, где Кай лично встречается с Мелхи, и подчеркнул то, что Мелхи прячет свою истинную природу за обликом марионетки. (Тем самым намекнув, что марионетки, которых мы потом встретим, тоже могут оказаться Мелхи.) Я оставил несколько подсказок к тому, что Мелхи — женщина, а затем изменил концовку, чтобы Модеры сказали в ней об этом прямо.

(И напоследок пара слов от Брендона из настоящего. В прошлых примечаниях я размышлял: а может, стоило выпустить повесть вообще без этой дополнительной концовки? Чтобы читатели открыли ее для себя позже и смогли по-новому взглянуть на всю историю. Но за эти годы я переосмыслил тот подход. Сейчас я уверен: с новым финалом повесть раскрывается лучше всего. Именно эту версию мы здесь и публикуем — со всеми правками, что я вносил годами, и с этой самой финальной концовкой. Для меня именно этот вариант теперь окончательный и бесповоротный.)

Вероятность стремится к нулю

— Я понимаю все!

«Это распространенное заблуждение среди тех, кого только что возвысили. Ты понимаешь не буквально все, а просто...»

— ...мои возможности расширились до таких пределов, что старые представления теряют смысл. Да, теперь я понимаю! Понимаю! Кирпичики реальности, фундаментальные уравнения, на которых держится бытие. Я читаю вселенную как открытую книгу! Вижу то, чего не видел прежде никто из людей!

«Строго говоря, ты больше не человек. И, если уж быть точным, ты — второй представитель своего вида, кто переживает подобное».

— Второй? Всего лишь второй? Такие безграничные возможности, такое запредельное знание! Если бы им обладали все люди, наш вид покончил бы с непониманием, преступлениями, войнами. Мы могли бы искоренить страдания, и в-ф-футис хм-м-м на... зн-то!

«Ты начал заметно сокращать свою речь; ты ищешь более лаконичные, но все еще емкие способы передачи смысла. Вскоре ты перейдешь на математические уравнения — твой разум стремится к совершенной форме общения».

$$“P(\{s\in S:\lim_{n\to\infty}X_n(s)=X(s)\})=1\ !”$$

«К счастью, вскоре ты интуитивно освоишь прямую ментальную связь и сможешь выражать...»

«...себя идеально! Да, я понимаю, хотя мой разум все еще интерпретирует наш разговор с помощью привычных языковых конструкций».

«Это продлится примерно пятьдесят миллисекунд по земному времени, пока ты интуитивно не освоишь следующий уровень прямой смысловой передачи».

«Пятьдесят миллисекунд! Целая вечность. Но прошу, я все еще не нашел ответ на свой вопрос. Почему вы возвысили только двух людей? Я ведь прав? Этот дар несет с собой всеобщий мир?»

«Почти всеобщий — рациональность каждого отдельного вида все же имеет пределы, — но да. Если бы мы так же возвысили весь ваш вид, страданиям, вероятно, пришел бы конец».

«Так зачем останавливаться?»

«Где-то же нужно остановиться. Если возвысить всех людей, то почему не другие виды? Почему не вашу флору? Вирусы? Сила вселенной заключается в…»

«…разнообразии, ибо именно оно обеспечивает выживание! Возвысив меня, вы меня изменили подобно тому, как наблюдение всегда воздействует на объект. Ваш дар чудесен, но если направлять весь вид к единой форме под вашим руководством, это подорвет разнообразие и может привести к всеобщему застою».

«Именно. Мы возвышаем по одному представителю каждого вида, с которым сталкиваемся. Благодаря нашим трансцендентным возможностям мы мыслим очень схожим образом, но различия все же есть, и прямой обмен мыслями с отдельным представителем нового вида нас обогащает».

«Но… я второй».

«И скоро мы выберем третьего. Мы планируем возвысить двенадцать людей, не считая первого, — всех из того же региона Земли, что и ты».

«Я вижу звезды, бесчисленные измерения, искривления пространства-времени. Я вижу невероятно много… но не ответ на свой вопрос. Зачем вам больше одного человека?»

«Индивидуума следует понимать через призму правил его общества. Иначе…»

«…это идет вразрез с логикой. Да! Мораль нельзя навязывать извне; ее нужно применять с учетом особенностей отдельной культуры. Но причем здесь я?»

«Ваша культура опирается на рациональный обычай, который наложил на нас неожиданные, но значительные ограничения. Видишь ли, в вашей культуре преступника вправе судить только группа равных ему…»

Послесловие

Это моя первая попытка написать сверхкороткий рассказ. Я горжусь им, но не до конца уверен, насколько он удачный.

На всякий случай, если это не совсем ясно из текста (у некоторых читателей возникают вопросы), суть такова: инопланетяне забирают людей из разных миров и «возвышают» их. Это научно-фантастический термин, означающий повышение интеллекта с помощью технологий.

Главного героя выбирают именно таким образом, и он понимает, зачем инопланетяне так поступают. Они хотят иметь представителя каждой планеты, который может олицетворять ее, говорить от ее имени и быть частью галактического сообщества. Возвышают лишь одного человека, и для него вероятность совершить преступление стремится к нулю, поскольку просветление на таком уровне делает его слишком осознанным в моральном плане.

Герой удивлен: на этот раз инопланетяне хотят взять больше одного человека… им нужен полный состав присяжных. Из того, что его возвысили не первым, а вторым, следует, что первый возвышенный, вопреки всем ожиданиям, натворил что-то ужасное и теперь его нужно судить.

Прелесть сверхкороткого рассказа в том, что многое остается между строк. В истории меньше чем в пятьсот слов приходится скорее намекать на большой сюжет, чем разворачивать его. Интерес и сложность в том, чтобы уместить все в крошечный объем, и я не уверен, что справился. Но рассказом все равно горжусь, редко удается написать что-то интересное в таком формате. Наверное, почти все мои заметки к тексту длиннее этого рассказа…

Защищая Элизиум

На больничной койке билась в конвульсиях женщина. Ее темные волосы слиплись от пота. Складывалось впечатление, что у нее эпилептический припадок. Однако, в ней не было и тени безумия, напротив, во взгляде чувствовалась сосредоточенность, решительность. Не сумасшедшая, просто не может контролировать мышцы. Женщина продолжала неуклюже размахивать перед собой руками, и ее движения казались Джейсону странно знакомыми.

Все это она проделывала в полной тишине, не издавая ни звука.

Джейсон выключил головизор и откинулся на спинку кресла. Это видео он просматривал десятки раз, но оно все еще ставило его в тупик. Однако до прибытия на Ивенсонг все равно ничего не поделать. Придется просто коротать время.

***

Джейсон Райт всегда ощущал некоторое родство с Внешними Платформами. Что-то есть такое в том, как они висят в космосе вдали от всего, не приближаясь ни к звездам, ни к планетам. Но нет, они не одинокие. Скорее обособленные. Автономные.

Он сидел у иллюминатора челнока и наблюдал, как приближается Ивенсонг. Платформа ничем не отличалась от других такого же типа — плоский лист металла протяженностью пятьдесят миль со зданиями, выросшими сверху и снизу. Не космический корабль и даже не станция. Просто хаотичное нагромождение сооружений внутри воздушного пузыря.

Из всех Внешних Платформ Ивенсонг — самое отдаленное человеческое поселение в глубоком космосе, между орбитами Сатурна и Урана. В некотором смысле Ивенсонг — это приграничный городок Старого Запада, отмечающий край цивилизации. Но в данном случае, как бы ни хотелось человечеству думать иначе, цивилизация лежит за этой границей, а не внутри нее.

Челнок приближался. Джейсон чувствовал отдельные башни и небоскребы города, большинство которых соединялось переходами. Он сидел, обратившись взглядом к окну, хотя это было излишним. В шестнадцать лет он ослеп окончательно. Прошла вечность с тех пор, как он мог различать свет и тень. К счастью, существовали другие способы видеть мир.

Он чувствовал сияние огней из окон и улиц. В его сознании белый свет представлялся тихим жужжанием. Еще ончувствовал здания, которые силуэтом

напоминали древний земной город на фоне неба. Конечно, здесь нет ни неба, ни горизонта. Лишь темнота космоса.

Темнота. В глубине его разума засмеялись чьи-то голоса. Воспоминания. Он отогнал их прочь.

Челнок вошел в атмосферу Ивенсонга. Платформа не имела ни сферы, ни защитного поля, какие применялись в некоторых более старых космических станциях. Благодаря особым генераторам гравитации — ОГГ — потребность в подобном отпала и человечеству открылся космос. При помощи ОГГ и термоядерных генераторов можно забросить в космос обычный кусок металла и заселить его миллионами людей.

Джейсон уселся поудобнее, дожидаясь скорой посадки. У него, конечно, была отдельная каюта. Отлично обставленная и уютная, что просто необходимо для такого долгого путешествия. В воздухе витали ароматы ужина. К запаху стейка примешивался стерильный запах чистоты. Джейсону нравилась комната: если бы у него был свой дом, он бы непременно оформил его подобным образом.

«Полагаю, время отдыха закончилось», — подумал он.

Безмолвно попрощавшись с расслабленностью, сопровождавшей его одиночество, Джейсон несколько раз легонько стукнул по контрольному мини-диску, вживленному в кожу за ухом. В ухе раздался щелчок — подтверждение, что звонок передан через космический вакуум на огромное расстояние. Сверхсветовые коммуникации достались Земле в качестве награды за самый большой политический провал в истории человечества.

— Слушаю? — раздался в ухе бойкий женский голос.

Джейсон вздохнул.

— Ланна?

— Да.

— Что, больше никого нет?

— Никого, кроме меня.

— Аарон?

— Распределен на Риили. Исследует Си-Эл-Эй в лабораториях на Семнадцатой Юпитерианской Платформе.

— Доран?

— В декрете. Ты повязан со мной, старик.

— Я не старик, — сказал Джейсон. — Челнок прибыл. Перехожу на постоянную связь.

— Подтверждаю, — отозвалась Ланна.

Джейсон ощутил, как челнок заходит на посадку.

— Где мой отель?

— Совсем недалеко от причальных доков. Называется «Четвертое регентство». Ты зарегистрирован как мистер Элтон Флиппендей.

Джейсон помолчал.

— Элтон Флиппендей? — уныло переспросил он. Корабль содрогался под действием стыковых зажимов. — А что с моим обычным псевдонимом?

— Джон Смит? — усмехнулась Ланна. — Чересчур скучно, старик.

— Не скучно, а непримечательно, — возразил Джейсон. — К такому псевдониму не прицепишься.

— Да ладно, он настолько никакой, что на отвесных скалах больше мест, чтобы прицепиться. Скучный. Ты — тайный агент, которому полагается вести жизнь, полную приключений и опасности. Имя Джон Смит для этого не подходит.

«Веселенькая будет командировка», — подумал Джейсон.

В каюте раздалось тихое жужжание. Стыковка завершилась. Джейсон поднялся, достал сумку, нацепил солнцезащитные очки и вышел из каюты. Он знал, что очки будут смотреться не к месту, но при виде его незрячих глаз люди часто испытывают неловкость, особенно когда вдруг понимают, что он все же способен видеть, даже несмотря на расфокусированные зрачки.

— Как прошло путешествие? — спросила Ланна.

— Нормально, — кратко ответил он, идя по коридору челнока.

Джейсон кивнул по пути капитану. Тот набрал отличную команду: любая команда считалась отличной, если его никто лишний раз не трогал.

— Да ладно тебе, — настаивала Ланна, — всего лишь «нормально»? Какую еду вам подавали? У тебя были проблемы с...

Она продолжала бубнить, но Джейсон перестал слушать. Он обратил внимание на другое: в голосе Ланны появилась едва заметная трель. Звук возник

на какую-то долю секунды, однако Джейсон сразу понял, что это значит. Линия прослушивалась.

Несомненно, Ланна тоже заметила — она любила поболтать, но была профессионалом — и продолжила разговор как ни в чем не бывало, ожидая сигнала от Джейсона.

— Как дети? — поинтересовался он.

— Племянники? — уточнила Ланна, не сбавляя темпа, поскольку прозвучала контрольная фраза. — Со старшим все в порядке, а младший подхватил грипп.

Младший болен. Значит, прослушка с его стороны.

«Интересно».

Кому-то удалось подобраться достаточно близко, чтобы сканировать его контрольный диск и оставаться незамеченным.

Ланна замолчала. Готова заблокировать прослушку, но начнет действовать только после приказа Джейсона. Он медлил.

Подумав, он не стал отдавать приказ, а просто вышел из челнока и двинулся по наклонному спуску к станции прибытия. Перед ним появился ряд сканирующих рамок, предназначенных для обнаружения оружия. Джейсон миновал их без всякого волнения: не существует у человечества сканера, способного выявить его оружие. Проходя мимо охранника, Джейсон кивнул ему и улыбнулся. От мужчины слабо пахло табаком. Он был в синей форме. В сознании Джейсона она запечатлелась пульсирующим ритмом. Заметив серебристый значок ТК на лацкане пиджака новоприбывшего, охранник нахмурился и перевел недоверчивый взгляд на сканеры.

Джейсон отошел в сторону, якобы разыскивая удостоверение личности. Другие пассажиры выстроились в очередь у регистрационной стойки. Он наблюдал за ними с помощью своего чувства, опустив бесполезные глаза. Большинство людей обволакивал мягкий темно-синий ритм, белый грохот или гнетущая черная тишина. На этом фоне никто сильно не выделялся, однако Джейсон все равно запоминал «узоры» лиц. Человек, который прослушивает его линию, по всей видимости, присутствовал на борту челнока.

После того как прошли все пассажиры, Джейсон сделал вид, что наконец отыскал удостоверение — пластиковое, старого образца, а не современную голографическую карточку.

Усталый таможенник, от которого пахло кофе, принял удостоверение личности и начал его проверять. В соответствии с последними модными тенденциями кожа у него была слабо окрашена в синий цвет. Парень работал медленно, и Джейсон сместился взглядом к включенному головизору за стойкой. Шли новости.

— ...найден мертвым в здании сжигательной станции, — сказал ведущий.

Джейсон схватился за стойку.

— Джейсон, — раздался настойчивый голос Ланны. — Я только что увидела в новостях. Это...

— Знаю.

Он забрал удостоверение и ринулся из таможни на улицу.

***

Капитан полиции Орсон Энст торопился через трущобы Топсайда. Удивительно, что на Ивенсонге есть трущобы. Все здания строятся из обогащенного телланиума — серебристого, сверхпрочного и не подверженного коррозии металла. Большинство собирается вместе с платформой и представляет собой продолжение ее похожего на металлический лист корпуса. Просторные, надежные, современные здания.

И все равно здесь есть трущобы. Не имеет значения, что бедняки Ивенсонга живут в домах, которые может позволить себе не каждый богач Земли. Они по-прежнему бедняки. А их жилища так или иначе это отражают. Во всем квартале чувствовалось отчаяние: сияющие, современные здания и завешанные рваными шторами и сохнущей одеждой окна. Аэрокары здесь встречались редко, а пешеходы — часто.

— Сюда, капитан, — позвал кто-то из подчиненных, указывая на здание.

Оно было длинным и приземистым, хотя, как и на всех остальных строениях на платформе, на крыше имелись дополнительные пристройки. Полицейский, новенький паренек по имени Кен Харрис, проводил Орсона внутрь, и капитана едва не сбил с ног едкий запах дыма. Это была станция сжигания, где перерабатывались органические вещества.

Полицейские прошли в темное помещение. Освещалось оно скудно, как и большинство зданий на Ивенсонге. Из-за удаленности от Солнца постоянно царят сумерки, и жители платформы давно к этому привыкли. Даже в помещении многие из них не зажигают яркий свет. Поначалу подобная привычка раздражала Орсона, но позже он перестал обращать внимание.

Кое-кто из полицейских поприветствовал его, и Орсон несколько раздраженно махнул в ответ.

— Что у нас тут?

— Зайдите и посмотрите сами, сэр, — сказал Харрис, пробираясь мимо оборудования в дальнюю часть помещения.

Орсон последовал за ним. Они остановились перед огромной печью цилиндрической формы. Металлическая поверхность была темной и ровной. Одна из дверок в нижней части оказалась открыта, внутри виднелся пепел. Также там было что-то костистое, похожее на панцирь, смешанное с кучей золы и прочего мусора, почерневшее от высоких температур.

Орсон тихо выругался, опустился на колени возле панциря и ткнул его кочергой.

— Полагаю, это и есть наш пропавший посол?

— Да, мы так считаем, сэр, — ответил Харрис.

«Отлично». — Орсон тяжело вздохнул.

Уже вторую неделю с момента пропажи варваксы запрашивали информацию о своем после.

— Что нам известно?

— Не много. Печи тут чистят лишь раз в месяц. Панцирь находился внутри одной из них какое-то время — от него практически ничего не осталось. Еще немного, и мы бы вообще его не нашли.

«Так было бы лучше», — подумал Орсон.

— Что записала сенсорная сеть?

— Ничего.

— Репортеры еще не в курсе?

— Боюсь, что в курсе, сэр. Рабочий, который обнаружил тело, проболтался.

Орсон вздохнул.

— Ладно, тогда давайте...

Он вдруг замолчал. В дверях здания возник человек. И не в полицейской форме. Тихо выругавшись, Орсон поднялся. Полицейские снаружи не должны пускать прессу.

— Прошу прощения. — Орсон подошел к незваному гостю. — Сюда разрешено заходить только сотрудникам полиции. Вы не можете…

Вошедший его проигнорировал. Это был высокий худощавый мужчина с лицом треугольной формы и коротко стрижеными волосами, одетый в немного старомодный, непримечательный черный костюм. Темные очки. К Орсону он отнесся с полным безразличием.

Орсон протянул руку, чтобы вывести наглого незнакомца за дверь, но вдруг замер. На лацкане пиджака поблескивал значок — маленький серебристый колокольчик.

«Что? — изумленно подумал Орсон. — Когда успел прибыть сотрудник ТК? Как он узнал?»

На самом деле эти вопросы не имели значения. Вне зависимости от ответов одно ясно наверняка: полномочия Орсона закончились.

Прибыла Телефонная Компания.

***

В конце концов первый контакт состоялся сто сорок лет назад, в 2071 году. Интересно, что его осуществила практически обанкротившаяся телефонная компания.

«Нозерн Бэлл Инкорпорейтед» сделала неправильную ставку на конкурентном рынке технологий. В то время как соперники разрабатывали и внедряли головидовую технологию, «Нозерн Бэлл» испытывала нечто более дерзкое — кибернетико-телепатическую связь.

Цито, как ее окрестили, обернулась огромным провалом. Головидовая технология оказалась не только дешевле и устойчивее, она работала. А цито нет — по крайней мере не так, как надеялись в «Нозерн Бэлл». Незадолго до неминуемого банкротства сотрудникам компании наконец-то удалось передать по системе какой-то писк. Мало того, что этот писк не восприняли контролеры, он еще случайно передался через космос расе существ, известных как тенаси. Ответ тенаси стал первым известным Земле межвидовым контактом.

Второй контакт осуществили Вооруженные Силы Объединенных Наций, когда случайно сбили посольское судно тенаси. Но это уже совсем другая история.

— Он пропал примерно две недели назад? — Джейсон опустился на колени возле обожженного панциря. В его сознании воцарилась зловещая тишина, указывающая на черный цвет.

— Да, сэр, — ответил полицейский.

— Ага, — сказала Ланна почти одновременно.

— Почему меня не проинформировали?

Полицейский мгновение выглядел сбитым с толку, пока не понял, что Джейсон обращается не к нему. Гарнитура — обычное дело, часть современной жизни, хотя иногда сбивает с толку.

— Я думала, ты в курсе, старик, — сказала Ланна. — Для всезнающего шпиона ты уже как-то чересчур неосведомленный.

Хмыкнув, Джейсон поднялся. Она права: следовало посмотреть выпуски местных новостей во время путешествия. Теперь уже слишком поздно.

Полицейский смерил Джейсона суровым взглядом. Тот мог с легкостью прочесть эмоции полицейского, но не при помощи цитонических чувств. Бытовало распространенное заблуждение, что псионики — телепаты. Нет, Джейсон видел этого человека насквозь, потому что привык иметь дело с провинциальными блюстителями закона. Полицейскому сильно не понравится, что он вмешивается в расследование. Зато теперь не придется заниматься этим делом. Местная полиция всегда чувствует себя не в своей тарелке, если дело касается представителей другого биологического вида. Инопланетянами полагается заниматься Телефонной Компании. ТК осуществила первый контакт, и она же дипломатически вывела Землю из опасной ситуации после инцидента с тенаси. ТК принесла человечеству сверхсветовые коммуникации.

Поэтому полицейский наблюдал за ним ревностно, но с благодарностью. Джейсон слышал, как по углам перешептываются другие полицейские, разозленные его вмешательством.

«Мерзкая ТК. Зачем он здесь? Почему он на нас так смотрит? Разве не видишь? Что это у тебя перед лицом? Не мой ли кулак? А если я тебя стукну, увидишь? Может, это будет...»

— Джейсон? — раздался голос Ланны.

Он опомнился. Мышцы подергивались, воспоминания улетучивались. Джейсон стоял на коленях рядом с печью. Детектив по-прежнему смотрел на него, в помещении все так же невыносимо пахло дымом, и все еще было слышно, как снаружи репортеры спорят с полицейскими.

— Я в порядке, — прошептал Джейсон.

Он встал, отряхнул пыль с костюма и прислушался к репортерам. Они, как и полицейские, наверняка предположили, что Джейсон прибыл на Ивенсонг, чтобы расследовать смерть посла. И не важно, что его челнок вылетел к Ивенсонгу за месяц до убийства. Погиб инопланетянин — появился сотрудник ТК. Этого для них достаточно.

— Не стоило приходить на место происшествия.

— Что еще тебе оставалось? — спросила Ланна. — В конце концов, это наша обязанность.

— Не моя, — возразил Джейсон. — Я здесь для того, чтобы вернуть пропавшего ученого, а не расследовать убийство.

Уже громче, он продолжил:

— Я уверен, что местные органы правопорядка вполне способны расследовать это дело самостоятельно. Пусть они разбираются в случившемся. ТК займется дипломатическими переговорами.

Полицейский выглядел удивленным. Определенно не представляя, что еще сделать, он отсалютовал Джейсону. Тот кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— По-моему, «дипломатические переговоры» — слишком сильно сказано, — заметила Ланна. — Варваксы настолько покладисты, что, возможно, принесут официальные извинения нашему преступнику за беспокойство.

— Они все такие. — Джейсон вышел на крыльцо. — В том-то и проблема, да?

Репортеры потрясенно замолкли, когда поняли, кто перед ними, и еще больше навалились на сдерживающих их полицейских. Суматоха привлекла еще больше случайных зевак. А затем репортеры взорвались вопросами. Наклонив голову и выставив руку вперед, Джейсон продирался сквозь толпу, не отвечая. Однако все видел в сознании.

Джейсон изучал окружающих, проталкиваясь сквозь скопление пульсирующих и переливающихся красок. Чкользил взглядом по каждому лицу, сравнивал их с имеющимися в памяти. Его губы растянулись в улыбке, когда он нашел то, что искал. Представители прессы его пропустили — привыкли, что ТК игнорирует вопросы. За спиной Джейсон слышал, как в реальном времени передают переносные видкасты. Конечно же, все факты переиначат. В их голосах слышался страх неизвестности, страх возможного возмездия. В их мире месть — неотъемлемая часть реальности. В их мире причиняют боль тем, кто слабее.

Джейсон продолжал идти, опустив голову. Из толпы зевак с напускной непринужденностью вышел мужчина и последовал за ним.

— Было бы здесь побольше цветов, — произнес Джейсон.

Секунду спустя в ухе раздался щелчок. Ланна вздохнула.

— Почему так долго? Я жду с того момента, как ты вышел из челнока. Мне не по себе, когда я знаю, что нас прослушивают.

Джейсон продолжал идти вперед. За ним тенью следовал незнакомец. Очевидно, парень прошел отличную подготовку, но из-за нехватки опыта совершал ошибки. В его походке ничего не изменилось — возможно, не заметил переключения. Теперь он слушал выдуманный разговор между Ланной и Джейсоном. И Джейсону почему-то совсем не хотелось знать, какие глупости произносит его подделанный Ланной голос.

— Он купился? — спросила она.

— Думаю, да. — Джейсон выбирался из трущоб. — Он все еще идет за мной.

— Как думаешь, на кого он работает?

— Пока трудно сказать.

Джейсон повернул и спустился в аэростанцию. Парень последовал за ним.

— Если ты так легко его вычислил, значит, он не профессионал.

— Он молод. Знает, что ему делать, но понятия не имеет, как именно.

— Репортер? — предположила Ланна.

— Нет. Слишком хорошо экипирован. Не забывай, ему удалось взломать защищенную линию сверхсветовой связи.

— Одна из корпораций?

— Возможно. — Джейсон зашел в подземное кафе.

Пахло грязью, плесенью и кофе. Преследователь несколько секунд подождал снаружи, но потом вошел и занял столик подальше.

Джейсон заказал чашку кофе.

— Мы даже еще не выяснили, как ему удается сканировать твой диск, — заметила Ланна. — Теряешь хватку, старик.

— Нашла старика, — пробормотал Джейсон.

Официантка принесла кофе. Кофе пах сливками, хотя он заказывал черный. Джейсон обратил бесполезные глаза к газете, которую кто-то оставил на столике,

но сам изучал преследователя. Парень действительно молод — чуть старше двадцати. Излучает приглушенное жужжание серых и коричневых оттенков.

— Итак, — сказала Ланна, — хочешь попробовать включить видеосигнал, чтобы я могла пробить его по базе?

Джейсон помолчал.

— Нет, — наконец ответил он, делая глоток. В кофе было слишком много сливок — наверняка чтобы попытаться скрыть скверный вкус.

— Ну и что ты собираешься делать?

— Сохранять терпение, — проворчал Джейсон.

***

Кольн Абрамс потягивал свой кофе — недостаточно сливок. Ему приходилось напоминать себе не смотреть на объект. На самом деле Кольну не нужно наблюдать за человеком, чтобы слышать разговор, необходимолишь оставаться на определенном расстоянии.

«Что ты здесь делаешь, Райт? — раздосадованно подумал Кольн. — Откуда ты узнал, что посла убьют? И какое отношение все это имеет к твоим планам?»

Кольн покачал головой. Джейсон Райт, старший оперативник Телефонной Компании «Нозерн Бэлл», один из самых загадочных людей в Солнечной системе. Что он делает на Ивенсонге? Объединенное Разведывательное Бюро располагает обширным досье на этого человека, но, похоже, на каждый известный факт приходится по два недостающих.

Взять, к примеру, соглашение с тенаси. Кольн читал документ сотни раз, снова и снова просматривал головидео, комментарии и архивные выпуски новостей, связанные с инцидентом. Вооруженные Силы Объединенных Наций случайно сбили дипломатическое судно тенаси, тем самым положив начало весьма неловкому первому контакту. Земля погрузилась в хаос, смятение и тревогу. Станет ли сбитое судно поводом для вторжения? Простят ли инопланетяне такую ужасную ошибку?

Затем вмешалась ТК. Каким-то образом, используя способы, которые еще только предстояло объяснить, они установили контакт с тенаси. ТК принесла на Землю мир. Но взамен потребовала непомерно высокую цену. С того дня она стала полностью независимой: не облагаемой налогами, не подвергаемой сомнениям и не подвластной закону. Кроме того, компания обеспечила себе исключительные права на сверхсветовую технологию инопланетян. Благодаря этим двум

положениям она стала самой мощной, самой амбициозной силой в Солнечной системе.

Кольн крепче стиснул кружку, едва ли заметив, что официантка принесла ему сэндвич. Он все еще слушал разговор между Райтом и оператором поддержки: они обсуждали, какого цвета розы им нравятся больше всего.

Кольн никогда не доверял ТК и ненавидел то, чему не мог доверять. ТК разжирела на эксклюзивных контрактах со всеми двенадцатью инопланетными расами, известными человечеству. Все они соглашались иметь дело с Землей только через ТК. Компания не пускала человечество в космос, отказывалась раскрыть сверхсветовую технологию путешествий и заявляла, что еще не получила ее от инопланетян. Кольн сомневался в правдивости этих утверждений. Точно известно, что пришельцы могут передвигаться на сверхсветовых скоростях. ТК попросту утаивает знания от человечества, и это приводило его в бешенство. Он хотел отыскать...

Кольн замер. Разговор в ухе оборвался на середине предложения. Он запаниковал и на мгновение испугался, что Райт ускользнул из ресторана и из зоны покрытия.

Глаза его заметались по залу. Райт сидел за свои столиком, безмятежно прихлебывая кофе. Просто пауза в разговоре.

— Как думаешь, что он станет делать, когда поймет, что его раскрыли? — спросила оператор поддержки по имени Ланна.

Кольн оцепенел.

— Не знаю. — Джейсон Райт говорил уверенно. Надменно. Кольн видел, как шевелятся его губы, когда он говорит. — Подозреваю, удивится. Он молод и считает себя лучше, чем есть на самом деле.

Райт поднял голову, его глаза за солнцезащитными очками уставились прямо на него. Ужас, нараставший в груди Кольна, сменился стыдом. Его раскрыли.

— Подойди-ка, парень, — велел Райт.

Кольн стрельнул глазами в сторону двери. Может, удастся ускользнуть...

— Если уйдешь, то никогда не узнаешь, зачем я приехал на Ивенсонг.

Голос Райта был четким и деловым.

Кольн неуверенно его разглядывал. Что делать? Почему на тренингах не рассматривались подобные ситуации? Считалось, что при раскрытии агента

необходимо прервать задание. Но что, если цель сама выражает желание поговорить?

Кольн медленно поднялся и прошел по грязному полу. Райт спокойно наблюдал за ним сквозь темные стекла очков. Кольн на миг напряженно замер перед столиком, потом сел.

«Ничего не раскрывай, — предостерег он Кольн. — Не дай ему узнать, что ты работаешь на...»

— Ты слишком молод для агента ОРБ, — сказал Райт.

Кольн вздохнул. Он уже все знает.

«Во что я вляпался, да еще и Бюро втянул?»

— Интересно, — Райт глотнул кофе, — неужели уровень доверия к молодым агентам в Бюро возрос или я просто обманываюсь насчет своей важности?

«Он не знает! — понял Кольн с изумлением. — Думает, что я здесь официально».

— Ни то, ни другое, — сказал он вслух, быстро обдумывая ситуацию. — Мы не ожидали, что вы уедете. Просто я оказался единственным свободным агентом. Стечение обстоятельств.

Райт кивнул.

«Купился!»

— Должен сказать, — Райт поставил кружку на стол, — я устал от ОРБ. Каждый раз, когда я думаю, что ваши люди оставили меня в покое, вдруг оказывается, что меня снова преследуют.

— Если бы ТК можно было доверять, — сказал Кольн, — ее сотрудникам не пришлось бы беспокоиться о том, что за ними следят.

— Если бы Бюро нормально вело дела, — парировал Райт, — то вы бы уже давно поняли, что ТК — единственная компания, которой можно доверять.

Кольн побагровел.

— Вы хотите сообщить мне что-нибудь полезное или просто оскорбить?

— Умный человек понял бы, что более полезной информации, чем содержится в моих оскорблениях, тебе вряд ли удастся раздобыть.

Фыркнув, Кольн начал подниматься со стула. Райт пригласил его лишь для того, чтобы позлорадствовать. Кольн загубил карьеру из-за пустяка. Он так надеялся, что сможет выследить Райта, выяснить, чем тот занимается, открыть правду о соглашении с тенаси...

— Если хочешь, можешь пойти со мной, — сказал Райт, допивая кофе.

Кольн замер на полушаге.

— Что?

Райт поставил кружку.

— Хочешь знать, чем я занимаюсь? Хорошо, можешь пойти со мной. Возможно, ОРБ наконец-то смягчит свои глупые подозрения. Я устал от преследования.

— Джейсон, — произнесла Ланна. — Ты уверен?..

— Нет, — ответил Райт. — Не уверен. Однако у меня нет времени связываться с ОРБ. Это простое задание — парень может пойти со мной, если хочет.

Кольн стоял ошеломленный. Он не мог решить, что делать. Действительно ли можно доверять сотруднику ТК? Нет, нельзя. Но вдруг получится выяснить что-то важное?

— Я...

— Тихо, — сказал вдруг Райт, подняв руку.

Кольн нахмурился. Но Райт на него не смотрел. С озадаченным лицом он уставился прямо перед собой.

«Что еще?» — удивился Кольн.

***

Что-то не так. Джейсон мысленно пробежался по залу, пытаясь почувствовать, что его встревожило. В кафе находилось с десяток посетителей, все тихо ели. Большинство одето в рабочие комбинезоны из фланели и хлопка, которые пульсировали в сознании Джейсона нестройной симфонией. Он изучал лица и не узнавал ни одного. Что же его так взволновало?

Окно рядом с Джейсоном прошила очередь пуль. Они влетели с бешеной скоростью, присущей современному оружию. Его тело не успело бы ни отреагировать, ни увернуться.

Но как ни быстры пули, разум Джейсона был быстрее. Ментальный выпад — и воздух прорезал десяток невидимых мысленных клинков. Он отбросил пули и одновременно рассек каждую пополам. Обломки с громкими щелчками отскочили от стекла и попадали на пол. Все стихло.

Парень из ОРБ плюхнулся на стул, с ужасом уставившись на изрешеченное пулями окно.

— Джейсон? — позвала Ланна. — Что случилось?

Джейсон прощупал чувством пространство за окном, но снайпер уже исчез.

— Я не знаю.

— В тебя стреляли?

Джейсон осмотрел отверстия от пуль. В стекле прямо возле головы агента ОРБ образовался кружок.

— Нет. Пытались убить парнишку.

Посетители кафе с криками разбегались, кто-то прятался за сиденьями. Парень из Бюро удивленно оглядывал себя, будто не мог поверить, что до сих пор жив.

— Все мимо, — изумленно прошептал он.

Джейсон нахмурился. Зачем кому-то убивать агента ОРБ? Почему не стали сразу стрелять в него самого? Ведь ТК представляет более серьезную угрозу.

— Как же ты позволил ему подобраться так близко? — спросила Ланна.

— Я не ожидал, что в меня станут стрелять. Предполагалось, что это простое задание.

Повернувшись к парню, он сказал:

— Идем!

Тот поднял изумленные глаза:

— Кто-то пытался меня убить! Зачем?

— Понятия не имею.

Джейсон напоследок пробежался по залу чувством, запоминая лица, и кое-что заметил. В то время как большинство людей прятались или дрожали от страха, один из посетителей выглядел совершенно спокойным. В дальнем углу сидел ничем не примечательный мужчина крепкого телосложения с длинным

носом и с интересом наблюдал за Джейсоном. Глаза у него казались немного расфокусированными. Словно…

«Не может быть!» — подумал Джейсон.

Не посмотрев, следует ли за ним парнишка из ОРБ, он вышел из кафе.

***

— Примите наши извинения, — настаивал Зонн.

Конечно, слова министра иностранных дел Варвакса обрабатывались программой-переводчиком: язык варваксов состоит из щелчков и потрескиваний, сопровождаемых жестикуляцией. На экране головизора отображалась большая квадратная фигура с блестящей гранитно-кварцевой кожей. Это, естественно, экзоскелет. На самом деле варваксы — крохотные существа, обитающие в питательной среде, заключенной в минеральную оболочку.

— Зонн, вы здесь жертва. — Джейсон подчеркнул слово «вы», садясь обратно в кресло. — Ваш посол убит.

Зонн покачал похожей на клешню рукой в знак отрицания.

— Пойми, он хорошо осознавал риск, связанный с проживанием в неразвитой цивилизации. Существа с более низким уровнем интеллекта не могут отвечать за свои варварские поступки. Вы пока еще не нашли правильный путь.

Джейсон усмехнулся про себя. Вот из-за таких высказываний человечество не питает добрых чувств к варваксам и большинству других инопланетных рас. Не важно, что высказывания правдивы, это раздражает еще больше.

— Мы как можно скорее вернем то, что осталось от тела, министр Зонн, — пообещал Джейсон.

— Спасибо тебе, Джейсон из Телефонной Компании. Ты должен рассказать, как идет ваше продвижение к цивилизации? Скоро ваши люди поднимутся до уровня Высшего интеллекта?

— Это займет еще какое-то время, министр Зонн.

— Ваша раса интересна, Джейсон из Телефонной Компании. — Клешни Зонна замерли в жесте просьбы.

— Вы можете продолжать.

— Среди вас все очень неравномерно. Кто-то уже достиг Высшего интеллекта, а некоторые до сих пор на третьей или даже четвертой ступени. Такой контраст. Ты должен рассказать, люди все еще убеждены в силе технологии?

Джейсон преувеличенно пожал плечами: варваксам нравится наблюдать и интерпретировать человеческие жесты.

— Человечество верит в технологию, министр Зонн. Ему будет очень сложно принять какой-то другой путь.

— Конечно, Джейсон из Телефонной Компании. Мы еще поговорим с тобой.

— Поговорим. — Джейсон выключил головизор.

Откинувшись в кресле, он прощупал чувством комнату. Он уже давно не мог расслабиться и очень скучал по этому состоянию. Если концентрация ослабнет, он погрузится во тьму.

— Какие же они самоуверенные, правда? — спросила Ланна.

— У них есть на то причины, — ответил Джейсон. — Все всегда происходит по одному сценарию: раса открывает сверхсветовую цитоническую трансмиссию в то же самое время, когда становится на путь мирной цивилизации.

— Эх, если бы они не были так чертовски бесхитростны! Нехорошо, конечно, но я все время думаю: сесть бы с тремя варвакскими дипломатами за стол да «обуть» их в карты на парочку каких-нибудь «бесполезных» технологий.

— В том-то и проблема. Мы все хоть иногда, но так думаем.

— А что, если они ошибаются, Джейсон? Что, если мы откроем сверхсветовые коммуникации до того, как станем «цивилизованными»?

Джейсон промолчал. Он не знал ответа на этот вопрос.

— Я нашла информацию на парнишку.

— Продолжай, — ответил Джейсон, поднимаясь и собирая вещи.

Нападение, случившееся днем раньше, все еще его беспокоило. Пытались ли его запугать? Почему?

— В день твоего отъезда молодой агент Кольн Абрамс исчез из тренировочного центра ОРБ на Юпитере-14, — сообщила Ланна. — Прихватил с собой новейшее оборудование для слежки. ОРБ выдало несколько ордеров на арест, но так далеко они его не ищут. Судя по всему, им не пришло в голову, что он доберется аж до Ивенсонга.

— Действительно, не самое лучшее место для отдыха.

Джейсон медленно подошел к окну и попытался представить, как выглядит город, если смотреть на него нормальными глазами.

«Темный».

Образ города в его разуме почти не вибрировал. Высотный и темный, как и все города, сплошь состоящие из переходов. Редкие, слабые фонари на улицах, постоянно пахнет плесенью. Все время кажется, что температура воздуха здесь на пару градусов ниже стандартной, словно зловещий космический вакуум ближе, чем на самом деле.

— Итак, у нас разыскиваемый преступник. Может, сдадим его?

— Нет. — Джейсон отвернулся от окна, надел костюм и нацепил темные очки.

— Ну чего ты? Давай его сдадим. Может, это ОРБ и пыталось убить его вчера?

— Не их почерк. — Джейсон направился к двери. — Есть пропуск для меня?

— Да, — сказала Ланна.

— Отлично. Подключи парнишку обратно, и займемся делом.

***

Картинка была смазанной, с трудом удавалось разобрать хоть что-то. К сожалению, другой у него нет. Кольн обошел большое головидовое изображение, изучая его, как уже проделывал раньше сотни раз. Ему казалось, что ответ прямо перед ним. Изображение таило секрет. Но Кольн, как и тысячи людей до него, не мог определить, в чем же он заключается.

Снимок сделал единственный шпион, которому удалось проникнуть в центральную штаб-квартиру ТК. На картинке была запечатлена обычная белая комната с каким-то прибором, закрепленным на дальней стене. Этот прибор, чем бы он ни являлся, приводил в действие все человеческие сверхсветовые коммуникации.

Величайшая тайна современности. Уже почти два столетия человечество пыталось разрушить монополию ТК. К сожалению, все исследования оказались не способны воспроизвести необычную технологию, и до тех пор, пока кому-нибудь это не удастся, человечество будет оставаться в долгу перед тираном.

«Здесь точно что-то есть! — думал Кольн, внимательно изучая не поддающееся разгадке изображение. Он ходил кругами, рассматривал его под разными углами. — Если бы только оно не было таким расплывчатым!»

Он приблизился к головидовому снимку вплотную. С правой стороны был виден охранник. Он смотрел на фотографа. Похоже, на дальней стене несколько выступов цилиндрической формы — какие-то реле? Один выступ больше других и темнее по цвету. Это и есть ответ?

Кольн вздохнул. Изображение анализировали гораздо более подкованные технари, но ничего конкретного выяснить не удалось. Картинка была слишком нечеткой, чтобы вышел какой-то толк. Он потратил все утро, стараясь понять, зачем кому-то покушаться на его жизнь. И пришел к единственному решению: по какой-то причине Райт приказал его убить. Агент ТК заставил его сесть перед собой как раз на то место, куда стрелял снайпер. ТК как-то причастна к случившемуся.

«Но ведь убийца промахнулся, — подумал Кольн. — Наверное, нарочно. Райт хотел меня напугать. Вел себя так, будто ему все равно, пойду я с ним или нет, а потом решил избавиться от меня».

Кольн кивнул. Логично, по крайней мере, в духе извращенной логики ТК. Пускай Райт и хотел его припугнуть, Кольну так или иначе нужно сделать все возможное, чтобы остаться с ним.

— Просыпайся, малыш! — внезапно затрещал голос Ланны у него в ухе.

— Я не сплю. — Кольн разозлился при упоминании о возрасте.

Двадцать три года — не так уж мало, чтобы удостоиться прозвища «малыш». По крайней мере, эти двое прекратили надоедать ему дурацкими разговорами: когда они не хотели, чтобы он слушал, его просто отключали.

— Большой дядька уходит, — задиристо произнесла Ланна. Кольн все больше удивлялся, как же Райт ее терпит. — Говорит, можешь идти с ним, если не будешь отставать.

Выругавшись, Кольн накинул куртку.

— И да, малыш, постарайся ничего у него не украсть. Джейсон очень трепетно относится к своему оборудованию.

Кольн покраснел. Что еще им известно?

Он выскочил в коридор как раз в тот момент, когда фигура Райта в черном костюме исчезала за поворотом. Кольн бросился догонять оперативника. Райт

едва обратил на него внимание. Они молча прошли до конца коридора, а затем спустились на частном лифте в вестибюль. Пышные ковры и богатая обстановка давали понять, что они далеко от вчерашних трущоб.

— Итак? — спросил Кольн, когда они вышли на серебристую улицу из телланиума. Как и всегда, улица была скудно освещена, несмотря на сотни светящихся вывесок и огней из окон. Ивенсонг не спит, хоть здесь и темно.

— Что? — спросил Райт, когда аэротакси, по-видимому, заказанное, остановилось перед отелем.

— Зачем вы прибыли сюда, Райт? — Кольн забрался на заднее сидение вслед за оперативником. — Полагаю, вам что-то известно о смерти посла?

— Отнюдь, — ответил Райт. Такси тронулось. — Убийство посла — всего лишь совпадение.

Кольн недоверчиво поднял брови.

— Меня не волнует, веришь ты мне или нет.

— Тогда почему вы здесь? — спросил Кольн.

Райт вздохнул.

— Расскажи ему.

— Это случилось почти два месяца назад, малыш, — заговорила Ланна. — Ученая по имени Дениз Карлсон пропала из научно-исследовательского центра ТК на Ивенсонге.

Кольн, нахмурившись, рылся в памяти. Он не пропускал ни одного поступающего в Бюро донесения касательно ТК и вспомнил что-то про исчезновение ученой, но это казалось не очень важным.

— Согласно нашим отчетам, — сказал Кольн, — она всего лишь лаборант. Головной офис ТК едва ли заинтересовался пропажей. Считалось, что женщина стала жертвой обыкновенного уличного нападения.

— Ну, хоть кто-то следит за текущими событиями, — заметила Ланна.

Райт фыркнул.

— Может, он и обращает внимание, да только не понимает, что любая история, которую мы недооцениваем, гораздо важнее, чем кажется.

Кольн смутился.

— Так вы прибыли, чтобы найти Дениз Карлсон?

— Нет, — сказала Ланна. — По этой причине он вылетел, но цель изменилась. Пока Джейсон находился в пути, мы определили местоположение мисс Карлсон. Чуть меньше двух недель назад женщину, по описанию похожую на нее, взяли под опеку местные власти. У нее диагностировали тяжелое психическое расстройство и поместили в лечебницу.

— Так… — произнес Кольн.

— Так что я здесь для того, чтобы доставить ее обратно, — сказал Райт. — Ничего больше. Мы собираемся вернуть ее на Юпитер-14, чтобы она могла получить надлежащее лечение. То есть мне нужно просто сопроводить ее до места.

Райт слегка улыбнулся, повернув темные очки к Кольну.

— Поэтому я и разрешил тебе ходить со мной. Ты пожертвовал своей карьерой, чтобы посмотреть, как я сопровождаю душевнобольную пациентку.

***

Джейсон вошел в больницу, подавленный Кольн плелся следом. Он был уверен, что Джейсон действовал в соответствии со «стратегическими планами» ТК и поэтому продолжал задавать вопросы. Тот уже начинал жалеть, что взял его с собой. Последнее, что ему нужно, — еще один собеседник, несущий вздор.

Медсестра за стойкой окинула его удивленным взглядом, отметив серебряный значок на лацкане пиджака.

— Мистер Флиппендей? — осведомилась она.

Джейсон на секунду замер, поразившись, как ужасно звучит это имя.

— Да, это я. Проводите меня к пациентке.

Медсестра кивнула и, оставив приемную на помощника, жестом велела следовать за ней. Она была одета в белое — шумный, грохочущий цвет. Другим белый цвет кажется нейтральным, но для Джейсона он, безусловно, самый кричащий. Лучше уж приглушенное жужжание серого. Стены тоже белые, весь коридор пропах чистящими средствами.

«И зачем так делать? — удивился Джейсон, слегка покачав головой. — Неужели думают, что пациенты будут чувствовать себя как дома? Повсюду безжизненная стерильность и сплошной белый цвет. Возможно, чтобы вернуть всем этим людям здравый рассудок, необходимо добавить лишь капельку цвета».

Медсестра привела его к палате с запертой дверью. Наверное, пациентку держат под замком ради ее же безопасности.

— Я рада, что вы наконец решили прийти, — сказала она с упреком. — Мы связались с ТК несколько недель назад, и она все это время просто ждала. Ведь у нее на платформе нет родственников, вы могли бы все-таки...

Она замолкла, когда Джейсон повернулся к ней. После потери зрения он со временем понял, что неудовольствие можно изобразить не только взглядом, но и позой. И когда он незряче взглянул на медсестру, ее решимость ослабла, а укоризненные нотки исчезли.

— Достаточно.

— Да, сэр. — Медсестра открыла дверь и одарила его сердитым взглядом.

Джейсон вошел в маленькую полупустую палату. Дениз сидела за столом. Кроме него, в комнате были только кровать и комод. Дениз оглядела его широко раскрытыми глазами. Выглядела она так же, как на головидео: худая, с кудрявыми черными волосами, в простой юбке и блузке.

Джейсон уже видел ее несколько раз до этого. Дениз проходила обучение, так как у нее обнаружились способности к цито. Когда-то она была прямолинейной и расчетливой женщиной. Теперь же напоминала бельчонка, который еще не научился остерегаться хищников.

— Они сказали, что вы придете, — прошептала она, с трудом произнося слова. — Вы знаете, кто я?

Джейсон посмотрел на медсестру.

— У нее амнезия, — пояснила та. — Но мы не до конца понимаем, что могло ее вызвать. Также у нее наблюдается какое-то мышечное расстройство: она с трудом сохраняет равновесие, плохо контролирует конечности.

Это стало очевидно, когда Дениз медленно поднялась. Ее немного покачивало, однако она сумела устоять на ногах.

— У нее значительный прогресс, — сказала медсестра. — Теперь она может ходить, если не двигается слишком быстро.

— Дениз, вы пойдете со мной, — сказал Джейсон. — Абрамс, помогите ей.

Парень удивленно взглянул на него. Не оставив ему времени на возражения, Джейсон развернулся и вышел из палаты. Абрамс тихо выругался, но сделал, как велено: подал смущенной Дениз руку, чтобы поддержать, и повел на выход из клиники.

Они уже почти покинули здание, но Джейсон вдруг что-то заметил. Он бы никогда ничего не увидел без своегочувства: за дверью, едва выглядывая, прятался мужчина. У чувства больше проницательности, чем у обычных глаз, и Джейсон узнал лицо даже сквозь крохотную щель. Один из посетителей кафе, но не тот странный невозмутимый мужчина, а один из рабочих.

«Значит, за ней наблюдали, — подумал Джейсон, выходя на улицу. Парень и Дениз следовали за ним. — Подозревали, что она что-нибудь выдаст, или знали, что я приду за ней?»

***

— Ничего не понимаю. — Дениз разглядывала меню широко раскрытыми глазами и смущенно посматривала на остальных.

— Не получается прочитать? — спросил Джейсон.

— Да.

— Позвольте помочь, — предложил Абрамс и стал зачитывать список блюд.

Джейсон откинулся на спинку стула, слегка улыбаясь. Парень проявлял почти рыцарскую галантность в отношении женщины с амнезией. В своей немного отталкивающей наивности она была довольно симпатичной. Абрамс всего лишь выказывал присущую молодым людям особенность: видел, что женщина в беде, и пытался помочь.

Пока Кольн читал, Дениз неуклюже подняла руку в странном жесте.

— Я все еще не понимаю, что это означает.

— Ни одного знакомого слова? — Джейсон с интересом наклонился вперед.

— Нет.

— Но вы помните, как говорить. Что еще?

— Ничего. Я ничего не помню, мистер Флиппендей.

Джейсон поморщился.

— Зовите меня Джейсон, — пробормотал он

Абрамс спрашивал, какая еда ей нравится. Естественно, она не знала.

По идее, она должна помнить больше. Большинство людей, потерявших память, помнят хоть что-то, пускай и фрагментарно.

— Что думаешь? — шепотом спросил Джейсон.

— Это странно, — ответила Ланна. — Она какая-то другая, старик. Не знаю, что с ней сделали, но поработали основательно.

— Согласен.

Абрамс сделал заказ для себя и для Дениз. Джейсон заметил, что он выбрал самые дорогие блюда из меню. Парнишка знал, что платить будет не он. Умеет шикануть.

Откинувшись на спинку стула, Джейсон вернулся мыслями к незнакомцу из кафе. Тот никак не мог иметь доступ к цито. За полторы сотни лет никто, кроме ТК, так и не раскрыл секрета этой технологии. Но вдруг? Что, если они узнали о Дениз и захватили ее в надежде добыть информацию? Что с ней сделали, чтобы заполучить эти знания?

Его размышления ни к чему не привели. Принесли заказ, и Джейсон приступил к еде. Он предпочитал блюда попроще, без изысков, поэтому заказал обычную пасту с неострым соусом. Медленно и вдумчиво поглощая еду, он наблюдал за посетителем, спорящим с официантом по поводу счета.

Не стоило беспокоиться из-за смерти посла. Полиция наверняка выяснит, что убийца — активист какой-нибудь ксенофобской группировки. Таких хватало. Они ненавидели другие биологические виды только потому, что, по общепринятому мнению, те были чем-то лучше. Ненавидели их за якобы высокомерное и заносчивое поведение. Ненавидели их просто потому, что они другие. В Объединенном Сенате трижды пытались провести программу, по которой человеческие дети отправлялись бы на другие планеты для изучения иных видов, но безуспешно.

Возможно, смерть посла не имеет никакого отношения к Дениз. Джейсону нужно лететь, слишком много других дел требуют его внимания, чтобы тратить время на погоню за бесполезными зацепками. Эта командировка и так уже чересчур затянулась.

Джейсон замер. Дениз обернулась и уставилась на человека, который спорил из-за счета. Он замахнулся на официанта кулаком, выкрикнул несколько ругательств, а затем все же швырнул деньги на стол и выбежал из кафе.

— Зачем он так? — спросила Дениз. — Как можно быть таким злым?

— Некоторые себе порой такое позволяют, — неловко произнес Кольн. — Как вам еда?

Дениз перевела взгляд на стейк. Она несколько неуклюже попробовала его укусить, так что Кольн был вынужден разрезать для нее мясо.

— Оно очень…

— Очень что? — подтолкнул Джейсон.

— Я не знаю, — смутилась Дениз. — Оно слишком… сильное. Какой-то странный привкус.

Джейсон нахмурился.

— Какой?

— Трудно сказать. В больничной еде было то же самое. Я ничего не говорила, не хотела их обижать.

— Опишите мне вкус, — попросил Джейсон. Где-то в глубине разума шевельнулась мысль: вот она, связь, которую нужно понять.

— Оставь ее в покое, старик, — сказал Абрамс. — Она и так многое пережила.

При слове «старик» брови Джейсона поползли вверх. Ланна захихикала. Он проигнорировал Абрамса и повернулся к Дениз.

— Опишите вкус.

— Не могу, — в конце концов произнесла она. — Поймите же, не могу. Я не знаю, что это такое.

Джейсон потянулся за солонкой и насыпал на ладонь немного соли.

— Попробуйте.

Она сделала, как он просил, и потом кивнула.

— Это оно. Мне не очень нравится.

Абрамс закатил глаза.

— Что ж, теперь вы знаете, что она забыла слово «соленый». Ну и что? Точно так же она не назовет ничего, что сейчас перед ней. Она даже имени своего не вспомнит.

Джейсон снова откинулся на спинку стула и, не обращая внимания на парня, продолжил есть в тишине.

***

— Я договорилась о твоем обратном рейсе на Юпитер, — сказала Ланна. — Ты вылетаешь на курьерском корабле «Эксель» в 22:30 по местному времени.

Джейсон кивнул. Он стоял на балконе, опершись о перила, и слушал голос Ланны в ухе.

— Корабль хороший и всегда прибывает вовремя — все, как ты любишь. У тебя двухместная каюта.

Джейсон не ответил. Он чувствовал Ивенсонг перед собой, его огромные металлические здания и бесконечные переходы. Временами он пытался вспомнить, каково это — видеть настоящие цвета, а не цитонические вибрации, но у него ничего не получалось. Слишком давно это было, да и тогда его зрение оставляло желать лучшего.

Город вокруг не замирал ни на секунду: летали аэрокары, по переходам двигались люди, зажигались и гасли огни. Это по-своему прекрасно. Прекрасно, что человечество продвинулось настолько далеко, что оно преуспевало даже здесь, посреди необъятного космоса, откуда Солнце кажется едва ли больше остальных звезд.

— Ты пока не собираешься возвращаться? — тихо спросила Ланна.

— Нет.

— Значит, думаешь, что похищение как-то связано со смертью посла?

— Я не уверен. Возможно. Что-то тревожит меня, Ланна.

— Ты об убийстве?

— Нет. О нашей ученой. Что-то с Дениз… не так.

— Что?

Джейсон помолчал.

— Не могу сказать точно. По-моему, она слишком быстро научилась ходить и говорить.

Ланна ответила не сразу.

— Не знаю, что и сказать.

Вздохнув, Джейсон покачал головой. Он и сам не до конца понимал, что имеет в виду. Некоторое время он просто стоял и наблюдал за потоком людей. Что-то не так. Он не мог решить, что именно, но знал, чего боится. Уже больше века ТК сохраняет монополию на цито. Он не ожидал, что психические способности останутся ограничены ТК. На самом деле его основная цель заключается в том, чтобы это предотвратить. И она же его пугает.

— Джейсон, — позвала Ланна. — Ты когда-нибудь задумывался о том, что мы поступаем неправильно?

— Каждый день.

— Я имею в виду, что, если они правы? Тенаси, варваксы и остальные — все они гораздо старше, чем человечество. Им известно больше, чем нам. Может, они правы. Может, человечество станет цивилизованным до того, как освоит сверхсветовые путешествия. Может, скрывая цито, мы не даем прогрессу идти естественным путем.

Джейсон тихо стоял на балконе, прислушиваясь к бегающим внизу детям.

«Дети, смех...»

— Ланна, ты знаешь, каким образом Коалиция Межвидового Контроля оценивает интеллектуальный уровень расы?

— Нет.

— Они смотрят на детей. На тех, кто постарше. На детей, которые прожили достаточно долго, чтобы начать вести себя в соответствии с окружающим обществом. На детей, которые уже утратили невинность юности, но еще не сменили ее на тактичность и нравы зрелости. По таким детям можно судить, какова раса на самом деле. Так варваксы определяют, какой вид перед ними: цивилизованный или примитивный.

— И мы провалили проверку, — проговорила Ланна.

— С треском.

— Ничего страшного. Каждая раса проваливает ее на раннем этапе развития. В конце концов мы ее пройдем.

— Тенаси едва начали использовать энергию пара, когда совершили свой первый сверхсветовой прыжок. Да и варваксы от них недалеко ушли — у них до сих пор нет компьютеров. Обе расы начали посещать другие планеты до того, как научились отправлять шаттлы в космос.

Ланна погрузилась в молчание.

— Мы вышли в космос около трех столетий назад, — продолжил Джейсон. — По словам варваксов, технология — тупиковый путь. Они утверждают, что технологическое развитие имеет предел, но сознание, наделенное разумом, безгранично. Только... я все равно переживаю. Переживаю, что человечество как-нибудь отыщет способ. Раньше всегда происходило именно так.

— И поэтому ты исполняешь роль сторожевого пса.

Джейсон замолчал на секунду, затем произнес тихо:

— Одни, овеваемы ветром,

Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья

Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.

Маны любого из нас понесут свое наказанье,

Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский .

— Гомер?

— Виргилий. — Высоко в небесах, над домами Джейсон чувствовал огоньки звезд. — Космос — это Элизиум. Место, куда уходят умирать герои. Варваксы и другие сражались и проливали кровь так же, как и мы. В итоге они все преодолели: заплатили свою цену и заслужили мир. Я хочу убедиться, что их рай останется нетронутым.

— Изображая Бога?

Джейсон замолчал. Он не знал, что ответить, поэтому не произнес ни слова. Просто стоял, чувствуя рай где-то вверху и Ивенсонг внизу.

***

Кольн копался в мини-баре в поисках выпивки. Обычно он не имел склонности напиваться, но обычно он и не сталкивался с потерей работы и возможным лишением свободы. Наконец он налил себе немного скотча и направился на балкон.

Он остановился в дверном проеме. Совсем рядом, облокотившись о перила своего балкона, стоял Джейсон Райт. Он на него не смотрел, но Кольну все равно показалось, будто за ним наблюдают.

«Не позволяй ему запугать себя», — подумал он.Кольн равнодушно отвернулся от Райта и тоже облокотился о перила.

Поначалу идея проследить за Райтом казалась очень хорошей. Кольн был разочарован недостатком информации в Бюро. Они знали, что ТК скрывает технологию. Также они знали, что Райт — неотъемлемый участник проводимых ТК операций. Они хотели продолжать за ним слежку, но не справлялись. Бюро было готово оставить Райта в покое.

Вздохнув, Кольн сделал глоток. Он выбрал неверную задачу. Райт намеревался улететь на следующий день и забрать несчастную женщину-ученую с собой. А Кольн останется сам по себе, беглец и глупец.

***

— Этот парень — глупец, — сказала Ланна.

— Знаю, — пробормотал Джейсон. — Но, по крайней мере, в нем есть страсть. И кураж.

— Не кураж, а нахальство.

— Называй, как хочешь. — Джейсон чувствовал молодого агента ОРБ неподалеку.

— Опять-таки, может, в нем и есть страсть, но эта страсть основана на ненависти к тебе. Я кое-что проверила. Оказывается, некоторые его исследовательские проекты были посвящены тебе, когда он еще учился. Ни одного лестного заключения, старик. Тебе стоит прочесть некоторые...

Ланна продолжала говорить, но Джейсон отвлекся. Его мысли продолжали возвращаться к Дениз. Кто ее похитил и что с ней сделали?

«Она не понимает жестокости», — размышлял Джейсон.

Она не понимает жестокости и никогда не пробовала соль. И разговаривала странным, но в то же время очень знакомым образом. Не могла ни ходить, ни контролировать мышцы. Как если бы...

Джейсон вдруг все понял и резко выдохнул.

«Как если бы она привыкала к чужому телу».

— В чем дело? — спросила Ланна.

— Дениз Карлсон мертва.

— Как?! Что с ней произошло?

Джейсон сделал паузу.

— Джейсон! Что случилось?!

Проигнорировав Ланну, он вернулся в комнату, вышел в коридор и направился к соседнему номеру — не тому, что принадлежал Кольну, а с другой стороны. Не потрудившись постучать, он рывком распахнул дверь.

Дениз изумленно села на кровати, но расслабилась, когда узнала его. Джейсон молча подошел к контрольной панели и набрал несколько команд. Свет в комнате стал гораздо ярче, лампы засветились красным цветом.

— Как вам? — спросил он, повернувшись к женщине.

Дениз смущенно посмотрела на него.

— Хорошо. Почему-то кажется, что так правильно.

Джейсон кивнул. Свет был таким ярким, что большинство людей нашли бы его очень некомфортным. В его разуме он представлялся виртуальным грохотом.

— Пожалуйста, — Дениз вытянула руки, — скажите, что вы делаете?

Варвакский жест просьбы. Следовало догадаться раньше.

— Джейсон, ты меня пугаешь, — тихо произнесла Ланна.

— Это не Дениз Карлсон, — так же тихо отозвался Джейсон.

— Что? Тогда кто?

— Его зовут Ванн.

Неожиданно в комнату ворвался Кольн. Он сразу же заслонил глаза от яркого света, имитирующего суровое, обжигающее солнце, для защиты от которого требовался крепкий кристаллический панцирь.

— Ты что творишь, маньяк! — Кольн оттолкнул Джейсона и поменял настройки. Затем повернулся к Дениз. — С вами все в порядке?

— Я… — пробормотала она. — Да, почему нет?

Кольн одарил Джейсона неприязненным взглядом, но, замолчав, нахмурился.

— В чем дело? — спросил Джейсон.

— Почему вы на меня так смотрите, Райт? — осведомился Кольн.

— Как «так»?

Кольн поежился.

— Ваши глаза… Словно вы смотрите мимо меня. Как…

Джейсон невольно дотронулся до лица, нащупывая очки. Очков не было. Забыл, что не надел их. Смутившись, он отвернулся и выскочил из номера в коридор.

«Он не должен был увидеть, не должен был узнать. Теперь начнет издеваться. Насмехаться...»

Сбитый с толку Кольн посмотрел вслед Райту и опустился на колени возле существа с телом женщины и разумом инопланетянина.

***

— Это невозможно, — произнесла Ланна.

— Несколько лет назад то же самое говорили о псиониках, — заметил Джейсон, шагая по дорожке.

— Просто это так...

— Как?

Ланна раздраженно вздохнула.

— Хорошо, давай представим, что ты прав. Кто мог такое сделать? Зачем менять чей-то разум на инопланетный? Какой толк?

— Варваксы — самые развитые цитоники в галактике. — Джейсон понизил голос, разминувшись с несколькими пешеходами.

— И?

— Чему ты смогла бы научиться, если бы пробыла несколько лет в голове варвакса? Что, если бы ты как-то смогла заполучить его тело и проникнуть в их общество? Кто-то попытался проделать подобное, но что-то пошло не так. Тело, которое они выкрали, погибло, или, возможно, перемещение разума прошло неудачно. Впоследствии они избавились от тела варвакса и оставили Дениз блуждать по улицам.

— Но почему Дениз?

Джейсон замолчал.

— Не знаю. Может, она одна из них — какая-нибудь шпионка. Когда представилась подходящая возможность, она ею воспользовалась.

— Слабая аргументация, старик.

— Знаю, — согласился Джейсон. — Но сейчас больше ничего не приходит в голову. Единственное, что мне известно: женщина в моем номере — не человек. Она поступает как варвакс, думает как варвакс, жестикулирует как варвакс.

— Она говорит по-английски, — отметила Ланна.

— Многие варваксы изучают английский. Или, по крайней мере, понимают его. Им интересны человеческие языки. Кроме того, возможно, ее тело сохранило остаточные воспоминания о речи и движениях.

— Возможно, — сказала Ланна, явно не убедившись. — Куда ты идешь?

— Увидишь.

Джейсон не останавливался, пока не добрался до психиатрической лечебницы. Он вошел внутрь: за стойкой стояла та же медсестра. Увидев его, она недоуменно и немного неодобрительно выгнула бровь.

Джейсон проигнорировал ее, направившись вглубь здания.

— Сэр! — воскликнула она. — Вам туда нельзя! Сэр, вы не можете...

Ее крики оборвались, но вскоре стало слышно, как она вызывает охрану.

— Медсестра? — спросила Ланна, прислушавшись. — Ты вернулся в клинику? Так ты наконец-то понял, что спятил, и решил лечь в больницу?

Санитары, медсестры и даже некоторые пациенты выглядывали в коридор.

«Ему лучше быть здесь», — подумал Джейсон.

После того как мысль пришла на ум, он почувствовал знакомое лицо, выглядывающее из какой-то комнаты.

— Ланна, пожалуйста, предупреди отделение полиции Ивенсонга, — попросил Джейсон. — Должно быть, скоро они получат сообщение о сумасшедшем, напавшем на одного из санитаров в этой больнице. Скажи им, чтобы не обращали на это сообщение внимания.

— Джейсон, ты очень странный человек.

Он улыбнулся, затем повернулся и бросился в комнату. Несколько санитаров отпрянули, удивленные вторжением. Гудящее белым помещение оказалось чем-то вроде комнаты отдыха. Санитар, которого Джейсон видел в кафе, тут же бросился бежать. Джейсон прыгнул вперед и, схватив его одной рукой, развернул к себе.

Мужчина отбивался, но удар коленом в пах пресек все его попытки. Джейсон снял очки, затем схватил голову мужчины обеими руками и повернул к себе лицом.

— Кто тебя послал? — спросил он, сверля санитара незрячими глазами.

Тот смотрел с вызовом.

— А, вижу. — Джейсон продолжал удерживать его голову обеими руками. — Да, я с легкостью могу прочесть твои мысли. Очень интересно. Ага. Значит, они меняли разумы? Не знал, что такое возможно. Спасибо за информацию.

Джейсон отпустил голову озадаченного санитара.

Ланна фыркнула.

— Джейсон, если только ты много лет не скрывал свои странные способности, то это самая наглая ложь, которую я когда-либо слышала.

— Верно. — Джейсон вернул на место очки и вышел из комнаты. — Но им это не известно.

— И какой в этом смысл? — поинтересовалась Ланна.

— Терпение, — проворчал Джейсон, поднимая руки, поскольку в коридоре появились охранники. — Уже ухожу.

Он протиснулся мимо охранников и покинул больницу.

***

Вернувшись в отель, Джейсон пригласил Дениз и Кольна в свой номер. Одна смотрела на него с привычной смущенностью, другой — со столь же привычной враждебностью. Джейсон снял значок и передал его Кольну.

— На корабле до Юпитера-14 забронирована каюта, — сказал Джейсон. — Будь на нем, когда он отправится, вместе с Дениз. Доберись до офиса ТК, и они защитят тебя от Бюро.

— А вы, Райт? — с подозрением спросил Кольн.

— Если я прав, мне нужно задержаться еще ненадолго. А вам лучше поспешить. Корабль отправляется меньше чем через час.

Кольн нахмурился. Джейсон чувствовал его опасения. Парень не хотел принимать помощь ТК, но также не горел желанием столкнуться с правосудием Бюро. Джейсон надеялся, что ему удастся защитить Дениз.

После недолгой внутренней борьбы Кольн кивнул и поднялся.

— Я сделаю это, Райт. Но сначала хочу, чтобы вы мне кое-что рассказали. Ответьте на один вопрос.

— Какой?

— У вас есть то, о чем все говорят?

Джейсон нахмурился.

— Есть что?

— Сверхсветовые двигатели. Есть у ТК технология, чтобы создавать их, или нет? Скрываете вы секрет сверхсветовых перемещений от остальной части человечества или нет?

Джейсон помолчал.

— Ты задаешь неверный вопрос, — наконец ответил он.

Кольн помрачнел.

— Я знал, что вы не ответите. — Он повернулся к Дениз. — Идемте.

Женщина даже не шевельнулась. Она сидела, сгорбившись и закрыв глаза.

— Дениз! — настойчиво позвал Кольн, опустившись возле кресла на колени. Казалось, она дышит, но...

Джейсон ощутил легкое головокружение, а еще уловил едва заметный запах. Он тихо выругался и, развернувшись, бросился прочь из комнаты. Но на полпути к двери споткнулся и потерял равновесие, почти не ощутив, как свалился на пол.

«Быстро работают. Должно быть, заранее подготовились отравить нас...»

***

Джейсон очнулся в темноте. В кромешной, ужасающей темноте. Не было ни зрения, ни чувства, вообще никаких ощущений. Темнота вернулась.

Джейсон задрожал.

«Нет! Не может быть! Где мое чувство?»

Он скрючился, не замечая холодного металлического пола. Его поглотила тьма — не просто тьма, а бесконечное небытие. Отсутствие ощущений. Вернулся единственный истинный ужас в его жизни.

Помимо воли Джейсон начал поскуливать. Нахлынули воспоминания.

Все началось с ночного видения — так часто проявляются зрительные болезни. Он помнил ночи, которые проводил в постели, будучи ребенком, и тьма, казалось, становилась все более и более гнетущей. А потом она начала приходить и днем. Поначалу на периферии зрения, будто следовала за ним, окутывала его. Каждое утро, когда он просыпался, она словно делалась еще ближе. Темнота подкрадывалась, как хищник, которого можно заметить боковым зрением.

Ужас. Врачи не могли ничего сделать. Джейсону приходилось сражаться за то, чтобы жить обычной жизнью, но с каждым мгновением темнота приближалась. Он жил в постоянном страхе.

А ведь еще были дети. Другие дети, которые не понимали. Он пытался быть нормальным, пытался жить так, будто ничего не происходит. Лучше бы он признался им во всем. А так они видели перед собой лишь спотыкающегося дурачка. И смеялись. О, как же они смеялись...

Джейсон закричал, как будто крик мог вырвать его из тьмы. Куда же подевалось его чувство? Что случилось? Он метался во тьме, царапая пальцами стену. Потом забился в угол, напуганный и сбитый с толку.

— Как вы это сделали? — спросил голос откуда-то сверху.

Джейсон взглянул наверх, но ничего не увидел и не почувствовал.

— Скажите, мистер Райт, вы умеете читать мысли? Это вне возможностей цито, даже варваксы не способны проникать в чужой разум. Как вы это сделали?

Джейсон не откликнулся. Темнота. Мрак.

«Я сделал это намеренно, — подумал он. — Закинул наживку. Хотел привлечь внимание, чтобы вы привели меня к себе. Все получилось так, как я и хотел».

Но темнота...

— Как? — захрипел Джейсон. — Как вы его забрали?

— Ответьте на вопрос, мистер Райт, — произнес голос, — и я верну ваше чувство. Как вам удалось прочитать мысли того человека?

Джейсон дрожал, прислонившись спиной к холодному телланиуму. Голос незнакомца был суровым и гортанным. Говорил он со странным акцентом, который Джейсон никак не мог распознать.

«Это ненадолго, — уверял он себя. — Темнота отступит. Так же, как когда ты развивал цито».

— Мое терпение заканчивается, мистер Райт. Признайтесь, и я оставлю ваших спутников в живых.

«Кольн, Дениз. Они были в номере».

Джейсон не ответил. Он сидел и глубоко дышал, изо всех сил стараясь сохранить рассудок. С тех пор как развились его цитонические способности, он никогда не оказывался в темноте. Чувство не подводило даже при отсутствии света.

— Ланна! — прошептал Джейсон, ощущая, как на него надвигается темнота. — Ланна!

— Связь с вашей базой прервана, мистер Райт, — сообщил голос.

Джейсон заскулил. Чернота словно еще приблизилась — настолько, что могла поглотить разум.

— Как хотите, мистер Райт. Даю вам три минуты. Если вы не ответите, женщина умрет.

Щелчок, затем тишина. Без голоса стало еще хуже. Джейсону захотелось, чтобы человек продолжал говорить. Лучше бы он рассказал ему правду: он не умеет читать мысли. Все что угодно, лишь бы тот не замолкал.

Но теперь он остался один.

«Я этого не вынесу! — подумал Джейсон. — Только не это. Однажды я пережил этот ужас. И не выдержу его снова!»

Он попытался сделать выпад мысленными клинками, но ничего не произошло.

«Успокойся, Джейсон. Возьми себя в руки. Варваксы что-то такое говорили».

Зонн однажды упомянул об этом. Тогда он сделался замкнутым и явно испытывал дискомфорт — странное состояние для варвакса. Джейсон спросил, существует ли способ подавить цитонические способности. Зонн в конечном итоге признался, что да, но добавил, что Джейсону подобное не понадобится. Пока что.

Темнота...

«Нет! Сосредоточься. Не время бояться».

Возможно, существует технологический подход к устройству подавления. Многие цитонические способности реализуются с помощью механических составляющих. Например, сверхсветовые коммуникаторы не способны работать без физических аккумуляторов. Цитоник, заточивший его сюда, наверняка делится своей ментальной энергией с физическим устройством, которое с помощью электричества усиливает эффект. Но из-за этого усиления Джейсон никогда не сможет вырваться на свободу и навсегда останется в ловушке темноты.

«Не навсегда. Всего лишь на несколько минут, пока они меня не убьют».

Что едва ли не предпочтительнее.

Перед глазами Джейсона появился образ человечества в космосе: торговцы, мошенники и тираны подчиняют отставшие в техническом отношении расы: варваксов, тенаси, хоммарцев; войны и сражения, разрушенный рай.

«Я не могу это допустить!»

Но что делать? Он провел рукой по стене, поднялся на ноги и принялся ощупывать комнату. Маленькая, около двух квадратных метров. Он с трудом нашел дверной проем — изнутри не было ручки.

«Времени недостаточно! — в отчаянии подумал Джейсон. — Я не могу выбраться, не могу связаться с Ланной...»

С Ланной не поговорить, но... Он потянулся к уху и нажал на кнопку контрольного диска. Они разорвали связь с базой, но, скорее всего, не догадались о «зайце» на линии...

***

— Вам это с рук не сойдет! — кричал Кольн в пустой комнате. — Я — агент ОРБ. Вас ждут серьезные неприятности за задержание сотрудника правоохранительных органов!

Нет ответа. Кольн вздохнул. Ярость слабела, уступая место скуке. Он очнулся с головной болью в этой комнате — видимо, какой-то кладовке. С тех пор снаружи не донеслось ни звука. Дениз заперли вместе с ним, и она тихонько сидела на ящике.

«Что на уме у Райта? — размышлял Кольн. — Он посадил нас под замок, но для чего?»

Наверняка все это имеет отношение к стратегическим планам ТК, в чем бы они ни заключались.

Вдруг у него в ухе раздался треск.

— Кольн? — прохрипел голос. Звуки словно срывались с губ мертвеца.

— Райт? — отозвался Кольн. — Зачем вы меня заперли?

— Тише, Кольн. Мы оба заперты. И умрем, если ты кое-что не предпримешь.

— Кое-что? — с подозрением переспросил Кольн. — Что именно?

— Ты должен вырубить энергию. Отключи предохранитель, замкни цепь — что-нибудь в этом духе.

Кольн нахмурился.

— Что это даст? Они запустят резервные генераторы.

— Просто сделай. — Связь прервалась.

Кольн тихо выругался. Что Райт задумал на этот раз? Рискнет ли он довериться этому человеку? Осмелится ли поступить иначе?

Дениз в замешательстве наблюдала, как Кольн обшаривает комнатку, передвигая ящики и коробки. В конце концов он отыскал на стене розетку. Постояв с минуту, он наконец вздохнул и оторвал полоску металла от ближайшего ящика.

«Почему бы и нет? Хуже, чем сейчас, точно не будет».

***

Джейсон не мог спастись от темноты. Не мог закрыть на нее глаза, не мог от нее убежать и не мог ее игнорировать. Он только прижимался к стене. Решимость и здравомыслие слабели с каждой секундой. Он услышал, но не понял, что сказал голос, когда тот вернулся. Его пленители совершили роковую ошибку. Они могли задавать какие угодно вопросы, но он не в состоянии на них отвечать. Его могли убить. Ничего бы не изменилось.

Голос закричал на него. Джейсон ощутил, как ускользает рассудок. Он не мог этому противиться. Не хотел с этим бороться. Бороться чересчур трудно. Блаженное беспамятство, забвение мыслей и ощущений — единственный ответ.

И в этот момент чувство вернулось.

Всего лишь всплеск, незначительное колебание на энергетическом уровне. Но и этого было достаточно. Чувствохлынуло в Джейсона, как наркотик в вены наркомана, но тут же стало угасать под действием устройства подавления.

Джейсон выпустил тысячу мысленных клинков одновременно, руша стены вокруг. Он рассек телланиум на осколки, осколки — на крошки, а крошки растер в пыль. Стены испарились, будто салфетки во время ядерного взрыва, металлические стены распались на частицы, брызнувшие от Джейсона во все стороны. Он закричал, выплескивая волну энергии, отгоняя темноту пронзительным животным воплем.

Устройство подавления тотчас вышло из строя, разрушившись от взрыва. Джейсон лежал, съежившись, на блестящем телланиевом полу. Его костюм покрывали разводы грязи и пота. В течение одного чудесного мгновения тишины он наслаждался вернувшимся чувством. Однако вместе с ним вернулся и рассудок — эти два качества для него неразделимы.

«Где-то здесь другой цитоник, и ему не понравится, что я выбрался».

Сделав глубокий вдох, Джейсон заставил себя подняться.

***

Кольн сидел, оглушенный грохотом. Его пальцы до сих пор сжимали кусок резины — тот самый, которым он воспользовался, чтобы забить полоску металла в розетку. Он ожидал более слабой реакции и помыслить не мог, что соседняя комната взорвется.

Проморгавшись, Кольн отряхнул серебристую телланиевую пыль, хлопьями осевшую на одежде.

«Что за?.. — изумленно подумал он, растирая несколько телланиевых крупинок между пальцев. — Что могло произвести такой эффект?»

Современное оружие способно лишь едва поцарапать телланиум.

Он пригляделся и увидел Джейсона Райта, стоящего точно в центре взрыва. Костюм оперативника был порван. Телланиевая пыль посыпалась из оцепеневших пальцев Кольна, когда он увидел глаза Райта. Как и прежде, они были расфокусированы и ни на что не реагировали. Устремлены вперед, неподвижны, словно… у слепого.

— Кто вы такой? — прошептал Кольн.

Райт проигнорировал вопрос.

— Бери женщину и за мной, — сказал он спокойно, но грозно. — Скоро здесь станет очень опасно.

Кольн кивнул, потянувшись к руке испуганной Дениз. В тот же момент заговорил другой голос — Кольн его не узнал.

— О, мистер Райт, подумайте. Надо ли опускаться до подобного поведения? Разве мы не… цивилизованные?

Райт не стал поворачиваться к источнику звука — динамику на стене.

— Покажись.

Наступила тишина. Затем послышались шаги. Кольн оттеснил Дениз за спину, настороженно осматривая коридор перед двумя комнатами, который из-за странного взрыва больше не защищали стены.

В коридоре появился мужчина, ничем не примечательный, за исключением длинного носа и худощавого телосложения. Он был одет в стильный темно-синий костюм и улыбался, пока шел к ним, оставляя следы в слое телланиевой пыли.

— Кто ты? — спросил Джейсон, обратив на него свой расфокусированный взгляд.

— Да ладно, Джейсон, — произнес мужчина. — Разве меня ты не узнаешь?

— Нет.

— Неудивительно — Мужчина обошел комнату кругом. — Прошло несколько лет, и я не был тогда кем-то важным. Всего лишь один из рекрутов. Меня зовут Эдмунд.

Комната погрузилась в тишину.

— Почему ты пытался убить Кольна? — наконец спросил Райт.

Эдмунд только усмехнулся.

— Даже для агента ТК ты слишком скрытный человек, Джейсон. Ты кое-что утаивал от варваксов. Если бы они знали, что ты способен создавать мысленные клинки, это, несомненно, убедило бы их повысить интеллектуальный уровень человечества.

Райт нахмурился.

— Это была проверка. Ты хотел посмотреть, смогу ли я остановить пули.

— И я не разочарован. — Эдмунд остановился прямо перед Райтом. — Мысленные клинки — значительное продвижение, Джейсон. Еще несколько десятилетий обучения, и ты освоишь сверхсветовые трансмиссии. Я впечатлен.

Два человека стояли лицом друг к другу, но глаза и того, и другого не смотрели прямо на оппонента. Мужчины замерли в таком положении на

несколько напряженных мгновений, и Кольн нахмурился. Ему казалось, что вот-вот случится что-то важное, но ничего не происходило.

«Что тут творится?»

***

Джейсон сражался за свою жизнь. Сотни мысленных клинков устремились к нему невидимыми лучами чистого разума. Единственное, что он мог сделать, чтобы не позволить им пронзить плоть, — это послать в ответ собственные мысленные клинки, блокируя те, которые выбросил противник. Противник, которого он все еще не понимал.

Джейсон смутно помнил Эдмунда, хотя не настолько хорошо, чтобы узнать его лицо в кафе. У Эдмунда имелись кое-какие цитонические способности. Он сбежал из ТК после нескольких месяцев тренировок. Это произошло всего два года назад. Как ему удалось научиться столь многому за такой короткий срок?

Шквал клинков ослаб, и Эдмунд отступил. Он все еще улыбался, но в глазах появилось сомнение. Он не ожидал, что Джейсон окажется настолько хорош.

Джейсон тяжело дышал. Кольн наблюдал за ними с растерянным видом — он был не в состоянии следить за безумной битвой, в которой только что сразился Джейсон.

— Я вновь восхищен, Джейсон, — сказал Эдмунд.

Джейсон чувствовал, как по щеке стекает струйка пота. Ощущал запах собственного изнеможения.

— Я не подозревал, что тебе известно, как блокировать мысленные клинки, — продолжил Эдмунд. — Мало кто из нас их вообще применяет.

Джейсон стоял в напряженной позе.

— Я уже некоторое время ожидал чего-то подобного, — прошептал он. — Я знал, что не сумею утаить это знание от таких людей, как ты. Знал, что настанет день, когда мне придется сражаться.

— Ты хорошо подготовился.

Клинки ударили снова. Захрипев, Джейсон выпустил в ответ собственные. Чувством он улавливал легкую рябь перед появлением очередного мысленного клинка и атаковал то место. Клинки взаимно уничтожались, представляясь ему двумя дрожащими дугами света. Джейсон блокировал их сотнями, воздух вокруг него сиял, как будто он находился в эпицентре взрыва.

«Долго мне не продержаться».

В конце концов хотя бы один клинок пробьется сквозь защиту. У Джейсона в запасе оставался только один козырь, и нужно его разыграть.

Он продолжал сражаться, выжидая подходящий момент. Эдмунд был лучше него. Это невозможно: Джейсон практиковался в цито намного дольше, чем любой другой. Как же кто-то смог нагнать его так быстро? Необходимо это выяснить. Иначе все, над чем он работал, пойдет прахом.

Атака вновь прекратилась. Эдмунд вспотел. По крайней мере, противостояние давалось ему нелегко.

— Варваксы хорошо тебя обучили, — предположил Джейсон наугад.

Эдмунд удивленно взглянул на него и рассмеялся.

— Так ты все-таки не умеешь читать мысли. Обычный блеф.

«Я ошибся, — подумал Джейсон. — Но как же тогда?..»

— Прощай, Джейсон Райт.

Джейсон ощутил, как всколыхнулся воздух. Вокруг стали появляться клинки — больше, чем он мог сосчитать, — словно его окружил купол чистой энергии. Все заблокировать не выйдет. Он умрет.

«Сейчас!»

Джейсон перестал выпускать мысленные клинки и потянулся чувством внутрь себя. Он чувствовал собственные вибрации — невозмутимое существо в черных одеяниях, так не похожее на мальчика, каким он был когда-то. Мальчик пребывал в оцепенении, обездвиженный ужасом.

Джейсон больше не был тем мальчиком. Закричав, он ощутил, как на него опускаются клинки, и с готовностью погрузился в темноту.

Все стихло.

Его окружила небытие, которое угрожало с детства. Только в этот раз он попал сюда по собственному выбору. В течение одного бесконечного мгновения он задыхался в объятиях мрака.

Затем возник снова. Возвращаясь в обычное пространство, Джейсон оттолкнул воздух в сторону, чтобы его молекулы не попали в ловушку появляющегося тела. Точно так же он оттолкнул от своей руки плоть Эдмунда.

Мир содрогнулся, и Джейсон вернулся. Он стоял прямо перед Эдмундом, вытянув вперед руку. Его запястье резко заканчивалось там, где начиналось тело Эдмунда. Его рука материализовалась в груди противника.

Сердце Эдмунда, сжатое в его кулаке, ударило еще раз. Потрясенный взгляд Эдмунда был устремлен вперед. На то место, где Джейсон находился мгновением раньше, обрушились мысленные клинки.

Джейсон сдавил пальцы, и Эдмунд закричал от боли. Сердце прекратило биться. Эдмунд рухнул на колени. Джейсон слегка вытолкнул руку из обычного пространства и вытащил ее из тела.

Эдмунд упал на спину, удивленно вытаращившись. В глазах его стояла мука. Он не потерял сознание, пока умирал, — слишком развитые цитонические способности.

— Сверхсветовая трансмиссия, — прошептал он. — Райт, ты снова меня удивил. Мы понятия не имели...

Джейсон опустился возле нег на колени.

— Я владею ею уже некоторое время. Расскажи, как вы это сделали? Где вы научились такой мощи?

Эдмунд зашелся в отрывистом, причиняющем боль смехе.

— Я учился этому всю свою жизнь.

— Как?

Эдмунд умудрился встретиться взглядом с Джейсоном.

— Какой же ты идеалист, Джейсон Райт из Телефонной Компании. Спроси себя: зачем расам вроде варваксов изучать такие приемы, как цитоническое подавление?

Джейсон замолчал, его разум оцепенел. В голову пришел только один ответ. Ответ, о котором он не осмеливался подумать.

— Удерживать заключенных.

— Заключенных? — Эдмунд закашлялся. — Прирожденных мыслителей! Инакомыслящих! Всех, кто не согласен с ними.

— Ты лжешь!

Эдмунд снова засмеялся, его спина выгнулась дугой от боли.

— И ты станешь нашим спасением. — Его голос становился все громче, пока не перешел в крик. — Они слишком долго наслаждались своим раем. Ты чуть не сошел с ума, проведя всего несколько минут без чувства. Представь, каково прожить всю жизнь в такой камере! Вы видите лишь мирное, идеальное общество. Ты не понимаешь цену!

Из груди Эдмунда вырвался последний вздох, тело безвольно обмякло.

— Ты лжешь, — прошептал Джейсон. — Они — мирный народ. Мы монстры, не они...

Он еще мгновение смотрел на мертвое тело. Кольн по-прежнему стоял неподалеку, глядя с изумлением и замешательством.

— Иди сюда, — тихо позвал Джейсон. — И женщину приведи.

Кольн беспрекословно подчинился. Джейсон дотронулся руками до каждого из них и снова погрузился в темноту.

***

Кольн сразу узнал комнату. Он моргнул, пытаясь отделаться от ужасного ощущения пустоты, которое только что испытал. Они оказались в белой комнате с закругленными стенами — оперативном центре штаб-квартиры ТК. Той самой комнате, что изображена на размытом головидовом снимке. Кольн изучал ее сотни раз и теперь попал сюда вживую.

Вот только оперативный центр ТК находился на Земле, в нескольких месяцах пути от Ивенсонга. Кольн с удивлением вздохнул. Райт стоял неподалеку, его костюм превратился в лохмотья, по рукам струилась кровь.

— Так у вас все-таки есть технология сверхсветовых путешествий! — обвинил Кольн.

— Да.

— Значит, я прав! Все это время вы скрывали ее от человечества!

— Да.

— Но почему? От чего вы пытаетесь нас защитить?

— Я не нас пытался защитить, — сказал Райт.

Он подошел к стене, в которой предположительно было установлено оборудование для сверхсветовых коммуникаций, и потянул за рычаг. Снизу выскочила маленькая, исходящая паром чашечка с кофе.

— Я старался защитить их. И подготовить нас.

— Подготовить нас? — переспросил Кольн.

— Программы по обмену, — пояснил Райт. — Информационно-разъяснительные программы, включающие даже моду на цвет кожи. Все, чтобы сделать нас более открытыми, расширить наши взгляды. Конечно, теперь это не имеет значения.

Кольн нахмурился, затем посмотрел на кофе-машину.

— Так это не блок сверхсветовых коммуникаций?

Райт покачал головой и указал в сторону. Человек, которого в головизоре Кольн ошибочно принял за охранника, неподвижно сидел неподалеку. Его глаза были закрыты.

— Его мозг, — сказал Джейсон, — питает все сверхсветовые звонки.

— Но их же миллионы... — заметил Кольн.

— Для обеспечения сверхсветовой связи требуется лишь один-единственный мозг. Фактическую маршрутизацию осуществляют компьютеры.

Кольн изумленно присвистнул.

— Технология имеет предел, — сказал Джейсон. — Только разум безграничен.

Дальнейшие вопросы пришлось отложить, поскольку входная дверь распахнулась и в комнату ворвалась рыжеволосая женщина. Она немедленно подбежала к Райту и заключила его в крепкие объятия.

— Что случилось? — требовательно спросила она, и Кольн тут же узнал голос Ланны.

— Кольн, познакомься, — пробормотал Райт. — Ланна Райт. Моя жена.

— Что? Ваша жена?

— К несчастью. — В голосе Райта слышалась нежность.

— Но, Бюро прослушивало ваши разговоры десятки раз! Вы всегда жаловались, когда ее назначали вашим агентом поддержки!

— Да, и именно он отвечает за назначения. — Ланна осматривала ссадины на руках Райта. — И всегда говорит: чем меньше Бюро знает о его личной жизни, тем лучше. Кроме того, он обожает меня дразнить и ничего не может с собой

поделать. — Она посмотрела на Райта. — Значит, так: садись и расскажи, что стряслось. Медик уже в пути.

Райт вздохнул, глотнув кофе.

— Ланна, похоже, я ошибался.

— В чем?

— Во всем.

***

Джейсон сидел в своем офисе, медик перевязывал ему руки. Раздосадованная Ланна ждала в сторонке. Она считалась кошмаром оперативного центра ТК: несколько человек имели мужество или глупость навлечь на себя ее гнев.

— Ладно, старик, — сказала она. — Что произошло?

Джейсон покачал головой. Прежде чем он успел ответить, загудел головизор. Джейсон нажал кнопку, и на экране появилось хитиновое лицо Зонна.

— Зонн, вы должны кое-что объяснить, — сказал Джейсон.

Варвакс вытянул руки в жесте просьбы.

— Я в твоем распоряжении, Джейсон из Телефонной Компании.

Джейсон продемонстрировал Зонну изображение Дениз, опрашиваемой оперативными сотрудниками ТК.

— Скажите, что это неправда. Скажите, что вы не изолируете недовольных.

— Среди варваксов есть недовольные? — изумленно спросила Ланна.

Зонн поднял руки в жесте извинения.

— Я говорил, что в конечном итоге ты выяснишь, почему существует цитоническое подавление, Джейсон из Телефонной Компании.

Джейсон склонил голову.

«Нет. Не может быть...»

— Это единственный способ, — сказал Зонн. — Способ сохранить мир.

— Мир для тех, кто согласен с вами, — со злостью произнес Джейсон.

— Это единственный способ.

— А другие? Тенаси, халло?

— То же самое. Они нашли путь, как когда-нибудь найдете его и вы. Путь к Высшему интеллекту. Я должен принести извинения за беспокойство, которое мы тебе доставили.

Джейсон сел, ошеломленный. Он ошибался. Все эти годы, больше века работы, и он ошибался. Его ввели в заблуждение. Он вдруг почувствовал тошноту и злость.

— Они придут за вами, Зонн.

Джейсон благодарно кивнул медику, когда тот закончил перевязку. Человек был надежный — один из первых цитоников, завербованный Джейсоном больше ста лет назад.

— Что ты имеешь в виду, Джейсон из Телефонной Компании? — спросил Зонн после короткой паузы, отведя руки назад в жесте замешательства.

Медик ушел, и Ланна присела рядом с Джейсоном. Она следила за Зонном оценивающим взглядом: ей никогда не нравились варваксы. По ее словам, не стоит доверять существам, которые так легко подделывают язык тела.

— Посол — тот, который умер, — пояснил Джейсон. — Он был не согласен с вами. Теперь я понимаю. Я думал, это люди пытались проникнуть в общество варваксов, и не понимал, что на самом деле все наоборот. Ваши несогласные сбегают и прячутся среди нас. Пытаются заполучить человеческие технологии. Мы по-прежнему не цивилизованные, Зонн. У нас есть военные машины, которые могут бы без труда сбить ваши корабли.

Зонн продолжал изображать знак замешательства, а затем усилил его жестом тревоги. Мало кто знал, что посольское судно тенаси, которое сбили на подлете к Земле, было одним из самых продвинутых, самых мощных кораблей в галактике. Его разрушила единственная человеческая ракета. У других видов гораздо менее развитые технологии.

— Это внушает беспокойство, — согласился Зонн.

— Знаю.

Джейсон разорвал соединение. Лицо Зонна расплылось и исчезло.

Джейсон со вздохом откинулся на спинку кресла, чувствуя рядом Ланну. Он знал, что когда-нибудь этот момент наступит, и боялся, что не удержит человечество от выхода в космос. Однако он вовсе не ожидал, что на него обрушатся райские небеса.

— Мне жаль, — прошептала Ланна.

Джейсон покачал головой.

— Ты всегда предупреждала меня, что я идеалист.

— В любом случае мне хотелось тебе верить. — Она медленно провела рукой по щеке Джейсона. — Думаешь, тот, кто напал на тебя, действовал в одиночку?

— Вряд ли. Он был слишком самоуверен.

— Тогда...

Джейсон сделал глубокий вдох.

— Подготовь пресс-релиз, Ланна. Скажи им, что Телефонная Компания наконец-то разработала способ путешествовать быстрее скорости света и что мы представим его публике, как только Объединенное Правительство одобрит патент.

Ланна кивнула.

— Возможно, нам удастся спасти хоть частицу рая, — прошептал Джейсон.

Послесловие

Это одно из двух произведений в сборнике, которое можно отнести к периоду «раннего Сандерсона». Также это самый первый из моих рассказов, который мне не стыдно включить в такой сборник. (Если вам хочется почитать что-то более раннее, написанное еще в школе, загляните ко мне на сайт, но приготовьтесь к чтиву весьма посредственному.) Ниже я привел старое послесловие с сайта. На самом деле временная пропасть между старым и новым послесловием (которое вы читаете сейчас) гораздо больше, чем между рассказом и старым послесловием.

Оглядываясь назад, я понимаю, что сейчас помню причины для написания этого рассказа даже лучше, чем раньше. Думаю, отчасти дело в том, что мне пришлось снова вернуться к этому источнику, когда я работал над циклом «Устремленная в небо». В старом послесловии я рассуждаю о меланхоличном периоде в моей жизни. Но теперь я смотрю на все иначе.

Для меня «Защищая Элизиум» — фактический старт моей профессиональной карьеры. Эту точку отсчета, конечно, можно выбирать по-разному. Например, взять написание «Элантриса» в 1998 году. Или его продажу издательству в 2003 году. Или вообще сам выход романа в 2005 году. Но мне больше всего нравится другой маркер — написание этого рассказа в 2001 году. (Судя по метаданным, я закончил его 6 июня 2001 года.) В то время в моей жизни случилось сразу несколько важных событий.

Во-первых, я в последний раз редактировал «Элантрис» перед продажей. (Метаданные слегка противоречивые, потому что я часто менял компьютеры, но в итоге шестую версию рукописи я отправил Моше Федеру в издательство «Tor» в ноябре 2001 года, и это зафиксировано). Во-вторых, я вовсю работал над миром «Архива буресвета». В-третьих, я решил наконец-то научиться писать повести, и этот рассказ — результат тех попыток. Позже он получил почетное упоминание на конкурсе «Писатели будущего», а затем, в первые дни после продажи «Элантриса», я смог пристроить его в один из крупных журналов.

Пусть это и не первое мое произведение, которое увидело свет (первенство за «Элантрисом»), но именно его я впервые смог довести до ума за счет редактуры. Ну или, как минимум, это один из главных претендентов на это звание.

Как бы то ни было, этот рассказ родился из моей любви к одному научно-фантастическому тропу, который я впервые встретил у Энн Маккефри, — идее сверхсветовых путешествий за счет биологии. То есть люди сами способны перемещаться быстрее скорости света за счет неких футуристических способностей. Очевидно, этот же прием используется и в «Дюне». (Это близко к

обычной телепортации, но у меня цивилизация открывает для себя космическую эру именно за счет биологических способностей людей).

Это что касается устройства мира, но суть истории кроется в названии. Огромное количество фантастических книг строится на том, что люди сталкиваются с опасными пришельцами, которые либо уничтожают их мир, либо одержимы яростью и желанием все разрушать. Куда реже встречается идея (на момент написания рассказа я вообще такого не видел), что этими жестокими разрушителями можем оказаться мы сами. Исторический опыт у человечества подходящий; возможно, клингоны — это мы.

В этой истории я развил эту тему. В каких ситуациях правильно брать на себя роль Бога и пытаться защитить вселенную, которая, возможно, этого даже не заслуживает? Эта история не отпускала меня долгие годы и осталась одной из моих самых любимых. Дошло до того, что, когда я взялся за разработку цикла «Устремленная в небо», этот рассказ послужил фундаментом для всей вселенной, которую теперь называют вселенной цитоников.

Оригинальное послесловие

Этот рассказ был написан на пляже неподалеку от Монтерея, штат Калифорния. И это единственная из моих опубликованных историй, которую я от начала и до конца написал от руки в блокноте, прежде чем набрать на компьютере. До этого я никогда не бывал в Монтерее, но один мой друг смог обменять какие-то свои рабочие бонусы на неделю проживания в небольшом кондо. У нас было две комнаты и потрясающий вид на город и океан.

В общем, я врубил режим этакого богемного писателя. В те дни меня еще ни разу не публиковали (это был конец 2001 или начало 2002 года). Колледж я уже окончил, но из всех магистратур, куда подавал документы, получил отказы. К тому моменту я настрочил около десятка романов и жутко злился на себя за то, что мои книги не отражают того, каким автором я на самом деле хочу быть.

До заветного звонка о продаже «Элантриса» оставался еще примерно год. Я впахивал в ночную смену в отеле, снимал комнату в подвале у друга за триста долларов в месяц и каждую свободную минуту тратил на оттачивание мастерства. (Отчасти чтобы просто не думать о том, что делать со своей жизнью дальше, ведь мои книги никто не покупал, а в магистратуру меня не брали.)

В следующем году я напишу книгу «Путь королей» — лучшее, но в то же время самое сырое и несовершенное из всего, что вышло из-под моего пера в «застойный» период. Этот массивный, монструозный эпик стал моим

символическим отказом от попыток угнаться за рынком или писать что-то, кроме историй, которые я сам обожал читать.

Вот с такими мыслями я и жил. Помню, как проводил долгие часы на пляже: сидел, слушал шум прибоя, смотрел на океан и писал. Почти все время рядом была моя хорошая подруга Энни. Возможно, вы знаете ее как прототип Сарин из «Элантриса». Она что-то строчила в своем дневнике. Время от времени мелькал Мика (капитан Дему из цикла «Рожденный туманом»). В основном он где-то пропадал и делал фото.

Помню, мне очень хотелось проверить, смогу ли я вдохнуть в малую форму глубокую проработку персонажей и обилие сюжетных линий, которые я так любил в эпическом фэнтези. У меня была задумка персонажа с глубоким, интересным прошлым и классным элементом диссонанса (секретный агент, работающий на телефонную компанию). Вкупе с интересной идеей для финала это переросло в рассказ.

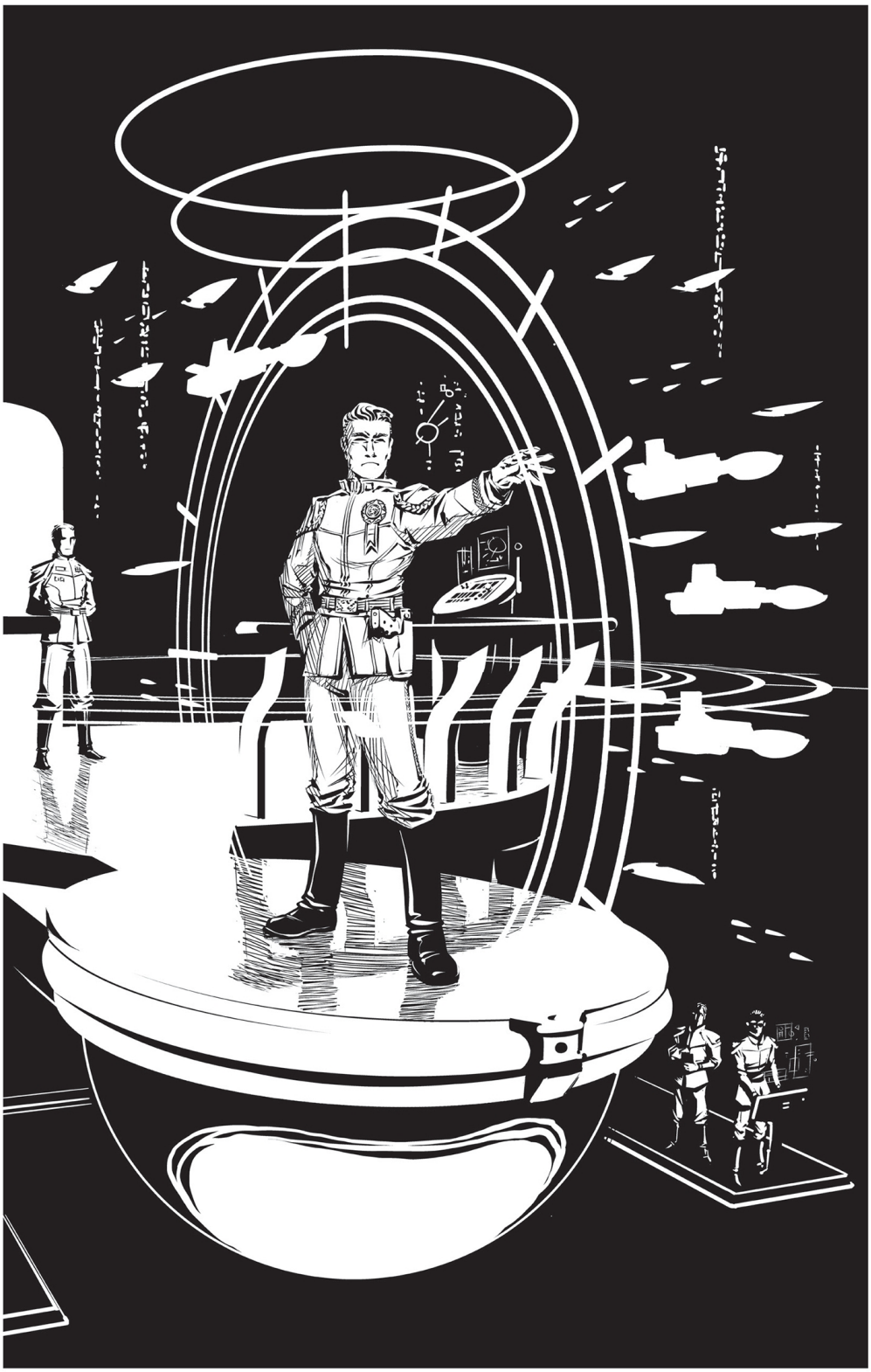
Самое странное, что в малой форме у меня получилось провернуть то, что никак не давалось в небольших романах. Наверное, я просто начал нащупывать естественный размер для истории. Ирония в том, что романы, написанные до («Финальная империя» и «Рожденный туманом», которые в итоге переплавились в один том, известный вам как «Рожденный туманом: Пепел и сталь»), я намеренно пытался сделать «короткими». И из-за этого искусственного сжатия в книгах было слишком мало идей даже для такого небольшого объема.

В случае же с «Защищая Элизиум» я взял малую форму и впихнул идей по максимуму. В итоге получилась очень плотная история (и по сюжету, и по мироустройству). Она полностью закрыла все мои требования по масштабному эпическому повествованию.

В один из своих последних месяцев работы в журнале «The Leading Edge» я отправил им этот рассказ. Сделал я это под псевдонимом — обычная практика для сотрудников, чтобы получить честный отзыв. («The Leading Edge» дает отзыв на все присланные работы. Публиковаться у них я не планировал, мне просто нужно было непредвзятое мнение). И надо же такому случиться: один из моих лучших друзей прочитал рассказ, а на следующий вечер целый час вдохновенно втолковывал мне, какая потрясающая история и как он выудил ее из стопки самотека. Он поверить не мог, что такая крутой рассказ попал в редакцию буквально из ниоткуда. (Тогда-то у меня и закралась мысль, что у него есть потенциал...)

Вот такая предыстория. Тем, кто любит копаться в скрытых смыслах и контексте, определенно есть над чем подумать. То было меланхоличное время в моей жизни. Пожалуй, тогда я был максимально дезориентирован. Но вместе с

тем это было время абсолютной творческой свободы. Никаких контрактов, никаких дедлайнов, никаких искусственных правил, которые я сам бы себе навязывал. Я решил, что пусть мир катится в тартарары, а я буду писать то, что люблю, даже если меня никогда в жизни не напечатают.



Первенец

Находясь в безопасности на борту флагмана, Деннисон мог наблюдать за битвой двумя способами.

Первый очевиден: он стоял над огромной голограммой битвы, занимавшей большую часть мостика. Сейчас она была включена и отображала множество синих треугольников — истребителей, летящих на высоте его талии. Куда более крупный синий овал корабля Деннисона висел на средней дистанции сверху, позади истребителей. Однако огромный, но неповоротливый левиафан вряд ли сегодня вступит в бой: вражеские корабли слишком слабы, чтобы повредить его корпус, но достаточно быстры, чтобы он по ним попал. В этой битве сошлись малые истребители.

И Деннисон должен вести их.

Он поднялся с кресла командира и подошел в краю голограммы, изучая врага. Красные значки возникали в пространстве, попадая в радиус действия сканеров и выходя из укрытия в астероидном поле. Эта группа называла себя повстанцами, но вела себя как бандиты: слишком уж долго процветали. Его брат Варион восстановил власть его величества в этом секторе пять лет назад, и повстанцы давно должны были пасть.

Деннисон вошел в голограмму и встал так, чтобы оказаться прямо позади своих кораблей. Их было примерно два десятка — по меркам Флота, немного, но больше, чем он заслуживает. Он глянул в сторону: унтер-офицеры и младшие офицеры оторвались от своих занятий и смотрели на молодого командира. Неуважения они не проявляли, но Деннисон видел их истинные чувства.

Они не ждали, что он победит.

«Что ж, — подумал Деннисон, — не будем разочаровывать хороших людей».

— Разделите эскадрильи.

Распоряжение передалось напрямую капитанам, и малый флот разбился на четыре группы. Пираты также начали выстраиваться в боевой порядок, не высовываясь из своего убежища на астероидах.

Наблюдая за движением кораблей, Деннисон ощущал, как проясняется стратегия врага. В его распоряжении все знание о войне, какие может дать лучшее академическое образование. В уме всплывали обрывки из лекций и учебников,

переплетались с практическим опытом полдесятка лет, проведенных за командованием в симуляторах и, наконец, в реальности.

Да, он видел, куда движется битва. Видел, что делают вражеские командиры. Чувствовал их стратегию. И почти знал, как ей противостоять.

— Милорд? — Адъютант выступила вперед с боевым визором в руках. — Вам это не понадобится?

Визор. Второй способ для командира следить за битвой. На каждом истребителе прямо в кокпите стояла камера, передававшая изображение напрямую. Варион всегда носил боевой визор.

Но Деннисон был собой, а не братом. И, кажется, только он один это понимал.

— Нет, — ответил он, жестом отослав адъютанта.

По мостику прокатился шепот. Старпом Брелл наградил его мрачным взглядом.

— Отправьте в бой эскадрилью «В», — приказал Деннисон, не обратив внимания на Брелла.

Группа из четырех истребителей отделилась от главного флота и устремилась к астероидам. Синие огоньки столкнулись с красными, и моментально закипела битва.

Деннисон прошел сквозь голограмму, наблюдая, отдавая приказы и анализируя — как его и учили. Стремительные корабли мчались вокруг его головы; астероиды размером с кулак разбивались, когда он проходил сквозь них и снова восстанавливались за спиной. Он двигался подобно древнему божеству, взирающему на битву миниатюрных смертных, которые не могли его видеть, но ощущали его всемогущую длань.

Правда, если Деннисон и бог, то война — точно не его специальность.

Благодаря образованию он не совершил непоправимых ошибок, но битва давно дошла до точки, где выиграть уже нельзя. Отсутствие гордости позволило Деннисону отдать ожидаемый приказ об отступлении. Эскадра похромала прочь, уменьшившись более чем наполовину. Глядя на светящиеся цифры-голограммы, Деннисон заключил, что его корабли едва сумели уничтожить десяток врагов.

Деннисон отошел от голограммы, где красные корабли праздновали победу, а синие отступали. Голограмма исчезла, изображения распались и втянулись в

пол командного центра подобно выгорающей на свету сверкающей пыли. Члены команды стояли по периметру мостика, и в их глазах читался стыд.

Только у Брелла хватило смелости высказать общее мнение.

— Он и впрямь идиот, — пробормотал офицер себе под нос.

Деннисон задержался в дверях, повернулся, подняв бровь, и встретился с бестрепетным взглядом Брелла. Другой Высший офицер, вероятно, отправил бы его на гауптвахту за непокорность. Конечно, другой и не заработал бы такого неуважения.

Деннисон прислонился к дверному косяку, не по-военному сложив руки:

— Вероятно, я должен наказать вас, Брелл. Я же, в конце концов, Высший офицер.

Это по крайней мере заставило его отвести взгляд. Деннисон подождал, давая Бреллу понять, что каким бы некомпетентным командир ни был, у него хватит власти разрушить чужую карьеру одним звонком по комму.

Наконец Деннисон вздохнул, выпрямился и пошел дальше.

— Но знаете, я никогда не видел особого смысла в том, чтобы наказывать за правду. Да, Брелл. Я, Деннисон Крестмар, брат великого Вариона Крестмара, кузен королей и командир флота — идиот. Как вы все и слышали.

Остановившись прямо перед Бреллом, Деннисон помедлил, потом протянул руку и постучал его по имперской эмблеме на груди.

— Но вот подумайте, — продолжил Деннисон с легкой улыбкой, — если я — идиот, то вы уж точно некомпетентны. Иначе бы вас никогда не отдали под мое командование.

Брелл вспыхнул от оскорбления, но проявил нехарактерную выдержку и придержал язык. Деннисон покинул мостик.

— Приготовьте спидер к возвращению на Вершину, — велел он. — Завтра мне нужно отобедать с отцом.

***

Обед Деннисон пропустил. Однако это была не его вина, учитывая, что ему пришлось пересечь половину Высшей империи. Когда Деннисон прибыл в космопорт, там его ждал отец — Высший герцог Сеннион Крестмар.

Сеннион ни слова не сказал, пока Деннисон проходил шлюз. Герцог был высок и широкоплеч, с благородным лицом и горделивой осанкой. Воплощение того, что должен являть собой Высший офицер. Хотя бы рост Деннисон унаследовал.

Высший герцог повернулся, и Деннисон догнал его. Они пошли по Дороге Офицеров — мосту, устланному темно-красным с золотыми краями ковром. По нему разрешалось ходить только Высшим офицерам. Штатские и низшие по званию толпились по краям. На Дороге Офицеров не было ни машин, ни движущихся дорожек. Высшие офицеры ходили сами. В ходьбе проявлялась сила — так всегда говорил отец Деннисона. Высший герцог очень любил яркие девизы.

— Итак? — спросил Сеннион, глядя прямо на сына.

Деннисон пожал плечами.

— В этот раз я действительно старался, если это имеет хоть какое-то значение.

— Если бы ты «старался», — прямо сказал Сеннион, — ты бы победил. У тебя были лучшие корабли, лучшие экипажи и лучшее обучение.

Деннисон даже не стал спорить. Много лет назад он отказался от этого испытания для рассудка.

— Высший Император предположил, что тебе просто нужна практика. — Сеннион говорил больше с самим собой. — Он решил, что симуляторы и школьные игры не достаточно реалистичны, чтобы пробудить тебя.

— Даже императоры могут ошибаться, отец, — заметил Деннисон.

Сеннион не удостоил его даже взглядом.

«Вот и все, — подумал Деннисон. — Ему наконец придется признать. Он наконец меня отпустит».

Деннисон не знал, что он будет делать, освободившись от военной службы, но, чем бы он ни занялся, большего провала можно точно не ждать.

— Я организовал тебе новое назначение, — наконец сказал Сеннион.

Деннисон вздрогнул и закрыл глаза, с трудом подавив вздох. Сколько еще раз ему нужно провалиться, чтобы Высший герцог наконец смирился?

— На борт «Грозового ветра».

Деннисон застыл на месте.

Сеннион остановился и наконец повернулся к сыну. По обеим сторонам от них люди шагали по дорожкам, не глядя на багровый ковер и двух мужчин в изысканной форме.

Ошеломленный Деннисон ответил лишь через секунду:

— Но...

— Хороший корабль, и там можно учиться. Станешь адъютантом и командиром эскадрильи у Высшего адмирала Керна.

— Я знаю, что это хороший корабль, — процедил Деннисон сквозь сжатые зубы. — Отец, это настоящее командование имперским флагманом, а не просто развлечения на Рубежах. Хватит и того, что я теряю десяток человек в бою с пиратами. А теперь я должен отвечать за смерти тысяч солдат в Войне Воссоединения?

— Я знаю адмирала Керна, — продолжил Сеннион, не обратив внимания на возражения сына. — Он прекрасный тактик. Возможно, он сумеет помочь тебе с твоей... проблемой.

— Проблемой? — тихо выдохнул Деннисон. — Проблемой, отец? Тебе не приходило в голову, что я просто непригоден для этого дела? Если сын Высшего герцога проявляет себя непригодным в командовании, для него не позорно заняться другой профессией. Во имя всего святого, это как раз мой случай.

Сеннион шагнул вперед и схватил сына за плечи.

— Не смей так говорить, — приказал он. — Ты не такой, как другие офицеры. Высшая империя ожидает большего. Высшая империя требует большего!

Деннисона ошеломило внезапное нарушение этикета. Несколько прохожих остановились, изумленно взирая на Высшего герцога, демонстрирующего столь бурные эмоции.

Замерев в жесткой хватке отца, Деннисон взглянул ему в глаза.

«Дело не в императоре, да, отец? — подумал он. — Дело в тебе. Одного сына-гения мало. Для тебя один успех и один провал просто друг друга отменяют».

— Иди, готовься. — Сеннион отпустил сына. — «Грозовой ветер» ожидает твой спидер через три дня, а лететь семьдесят часов.

***

— С вашего разрешения, ваше величество, я не думаю, что мне подходит командный пост. — Деннисон преклонил колени перед экраном в спидере.

Высший император был человеком средних лет с крепкой линией челюсти и полным лицом. Он лысел, хотя большинство людей обновляло скальп. Отказ улучшить внешность придавал ему ауру… истинности.

Император нахмурился, услышав слова просителя.

— Это завидный пост, Деннисон. Большинство молодых Высших офицеров посчитали бы его потрясающей возможностью.

— Я едва ли похож на большинство молодых офицеров, ваше величество, — заметил Деннисон.

— Нет, определенно не похож. Однако я посчитал, что тебя заинтересует близость этого поста к твоему брату.

Деннисон пожал плечами.

— Признаюсь честно, ваше величество, я не знаю Вариона. Он мне любопытен, но не более чем любой другой человек. Я вновь подаю прошение об освобождении от командования.

Император нахмурился еще больше.

— Тебе нужно проявлять больше инициативы, юный Крестмар. Твой пессимизм немало раздражает Высший Трон.

Деннисон глянул в сторону. Фразы в третьем лице всегда были дурным знаком.

— Ваше величество, я действительно пытался. Всю жизнь пытался. Но я едва не вылетел из Академии, никогда не мог занять приемлемое место в играх и провалил всю командную работу, что мне поручали. Я просто бездарен.

— У тебя есть потенциал, — изрек император. — Надо лишь немного постараться.

Деннисон тихо застонал. Император явно вновь беседовал с его отцом.

— Как вы можете быть столь уверены?

— Потому что это так. Твое прошение отклонено. Есть еще вопросы?

Деннисон покачал головой.

***

Адмирал Керн не встретил Деннисона, когда спидер прибыл в ангар, но это было неудивительно. Пусть Деннисон и Высший офицер, но по званию он ниже, а Керн оставался одним из самых влиятельных адмиралов Флота.

Деннисон последовал за адъютантом по коридорам флагмана — удивительно хорошо украшенным для военного корабля с двенадцатью ясными печатями Высшей империи. Это был имперский флагман, разработанный так, чтобы впечатлять внешним видом и обстановкой.

Адъютант провел его в просторное круглое помещение, где в центре светилась боевая голограмма. В воздухе сновало множество миниатюрных кораблей, но в комнате находился лишь один человек: это не мостик, а комната-симулятор, очень похожая на те, что использовались в Академии.

Высший адмирал Керн был молод для своей должности. С суровым лицом и темными густыми волосами он оказался достаточно велик ростом, чтобы без труда представить его в древности, на коне и с мечом. Однако у него была типичная сдержанная осанка имперского аристократа.

Когда Деннисон вошел, адмирал даже не оглянулся. У стен комнаты царил полумрак, единственным источником света служили иллюзорные корабли и сияющий круг, отмечавший края голограммы. Керн стоял в центре, не руководя, а лишь наблюдая.

Адъютант вышел, закрыв за собой дверь.

— Узнаешь битву? — внезапно спросил адмирал.

Деннисон прошел вперед.

— Да, сэр, — сказал он, с изумлением понимая, что так и есть. — Битва при Сипрессе.

Керн кивнул. Он по-прежнему наблюдал за быстрым движением кораблей. Голограмма бросала отблески на его лицо.

— Первая битва твоего брата, — тихо сказал он. — Начало Войны Воссоединения.

Еще пару секунд он оставался неподвижным, затем жестом остановил корабли в полете. И лишь после этого повернулся к Деннисону. Тот отдал небрежный салют, скорее даже просто махнул рукой. Лучше правильно себя отрекомендовать с самого начала.

Керн не отреагировал на неприглядное приветствие, а лишь сложил руки на груди, с интересом изучая Деннисона.

— Деннисон Крестмар. Я слышал, что ты скор на слова.

— Боюсь, только слова у меня и благословлены скоростью.

Керн улыбнулся, что было редкостью для Высших офицеров.

— Полагаю, поэтому твой отец и послал тебя ко мне.

— Он очень уважает вас, сэр, — заметил Деннисон.

Керн фыркнул.

— Он меня терпеть не может. Считает, что мне не хватает достоинства.

Деннисон поднял бровь. Керн ничего не добавил.

— Полагаю, нужно предупредить вас, сэр, что я плохо подхожу для этого назначения. Сомневаюсь, что буду соответствовать лидеру эскадры.

— О, я не собираюсь поручать тебе командование, — со смехом отозвался Керн. — Уж извини, но я видел твой послужной список. Вопрос лишь, в чем ты хуже: тактике или стратегии.

Деннисон с облегчением вздохнул:

— Тогда что вы собираетесь со мной делать?

Керн поманил его к себе.

— Прошу. — Он жестом включил голограмму.

Деннисон вошел в нее. Он раньше видел эту битву: нельзя учиться в Академии и не пройти несколько курсов по великому Вариону Крестмару.

Корабли Вариона были подсвечены белым. У него имелось два командных судна: простой торговый корабль и имперский драккар. И еще лишь четыре десятка истребителей. Даже меньше, чем поручили Деннисону в битве с пиратами.

— Расскажи о нем, — предложил Керн, наблюдая, как драккар Вариона приближается к битве.

Деннисон вскинул бровь.

— О Варионе? Он старше меня больше чем на двадцать лет. Я даже с ним не встречался.

— Деннисон, я не салонный завсегдатай, который спрашивает о семье. Я твой командир. Расскажи о Варионе-воине.

Деннисон замялся. Тем временем драккар Вариона, знаменитый «Пустотный ястреб», скользнул вперед. Его силы были смехотворно малы по сравнению с вражескими: мятежный Сипресс мог похвастаться пятью громадными линкорами и почти сотней истребителей. Двадцать лет назад, когда империя пребывала в упадке, такой флот и впрямь впечатлял.

Однако сипресские корабли не выстроились для атаки, а просто ждали.

— Варион... — тихо сказал Деннисон. — Варион совершенен.

Керн поднял бровь.

— А поконкретнее?

— Он никогда не проигрывал. Получил первый командный пост в день выпуска из Академии. Через пять лет поднялся до командующего целым флотом, и ему поручили восстановить контроль над Далекими секторами. Он вел эту войну всю свою жизнь и никогда не потерпел ни единой неудачи. Одержал победу в сотне битв и ни одной не проиграл.

— Совершенство? — спросил Керн.

— Совершенство, — подтвердил Деннисон.

Керн кивнул и повернулся обратно к полю битвы. Тупоносый торговый корабль обогнал флагман Вариона и неуклюже приближался к строю сипрессцев.

— Вот где все началось, — сказал Керн.

В Академии Варион был лучшим в своем классе, и ему предлагали посты на лучших флагманах. Он отклонил все предложения и принял низший пост на корабле, где командовал обычный офицер, не аристократ. Сто семнадцатая статья Кодекса Флота позволяла Высшему офицеру воспльзоваться своим званини аристократа, а не военного, и принять командование над любым кораблем, которым руководил низший по статусу.

К этой статье прибегали редко: если аристократ проигрывал битву, императору разрешалось его казнить. Это даже ожидалось.

Обратившись к сто семнадцатой статье, Варион принял командование над «Пустотным ястребом» и небольшим флотом и сделал капитана своим старпомом. Потом проигнорировал приказы и нанес удар по восставшим колониям на Западных рубежах.

— Знаешь ли, он и впрямь захватил торговый корабль, — заметил Керн. — Будто стал пиратом. Помню, в какую ярость пришел Высший император. В погоню за твоим братом отправили с полдесятка драккаров. Но иначе обман Вариона не мог сработать. У Сипресса, как и у большинства мятежников, имелись шпионы в верхушке Флота. Они должны были поверить, что Варион предал империю. Вот почему он захватил торговца и повел его к Сипрессу в качестве подарка. Никто на корабле ему не сопротивлялся. Вот это больше всего и впечатляет в твоем брате, Деннисон. Он не просто мастер-тактик, а еще и блистательный лидер. И блистательный лжец.

Торговый корабль внезапно дернулся, дюзы вспыхнули с неожиданной силой. Крупные сипресские корабли начали разворачиваться, их командиры пришли в замешательство. Торговец врезался во флагман сипрессцев. Оба корабля сбились с курса и задели второй авианосец.

— А еще он чертовски удачлив, — заметил Керн.

Деннисон кивнул. Строй кораблей Вариона взорвался движением, истребители понеслись прочь от флагмана, а малые канонерки сместились так, чтобы держать оставшихся сипресских командиров под перекрестным огнем.

Керн поднял руку, и корабли замерли. Адмирал повернулся к Деннисону.

— Ну что ж. Твой ход.

Деннисон нахмурился.

— Вы хотите, чтобы я принял командование?

Керн кивнул, отошел от голограммы и набрал несколько команд на консоли.

— Поглядим, на что ты способен.

Деннисон поднял бровь.

— Что это докажет?

— Повесели меня, — отозвался адмирал.

Симулятор запустился снова. Могучий сипресский флагман неспешно откатился в сторону: в дыре в борту билось пламя, кислород уходил в пустоту. Сипрессцы должны были сбить Вариона, как только он вошел в их пространство. Имперский драккар, командир которого только что окончил Академию и совершил измену? Им полагалось распознать обман, но не вышло. Варион их как-то убедил.

Деннисон бросил взгляд на Керна, наблюдающего из теней. Кого он видит? Молодого Вариона? Говорили, что братья очень похожи друг на друга, и главное отличие — волосы. Деннисон был темноволос, а Варион начал седеть после двадцати двух лет и к двадцати пяти уже заработал прозвище Среброгривый.

— Запустить истребители в трех формациях, — приказал Деннисон, повернувшись к голограмме. — «Темная струна» пусть отправляется к отметке 471, удерживает позицию и атакует любые корабли, которые попытаются сбежать от раненых флагманов. «Фанелл» должен занять позицию снизу у нашего левого борта и прикрывать нас, если истребители подберутся ближе.

Битва началась. Как всегда, Деннисон пытался, всерьез пытался. Неповиновение и цинизм испарялись, как только он входил в голограмму битвы. Стоя посреди боя и видя, как корабли роятся вокруг, над ним и под ним, Деннисон отбрасывал обычный пессимизм и всерьез старался.

И с треском проигрывал.

Сипрессцы сбивали его истребители: Деннисон не мог обеспечить им огневое прикрытие. Когда критически поврежденный флагман сипрессцев подобрался слишком близко и самоуничтожился, он потерял «Темную струну». Когда попытался отступить, вражеские ракеты разнесли корму его флагмана, и команда задохнулась, после того как отключилась система жизнеобеспечения.

Голограмма погасла.

Деннисон вздохнул и повернулся к Керну.

— Видал я и похуже, — сказал тот.

— Да? Вы смотрели записи моих боев из Академии?

Керн не ответил, задумчиво теребя подбородок.

— Ты спросил, что ты тут делаешь, — наконец сказал он. — Поскольку командование тебе не светит.

Деннисон кивнул.

— Высший Император хочет, чтобы я превратил тебя в лидера. Но я не намерен отдавать тебе своих людей. А потому нашел для тебя инструктора.

— Кого?

— Твоего брата. Привыкай к этой комнате, Деннисон, здесь ты проведешь немало времени. Я хочу, чтобы ты изучил каждое сражение Вариона, его методы и стратегию. Хочу, чтобы ты прочел каждый написанный о нем очерк. Ты станешь

лучшим экспертом по Вариону Крестмару в империи — запомнишь все и будешь практиковаться, пока не сможешь победить в этой битве и в любой другой так же, как и он.

— Да вы шутите, — прямо сказал Деннисон.

— Займись делом. — Керн коснулся консоли. На стене вспыхнул список дат и битв. — У тебя много работы.

— Лорд Керн, сэр. — Деннисон редко выражался с такой подчеркнуто формальной вежливостью. — Я — не мой брат. И никогда им не стану.

— Это не причина, чтобы не попробовать у него поучиться.

— Он разрушил мою жизнь. С самого поступления в Академию я был обречен на провал. Что еще могло случиться, учитывая, чего от меня ожидали? Позвольте мне изучать кого-то еще. Может, Высшего адмирала Фоллстейта?

Керн на мгновение задумался, потом покачал головой.

— Делай, как приказано, сынок.

***

Каждая битва становилась ударом по самооценке. Даже изучив тактику Вариона, даже пересмотрев запись битвы несколько раз подряд, Деннисон справлялся с трудом. Симулятор был запрограммирован на случайные изменения, так что не получалось просто запомнить и повторить действия Вариона.

Просматривая запись своей последней битвы, Деннисон вздохнул и потер лоб. Год на борту «Грозового ветра» прошел быстро и оставил странное впечатление. Казалось, его вырвали из жизни империи. Весь мир сузился до бесконечных повторов стратегии и тактики, а также неудач. Все было сосредоточено на одном человеке.

На Варионе.

Деннисон вновь запустил повтор битвы при Маркусе-7. К этому времени флот Вариона вырос до нескольких тысяч кораблей и получил официальную имперскую поддержку. Самого Вариона там даже не было, он командовал со своего флагмана во множестве световых лет от поля боя. Чем крупнее предмет, тем дольше ему добираться до цели посредством клаге, так что, хотя визуальные образы передавались мгновенно, флагманам приходилось преодолевать расстояние до границ империи по несколько месяцев.

Эти ограничения разозлили Вариона, так что он разделил свои силы на две разные боевые группы и отправил их в противоположных направлениях. Сейчас

Деннисон понимал ход его мысли: после года изучения Среброгривого он мог заглянуть в разум человека, от которого всю жизнь старался отмежеваться. Кто такой Варион Крестмар? Совершенство. Деннисон больше не мог произносить это слово даже с малейшим сарказмом.

Каждый день, прожитый за изучением битв и жизни брата, сближал их. Деннисон нередко задерживался в комнате с голограммой, проглядывая записи своих битв, затем изучал, как с похожим конфликтом справлялся Варион. Он перестал изучать стратегию, сосредоточившись на человеке. Что за человек Варион Среброгривый? Уже двадцать лет он не возвращался к семье, отправив самого себя в изгнание . Война требовала все его внимание.

Многие ранние битвы Вариона имели предельно ясный смысл. Тогда еще надо было убедить императора, что он достоин доверия и поддержки. Деннисон понимал, почему Утариес требовалось сокрушить быстро, тот мог собрать под свои знамена другие планеты. И он правильно оценил логику, стоявшую за покорением сипрессцев и продвижением к менее мощному, но технологически превосходящему Фарнайтскому союзу.

Однако по мере развития Войны Воссоединения решения Вариона казались все более странными. Зачем он ударил по Новому Рофелосу, позволяя разделить свои войска? Зачем ему понадобилось отправлять такие силы на завоевание Гемвотера, планеты малой стратегической важности и еще меньшей военной силы?

Подобные вопросы преследовали Деннисона. Истинная гениальность Вариона крылась в его способности соединять места битв, вести флоты от одной победы к другой, всегда набирать разгон, расширять войну на два и три — а потом десять и двадцать — фронтов. Он не просто покорял или уничтожал, а обращал. До завоеваний Вариона у империи едва хватало кораблей, чтобы защищать сокращающиеся границы. Однако к Маркусу-7 число бывших мятежных кораблей во флоте превышало имперские.

Варион был смелым и отчаянным, всегда готовым рискнуть. А еще удачливым: риск всегда оправдывался. Но удача ли это? Отец Деннисона посмеялся бы. Он любил произносить фразу: «Каждый человек ответственен за свое существование».

Голографический флагман Деннисона разлетелся брызгами металла и света. Варион был совершенством, а его брат оставался совершенно некомпетентным. Эта оценка росла не из жалости к себе или пессимизма, просто так было на деле. Варион завоевал Маркус-7 менее чем за два часа. Фиаско, за которым наблюдал Деннисон, было уже его четвертой попыткой. Выиграл битву он только на седьмой раз.

Деннисон вздохнул и покинул комнату с голограммой. Нужно размяться.

Роскошные коридоры «Грозового ветра» были удивительно пусты. Шагая по устланному ковром коридору, Деннисон хмурился, но в конце концов натолкнулся на младшего адъютанта. Тот замедлил шаг, отдавая честь. Вел он себя так же озадаченно, как и остальные младшие офицеры при встрече с Деннисоном. Они не понимали, как относиться к Высшему офицеру, не удостоенному командования, но достаточно важному, чтобы каждый вечер ужинать с адмиралом Керном.

— Идет бой? — спросил Деннисон.

— Э... да, сэр, — быстро ответил юноша, бросив взгляд в сторону.

— Тогда вы свободны, — сказал Деннисон, жестом отпуская его.

Младший офицер с радостью устремился прочь. Деннисон остался на месте, задумчиво нахмурившись. Он и впрямь так глубоко погрузился в занятия, что не заметил сигнала к битве? Не то чтобы флагман Керна в опасности. Наверняка это малая битва. Личный флот Вариона справлялся со всеми серьезными сражениями.

И все же Деннисону хотелось поглядеть на бой. Он направился к мостику.

Главный мостик «Грозового ветра» был больше, чем у кораблей, которыми командовал Деннисон. В центре все равно находилась боевая голограмма. Деннисон вышел из лифта, не обращая внимания на приветствия, подошел к перилам и поглядел вниз.

Керн стоял в центре голограммы, но редко что-то говорил. Он командовал традиционным способом — оставлял большую часть решений на местах командирам эскадрилий, находящихся на малых кораблях или драккарах в гуще боя.

Варион не поручал командование командирам эскадрилий. Все битвы он вел сам, напрямую руководя каждой эскадрой. Для кого-то другого это было бы слишком самонадеянно, но Варион сражался с апломбом гроссмейстера, играющего с новичками.

Деннисон покачал головой и подумал: «Хватит пока о Варионе».

Битва Керна не казалась слишком уж сложной. Флот Высшего адмирала превосходил противника по размерам как минимум втрое.

Битва проходила так, как и ожидалось. Наблюдая, Деннисон ощутил горящее в душе желание, тоску, которую он, казалось бы, раздавил еще в

Академии. Изучение Вариона пробудило старую боль. Он почти мог чувствовать происходящее на поле боя. Когда командиры эскадрилий принимали решения — их приказы отражались в движении судов — Деннисон мгновенно понимал, какой выбор лучше. Он видел все величие битвы. Силам Керна нужно давить к северо-восточному квадранту, отводя истребители подальше, на защиту командных кораблей, чтобы погубить боевые суда на юге. Так Керн, превосходящий врага в численности, истощит чужие ресурсы, пока у мятежников не останется иного выбора, кроме капитуляции.

Деннисон все видел, но не понимал, как этого достичь. Как всегда, он схватывал концепцию, а не практическое применение. Он не практичный, внимательный командиром, каких предпочитает империя. Не то что бы этостранно: Деннисон знал о тех, кто любит музыку, но не может сыграть ни единой ноты. Можно наслаждаться великой картиной и не суметь воссоздать породившие ее движения кисти. Искусство ценится именно потому, что его могут оценить те, кому недостает мастерства. Руководство издалека и боевая тактика — определенно искусство, и Деннисон мог оставаться лишь зрителем.

— А мы вообще где? — спросил он у адъютанта.

— В системе Гаммот, милорд, — ответил тот.

Деннисон нахмурился, опершись на перила. Гаммот? Он и не осознавал, что Варион забрался так далеко, не говоря уже о силах зачистки под руководством Керна. Деннисон жестом приказал принести ему планшет, вызвал карту империи и наложил на нее схему завоеваний Вариона.

Результат его поразил.

Война почти закончена. Силы Вариона приближались к последней из восставших систем.

«Я и впрямь с головой погрузился в тренировки», — подумал Деннисон.

Скоро наступит мир. И когда он наступит, командиры уже не будут столь важны, как это было в Эру Величия.

Но почему тогда столь важно, чтобы Деннисон достиг уровня Вариона? Все вели себя так, будто его образование критически важно: Высший император, Керн, отец...

Видимо, именно отец настаивал на продолжении его обучения. Не потому, что оно важно для империи, но потому, что Сеннион не желает иметь в сыновьях воина-неудачника.

***

— Конечно, командиры будут по-прежнему нужны, — усмехнулся Керн. Слуга налил ему тарелку супа. — С чего бы что-то изменилось?

— Война Воссоединения почти окончена, — заметил Деннисон.

Столовая у Керна была уменьшенной версией точно такой же в имперском особняке на Вершине, включая мраморные колонны и гобелены. Ранг Высшего адмирала запрещал близко общаться с подчиненными командирами, но происхождение Деннисона и его связь с Варионом Крестмаром позволяли сделать исключение. Похоже, Керн расслаблялся за ужином, словно воспринимал Деннисона не как подчиненного, а как зашедшего в гости младшего члена семьи.

Его логика заставила Керна фыркнуть.

— Некоторое время будут вспыхивать восстания.

Керн набросился на суп. Жил он, как подобает имперскому аристократу, но был куда менее сдержан, чем большинство из них. Может, поэтому они с Деннисоном и поладили.

— Да, но Варион и его офицеры освободятся и справятся с ними, — указал Деннисон, не глядя на собственную тарелку.

— Все стареют, нам нужна новая кровь на замену.

— Империи я не нужен, Керн. Никогда не был нужен. Я здесь лишь из-за упрямства отца.

— Я бы не был в этом так уверен. В любом случае у меня есть приказы. Как там у тебя с тренировками?

Деннисон пожал плечами.

— Сегодня я четырежды сражался при Маркусе-7 и дважды проиграл. Все еще не могу победить несколько раз подряд.

— Маркус-7, — нахмурился Керн. — Ты не торопишься. Так тебе понадобится еще год, чтобы справиться с архивом Вариона.

— По крайней мере, я больше не жалуюсь.

— Верно. Не жалуешься. Собственно, ты вполне себе развлекаешься.

Деннисон сделал глоток.

— Может, и так. Мой брат — интересный предмет для изучения.

— Когда ты впервые ступил на борт, я бы сказал, что ты его ненавидел.

Деннисон положил ложку обратно в тарелку.

— Полагаю, да, — после паузы сказал он. — В Академии у меня не было и шанса преуспеть, другие парни постоянно вызывали меня на бой раньше, чем я успевал подготовиться. Каждому хотелось победить брата Вариона. Я стал неудачником раньше, чем научился чему-то еще. Я не выбирал своего пути — Варион выбрал его за меня. Но теперь...

Деннисон задумался, потом посмотрел Керну в глаза.

— Его вообще можно ненавидеть? Как можно ненавидеть само совершенство?

Керн, казалось, задумался. Потом вернулся к еде.

— В любом случае у тебя скоро появится шанс встретиться с ним.

Деннисон удивленно вскинул голову.

Керн пригубил суп и пояснил:

— Рубежи почти покорены. Через два месяца Варион встретится с имперским посланником на Кресс. Там проведут церемонию, на которой его поздравят с возвращением в цивилизацию. Можешь посетить, если хочешь.

Деннисон широко улыбнулся.

— Хочу. Определенно хочу.

***

Деннисона удивили яркие цвета. Кресс оказался слабонаселенным миром близ Рубежей. Его погоду явно никто не регулировал, и ветер ударил ему в лицо, стоило выбраться из спидера.

Деннисон ступил на мягкую землю, чихнул и вскинул руку, защищаясь от яркого света. Сочная зеленая трава доходила ему до колен. Разве в таком мире полагается приветствовать вернувшегося героя?

На небольшом расстоянии от места посадки виднелся павильон. К нему Деннисон и направился. Там хотя бы установлен регулятор погоды, и в незримых границах действия прибора ветер стихает.

В павильоне Деннисон внезапно заметил отца. Тот стоял в рядах делегации послов и военных высокого ранга. Кипельно-белая форма Сенниона резко контрастировала с дикими землями вокруг.

«Маленький павильон в сельском мире? Почему бы не встретить Вариона восхищенной толпой, он же заслужил?»

Деннисон вскинул голову: сквозь ветер снижался десантный корабль. Он остановился позади отца. Они не виделись больше шести месяцев, но Сеннион едва удостоил сына кивком.

Корабль рухнул камнем, замедлившись лишь у земли. Плазменные двигатели с беспечной легкостью испарили траву. Погодная сфера не дала поднявшемуся ветру обеспокоить досточтимую делегацию в павильоне.

Деннисон подался немного вперед, ожидая, когда откроется люк корабля.

Он видел изображения Вариона, и они не отражали реальность. Никакой снимок не мог передать уверенность и харизму человека вроде Вариона Крестмара. Среброволосый мужчина с глазами командира сошел по трапу подобно богу, спустившемуся на смертную землю.

Когда Варион в последний раз спускался в имперский мир, он был гладкощеким юнцом. Возраст и битвы оставили на нем отпечаток. Теперь он прожил уже четыре с половиной десятка лет. На нем была имперская форма, но необычного цвета. Деннисон нахмурился. Белый для аристократов, синий для граждан-офицеров, красный для обычных солдат. Но… серый? Серого нет ни у кого.

Следом за Варионом по трапу сошли другие офицеры. Многих из них Деннисон узнал. Должно быть, женщина — это Чариса Утариесская, знаменитый пилот истребителя и лидер эскадрильи, одна из первых мятежных командиров, что присоединились к Вариону. Заметки и биографии часто ее упоминали. А вот чего в них не хватало, так это того, как Варион взял ее под локоть, когда они прошли вперед, и как смотрел на нее с очевидной теплотой.

Справа от Вариона ступали адмиралы Брака и Терарн. Эти двое были с Варионом еще в Академии, затем попросили назначения под его начало. Их называли самыми доверенными советниками Вариона. Оба шли чуть позади и вышагивали так же уверенно, как Деннисон себе и представлял.

Варион остановился перед входом в павильон.

Сеннион Крестмар, Высший офицер и герцог империи, выступил вперед, приветствуя сына.

— От имени Высшего императора приветствую тебя, вернувшийся воин. — Слова герцога сплелись с ветром, беснующимся за стенами павильона. — Прими

этот знак почтения и займи по праву место величайшего из Высших адмиралов, каких знала империя.

Сеннион протянул золотую медаль. На ней пылал знак двойного солнца. Высочайшая и самая престижная имперская награда.

Варион стоял на ветру, глядя на медаль в руке отца. Он потянулся вперед, взял ее и поднял к свету, покачав перед глазами.

Все замерли.

Затем Варион уронил медаль в траву.

В руке Сенниона мгновенно возник пистолет. Он направил оружие в лоб старшему сыну и даже не дал ему шанса исправить случившееся — просто нажал на спуск.

Выплеск энергии рассеялся в паре миллиметров от лица Вариона. Высший адмирал даже не двинулся. Он остался невредим и, похоже, даже не обеспокоился.

Павильон вокруг Деннисона пришел в движение. Флекс-бластеры и кинетики покинули кобуры, люди кинулись в укрытие — как солдаты, так и офицеры. Лишь Деннисон остался стоять неподвижно среди криков и выстрелов. Как ни странно, он не удивлялся.

«Величайший Высший адмирал во Флоте… вероятно, величайший полководец в истории человечества. Конечно, он не остановится на Рубежах. Зачем ему?»

Отец Деннисона выстрелил снова. Оружие было в нескольких дюймах от лица Вариона. Выстрел снова рассеялся, столкнувшись с незримым щитом.

«Это не имперская технология. — Деннисон отрешенно шагнул вперед, когда другие открыли огонь. Разряды энергии и пули равно разбивались о странную защиту Вариона. — Двадцать лет сам по себе, в автономном рейде и без контроля империи… Конечно же! Первыми он захватил самые технологически развитые миры. Вот почему иногда выбор стратегии казался бессмысленным. Он все спланировал еще тогда».

Кто-то вопил, требуя от герцога уйти с дороги. Кто-то стрелял по офицерам Вариона, но их защищали те же странные щиты, и они спокойно стояли на месте, даже не удостаивая имперцев огнем. Деннисон по-прежнему шел вперед, не сводя взгляда с брата. На его глазах Варион вытащил из кобуры пистолет и прицелился отцу в лицо.

— Ты мне не сын, — произнес Сеннион, гордо глядя на Вариона. — Я отрекаюсь от тебя. Я должен был поступить так двадцать лет назад.

Деннисон замер. Варион нажал на спуск. Тело герцога рухнуло на землю. От головы поднялось несколько струек дыма.

Позади Деннисона загрохотали выстрелы: все безуспешно палили по Вариону. Трава и земля перед адмиралом взрывались от снарядов и выплесков энергии. Кто-то звал врача.

Варион повернулся к атакующим, жестом отправив своих людей к кораблю. Затем заметил Деннисона.

Среброгривый шагнул вперед, осторожно ступая по искореженной земле. Деннисону захотелось броситься назад, к спидеру, но в бегстве нет смысла. Перед ним Варион Среброгривый. Он не проигрывал, от него не убегали. И его глаза…

Глядя в эти глаза, Деннисон знал: этот человек может его уничтожить.

Варион остановился прямо перед ним. Во взгляде Высшего адмирала читалась задумчивость.

— Итак, — наконец сказал он. Слова прозвучали ясно даже на фоне криков и выстрелов. — Они меня все-таки клонировали. Что ж, Высший император скоро убедится, что я способен победить даже самого себя.

Он развернулся и ушел.

Кто-то наконец привел в готовность огромное автоматическое орудие «Кальцер», и оно испустило ослепляющий ливень синих вспышек. Щиты Вариона отбили их. Наверняка он должен был хотя бы ощутить удар, но не подал виду. Варион поднялся по трапу в свой корабль так же спокойно, как и сошел с него.

«Кальцер» вскоре истощил батареи павильона, и погодная сфера развеялась, впуская внутрь всю ярость ветра. Деннисон шагнул вперед, сквозь редеющий дым, не обращая внимания на злые, недоумевающие и испуганные голоса за спиной.

Десантный корабль Вариона взмыл в небо, Деннисона швырнуло на землю. К тому времени, как у него прояснилось в глазах, корабль превратился в темную искру в небе.

***

— Мы знали, что у него что-то есть. — Керн уже в десятый раз пересматривал голозапись. — Но эти щиты… Где он их разработал? Мы же отправили шпионов на каждую планету…

— Он возил их с собой, — тихо сказал Деннисон, стоя у перил рядом с иллюминатором.

— Что?

— Ученых. Варион не доверяет ничему, за чем не может наблюдать напрямую. Он возил ученых с Гемвотера с собой, вероятно, на флагмане. Так он мог наблюдать за их работой.

— Гемвотер… — выдохнул Керн. — Но он завоевал эту планету пятнадцать лет назад! Думаешь, твой брат хранил тайну так долго?

Деннисон отстраненно кивнул.

— Он знал это с первой битвы при Сипрессе. Понимал, что по мере умиротворения Рубежей Высшая империя будет укрепляться, и ее будет сложнее победить, когда придет время. Вот почему он так рано захватил Гемвотер. Чтобы у ученых были десятилетия на создание тайных технологий.

Керн снова запустил голозапись.

Вселенная казалась Деннисону… неправильной. Его отец мертв.

Сеннион Крестмар никогда не был любящим родителем, но привил Деннисону могучую волю к успеху. Он был требовательным, жестким и неумолимым. И все же Деннисон надеялся, что, возможно, когда-нибудь отец будет им гордиться.

А теперь этому точно не бывать. Варион отнял у Деннисона этот шанс.

«Какая разница? — подумал Деннисон. На голограмме внизу вспышки выстрелов разрывали дым и цветущую траву. — Сеннион мне даже не отец. У меня вообще нет отца. Если только Варион не ошибся».

Нет. Варион никогда не ошибался.

Только два человека могли подтвердить сказанное. Первый погиб, получив разряд в голову. Второй — Высший император, который должен одобрять все запросы на клонирование и еще не ответил на просьбу об аудиенции.

Но Деннисон и так знал ответ.

Самое скверное не то, что он рукотворный инструмент, а что инструмент с дефектом. Генетически они с Варионом одинаковы. Деннисон даже пригляделся к себе в зеркале и нашел несколько седых волосков. Варион начал седеть в двадцать три, и именно столько сейчас Деннисону.

Столь многое внезапно обрело устрашающий смысл.

«Ты не такой, как другие офицеры, — сказал отец. — Высшая империя ожидает большего».

Неудивительно, что они так давили на Деннисона. Неудивительно, что не разрешали ему покинуть военную службу. Он — Варион.

И все же это не так. Что бы ни крылось в Варионе, Деннисону это не передалось. Такая уверенность не исходит от случайного набора хромосом. Нельзя скопировать победы, силу, харизму.

«Высший император скоро убедится, что я способен победить даже самого себя». Варион знал, откуда-то знал о своей особенности.

— Деннисон, — позвал Керн.

Деннисон повернул голову на голос. Керн сидел в кресле у голограммы и неодобрительно смотрел на него. Он остановил запись, ненамеренно выбрав самый неприятный образ: Варион с поднятым оружием, дымящееся тело падает в траву.

— Деннисон, я задал вопрос, — повторил Керн.

— Он победит, — ответил Деннисон, уставившись на голограмму. — Империя... Что для Вариона империя? Лишь очередное скопление непокорных планет, которые надо заставить повиноваться?

Керн глянул на голограмму, осознал, где остановил ее, и отключил запись.

— Мы Высшие офицеры, Деннисон, — решительно сказал адмирал. — Такие разговоры недопустимы.

Деннисон фыркнул.

— Вариона можно победить, — настойчиво сказал Керн.

Деннисон покачал головой.

— Нет. Нельзя. И вообще, зачем нам это делать? Где кончается герой и начинается тиран? Если у него есть право привести к покорности восставшие Рубежи, то почему у него нет права сделать то же самое с нами?

Керн нахмурился.

— Он завоевывал лишь планеты, которые на нас нападали... по крайней мере, поначалу, когда Варион был еще формально подконтролен нам. Полное завоевание Рубежей — его собственный план, разработанный против желания

Высшей империи. К тому времени, как мы осознали ошибку, его было не остановить. У нас оставался лишь один выход: собирать силы, ждать и надеяться, что он удовольствуется покорением Рубежей.

Деннисон снова покачал головой.

— Если вы на это надеялись, то вы его никогда не знали. Он завоеватель, Керн. Похоже, он чувствует, что у него есть божественное право на Высший трон.

Керн нахмурился еще больше, потянулся к консоли и включил запись. Деннисон вновь увидел, как умирает отец и как его брат… его второе «я»… бесстрастно на все это смотрит.

— По крайней мере, Высшая империя верит в честь, — проронил Керн. — Есть ли честь в его глазах? В глазах человека, который убил своего отца?

Деннисон отвел взгляд.

— Прошу вас…

Он услышал, как переключилась голограмма.

— Извини, — искренне сказал Керн. — Погляди-ка лучше вот на это.

Деннисон повернул голову: запись сменилась изображением Вариона, и оно двигалось. Варион сидел за широким черным столом, изучая маленький планшет.

— Что это? — вскинулся Деннисон.

— Информация с жучка в его кабинете, — пояснил Керн. — На борту «Пустотного ястреба».

Деннисон нахмурился.

— Но как?..

— Неважно как. Это единственный жучок на «Пустотном ястребе», который не отключился в течение часа после инцидента на Крессе. Сомневаюсь, что сканеры Вариона нашли другие двадцать, но пропустили этот.

— Разумеется, он о нем знает, — сказал Деннисон. — Но почему тогда…

Он застыл.

Среброгривый оставил жучок, потому что посчитал это забавным. На глазах у Деннисона Варион поглядел прямо в якобы скрытую камеру и улыбнулся.

— Этот человек… — проронил Керн. — Он хочет, чтобы мы смотрели и знали, насколько его не беспокоит шпионаж. Он столь надменен и уверен в

победе. Ты склонишься перед этой тварью? Какой бы империя сейчас ни была, с ним во главе она станет хуже.

Деннисон смотрел на Вариона, удобно расположившегося в своем кабинете.

«Но ведь я — он. По крайней мере, неудачная копия».

Керн наконец отключил канал.

— Деннисон, я поручаю тебе командование.

Деннисон нахмурился.

— Кажется, мы достигли понимания?

— У нас слишком много кораблей и слишком мало офицеров. Время обучения закончено.

Деннисон против воли побледнел.

— Мы столкнемся… с ним?

— Просто мелкая битва, — заверил Керн. — Собственно, предварительная стычка. Сомневаюсь, что Варион станет утруждать себя руководством, битва произойдет вдали от его флота.

Деннисон знал, что адмирал ошибается: Варион лично вел все свои битвы.

— Дурная идея, — наконец сказал он, но Керн уже повернулся к экрану, заново изучая случившееся на Крессе.

***

— Да, сынок. Это правда. — Император казался… измученным.

— Клонировать члена Высшей семьи незаконно, — нахмурился Деннисон, преклонив колени перед настенным экраном.

— Закон — это я, Деннисон, — ответил император. — Никакой мой поступок не может быть незаконным. В этом случае потенциальная выгода клонирования перевесила наши сомнения.

— И эта выгода — я, — едко вставил Деннисон.

— Твой тон близок к неуважению, юный Крестмар.

— Крестмар? — вспылил Деннисон. — По закону у клонов нет ни дома, ни семьи.

Старческие глаза императора вспыхнули гневом, и Деннисон виновато опустил взгляд. Но потом император заговорил, и Деннисона поразило, каким мягким был его голос:

— Ах, дитя. Не считай нас чудовищами. Законы, которые ты упомянул, поддерживают порядок в линии наследования Высших семей, но можно сделать исключение. Именно с таким условием твой отец согласился на этот план. Твое право наследования заверили на закрытом совете Высших герцогов вскоре после твоего рождения. Даже если бы твой отец не потребовал этого, мы бы и так приняли это решение. Мы не сотворили жизнь лишь для того, чтобы ее выбросить.

Деннисон наконец поднял голову. Он снова заметил, каким измученным кажется Высший император. Казалось, за последние годы он постарел на десятилетия.

«Да, беспокойство насчет Вариона с кем угодно такое сделает».

— Ваше величество, — сказал Деннисон, осторожно выбирая слова. — Что, если бы я оказался таким же предателем, как и он?

— Тогда бы ты стал воевать с ним, — ответил император. — Варион никогда бы не пожелал делиться властью, даже с самим собой. Мы надеялись, что вы друг друга ослабите, и мы сможем выстоять. Однако это запасной план. В первую очередь мы должны были позаботиться, чтобы ты не стал таким же. Похоже… мы слишком в этом преуспели.

— Вот уж точно, — пробормотал Деннисон.

— Если это все, юный Крестмар, то мне нужно вернуться к делам империи, как и тебе — к своим. Приближается время твоей битвы.

Деннисон поклонился на прощание, и настенный экран погас.

***

Деннисон помедлил в дверях, глядя на мостик. С начала обучения под руководством Керна он впервые командовал по-настоящему.

Мостик на «Бесконечном» был небольшим, как и стоило ожидать от корабля этого класса. Во флот Керна входило с десяток малых командных судов, которые перемещались, состыковавшись с «Грозовым ветром». Во время битвы они отсоединялись и рассредотачивались по полю боя, позволяя распределять обязанности и лидерство.

На мостике находилось пять молодых офицеров. Деннисон с неудовольствием осознал, что не знает их имен: он слишком погрузился в занятия, чтобы познакомиться с остальными командирами Керна.

Он прошел по пандусу к боевой голограмме. Офицеры замерли в ожидании. Что-то в них было странное, и Деннисон вздрогнул, поняв, что именно: никто из них не проявлял ни намека на неуважение.

Деннисон привык видеть на лицах подчиненных подавленное презрение. На этих лицах — ничего. Ни намека на ожидание провала, никаких знаков того, что они оскорблены его руководством. Странное чувство. Приятное.

«Люди Керна — не просто случайная команда, — подумал Деннисон, кивком возвращая офицеров на посты. — Они доверяют своему Высшему командиру, а значит, и его решению поставить меня командовать».

Расцвела боевая голограмма. Адъютант подошла с визором. Деннисон отказался. Она поклонилась и отошла, не выразив удивления.

«Они мне доверяют, — с неловкостью подумал Деннисон. — Керн мне доверяет. Как они могут? Они что, забыли, какая у меня репутация?»

Нет ответа. Отвлекшись, Деннисон взглянул на поле боя. Скоро прибудут корабли Вариона. Он продвигался к внутренней части империи, окружая их силы и пытаясь одновременно прорвать оборону в десятке мест. Керн выстроил флот для обороны: длинные двойные волны кораблей, расположенные так, чтобы оказывать друг другу максимальную поддержку. Деннисон и его двадцать кораблей сосредоточились на краю восточного фланга и должны были оставаться в резерве, если их не атакуют напрямую.

На голограмме возникла эскадра Вариона — россыпь красных монолитов, выходящая из клаге-перехода. Их перемещение казалось не слишком быстрым и лишь немного превышало обычную скорость: виной тому были большие командные корабли в арьергарде. При совместном перемещении флот мог двигаться лишь со скоростью крупнейших и самых медлительных кораблей.

Через секунду после того, как командные корабли покинули клаге, истребители Вариона метнулись к кораблям Деннисона. Вот вам и «оставаться в резерве»...

Голограмма Деннисона автоматически увеличила изображение, чтобы он смог расставить свои корабли. У него было двадцать истребителей и крейсер «Бесконечный», который мог в крайнем случае послужить авианосцем. Прямо слева находился «Безветренный» — медлительный и неповоротливый, но дальнобойный боевой корабль.

Керн будет принимать важные решения, влияющие на всю битву. Младшие командиры вроде Деннисона будут их исполнять. Отданные ему приказы просты: держать позицию и защищать «Безветренный», если на его сектор начнут давить. Команда ждала распоряжений.

— Развернуть голограмму, — велел Деннисон. — Вернуться к главной тактической карте.

Два офицера переглянулись: Деннисон не обязан следить за всей битвой. Но они повиновались, и камера отодвинулась назад. Перед Деннисоном предстало все поле боя. Он шагнул вперед и принялся изучать красные суда — флот Вариона. Частички голограммы разбивались о его тело и вновь восстанавливались за спиной.Среброгривого здесь нет, он руководит битвой издалека.

Деннисон наконец столкнулся с братом. С человеком, не знавшим поражений.

С человеком, убившим его отца.

«Ты не совершенен, Варион, — подумал Деннисон. — Будь ты совершенством, нашел бы способ привлечь нашего отца на свою сторону, а не всадил бы ему заряд в лоб».

Варион развернул оборону. Три звена истребителей кружились вокруг более крупных кораблей, собиравшихся нанести прямой удар.

Но что-то было не так. Деннисон нахмурился, пытаясь понять, что его беспокоит.

Он коснулся точки на голограмме, открывая канал связи с адмиралом:

— Керн.

— Я изрядно занят, Деннисон, — резко отозвался тот.

Упрек заставил Деннисона помедлить.

— Адмирал, — он переключился на более формальный тон, — что-то не так.

— Работай со своим сектором, лейтенант. О Варионе позабочусь я.

— При всем уважении, адмирал, вы заставили меня изучать его месяцами. Я знаю Вариона Крестмара лучше, чем любой другой. Вы уверены, что хотите обойтись без моего совета?

Последовало молчание.

— Хорошо, — сказал Керн. — Только быстро.

— Варион необычно расположил свои силы, сэр, — объяснил Деннисон. — Его эскадрильи истребителей отправились на восточный фланг. Подальше от вас. Но «Грозовой ветер» — сильнейший корабль в этом бою, даже сильнее, чем крупные корабли самого Вариона. Ему необходимо быстро разобраться с вами.

— Он уже использовал этот прием раньше, — напомнил Керн. — Помнишь Галлосект-4? Он сосредоточился на кораблях обороны, чтобы потом окружить флагман и уничтожить его с расстояния.

— При Галлосекте у него было двойное преимущество, — парировал Деннисон. — Он мог позволить себе тратить истребители, чтобы занять флагман. Сейчас его силы слишком растянуты: надавив на восток, Варион попадет под огонь ваших батарей. И потеряет крупные корабли.

Вновь молчание.

— Визор на тебе, Деннисон? — спросил Керн.

— Нет.

— Я так и думал. Надень.

Деннисон не стал спорить.

Та же адъютант вновь подошла с визором. Деннисон водрузил его на голову, и перед ним предстал вид из кокпита командира его истребителей.

— Вот, — произнес Керн по визорной связи, переключившись с открытого канала. — Погляди.

Правая половина экрана изменилась, явив меньшую версию боевой карты. Ее покрывали стрелки, обозначающие векторы атаки. У большинства кораблей вспыхнули маленькие пометки.

— Что это? — выдохнул Деннисон.

— Говори тише, — шепнул Керн. — Даже мои офицеры не знают об этом канале.

— Но что это?

— Перехваченные клаге-передачи. Это изображение Варион посылает командирам, находящимся здесь. Так он командует — не словами, а по боевым картам, на которых отражается то, что он хочет сделать.

— Вы можете перехватывать связь через клаге? — Деннисон отвернулся, чтобы приглушить голос. — Но как?

— Не только Варион последние десятилетия совершенствовал технологии, — ответил Керн. — Мы сосредоточились на коммуникациях и, кажется, справились лучше: его щиты эффективны лишь для защиты людей. Наши ученые разработали особый жучок, способный работать с клаге-передатчиком. Он находится в рубке Вариона. Тот жучок, который он так умно «нашел», — просто отвлекающий маневр.

— А вы можете перехватить ответы от его командиров?

— Да. Но только если те проходят через клаге-передатчик «Пустотного ястреба».

— А изменить его приказы?

— Техники говорят, что, вероятно, смогут, — подтвердил Керн. — Но если мы так поступим, то покажем, что слушаем его приказы. Сейчас же у нас есть преимущество. Погляди на карту и дай оценку.

Деннисон приблизил карту приказов Вариона. Лаконичны и ясны. И блестящи.

Как только истребители столкнулись, он распознал схемы и планы. Его брат действовал храбро, отчаянно, почти безрассудно. Вот здесь эскадрилью истребителей заманили под прицел другой группы. Вот тут боевой корабль укрывался за своими же противниками, и они не могли стрелять, не рискуя уничтожить товарищей.

И он продолжал давить на восток. Варион не объяснял свои решения при передаче приказов, но через пару минут подозрения Деннисона подтвердились.

— Керн, — тихо сказал он, отвлекая адмирала от руководства. — Он идет за мной.

— Что? — переспросил Керн.

— Он идет за мной, — повторил Деннисон. — Он победил каждого командира, против которого выходил, и теперь у него есть шанс на то, что Варион считает вершиной войны. Он хочет сразиться с собой. Сразиться со мной.

— Чепуха, — возразил Керн. — Откуда ему знать, где ты? У него нет нашего перехватчика клаге-сообщений, В этом мы практически уверены.

— Есть и другие способы получить информацию.

Некоторое время Деннисон не двигался. А затем ощутил холод.

— Керн, надо отступать.

— Что? — Адмирал явно не любил, когда его отвлекали.

— Вся битва идет не так. Он что-то планирует.

— Он всегда что-то планирует.

— На сей раз все иначе. Керн, он бы не подставился «Грозовому ветру» вот так просто. Даже для того, чтобы добраться до меня. Надо…

В ушах Деннисона раздался громкий, ужасающе громкий взрыв. Он с криком подскочил.

— Керн!

Хаос. Крики. И шум помех. Деннисон сорвал визор, глядя на ошеломленную команду.

— Связь с адмиралом!

— Никто не отвечает, — отозвался офицер-связист. — Секунду…

— Лорд Кэнтон с «Грозового ветра», — прорвался голос сквозь помехи. — На мостике произошел взрыв. Принимаю командование. Повторяю: принимаю командование…

«Керн!» — дернулся Деннисон. Он развернулся, глядя на голографическое изображение «Грозового ветра». Взрыв на мостике — саботаж? Убийца?

Раздался выстрел. Несколько подчиненных Деннисона подскочили, но этот выстрел тоже прозвучал из комма.

— Лорд Кэнтон! — крикнул Деннисон.

Крики. Звуки выстрелов.

Деннисон глянул на боевую карту: силы Керна впали в хаос. Даже при выверенной структуре имперского флота потеря адмирала — тяжкий удар. Флот Вариона давил. Его корабли метались по карте. Корабли обороны извергали огонь. Двигался он к Деннисону.

«Керн еще может быть жив».

Нет. Убийца не потерпел бы неудачи. Варион бы ее не потерпел.

— Говорит лорд Хальтеп с «Далекой мощи», — раздался голос в комме. — Принимаю командование в бою. Всем командирам: обезопасить мостики! Эскадрильи с шестой по семнадцатую: направляйтесь к «Грозовому ветру». Не дайте флагману погибнуть!

«Этого Варион и хочет, — подумал Деннисон. — Надавить на запад, организовать несчастье на флагмане, затем разделить нас».

Выиграть битву нельзя. Это не очевидно. Строго говоря, они все еще превосходят флот Вариона по численности. Но Деннисон уже видел, как флот Керна погибает в хаосе боя. Варион воплощал собой контроль. Варион воплощал порядок. Он властвовал там, где был хаос.

Но что мог сделать Деннисон? Ничего. Он бесполезен.

Если только…

«Нельзя дать флоту Керна погибнуть. Эти люди ему верили».

— Открыть канал связи с командирами всех крупных кораблей, — негромко приказал Деннисон.

Команда повиновалась.

— Говорит герцог Деннисон Крестмар. — Происходящее казалось нереальным на фоне гибнущих вокруг него голографических кораблей. — Согласно сто семнадцатой статье я принимаю командование над флотом.

Последовало молчание.

— Какие будут приказы, милорд? — в конце концов раздался напряженный голос. Это лорд Хальтеп — тот самый, который только что принял командование.

«Хорошие солдаты, — подумал Деннисон. — Как Керн, всегда расслабленно относившийся к военной службе, завоевал такое уважение?»

Может, это Деннисону и стоило изучать последние два года. Но в любом случае командование у него в руках — и что теперь с ним делать?

На мгновение он застыл, изучая поле боя, потом ощутил укол азарта. Это уже не тренировка. На другой стороне Варион, настоящий человек. Именно для этого Деннисона и создали: сразиться с Варионом, защитить империю. Для чего еще он учился все эти месяцы?

«Но для чего еще я учился? Чтобы знать, что в этой битве не победить. Адмирал мертв, наши силы рассеяны. Варион легко одолеет меня в честном бою. Но этот бой далек от честного».

— Все эскадрильи — на восточный фланг, — приказал Деннисон.

— Но флагман! — вскричал Хальтеп. — Наши силы вновь завладели кораблем. Они на третьем мостике!

— Вы слышали приказ, лорд Хальтеп, — негромко сказал Деннисон. — Истребители — назад, в формации плотной эгиды.

— Да, милорд, — отозвался по комму десяток голосов.

Истребители и корабли обороны подчинились и перестроились в формации эгиды: когда истребители защищают крупные корабли на очень близком расстоянии.

Деннисон потерял несколько истребителей, когда они разорвали контакт с врагом.

«Давай, — подумал он. — Я знаю, что ты хочешь сделать. Давай!»

Корабли Вариона обрушились на «Грозовой ветер». Тот начал защищаться, демонстрируя потрясающую силу, но без истребителей оказался в тяжелом положении. На голограмме вспыхнули взрывы.

— Все корабли — в ангары, — приказал Деннисон.

— Что? — взревел Хальтеп.

— Истребители Вариона заняты. Все истребители — в ангар ближайшего командного корабля. Корабли обороны тоже могут принять несколько, если понадобится. У нас есть несколько минут.

— Отступление, — выплюнул в комм Хальтеп.

— Да, — признал Деннисон.

«Уж в этом у меня практики хватает».

Это сработало. Занявшись уничтожением «Грозового ветра», Варион слишком поздно понял, что делает Деннисон. Его брат не совершил ошибки, но подошел к ней так близко, насколько возможно. Он явно не ждал, что Деннисон уступит и сбежит так быстро.

Когда крупные корабли начали клагироваться прочь, Деннисон увидел, как «Грозовой ветер» наконец раскололся и его массивный корпус разлетелся на части. Могучий корабль погиб, и по голограмме пронеслись обломки.

«Еще один провал», — подумал Деннисон, когда клагировался его собственный корабль.

***

Облаченный в кипельно-белый мундир Деннисон сошел по трапу. На нем не было ничего: ни наград, ни знаков различия, ни отметок о службе. Спидер

остывал в доке. Он почти неделю добирался до Вершины, размышляя о смерти Керна и потере «Грозового ветра». Почему смерть адмирала волнует его даже больше, чем смерть отца?

У трапа его встретил отряд из шести вооруженных военных полицейских.

«Шестеро? — подумал Деннисон. — Они и впрямь думают, что я доставлю столько проблем?»

— Лорд Крестмар, — сказал один. — Нам поручено вас проводить.

— Конечно. — Деннисон двинулся меж солдат, все еще погруженный в раздумья.

Что бы случилось, сразись он с братом? Победить было невозможно, но Керн, вероятно, и в свою победу не верил. Он сражался. Не сдался, не сбежал. И погиб с честью. А Деннисон выжил.

Выжил после того, как применил полузапрещенную статью, и приказал позорно отступить. Других казнили и за меньшее. Охранники провели его через четыре поста безопасности. Деннисон добирался домой почти в безмолвии, практически ни с кем не общаясь, так что мало знал о том, как Варион продвинулся за последнюю неделю. Однако, с учетом гибели «Грозового ветра», лишние меры безопасности оправданы.

Конвой провел его в ту часть имперского комплекса, что кишела помощниками и адъютантами. Об их взбудораженности свидетельствовало уже то, что ни один человек даже не замедлил шага и не взглянул на Деннисона, хотя цвет формы и герб ясно указывали, что перед ними имперский герцог.

Герб, вероятно, долго не продержится.

Еще несколько коридоров, и полицейские подвели Деннисона к императорскому командному центру. Они сопровождали Деннисона по бокам, так что не ступали на багровый ковер, по которому дозволено ходить лишь Высшим офицерам.

Солдаты у двери отдали честь, и конвой Деннисона остановился.

— Император внутри, милорд, — сказал главный полицейский.

Деннисон помедлил. Ситуация все меньше походила на казнь. Не обращая внимания на колотящееся сердце, он ступил в командный центр. Никто из охранников за ним не последовал.

С самого порога его изумила царящая суета. В зале установили десять огромных экранов, и перед каждым отдавали приказы офицеры высокого ранга.

Адъютанты и младшие офицеры метались по залу. По углам замерли вооруженные солдаты, взирающие на всех с подозрением. Почти все — и охранники, и командиры — казались изможденными, на лицах читалась усталость, а глаза покраснели от напряжения. В зале царил полумрак, чтобы корабли-значки были лучше различимы.

На экранах кипели десять разных битв в десяти разных системах. Деннисон поймал за руку молодую женщину-офицера.

— Что происходит?

— Среброгривый! — ответила та. — Он атакует.

— Где?

— Везде!

Деннисон помедлил, отпустив женщину.

«Везде?»

Нескольких офицеров он узнал: Высшие адмиралы, как и его отец. Бросив взгляд на экраны, Деннисон оценил ситуацию: Новая Силе, Хайволл, Тайтендоу Прайм. Важные центральные миры, штаб-квартиры имперских флотов.

Император выдвинул остальные флоты на защиту границ. Деннисон знал их численность и знал, сколько кораблей осталось у империи. Если Варион завоюет эти миры, то ему будет нечего противопоставить. Империя падет ему в руки.

— И он сражается везде разом, — вслух сказал Деннисон, глядя на экраны. — Ведет десять битв одновременно.

В одном из кресел с измученным видом расположился пожилой адмирал. Деннисон знал его по Академии.

— Да, — ответил он. — Он как будто играет с нами. Ему недостаточно, что он мог разбить нас поодиночке. Он все спланировал: хочет уничтожить нас разом, просто чтобы показать свое мастерство. Именем Печати, нельзя было выпускать его из Академии. Мы сами себя погубили.

Деннисон отвернулся от экранов. В центре зала на приподнятой над полом платформе, в большом командном кресле в окружении десяти малых экранов расположился Император. Он явно старался держаться уверенно и прямо, однако лишь казался еще более изнуренным. Воином, которому стала слишком тяжела его броня.

Деннисон подошел к трону.

— Деннисон. — Император бросил на него усталый взгляд и слабо улыбнулся. — Ты прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть падение империи.

— Полагаю, казнить меня уже бесполезно.

— Казнить? — нахмурился император.

— За применение сто семнадцатой статьи и потерю флагмана.

Император застыл на мгновение и моргнул.

— Деннисон, я думал о том, чтобы наградить тебя медалью.

— За что, ваше величество? За блестящую потерю половины флота?

— За спасение половины флота. Юноша, ты всегда был слишком строг к себе. Варион был оптимистом еще с Академии. Он верил, что способен совершить что угодно. Почему ты всегда считаешь свои решения провальными?

— Я...

— В тот день Варион ударил по шести разным флотам, — объяснил император. — В каждой битве ему удалось убить адмирала, а в четырех случаях из шести — еще и заместителя. Мы пока не знаем, как он смог провести столько убийц на командные корабли. Как видишь, здесь, на Вершине, мы приняли особые меры безопасности. В любом случае из шести флотов уцелел лишь твой. Три флота сумели отступить, но Варион их догнал и уничтожил. Не брось ты флагман, тебе бы никогда не удалось увести корабли.

Деннисон помедлил и опустил глаза.

— Даже победив, ты сомневаешься в себе, — тихо сказал император.

— Керн погиб. Это не победа, ваше величество.

Император потер лоб. Он казался невероятно измученным и обеспокоенным.

— Деннисон, ты знаешь, что происходит с завоевателем, когда не остается тех, с кем он может сражаться?

Деннисон покачал головой.

— Всегда одно и то же, — задумчиво продолжил император. — Люди вроде Вариона не способны править мирно. Блестящие командиры, но ужасные

правители. Его правление будет полно беспорядков, восстаний, притеснений и убийств.

— Вы так говорите, будто его победа неминуема, — заметил Деннисон.

— А ты и впрямь веришь в обратное? — спросил император.

Деннисон оглянулся на большие экраны. Он быстро понял, почему Император установил их здесь. Угроза убийц Вариона требовала единого и безопасного командного поста (причем дублированного на случай, если его уничтожат) и вдали от кораблей. Присутствующие здесь наверняка несокрушимо верны семье императора. Отсюда Высшие адмиралы могут руководить десятью битвами и стремиться к победе прямо на глазах владыки.

К несчастью, они проигрывали. Все.

«Такая блестящая задумка, — подумал Деннисон. — Он словно гроссмейстер, играющий с десятком противников разом».

Казалось, Варион лучше всего действует под давлением, а эти десять битв на него сильно давили. Он проявлял редкое мастерство и наращивал преимущество по всем десяти фронтам. Битвы еще даже и близко не закончились, но Деннисон видел, к чему все идет.

— Я не могу передать тебе командование, — проронил император.

Деннисон оглянулся.

— Если ты явился на Вершину за этим, мне придется тебя разочаровать. Я вижу, что эти битвы неизбежно станут нашим концом, и те, кто сражаются в них, — хорошие тактики. Лучшие. Я понимаю, что ты желаешь схватиться с братом, но мы оба знаем, что тебе не хватает мастерства. Извини.

Деннисон снова повернулся к экранам.

— Я пришел не сражаться с ним, ваше величество. Я сбежал из такого боя.

— А. Что ж, возможно, ты переживешь нападение, парень. В некотором роде ты — его семья. Варион может пощадить тебя.

— Так же, как пощадил отца? — отозвался Деннисон.

Император не ответил.

Деннисон снова повернулся к экранам, глядя на Вариона в зените силы и совершенства.

— Если он придет, то я не хочу жить, — прошептал Деннисон. — Он забрал у меня все.

— Твоего отца и Керна.

Деннисон покачал головой.

— Не только их. Он украл мою цель. Меня создали, чтобы победить его, но я так же бессилен, как и все вы. Никто не может одолеть Вариона. Для других это не позор, но для меня — непомерный провал. Я мог стать им.

— Ты не захотел бы быть этим созданием, Деннисон. — Император устало покачал головой и откинулся на спинку кресла. — Чем была его жизнь? Лишь чередой успехов. Он воспитал в себе надменность, которая однажды его убьет. Лучше быть неудачником, который благородно пытался добиться цели, чем счастливчиком, который даже и не пробовал того же.

Деннисон прикрыл глаза. Эти слова казались глупостью. Лучше быть Деннисоном-неудачником, чем Варионом-гением?

«Что есть у меня, чего нет у Вариона?»

Деннисон заколебался. Звуки вокруг него сплетались воедино: дыхание, бормотание, резкие приказы. Один из адмиралов громко выругался.

Деннисон не открыл глаз. Он знал, что вызвало проклятия офицера.

— Битва за Тайтендоу Прайм. Варион только что завладел восточным флангом?

— Совершенно верно, — ответил император.

— Пятый экран. — Деннисон по-прежнему не открывал глаз. — Он давит на боевые корабли в западном секторе. Сейчас он бьет по ним, хотя еще пару секунд назад они вроде бы находились в безопасности. На первом экране он прорывается к флагману. На девятом — у Тауртана — заводит истребители в ловушку. Их как-то отрезают. Не знаю как, но знаю, что он это делает. Им конец.

Наступило молчание.

— На восьмом экране — у Фальны — он продавливает линию обороны. После этого он найдет способ заставить боевые корабли отступить, разрушит огневое построение и откроет дорогу истребителям.

— Да, — прошептал император.

Деннисон открыл глаза.

— Я не знаю, как он это делает, ваше величество. Вот разница между нами; он каким-то образом может претворять свои мечты в реальность. — Деннисон повернулся к императору. — В клаге-передатчике Вариона все еще есть жучок?

— Единственное, что у нас осталось, — подтвердил император. — Мы узнаём его приказы за несколько секунд до их исполнения. Может, это и помогло нам выстоять так долго.

— Как раз перед смертью Керн сказал, что есть способ подделать передачи: как попадающие кАриону, так и исходящие от него.

— Те, что на дальнюю дистанцию, — можно, — нахмурился император. — Но куда лучше просто шпионить. Если мы начнем подделывать сообщения, Варион и его люди быстро нас раскусят. Мы променяем долговременное тактическое преимущество на несколько минут смятения.

— Ваше величество, долговременного преимущества нет. Если Варион победит сегодня, все мы погибнем.

Император нахмурился еще больше. На мгновение задумался, потирая подбородок.

— Что ты предлагаешь? — наконец спросил он.

«Что я предлагаю? — подумал Деннисон. — Я и так достаточно часто проваливался. Зачем тянуть за собой в пропасть всю империю?»

Он уже собирался сказать, что ничего такого не имел в виду, но почему-то остановился. Оптимизм и пессимизм. Он многое усвоил из наблюдений за Варионом: тактику, стратегию, методы управления. Но, похоже, так и не перенял то, что важнее всего.

Уверенность.

— Мне понадобится команда техников и адъютантов, — сказал Деннисон, — и эти десять экранов у вашего трона. А еще техник, знакомый с системой, которую мы установили в клаге Вариона.

Император несколько секунд оценивающе глядел на Деннисона. Затем, ко всеобщему удивлению, встал и подозвал одного из адмиралов. Через несколько секунд в командный центр привели молодого худощавого техника.

— Вы можете подделать клаге-передачи предателя? — спросил у него Деннисон. — Послать Вариону ложную информацию?

Техник кивнул.

— Как долго вы сможете это делать? — уточнил Деннисон.

— Неясно, — признал техник. — У него нет причин подозревать наличие жучка в передатчике. Он не знает об этой технологии. Но если информация изменится, то возникнут помехи, которые его техники должны заметить и исправить. Если прикинуть… я бы сказал полчаса или около того.

Деннисон задумчиво кивнул.

— Милорд, — добавил техник, — эти полчаса не будут особо полезными. Мы можем присылать ложные сообщения и блокировать настоящие от его адмиралов. Но мы не можем помешать приказам исходить с «Пустотного ястреба», так что девять других групп скоро поймут, что Варион больше не знает о том, что действительно происходит, и руководствуется неверными данными.

— Неважно, — ответил Деннисон. — Будьте готовы взломать линию. Я хочу, чтобы было похоже, будто флоты в остальных девяти битвах делают именно то, что я скажу. Посылайте Вариону фальшивки, а не то, что отправляют его командиры.

Техник кивнул, собрал небольшую команду и отошел к консолям у стены.

— Чем это нам поможет, Деннисон? — тихо спросил император. — Купит немного времени? Посеет небольшое смятение?

— Да, — ответил Деннисон. — Убедитесь, что ваши адмиралы им воспользуются.

— А что с десятой битвой? Там Варион командует лично. Мы не одурачим его собственные глаза, а эта битва происходит ближе всего к Вершине. Если он победит в ней, то явится сюда, и наши силы его не остановят.

Деннисон повернулся и поглядел на десятую карту. Там парил «Пустотный ястреб» — флагман Вариона во всем своем величии. Деннисон отвел взгляд от корабля, осмотрел экран и отыскал определенную эскадрилью истребителей. Они всегда были на переднем крае в битвах, где Варион сражался лично. Эскадрильей командовала женщина, шедшая рядом с Варионом на Крессе.

Деннисон прошел к адмиралу, противостоящему Вариону в десятой битве.

— Милорд, я бы хотел вас кое о чем попросить. Выдвиньте пять эскадрилий и гарантированно уничтожьте каждый истребитель на отметке 566.

— Пять эскадрилий? — с изумлением переспросил адмирал.

Деннисон кивнул.

— Уничтожение этих истребителей — самая важная задача.

Адмирал вопросительно взглянул на императора: тот тоже кивнул. Адмирал отдал приказ.

Император неуверенно взглянул на вернувшегося к нему Деннисона. Потом сделал шаг в сторону и указал на командный трон и экраны.

— Тебе они понадобятся.

Деннисон помедлил и тихонько сел.

— Готово, — сообщил техник.

— Перехватите передачу, — глубоко вздохнул Деннисон, — и показывайте Вариону в точности то, что я прикажу.

Техник так и поступил, и Деннисон обрел власть над девятью битвами. Или, точнее, ложную власть. Отметки на экране стали ложью, фальшивкой, отравленным даром знания.

Знания того, как жилось Деннисону.

Варион бросил истребители к боевым кораблям над Фальной, собираясь оттеснить имперские корабли. В реальности так и случилось, однако на экране Деннисон сделал несколько изменений. Один из имперских кораблей сделал удачный выстрел, а истребитель Вариона получил попадание в неудобный сектор. Ложная имперская линия двинулась вперед, уничтожая корабли Вариона: это было неожиданно, но отнюдь не невозможно.

В каждую из девяти битв Деннисон внес похожие изменения. В одном эскадрилья атаковала под неверным углом. В другом двигатель командного корабля засбоил в самый неудачный момент. Куча досадных мелочей, что случаются в каждом бою. Ничто и никогда не идет в точности по плану.

Но на этот раз все эти мелочи сложились в единую картину. В реальности пылало девять битв, а Деннисон посылал Вариону все более неверные изображения.

Что бы ни делал Среброгривый, он терпел неудачу. Эскадрильи истребителей гибли. Боевые корабли промахивались и погибали от случайных попаданий ракет. Командные суда взрывались, и секторы переходили к врагу в каждой из девяти битв на протяжении нескольких минут.

Пять эскадрилий имперских истребителей сделали свое дело непосредственно рядом с Варионом. Указанные Деннисоном корабли пали буквально за минуту, хотя перемещение стольких бойцов оставило дыру в центре

имперских позиций, и они начали распадаться. Деннисон даже не уделил внимания проигрышной битве и отчетам о том, что другие справляются куда хуже. Он не глядел даже на императора, который приказал принести стул и тихо сел рядом, наблюдая, как рушится его империя.

Деннисон не обращал внимания ни на что. На мгновение он стал совершенством, Варионом. Каждое его действие приносило плоды. Надежды становились явью. Его приказы совпадали с мечтами. Он был богом.

«Так вот, что это значит, — побеждать, — подумал Деннисон. Его команда сочинила победу для одной из эскадрилий и послала ее Вариону. — Вот, что это значит, — ожидать победы. Именно так он себя всегда и чувствует? Он так уверен в себе, что считает всю жизнь симулятором, подчиняющимся его желаниям? Что ж, ему придется немного пожить в шкуре Деннисона».

Деннисон разрушил весь тактический узор битв, заставив силы Вариона обратиться в бегство. Он не мог контролировать лишь бой, который Варион вел лично. Однако, когда Среброгривый уверился, что проигрывает в иных частях галактики, то начал делать ошибки и действовать все более рискованно. Деннисон был всемогущей, не подвластной ему силой.

— Месть, — прошептал император. — Ты этого хотел, Деннисон? Сыграть последнюю жестокую шутку с братом, прежде чем он отнимет у нас империю?

«Да», — подумал Деннисон. Это его победа: над Варионом, над жизнью неудачника. Это его час: совершенная симфония битвы, ощущение, что вся вселенная склоняется перед его волей.

А потом все закончилось.

— Похоже, кто-то заметил жучок! — вскричал техник. Экраны внезапно отразили настоящее положение дел. — Вибрации клаге стали немного иными, я предупреждал!

Деннисон откинулся на спинку командного кресла императора и выдохнул. Зал притих: десять адмиралов не слишком преуспели во время передышки.

«Снова провал», — подумал Деннисон. Обман не продлился достаточно долго. Варион поймет, что его дурачили. Защитит линии связи и легко восстановит контроль над другими битвами.

— Что ты сделал? — неживым голосом спросил император.

Деннисон не ответил. Он сидел неподвижно, глядя на десять экранов. На мгновение он почти убедил себя, что он — Варион. Победитель.

— Ваше величество! — раздался изумленный голос из глубины зала. Пожилой адмирал указывал на экран. — Смотрите! Смотрите на армию Среброгривого…

В десятой битве, где Деннисон не мог подделать данные, несколько эскадрилий Вариона прекратили атаку и развернулись. «Пустотный ястреб» прекратил сражение.

— Ваше величество, они отступают! — с изумлением вскричал другой адмирал.

Император встал, повернувшись к Деннисону.

— Как?..

Деннисон тоже встал и шагнул к экрану.

«Может ли так быть, что…»

Если техники Вариона нашли неполадку и исправили ее сами, не сообщив командиру о том, что случилось… не сообщали еще несколько секунд, в течение которых Варион поверил, что проиграл…

Деннисон посмотрел на отступление сил Вариона и мгновенно понял правду. Узор расположения кораблей говорил сам за себя.

Деннисон победил. Трюк сработал.

— Варион узнал очень многое и научился многому, — Деннисон чувствовал себя так, будто его оглушили, — но при всем его гении он не научился только одному…

Он помедлил, потянулся к планшету и поискал конкретный канал. Нажал на клавишу и вызвал на главный экран изображение: рубка Вариона, передача с жучка, о котором Среброгривый всегда знал, который позволил оставить, потому что это его позабавило.

Изображение было таким, каким Деннисон и надеялся.

На огромном экране возник Высший адмирал, лорд Варион Крестмар, Среброгривый, величайший военный гений своего времени. Он сидел за столом на «Пустотном ястребе». Его обмякшие пальцы сжимали пистолет, во лбузияла дымящаяся дыра.

— …он так и не научился проигрывать.

Послесловие

Это второе произведение из «раннего Сандерсона» в этом сборнике и самое первое опубликованное, хотя написано оно уже после «Защищая Элизиум».

У «Первенца» довольно забавная история публикации. Я продал его Tor.com (сейчас он называется «Reactor») в те времена, когда площадка только открылась. Они пробовали формат бесплатных историй для раскрутки и купили у меня этот рассказ, чтобы выложить его в открытый доступ. А пару лет спустя ради шутки закинули его на «Amazon» по цене в один доллар, хотя у них на сайте рассказ по-прежнему висел бесплатно.

Именно тогда я впервые осознал, какую огромную силу набирает независимое книгоиздание. С продаж на «Amazon» я в итоге заработал гораздо больше, чем при изначальной сделке. И это учитывая, что рассказ был доступен бесплатно, на «Amazon» стоил всего доллар, а мне доставалась лишь крошечная доля прибыли («Amazon» и «Tor» сначала забирали свои куски пирога). Даже при таком раскладе выплаты за рассказ просто разнесли в пух и прах любые стандартные расценки журналов или антологий. Я заработал в разы больше, чем если бы продал его в какое-нибудь крупное издание. (К слову, Tor.com и так заплатил мне прилично, так что я и без того считал, что рассказ себя окупил.) Но этот случай буквально открыл мне глаза на потенциал электронных книг.

Что касается сюжета, то «Первенец» — это извечный спор о том, что важнее: генетика или эпигенетика. Я часто говорил, что этот рассказ — мой ответ «Игре Эндера» и популярному тропу о гениальных детях. (В «Игре Эндера» правительство разрешает родителям завести третьего ребенка только потому, что первые два почти идеально подошли на роль космических главнокомандующих, и чиновники решили попытать удачу еще раз).

В моем же рассказе точный клон гениального военачальника вырастает… самым обычным парнем. Я не знаю, где проходит реальная граница между врожденными талантами и влиянием среды, но именно ради исследования таких вопросов мы и пишем фантастику. И этот эксперимент мне очень понравился.

Отдельно отмечу — сейчас уже со здоровой долей критики, — как часто авторы в то время (и я в их числе) использовали тему самоубийства просто как удобный сюжетный ход. Мне кажется, в наши дни многие из нас относятся к таким вещам гораздо более осознанно. (По крайней мере, про себя я знаю это точно.)

Митоз

Глава 1

Наконец-то наступил день, которого я ждал десять лет. Выдающийся день, важный день, день со смыслом.

Пришло время купить хот-дог.

Когда мы пришли, в очереди стояла женщина, но я не стал лезть вперед. Она бы меня пропустила, ведь я один из мстителей — лидеров сопротивления, защитников Ньюкаго, сокрушителей самого Стального Сердца. Однако ожидание в очереди — часть ритуала, и мне не хотелось портить момент.

Вокруг простирался Ньюкаго — город небоскребов, подземных переходов, магазинов и улиц, навсегда застывших в стали. Недавно Тиа начала кампанию по покраске некоторых зданий. Когда бесконечный мрак в городе рассеялся, оказалось, что все эти отражающие поверхности ослепляют. Немного усилий, и город перестанет быть одноликим, превратится в разноцветную мозаику, заиграет новыми оттенками: красным, оранжевым, зеленым, белым, фиолетовым...

Абрахам, мой попутчик на экскурсии за хот-догом, проследил за моим взглядом и скорчил гримасу:

— Неплохо, если бы мы, прежде чем покрасить стену, смотрели на цвета соседних зданий.

Высокий и темнокожий, Абрахам произносил слова с легким французским акцентом. Во время разговора он разглядывал прохожих в своей особенной расслабленной, но проницательной манере. Из его набедренной кобуры торчала рукоятка пистолета. Мы, мстители, формально не полиция. Я сам не до конца понимал, как нас называть. Но каково бы ни было это название, мы носили оружие, и моя винтовка висела за плечом. Ньюкаго стал, можно сказать, мирным городом после того, как мы разобрались с мятежниками, но пока за его пределами существуют эпики, можно даже не надеяться, что мир продлится долго.

— Приходится красить тем, что удается найти, — отозвался я.

— Слишком пестро.

Я пожал плечами.

— Мне нравится. Цвета разные. Конечно, город не тот, что до Напасти, но и уже совсем не такой, как при Стальном Сердце. Получается что-то вроде… шахматной доски. Только разноцветной.

— Может, лоскутное одеяло? — спросил Абрахам, развеселившись.

— Почему бы нет. Если ты предпочитаешь скучную метафору.

«Лоскутное одеяло. Почему это не пришло мне в голову?»

Женщина перед нами отошла с хот-догом, и я шагнул к стойке — маленькой металлической тележке со стальным зонтом, навсегда застывшим в открытом состоянии. За прилавком стоял Сэм, пожилой бородатый мужчина в красно-белой шляпе. Увидев нас, он ухмыльнулся:

— Для вас за полцены.

Он вытащил два хот-дога. В чикагском стиле, разумеется.

— Полцены? — переспросил Абрахам. — Былой благодарности за спасение мира теперь не дождешься.

— На жизнь тоже надо как-то зарабатывать, — ответил Сэм, накладывая начинку.

На начинку он не поскупился. Желтая горчица, лук, нарезанный помидор, сладкий овощной маринад, перчики — естественно, цельные и маринованные, — кусочек соленого огурца с укропом и щепотка сельдереевой соли. Все точно так же, как раньше. Настоящий хот-дог по-чикагски делается так, будто выстрелили из базуки по овощному ларьку, соскребли остатки со стен и выложили их на сосиску.

Я жадно схватил свой хот-дог. Абрахам был настроен более скептично.

— Кетчуп? — спросил он.

Глаза продавца расширились.

— Он не местный, — быстро проговорил я. — Никакого кетчупа, Абрахам. Ты же француз? Вы же вроде разбираетесь в еде.

— Французские канадцы действительно разбираются в еде, — ответил Абрахам, изучая хот-дог. — Но меня терзают сомнения, а еда ли это?

— Просто попробуй. — Я откусил от своего хот-дога.

Блаженство.

На мгновение мне показалось, что время повернуло вспять. Я снова с отцом, до того как все покатилось под откос. Слышу его смех, запахи города — того, что был раньше, иногда зловонного, но живого, наполненного болтовней, смехом и криками. Асфальтированные улицы, нагретые летним солнцем. Люди в джерси любимой хоккейной команды. «Черные ястребы» только что выиграли Кубок… Воспоминания померкли, и я снова очутился в Ньюкаго, городе из стали. Но это мгновение… Треск, как оно чудесно! Я посмотрел на Сэма, и тот расплылся в ухмылке. Прошлого не вернуть в полной мере. Мир изменился.

Но, черт побери, мы снова могли наслаждаться настоящими хот-догами.

Я оглянулся на город. Больше в очередь никто не встал, люди шли мимо, опустив глаза. Мы находились на площади Фёрст-Юнион, священном месте, где некогда стоял тот самый банк. Еще здесь сходились главные улицы нового города. Оживленное место, отличная точка для продавца хот-догов.

Стиснув зубы, я высыпал несколько монет на тележку Сэма.

— Бесплатные хот-доги первым десяти желающим! — крикнул я.

Прохожие обернулись на меня, но никто не подошел. Те, кто встречался со мной взглядом, опускали глаза и шли дальше.

Сэм вздохнул, скрестив руки на стойке тележки.

— Сожалею, Стальной Убийца. Они слишком боятся.

— Боятся хот-догов?

— Боятся привыкнуть к свободе. — Сэм проводил взглядом спешащую мимо женщину.

Она направлялась в подземные районы, где по-прежнему обитало большинство горожан. Ни солнечный свет, ни отсутствие эпиков-мучителей, ни даже разноцветные стены не могли их оттуда выманить.

— Они думают, что эпики вернутся, — кивнул Абрахам. — Образно выражаясь, ждут, когда прилетит второй тапочек.

— Они изменятся. — Я упрямо запихнул в себя еще кусок хот-дога и добавил с набитым ртом: — Они поймут.

Ведь ради чего все? Убийство Стального Сердца? Чтобы показать, что можно бороться. В конце концов остальные поймут. Не могут не понять. Мстители не способны победить всех эпиков в стране в одиночку.

Я кивнул Сэму.

— Спасибо. За то, что делаешь.

Он кивнул в ответ. Может, это прозвучит глупо, но то, что Сэм открылся, — самое важное событие в этом городе за последние десять лет. Кто-то воюет с оружием в руках, проливая кровью, кто-то — с помощью маленькой стойки на углу.

— Посмотрим. — Сэм вернул мне монеты, взяв лишь пару десятицентовиков за наши хот-доги.

Мы снова пустили в ход американские деньги. Правда, только монеты, стоимость которых теперь была гораздо выше. По предложению Тиа городские власти обеспечивали их провиантом.

— Оставь себе, — сказал я. — Пусть первые десять человек сегодня получат хот-доги бесплатно. Мы их изменим, Сэм. По кусочку за раз.

Он улыбнулся, но положил деньги в карман. Когда мы с Абрахамом отошли, у меня в наушнике раздался голос Тиа, скупой и рассеянный:

— Есть, что доложить?

— Доги великолепны, — сообщил я.

— Доги? — переспросила она. — Вы проверяли собачьи питомники?

— Юный Дэвид знакомил меня с местной кухней, — проговорил Абрахам с набитым ртом. — Они называются «хот-догами», потому что годятся только на корм животным, да?

— Ты водил его к той стойке с хот-догами? — спросила Тиа. — Разве вы оба не должны встречать новоприбывших?

— Ну вы и обыватели, — пробурчал я, заталкивая остатки хот-дога в рот.

— Уже идем, Тиа, — успокоил ее Абрахам.

Мы зашагали к городским воротам. Новые власти решили отгородить центральную часть города, для чего на некоторых улицах возвели баррикады из стальной мебели. Получился замкнутый периметр, и мы могли вести учет всех прибывающих в город.

Мы спешили мимо разбегающихся по своим делам прохожих. Сэм прав. Судя по всему, большинство считало, что с минуты на минуту в город нагрянут эпики и учинят расправу. Если уж на то пошло, после свержения Стального Сердца огромное число людей покинуло город.

Очень жаль, ведь заработало временное правительство. На полях за городом трудились фермеры, благодаря своим способностям эпика Эдмунд обеспечивал всех энергией. Имелась даже полиция, в основном состоящая из бывших солдат охранки Стального Сердца.

Ньюкаго функционировал так же эффективно, как во времена Стального Сердца. Мы попытались скопировать его систему, но только, конечно, без бессмысленных убийств ни в чем не повинных людей. Жизнь наладилась. Уж точно, здесь она лучше, чем где-либо в Разъединенных Штатах.

Но люди по-прежнему прятались, ожидали катастрофу.

— Они поймут, — пробормотал я.

— Возможно, — ответил Абрахам, оглядев меня.

— Просто нужно подождать.

Он пожал плечами, прожевал последний кусок своего хот-дога и скривился.

— Вряд ли смогу простить тебя за такое, Дэвид. Это ужасно. Оттенки вкуса должны подчеркивать друг друга, а не затевать тотальную войну.

— Ты же его доел.

— Не хотел показаться невежливым. — Он снова скривился. — Правда, ужасно.

Мы шли молча, пока не добрались до первой неперекрытой улицы. Здесь солдаты пропускали выстроившихся в очередь желающих попасть в город. Обладатели ньюкагских паспортов, которые работали за пределами центра, — фермеры и мусорщики — проходили сразу. Новоприбывших останавливали и просили пройти инструктаж.

— Сегодня много народу, — заметил я.

В очереди из новеньких стояло человек сорок-пятьдесят. Абрахам хмыкнул. Мы подошли к парню в черной броне, который объяснял городские порядки группе людей в грязной изношенной одежде. Последние годы многие из них провели вдали от цивилизации, избегая эпиков. Они по возможности выживали в стране, которой правили тираны разных уровней вложенности, словно матрешки со злыми нарисованными лицами.

«Среди новоприбывших две семьи». — Я заметил мужчин и женщин с детьми и приободрился.

Пока несколько солдат продолжали инструктаж, один из них, Рой, подошел к нам. Как и остальные солдаты охранки, он носил только броню, без шлема. Они и без шлемов внушали страх.

— Привет, — поздоровался Рой.

Это был долговязый рыжий парень, мы выросли вместе. Я так и не выяснил, не затаил ли он на меня обиду за тот случай, когда я прострелил ему ногу.

— Как эта партия? — тихо спросил я.

— Лучше, чем вчера, — хмыкнул Рой. — Меньше приспособленцев, больше настоящих иммигрантов. Это сразу видно, как только речь заходит о работе, которую нужно выполнять.

— Приспособленцы отказываются работать?

— Нет. Просто они слишком разгоряченные, так и рвутся вперед, от улыбок рты не закрываются. Сплошное притворство. Хотят, чтобы им назначили работу, а потом собираются бросить ее при первом удобном случае, стянув все, что плохо лежит. От таких мы избавляемся.

— Смотрите поосторожнее, — сказал я. — Не внесите кого-нибудь в черный список лишь потому, что он чересчур оптимистичный.

Рой пожал плечами. Мы контролировали энергию, питающую оружие и броню, и солдаты оставались на нашей стороне, но, похоже, тоже были на грани. Стальное Сердце временами использовал их для борьбы с незначительными эпиками. Из того, что я слышал, обычных людей не ждало ничего хорошего по обе стороны конфликта.

Эти мужчины из личного опыта знали, каково это — иметь дело с эпиками. Если некто могущественный решит занять место Стального Сердца, от полиции будет примерно столько же толку, сколько от мешка со змеями на соревновании по танцам.

Я ободряюще хлопнул Роя по плечу. Солдаты закончили инструктаж, и я присоединился к Абрахаму. Тот представлялся каждому новоприбывшему лично. Мы выяснили, что после радушного приветствия охранки с их суровыми подозрительными взглядами и строгими правилами очень помогает пустяковый дружеский разговор с кем-то более нормальным.

Поприветствовав одну из семей, я стал рассказывать, как хорошо в Ньюкаго и как я рад, что они приехали. Я специально не упоминал, кто я такой, но из

разговора было понятно, что я выступаю посредником между мстителями и горожанами. Речь уже отскакивала от зубов.

Пока мы разговаривали, я увидел, как кто-то прошмыгнул сбоку.

Эти волосы. Эта фигура.

Я тут же развернулся, запнувшись на последних словах. Сердце забилось как сумасшедшее. Но это не она.

Конечно, это не она.

«Ты дурак, Дэвид Чарльстон», — подумал я, возвращаясь к своим обязанностям. Сколько еще раз я буду так подскакивать при виде девушки, отдаленно напоминающей Меган?

Ответ казался простым. Это будет продолжаться, пока я ее не найду.

Моя речь явно подействовала, люди заметно расслабились. Кто-то даже стал задавать вопросы.

Выяснилось, что семья из моей группы сбежала из Ньюкаго несколько лет назад, решив, что комфорт не оправдывает тиранию. Теперь они хотели начать все заново.

Я рассказал о работе, которая, возможно, их заинтересует, а также посоветовал как можно скорее обзавестись мобильниками. Городское управление во многом осуществлялось с их помощью. Основная черта Ньюкаго — наличие электричества, которое позволяет их заряжать. Я хотел, чтобы люди перестали воспринимать себя беженцами, раз уж присоединились к нашему городскому сообществу.

Закончив со вступительной речью, я отошел, чтобы они могли спокойно пройти в город. Люди двинулись вперед, дрожа, посматривая на высотные здания. Похоже, Рой прав. Эта группа подает больше надежд, чем те, кто прибывал раньше. Кое-чего нам удалось достигнуть. И…

Я нахмурился.

— Ты говорил вон с тем парнем? — спросил я Абрахама, кивнув на мужчину в хвосте удаляющейся группы.

На мужчине была обычная одежда: джинсы, выцветшая футболка, кеды на голую ногу. Предплечья обвивали татуировки, в одном ухе красовалась серьга. Накаченный, с ярко выраженными мускулами, на вид — под сорок. Что-то в нем было такое…

— Он почти ничего не сказал, — ответил Абрахам. — Ты его знаешь?

— Нет. — Я прищурился. — Подожди здесь.

Я последовал за группой, вытащил мобильник и стал смотреть в него на ходу, притворяясь занятым. Они шагали в соответствии с инструкциями, к офисам на площади Фёрст-Юнион. Может, я раздувал из мухи слона. Обычно меня охватывает легкая паранойя, когда Профессора нет в городе. Он и Коди отправились на восток, предположительно чтобы встретиться с другой ячейкой мстителей. В Бабиар или что-то в этом роде.

В последнее время Проф вел себя странно, по крайней мере, так мы это называем. «Странно» означает, что «на самом деле Проф — эпик, который изо всех сил борется с собой, чтобы не сорваться и не прикончить всех нас, поэтому временами он несколько необщительный».

Теперь я знал трех эпиков. Всю жизнь я их ненавидел, готовил операции по их уничтожению и теперь лично знал троих. Я с ними обедал, болтал, сражался. Уважал их, восхищался ими. В случае с Меган даже больше, чем восхищался...

Я взглянул на шагающую группу, затем снова уткнулся в мобильник. Жизнь стала раздражающе сложной. В те времена, когда Стальное Сердце был жив, мне не приходилось беспокоиться ни о чем, кроме... Постойте-ка!

Я остановился и посмотрел в сторону группы. Его там не было — парня, за которым я следил.

Треск! Я прижался к стальной стене, пристегнул мобильник на обычное место сверху куртки, с левой стороны, и снял с плеча винтовку. Куда он делся?

«Должно быть, нырнул в какую-то из боковых улочек».

Я занял позицию у той, мимо которой мы только что прошли, и выглянул. По улочке в противоположном от меня направлении двигалась тень. Я подождал, пока она завернет за следующий угол, и бросился следом. На углу присел на корточки, снова выглянул.

Тот же мужчина, что и раньше, в джинсах и без носков, оглядывался по сторонам.

Потом их стало двое.

Двойники разошлись в разные стороны. Они были в одинаковой одежде, с одинаковыми татуировками и побрякушками, двигались одинаковой походкой. Словно разделились две слившиеся тени.

О, треск. Я отпрянул обратно за угол, переключил звук на мобильнике так, чтобы он поступал только в наушник, и нажал кнопку вызова.

— Тиа, Абрахам, — прошептал я. — У нас большие проблемы.

Глава 2

— Ну, — произнесла Тиа, — я его нашла.

Я кивнул, продолжая следить за одной из копий парня. Он разделился еще дважды, рассылая клонов в разные стороны. Меня, кажется, еще не заметил.

— Митоз, — прочитала Тиа мои записи. — Настоящее имя — Лоуренс Роберт. Насколько известно, необычный эпик с уникальной способностью. Умеет создавать собственные копии. Сколько таких копий он может сделать — неизвестно. У тебя написано, что раньше он был гитаристом в какой-то рок-группе.

— Ага, — ответил я. — Он до сих пор не изменился.

— Поэтому ты его заметил? — спросил Абрахам в наушнике.

— Возможно.

Но я не был уверен. Долгое время я не сомневался, что определю эпика, даже когда тот не пользуется своими способностями. Есть что-то такое в их походке, в том, как они держат себя.

Моя уверенность пошатнулась после того, как я совершенно не разглядел эпика не только в Меган, но и в Профе.

— Ты классифицировал его как высшего эпика? — спросила Тиа.

— Ага, — тихо подтвердил я, наблюдая за одной из копий Митоза. Он стоял на углу улицы и смотрел на прохожих. — Я кое-что вспомнил. Его трудно убить, ребята. С ним не покончить, если хотя бы один клон останется в живых.

— Клоны тоже могут делиться? — спросил Абрахам.

— На самом деле они не клоны, — заметила Тиа. Я слышал шуршание бумаг на линии, она просматривала мои записи. — Все они — копии. Нет какой-то начальной, главной личности. Дэвид, ты уверен в этой информации?

— Большая часть моих данных — всего лишь слухи, — признался я. — Конечно, я старался записывать проверенную информацию. Но ко всем записям нужно относиться с долей скептицизма.

— Что ж, тут говорится, что клоны связаны между собой. Если убить одного, остальные об этом узнают. Но чтобы произошел обмен сведениями между копиями, они должны воссоединиться. А это что такое? Чем больше копий…

— Тем они глупее, — закончил я, вспомнив. — Один он хорошо соображает, но с каждым делением коэффициент интеллекта понижается.

— Похоже на уязвимость, — сказал Абрахам.

— Еще он ненавидит музыку, — добавил я. — Сразу после превращения в эпика он начал громить музыкальные отделы в магазинах. Кроме того, известно, что он убивает любого, кто попадется ему в наушниках.

— Еще одна возможная уязвимость? — проговорил Абрахам.

— Ага, может, и так, но нам все равно придется найти каждую копию. В том-то и проблема. Пусть мы уничтожим почти всех клонов, но где-нибудь за городом обязательно будут прятаться несколько запасных.

— Треск! — выругалась Тиа. — Как крысы на корабле.

— Ага, — ответил я. — Или как блестки в супе.

Тиа и Абрахам замолчали.

— Вы когда-нибудь вытаскивали блестки из супа? Это же практически невозможно.

— А откуда в моем супе вообще возьмутся блестки? — спросил Абрахам.

— Не знаю. Может, их туда кто-нибудь подбросит? Какая разница? Слушай, Тиа, в записях есть еще что-нибудь?

— Это все. Я свяжусь с лористами. Может, у них есть какая-нибудь информация. Дэвид, продолжай наблюдение. Абрахам, вернись к зданиям администрации и эвакуируй их, не привлекая всеобщего внимания. Переправь мэра и министров в безопасное место.

— Позвонишь Профу? — тихо спросил я.

— Я дам ему знать, — ответила она, — но он в часах пути отсюда, даже если мы вышлем вертолет. Дэвид, никаких глупостей.

— Когда это я вытворял глупости?

Они снова замолчали.

— Просто постарайся сдерживать свое природное рвение, — сказала Тиа. — По крайней мере, пока у нас не будет плана.

План. Мстители обожали составлять планы. Разрабатывали их месяцами, просчитывали каждую деталь очередного покушения на эпика. Такой подход оправдывал себя, когда мстители работали скрытно и о них было мало что известно. Тихо нападали и незаметно исчезали в тени.

Теперь все переменилось. Мы несем ответственность за других.

— Тиа, возможно, на это уже нет времени. Митоз вот он — здесь и сейчас. Нам некогда решать, как с ним бороться.

— Джона нет поблизости. А значит, нет ни курток, ни тензоров, ни болеотвода.

Действительно, благодаря способностям Профа я не раз оставался в живых. Однако на большом расстоянии его силы переставали действовать у тех, кого он ими одаривал.

— Может быть, он не будет никого трогать, — предположил Абрахам, слегка пыхтя. Видимо, бежал трусцой к зданиям администрации. — Вдруг он просто на разведке. Или, возможно, нейтрален. Почему бы эпику не желать тихой спокойной жизни, не создавая никому проблем?

— Он пользуется своими способностями, — сказал я. — Ты знаешь, что это значит.

Теперь мы все знали на примере Профа и Меган. Если эпик пользуется своими способностями, то становится бесчеловечным. Единственная причина, по которой Проф и Эдмунд не ожесточились, заключалась в том, что они не используют свои силы напрямую. Передача их другим людям каким-то образом отфильтровывала способность, очищала ее. По крайней мере, так мы думали.

— Что ж, — сказал Абрахам, — может быть...

— Погоди, — перебил я.

Недалеко от меня Митоз вышел на улицу из стали и потянулся за пояс джинсов, где у него был пистолет. «Магнум» крупного калибра — далеко не лучшее оружие. С таким ходят только те, кто пересмотрел фильмов о копах с большим самомнением. Нет, конечно, убить из него можно. На голову человека «магнум» оказывал примерно тот же эффект, что и мостовая — на сброшенный с вертолета арбуз. Я затаил дыхание.

— Я пришел сюда, — выкрикнул Митоз, — за тем, кого называют Стальным Убийцей, за сопляком, который якобы убил Стальное Сердце. Каждые пять минут, пока он не объявится, я буду убивать по одному жителю этого города.

Глава 3

— Что ж, вот и ответ, — сказал Абрахам.

— По всему городу все его клоны заявили то же самое, — добавила Тиа. — Слово в слово.

Весь взмокнув, я выругался и нырнул обратно в переулок, покрепче сжав винтовку.

За мной. Он пришел за мной.

Всю свою жизнь я был никем. И меня это устраивало. Даже в школе я старался быть середнячком, да и к мстителям пошел отчасти потому, что никто о них ничего не знал. Мне не нужна слава. Я хотел лишь отомстить эпикам. Чем больше их погибнет, тем лучше. По лицу струился пот.

— Минута прошла! — выкрикнул Митоз. — Где ты? Я хочу увидеть тебя собственными глазами, Стальной Убийца.

— Проклятье, — проговорила Тиа. — Без паники, Дэвид. Музыка… музыка… В ней ключ к его слабости. Еще раз, в какой группе он играл?

— «Вооруженный кекс», — ответил я.

— Мило. Их музыка должна храниться в архиве. В библиотеке Конгресса есть копии практически чего угодно.

— Две минуты! — крикнул Митоз. — Твои люди бегут от меня, Стальной Убийца, но я как Господь Бог! Я повсюду. Даже не надейся, что все убегут. Кого-нибудь все равно найду.

В моей голове пронеслись воспоминания. Фойе банка в разгар дня. Кости, падающие на пол. Женщина, прижимающая к себе ребенка. Тогда я ничего не мог поделать.

— Вот что мы получили за то, что стали бороться в открытую, — заговорил Абрахам. — Именно поэтому Джон всегда хотел оставаться в тени.

— Постоянно скрываясь мы не сможем ни за что постоять, Абрахам, — возразил я.

— Три минуты! — закричал Митоз. — Я знаю, что город у вас под наблюдением. Я знаю, что вы меня слышите.

— Дэвид... — проговорила Тиа.

— Да ты трус! — воскликнул Митоз. — Давай-ка я кого-нибудь застрелю. Может, это заставит тебя...

Я выступил вперед, прицелился и пустил пулю ему в лоб.

Тиа вздохнула.

— У меня тут сообщения по крайней мере о тридцати семи его копиях, орущих по всему городу. Что даст убийство одной?

— Вот-вот, — согласился Абрахам. — А еще теперь он знает, где ты.

— Я на это и рассчитывал. — Я бросился прочь. — Тиа?

— Треск! Я просматриваю все камеры в городе. Дэвид, они бегут к тебе. Их десятки.

— Хорошо. Пока они преследуют меня, другим людям ничего не угрожает.

— Ты не можешь сражаться с ними всеми, слонц, — вздохнула Тиа.

— И не собираюсь. — Я с хрипом свернул за угол. — Тиа, поищи, какая у Митоза слабость, и подумай, как с ним расправиться. А я просто буду его отвлекать.

— Я на месте, — сообщил Абрахам. — В здании администрации все в боевой готовности. Я позабочусь о безопасности мэра и совета. И позволю себе напомнить, пора запускать систему чрезвычайных сообщений.

— Угу, в процессе, — отозвалась Тиа.

У всех горожан были подключенные мобильники, и Тиа могла оповестить всех одновременно. В данном случае — сообщить, что нужно оставаться дома и не выходить на улицу.

Я свернул за угол и едва не столкнулся нос к носу с одним из клонов Митоза. Мы застали друг друга врасплох. Он первым выхватил пистолет и выстрелил с оглушающим грохотом, словно из пушки.

Промазал. Даже близко меня не задел. Большие пистолеты выглядят впечатляющими и обладают превосходной убойной силой, но только если попасть в цель.

Я поднял прицел, не обращая внимания на его следующий выстрел, и нажал на спуск. Митоз сразу же дернулся, его двойник шагнул в сторону. Казалось, будто он сделан из теста, и из его бока уже вылезал новый клон.

Отвратительное зрелище. Мой выстрел уложил первого Митоза, продырявив ему грудь. Умирая, тот снова попытался разделиться, но копия получилась тоже с раной в груди. Он завалился вперед и почти сразу умер.

Другой клон, однако, тоже делился. Выругавшись, я выстрелил в него, но уже успела появиться очередная копия, и она тоже пыталась разделиться. Я опередил ее выстрелом.

Тяжело дыша, с трясущимися руками, я опустил винтовку. На земле распростерлись пять трупов. Магазин моей винтовки рассчитан на тридцать патронов. Никогда не думал, что этого мало, но делящийся Митоз за минуту мог легко оставить меня без боеприпасов.

— Дэвид? — произнесла Тиа. — Ты в порядке?

Она следила за мной с помощью камеры, используя систему наблюдения Стального Сердца.

— В порядке, — ответил я, все еще дрожа. — Просто не привык, когда в меня стреляют.

Я отдышался, успокоился и подошел к клонам Митоза. Они начали таять.

Со смесью тревоги и восхищения я смотрел, как разлагаются трупы, как плоть превращается в бледно-коричневую липкую субстанцию. Растаяли кости, затем одежда. За считанные секунды каждый труп превратился в какую-то цветную кашу, которая, похоже, тоже начала испаряться.

Откуда бралась масса для каждого из новых тел? Это кажется невозможным. Но эпики имеют привычку управляться с физическими законами, как обычные люди управляются с угревой сыпью и долгами.

— Дэвид? — позвала Тиа. — Почему ты еще там? Треск, мальчишка! Приближаются остальные.

Верно. Десятки злобных клонов-эпиков. С одним желанием — прикончить меня.

Я побежал наугад. Не важно куда, главное, оторваться от клонов.

— Ты уже нашла музыку? — спросил я.

— В процессе.

Я бросился к мосту через реку. Река могла бы стать отличным природным барьером, чтобы отделить деловую часть города, если бы Стальное Сердце не превратил ее в сталь, создав тем самым огромное шоссе, хоть и с неровной поверхностью. Река, протекавшая здесь раньше, повернула в канал Калумет-Ривер.

Я перебежал мост и оглянулся через плечо. Из переулков выныривали фигуры в одинаковой одежде и бежали в мою сторону. Некоторые уже вытаскивали из-за спины пистолеты. Похоже, меня узнали. Некоторые начали стрелять.

Выругавшись, я побежал. Чуть не проскочил мимо старого отеля со стальными окнами и тремя флагштоками с застывшими, наполовину раскрытыми флагами, но потом засомневался. Одна из створок главного входа была приотворена.

В мгновение ока я принял решение и устремился ко входу. Проскользнул между створкой и дверным проемом и очутился в холле отеля.

Внутри оказалось не так темно, как я ожидал. Я медленно прошел по холлу, заполненному похожей на статуи мебелью. Бывшие плюшевые сиденья теперь были из твердого металла. На диване остался след человека, сидевшего там во время преобразования.

Свет проникал через небольшие, с кулак отверстия в окнах фасада, теперь тоже стальных. Несмотря на запустение, холл не казался заброшенным. Нигде нет пыли. Я сразу сообразил в чем дело: в прошлом здесь жили лояльные Стальному Сердцу люди.

Я забрался на скамейку у окна, облокотился о подоконник и выглянул в одно из отверстий. Снаружи на залитой солнечным светом улице клоны приостановили погоню, опустили оружие и осматривались по сторонам. Кажется, мне удалось от них оторваться.

— Я все равно узнаю правду! — внезапно закричали клоны в унисон. Слышать их было даже более жутко, чем видеть всех вместе. — Не ты убил Стальное Сердце. Не ты уничтожил бога. Что произошло на самом деле?

Естественно, я не ответил.

— О тебе распространяются слухи, — продолжил Митоз. — Людям хочется верить в твои сказки. Я покажу им реальность. Твою голову, Дэвид Чарльстон, и мою империю в Ньюкаго. Я не знаю, как на самом деле погиб Стальное Сердце, но он был слабаком. Ему требовались люди, чтобы управлять, чтобы воевать.

Клоны не стояли на месте, а расходились в разные стороны. Некоторые вдруг начинали дрожать и делились надвое.

— Я — сам себе армия, — вещал Митоз. — И править должен я.

— Ты это видишь? — прошептал я.

— Да, — ответила Тиа. — У меня есть городские камеры, и я подключилась к видеоканалу твоей гарнитуры. Не полагается ли ему поглупеть, если он создает больше клонов?

— Думаю, в моих записях ошибка, — признал я. — Мне пришлось сжечь большинство блокнотов, оставить только самые важные. Утрачены многие первоисточники и догадки, а кроме того, я легко мог неправильно понять какие-то детали.

Снаружи Митоз продолжал клонировать себя. Дважды, трижды, шесть раз. Вскоре их были сотни. Клоны осторожно переступали с места на место и один за другим замирали. Затем все они подняли головы, закрыв глаза.

«Что он делает?» — Сжав винтовку, я перебрался на скамейку и случайно задел ногой стену.

Те из клонов, что находились ближе к отелю, распахнули глаза и повернулись в мою сторону. Треск! Он создал сенсорную сеть, используя сотни собственных ушей. Значит, клоны скоординированы гораздо лучше, чем мне казалось. Я скользнул прочь от стены, стараясь ступать потише. В здании мог быть запасной выход.

— Есть, — сказала Тиа. — Архив альтернативных металл-групп до Напасти в цифровом формате.

Ее голос в наушнике был чрезвычайно тихим. Но снаружи внезапно донесся шум шагов. Они услышали.

Они приближались.

Я выругался и побежал. Перескочил через диван, пытаясь добраться до внутренних коридоров отеля.

Где-то там должен быть выход.

Я миновал лучи света, льющиеся из отверстий в потолке подобно струям воды из крана. Отель состоял из основного здания с номерами и многоэтажной башни сбоку. В башне меня могли загнать в тупик, поэтому я повернул в очередной коридор, пробежав мимо уничтоженной много лет назад двери. Свет впереди мог оказаться выходом...

У выхода показались тени. С десяток клонов напирали друг на друга. Один вытащил и наставил на меня пистолет, но вместо того, чтобы выстрелить, тот покрылся трещинами и рассыпался в труху. Клон выругался.

«Ого!» — подумал я.

Не время удивляться. Я бросился в сторону, забежал в очередной коридор. Здесь, за фойе, располагались офисы администрации отеля.

— Я пытаюсь найти тебе карту, — сказала Тиа.

— Не надо, — отозвался я, потея. — Музыка.

— Хорошо.

На этом пути оказалось еще больше клонов. Меня загнали в ловушку.

Я нырнул в комнату. Судя по столу и застывшим стульям, раньше это помещение служило офисом, но кто-то переделал стол в кровать с подушками. Здесь даже имелась деревянная дверь, прикрепленная с помощью новых петель к стальному проему. Впечатляюще.

Я схватился за дверь и захлопнул ее. В последний момент в проеме показалась рука.

Когда я поднажал, клон с той стороны заворчал, и в проеме заскребли другие руки, пытаясь ухватить меня. На каждой из них были старые наручные часы, которые трескались и ломались, ударяясь о дверь или стену, а когда падали на пол, рассыпались в пыль.

— Они нестабильны. — Тиа по-прежнему наблюдала за происходящим через мой видеоканал. — Чем больше клонов, тем слабее их молекулярная структура.

Клоны ворвались в комнату, отбросив меня назад. Я снял винтовку с плеча и, пока с десяток клонов вваливались в комнату, не обращая внимания на опасность, успел сделать один выстрел.

— Альбомы «Вооруженного кекса», — прочитала Тиа.

Одни клоны, зажав меня, тянули руки к моему горлу, другие пытались отобрать винтовку.

— Какой из них? — спросила Тиа. — «Склонность к туберкулезу»? «Мрачный альбом»? «Сядь на метро»?

— Тиа, меня тут вроде как убивают! — крикнул я, пытаясь оторвать чужие руки от своей шеи.

Их было слишком много. Руки давили все сильнее, лишая меня воздуха. Клоны продолжали набиваться в комнату. Те, что стояли ближе, стали разделяться, затрудняя перемещение. Они хотели загнать меня в угол. Даже избавься я от пальцев на своей шее, мне все равно не сбежать.

Темная пелена постепенно затягивала мой взор подобно ползучей плесени. Я боролся, чтобы отодрать их руки от горла.

— Дэвид? Дэвид, тебе нужно включить громкую связь! Я ничего не могу сделать. Дэвид, ты меня слышишь? Дэвид!

Я закрыл глаза. Затем отпустил душащие меня руки и протиснул пальцы сквозь тела. Чувствуя, что вот-вот задохнусь, последним усилием дотянулся до плеча, где был прикреплен мобильник, и нажал на переключатель сбоку. В набитую клонами комнату, где уже было нечем дышать, ворвалась громкая пронзительная музыка.

Клон прямо передо мной неожиданно затрясся, как будто собирался раздвоиться, но вместо этого начал таять. С его костей соскальзывала плоть. Остальные поспешно отпрянули, придавив своих собратьев-близнецов к стенам.

Я вдохнул. Несколько мгновений я мог лишь лежать не шевелясь. Вокруг, превращаясь в липкую массу, таяли плоть и кости клонов.

Воздух. Воздух — это так здорово!

Музыка звучала не ослабевая, молотящий металлический рифф скакал от аккорда к аккорду с частотой, практически совпадающей с сердцебиением. Клоны рядом завибрировали в такт. Их кожа шла рябью, словно круги по воде, но они не таяли.

— Так противно, — произнес один с презрительной усмешкой на губах. — Джейсон не смог бы написать хороший рифф даже ради спасения собственной жизни. Одни и те же четыре аккорда, снова, снова и снова.

Нахмурившись, я потянулся за винтовкой. Вокруг толпились клоны, но какая-то их часть все-таки оказалась за дверью.

— Странно, — сказала Тиа.

«Мне нужно найти выход», — подумал я.

— Даже те, что снаружи, слегка вибрируют, Дэвид. Я вижу их на камерах. Они-то уж точно не слышат музыку.

— Они связаны между собой. — Я откашлялся и поднялся на ноги. В одной руке у меня была винтовка, другой я отстегнул мобильник с плеча и помахал им по сторонам, отгоняя клонов. — Нам нужно больше музыки. Как можно больше — громко, насколько возможно. Это...

На меня кинулись клоны. Не обращая внимание на опасность, они навалились, пытаясь добраться до мобильника и вырвать его из моих пальцев. Подобравшиеся ближе всех начинали таять, но продолжали держать меня за руку и бороться, даже когда сходившая с них плоть оголяла кости.

Я отступил в угол и заметил сверху лучик света. Окно, прикрытое доской.

Под звуки бьющей по ушам рок-музыки я удерживал клонов на расстоянии. Полдесятка таяли на полу. Остальные столпились передо мной, их лица окутал сумрак.

— Как это произошло на самом деле? — спросили они в унисон. — Кто из эпиков убил Стальное Сердце и как ты присвоил себе его заслуги?

— Вообще-то Стальное Сердце не был бессмертным, — ответил я.

— Он был богом.

— Он был проклят. — Я потихоньку продвигался к окну. Липкая масса из плоти и костей испарялась, оставляя мою одежду сухой. — Так же, как и ты. Извини.

Клоны шагнули вперед. Музыкой я уничтожил тех, кто подобрался слишком близко. Но им, похоже, все равно. Они наступали, падая на землю и растворяясь, но надвигались на меня, пока в дверном проеме не остался лишь один клон. Мне были видны тени еще нескольких, поджидающих снаружи. Зачем они идут на смерть?

Один из клонов вытащил пистолет и наставил на меня. Пистолет не рассыпался. Треск... Митоз просто уменьшал свою численность, чтобы копии стали более стабильными.

Я вскрикнул и прыгнул на стол. Чтобы сорвать доску с окна, пришлось расстаться с винтовкой.

Сзади раздался громкий треск. Я тотчас почувствовал толчок в правый бок, прямо под рукой, как будто меня кто-то ударил.

Раньше на фабрике каждую ночь после работы мы смотрели фильмы. Их показывали по старому телевизору на стене кафетерия. Ощущения от реальной раны не соответствуют тому, как это выглядит на экране. Я не дышал с трудом и

не валился на землю. Сначала даже не понял, что меня подстрелили. Показалось, что клоны чем-то в меня бросили.

Боли нет. Просто жар в боку.

Кровь.

Я посмотрел на рану. Пуля прошла в районе подмышки, вырвав кусок плоти, и пронзила верхнюю часть руки. Рваная, горячая, мокрая рана. Я не мог нормально пошевелить рукой, пальцы отказывались сжиматься.

Меня подстрелили. Напасть... Меня подстрелили.

Некоторое время я больше не мог ни о чем думать. От ранений умирают. Я задрожал. Казалось, что трясется вся комната.

«Я умру».

Еще один выстрел срикошетил от стены рядом с моей головой.

«Если не пошевелишься, помрешь еще быстрее! — подумала какая-то часть моего разума. — Давай же!»

Я обернулся и бросил мобильник в Митоза. Это сработало. При приближении музыки клоны заколыхались и подтаяли. Мобильник угодил в оставшихся в дверном проеме, отбросил их наружу. У меня по-прежнему был наушник, соединенный с телефоном беспроводной связью.

Каким-то чудом я собрался, с трудом подтянулся одной рукой, выкарабкался через окно на солнечный свет и рухнул на землю.

Я часто слышал, что умирают от шока, а не от пулевой раны. Ужас и паника накрывают с головой, и человек оказывается не в состоянии совладать с опасностью и найти помощь.

Прислонившись спиной к стене, я накрепко зажал рану в боку: она выглядела серьезней, чем на руке.

— Тиа? — проговорил я.

Мне казалось, что мобильник до сих пор достаточно близко, а значит, наушник должен работать. Я не знал точно, насколько далеко можно отойти, прежде чем исчезнет связь.

— Дэвид! — раздался ее голос. — Треск! Сиди тихо. Абрахам в пути.

— Некогда рассиживаться, — простонал я, поднимаясь на ноги. — Клоны напирают.

— Тебя подстрелили!

— В бок. Ноги пока в порядке.

Я заковылял прочь, к реке. Если мне не изменяла память, там располагалось несколько спусков в подземные улицы.

Тиа выругалась, ее голос стал прерываться, а я хромал прочь от отеля. К счастью, Митоз не ожидал, что я сбегу в этом направлении, иначе уже отправил бы за мной клонов.

— Напасть! — воскликнула Тиа. — Дэвид, он размножается. За тобой бегут сотни.

— Все в порядке. Я носорог-космонавт.

На секунду она замолчала.

— О, треск. У тебя бред.

— Нет-нет. Я имею в виду, что поступлю как-нибудь нестандартно. Удивлю его. Что самое удивительное приходит тебе в голову? Спорим, это носорог-космонавт. — Связь ухудшалась. — Я продержусь, Тиа. Просто постарайся найти решение. Сделай так, чтобы музыка играла по всему городу, попробуй вертолеты. И погромче. Я уверен, ты что-нибудь придумаешь.

— Дэвид...

— Я его отвлеку, Тиа. Возьму на себя. — Я помедлил. — Как у меня дела?

Нет ответа. Я отбежал слишком далеко от отеля.

Треск. Придется заканчивать дело в одиночку. Я заковылял к реке.

Глава 4

На ходу я оторвал лоскут от рубашки и обернул его вокруг руки. Затем снова прижал пальцы к раненому боку. Дойдя до ступенек, ведущих к реке, оглянулся через плечо.

Они надвигались как прибой, волной одинаковых, спешащих по улице фигур.

Я выругался и захромал вниз по ступенькам. Все шло хорошо. В плохом смысле этого слова. Пока Митоз преследовал меня, он никому не причинял вреда и не пытался захватить власть над городом.

Я успел спуститься до конца лестницы, когда сверху накатила масса клонов. Одни переваливались через перила, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, другие просто быстро спускались.

Я заставил себя поспешить к череде отверстий в стене прямо над рекой. Вентиляционные шахты подземных улиц. Достаточно большие, чтобы пролезть внутрь, но и только. Добравшись до одной, я забрался вглубь прямо перед носом у клонов, оттолкнув руку того, что пытался ухватить меня за лодыжку. Мне удалось развернуться лицом к отверстию, и я попятился в темноту.

Клоны собрались у входа в туннель, закрывая свет. Один присел на корточки и посмотрел на меня.

— Умно. Заполз туда, куда я могу залезть только по одному. К сожалению, это также означает, что ты в ловушке.

Я продолжал пятиться. Мои силы таяли, перепачканные кровью руки скользили по стали.

Митоз скользнул в туннель и пополз вперед.

Многим эпикам нравилось думать о себе как о хищниках, стоящих на ступень выше человека. Высшая ступень эволюции. Что за идиотизм? Эпики не превосходят людей. Если уж на то пошло, они менее цивилизованные, больше следуют инстинктам. Ступень ниже.

Однако это вовсе не значит, что я не испытывал страха при виде надвигающегося на меня темного силуэта. Разумеется, это страшно, когда в бесконечном туннеле тебя преследует такой тип, а ты медленно истекаешь кровью.

— Сейчас ты мне скажешь всю правду! — пробормотал Митоз, подползая ближе. — Я вырву ее из тебя, человечишка. Узнаю, как на самом деле умер Стальное Сердце.

В темноте я встретился с ним взглядом.

— Хочу поцеловать тебя! — заорал я. — Как ветер целует до-о-ождь!

Я заголосил как можно громче. До этого песню ставила Тиа, и мне удалось запомнить несколько слов. Даже несмотря на пустяки вроде тех, что меня душили, а потом еще и ранили.

Я слышал ее в детстве. Ее бесконечно крутили по радио, и меня, как и почти всех остальных, от нее тошнило.

Митоз растаял прямо передо мной. Я замер, глубоко дыша, а второй клон пополз через таящего первого.

— Мило, — прорычал он. — Как долго ты сможешь петь, жалкий человечишка? Как ты себя чувствуешь? Я чую твою кровь. Она...

— Буду скучать по тебе, как солнце скучает по до-о-ождю! — прокричал я.

Клон растаял.

— Ты понимаешь, — сказал следующий, — что теперь мне придется убить всех в городе. Вдруг они услышали эти песни. Я...

Растаял.

— Хватит! — рявкнул следующий. — Ты...

Растаял.

Я не замолкал, хотя с каждым убитым клоном пел все тише. Один клон нашел нож и теперь передавал его по очереди. Нож не таял, просто падал на пол туннеля каждый раз, когда очередной клон умирал. Следующий клон поднимал его и полз дальше.

Клоны подбирались все ближе. Я отодвигался в туннель, пока не почувствовал за спиной край. Труба поворачивала вниз к подземным улицам. Однозначно, падение будет смертельным.

— Подстрелить тебя что ли, — произнес очередной Митоз. — Один раз уже подстрелил. Правда, тогда я лишусь удовольствия разрезать тебя на кусочки, пока ты будешь выкрикивать правду.

Я завопил очередную рифму, что оказалось плохой идеей: после того как растаял очередной Митоз, я обнаружил, что резко привалился к закругленной стенке маленького туннеля. Сознание уплывало.

Следующий Митоз выдернул нож из липкой массы, поднял его, и по лезвию потекли остатки предыдущего клона.

Он потряс головой.

— Понимаешь, я прошел классическое музыкальное обучение.

Я нахмурился. Он вдруг перестал говорить об убийствах, пытках и других интересных вещах.

— Что?

— Классическое обучение, — повторил Митоз. — В той группе я один разбирался в инструментах. Писал песню за песней, а что мы играли? Одни и те же идиотские риффы, одни и те же аккорды, снова и снова.

После его слов у меня в голове будто что-то щелкнуло, как это происходит с перегретым на огне попкорном. Но я не успел сконцентрироваться на мелькнувшей мысли. Своей болтовней он отвлек меня и подобрался довольно близко. Я запел. Еле-еле.

У меня оставалось не так уж много сил. Сколько прошло времени? Сколько крови я потерял?

Митоз задрожал, но я запнулся, и он вернулся в нормальное состояние.

— Ты слишком слаб, никчемный человечишка. — В его голосе звучали самодовольные нотки. — А теперь приступим к вопросам.

Он подполз ко мне, схватил за руку и резко дернул.

Боль. Во время бега и лазания по туннелю я почему-то не замечал боль.

Шок. Я находился в шоке.

И теперь эта боль, словно мощный взрыв, полностью накрыла меня, погрузила в пучину агонии. Я понял, что еще в состоянии издать звук, и закричал.

— Как умер Стальное Сердце? — спросил Митоз.

— Он умер от руки эпика, — простонал я в ответ.

— Я так и думал. Кто это сделал?

— Он сам. Я его обманул. Он убил себя сам, но причина — я. Его победил обычный человек, Лоуренс.

— Чушь!

— Обычные люди, — прошептал я, — победят вас всех.

Он снова дернул меня за руку, меня окатило болью. И зачем я все это ему говорю? Он мне не поверит. Я закрыл глаза и начал погружаться в оцепенение. Приятно. Слишком приятно.

В отдалении послышалась музыка.

Пение?

Сотни голосов. Нет, больше. Песню, которая до этого звучала из моего мобильника, пели в унисон. Исполнение далеко от идеального, но в нем чувствовалась сила.

— Нет. Что происходит? А ну, назад! — заревел Митоз.

Столько голосов, и все поют. Я с трудом различал слова, но в последовательности аккордов сомнений нет. На самом деле, неплохая песенка, хоть стихи и ужасные.

— Я сам себе армия! Не подходите! Я новый император этого города! Вы мои!

Я заставил себя открыть глаза. Митоз передо мной трясся и вибрировал, хотя песня звучала вдалеке.

Все клоны связаны. Если достаточное их количество слышит песню, эффект передается даже тем, кто не слышит.

В один миг цепочка из клонов в туннеле вскрикнула, хватаясь за головы.

— Обычные люди, — прошептал я. — С которых довольно.

Митоз взорвался, все клоны внезапно разлетелись на куски. Их смерти открыли путь наружу. Я заморгал от неожиданно хлынувшего солнечного света. Хотя мне не все было видно, я понял, что происходит. На застывшей стальной реке собралось огромное количество народа. Тысячи, одетые в костюмы, рабочие комбинезоны, форму. Все пели вместе, даже скорее говорили нараспев.

Жители Ньюкаго пришли на помощь.

Глава 5

— Ты невероятно удачлив, сынок.

Проф уселся на стул около моей больничной койки. Это был суровый человек с седеющими волосами. Защитные очки он сунул в карман рубашки.

Я согнул руку. Его исцеляющие способности, переданные мне под видом высокотехнологичного устройства, затянули раны. Я мало что помнил из последних часов, провалявшись в шоке, пока несколько городских врачей пытались продлить мне жизнь, дожидаясь Профа.

Я откинулся на спинку кровати, глубоко дыша, и припомнил последние моменты с Митозом.

Воспоминания ясные, но все, что случилось после, как в тумане.

— Как ей удалось собрать их всех там? Горожан?

— Система чрезвычайных сообщений. Тиа отправила просьбу всем, кто находился недалеко от реки, чтобы они пришли на помощь и запели песню, которую она переслала им на мобильники. Они ведь вполне могли остаться в укрытиях. Обычные люди не сражаются с эпиками.

— Я обычный человек.

— Вряд ли. Но это не имеет значения.

— Имеет, Проф. — Я посмотрел на него. — Все это бессмысленно, если они не начнут бороться.

— Последний раз, когда они боролись, эпики уничтожили миллионы, а страна развалилась на части.

— Все потому, что мы не знали, как их победить, — не сдавался я. — Теперь знаем.

Проф вздохнул и поднялся.

— Мне сказали не спорить с тобой, дать тебе отдохнуть. Мы поговорим о случившемся позже. Ты хорошо держался против Митоза. Он... — Проф помедлил.

— Что?

— Последнее время он жил в Новом Вавилоне. Раньше его называли Манхэттен.

— Как раз куда ты ездил.

Проф кивнул.

— Он проник в город, когда я отправился на разведку в Бабиар... Будто намеренно заявился в мое отсутствие. Это не могло произойти, если только...

— Что?

Проф потряс головой.

— Мы поговорим позже. Отдыхай. Мне нужно подумать. И сынок... Ты, конечно, молодец, но я бы хотел, чтобы ты тоже подумал. Ты сильно рисковал. Нельзя вот так торопиться, принимать скоропалительные решения. Группой руководишь не ты.

— Да, сэр.

— У нас теперь целый город, о жителях которого нужно заботиться. — Он подошел к двери. Маленькую комнату нагревал солнечный свет, льющийся из открытого окна. — Треск, как раз этого я никогда не хотел.

Его лицо на мгновение омрачилось. Скорбь и что-то еще. Что-то более... зловещее.

— Проф, как эпики получают свои слабости? — спросил я.

— Случайно. Слабости эпиков могут быть чем угодно. В них столько же смысла, сколько в самих способностях. То есть никакого. — Проф нахмурился, посмотрев на меня. — Ты знаешь это лучше других, сынок. Ты же их изучал.

— Ага, — согласился я, глядя в окно. — Слабостью Митоза была его собственная музыка.

— Совпадение.

— Уж очень большое совпадение.

— Может, дело вовсе не в музыке, — предположил Проф. — Может, это страх перед выступлением, чувство неуверенности или что-то в этом роде. Музыка просто служила напоминанием.

Возможно, так и есть. Хотя...

— Он ненавидел музыку. Свое искусство. Тут что-то есть, Проф. Что-то, чего мы еще не заметили.

— Возможно. — Проф задержался в дверях. — Абрахам попросил кое-что тебе передать.

— Что? — Я смутно помнил, как он вытаскивал меня из туннеля и нес в госпиталь.

Проф нахмурился.

— Его точные слова: «Скажи ему, что он был прав насчет этого города... так что я прощаю ему хот-дог. На первый раз».

Послесловие

Эта забавная повесть появилась на свет потому, что моему издателю цикла «Мстители» понадобилась короткая история вдогонку к основному циклу. Мне очень нравится, как звучит голос главного героя Дэвида, так что меня не пришлось долго уговаривать написать небольшую историю с ним в главной роли. К тому же это позволило мне поиграть с одной из самых интересных супергеройских способностей. Мне кажется, за пределами комиксов ее потенциал в массовой культуре так толком и не раскрыли.

По этой повести мы также выпустили графическую адаптацию. Ее и сейчас можно найти где-то на просторах Интернета. Если не ошибаюсь, это вообще первая графическая адаптация по моим книгам, так что это еще и очень приятный раритет.

Нулевой момент

Глава 1

За 10 часов до нулевого момента

«Вот и все, — подумала Лиза. — Попался!»

Она встала, прижала ладони к столу и сделала несколько успокаивающих вдохов, перечитывая открытое дело. После стольких лет подготовки… час настал. Подхватив папку, она сорвала с крючка у двери блейзер, накинула его и вышла из своего кабинета в общий зал первого участка, как называли главное управление полиции.

В первом участке всегда кипела работа. Одни сотрудники в форме сновали между столами, другие висели на телефонах. Помощница Лизы Роуна вскочила с места — петарда в синей форме, так и ждущая искры, чтобы взорваться. Этой искрой стала папка, которую торжествующе подняла Лиза.

— Все, поехали. Собирай группу.

***

Прижавшись к холодной бетонной стене, Дейн отсчитывал секунды. По лицу сбегала струйка пота. Одной рукой он касался значка на поясе, другой придерживал кобуру с пистолетом на боку.

И как обычно, считал удары сердца, чтобы успокоиться.

Пора.

Он нырнул за угол. Одним плавным движением выхватил пистолет и снял с предохранителя. Прицелился, выровняв красную точку, и выпустил три пули — по одной каждому в грудь. Потом прицелился и выстрелил в голову следующему. Эти выстрелы, хоть и приглушенные защитными наушниками, казались вторым сердцебиением. Он двигался вперед, считая патроны, палил по новым мишеням и перезаряжал пистолет, укрываясь за колонной.

Удары сердца успокаивали. Напоминали, что у него все под контролем.

Он выскочил и выстрелил еще восемь раз, двигаясь по обширному крытому полигону, напоминающему парковку. Прохладный воздух. Твердый пол, на который не хочется падать. Но он все равно упал, укрывшись за большим бетонным выступом. Нырнул в сторону, вытащил винтовку AR-15 из ящика на

столе, сымитировав извлечение оружия из багажника, и двинулся к следующему сегменту, не прекращая стрелять.

Два в грудь. Один в голову.

Два в грудь. Один в голову.

Обойти баррикаду. Свернуть направо.

Два в грудь. Один в голову.

Два в грудь...

Проклятье!

Когда он свернул за последний угол, пот лил в три ручья. Перес щелкнул секундомером и негромко присвистнул, а потом повернул его и показал время.

— Меньше минуты.

— Последний промазал, — отозвался Дейн.

Он проверил винтовку: извлек магазин, прочистил и осмотрел патронник, поставил на предохранитель. Передал винтовку Пересу и проверил пистолет — M1911, штатный. Кивнул и убрал пистолет в кобуру.

— Стой, прекратить огонь! — крикнул Перес. — Оружие к осмотру!

Вместе они обошли расставленных по полигону манекенов. Перес отметил, что каждый выстрел Дейна лег в зону поражения. Прицел был безупречным... кроме последнего выстрела

— Пятьдесят семь и три десятых, — сказал Перес, когда они добрались до начала полигона.

— Последний промазал.

— Ты зацепил мишень. Так что вычет всего полсекунды. Дейн... с таким результатом ты попал бы в тройку лучших на соревнованиях в прошлом месяце.

— Я не участвую в соревнованиях. Этого хватит, чтобы попасть в спецназ?

— Должно. — Перес замялся. — Дейн, не хочешь поговорить?

— О чем?

— Ты кадровый детектив, и после работы по делу Гоффри... — Перес не стал договаривать. — Ты хорошо делаешь свое дело, Дейн. Хочешь пустить все псу под хвост?

Дейн проработал детективом добрый десяток лет, и хотя спецназ не назовешь шагом назад, для человека его положения это странный выбор.

У него запищал телефон. Пришло сообщение от Лизы: «Иду к окружному прокурору. Хочешь со мной?»

Ей бы хотелось, чтобы ее напарнику тоже перепало немного славы. Он ответил: «Я свое дело сделал, твоя очередь».

«Уверен?»

Уверен ли он?

«Да».

— В чем дело? — Перес заглянул ему через плечо. — Не пойдешь? А если ты ей нужен?

— Перес, Лизе я не нужен с тех пор, как ее имя узнал мэр. Подготовь полигон снова. Посмотрим, смогу ли я на этот раз обойтись без промахов.

***

Лиза плюхнула папку на стол окружного прокурора. Вокруг стояла ее команда в полном составе — детективы отдела по расследованию финансовых преступлений.

— Мы это сделали. Здесь все, что вам нужно, чтобы упрятать Гоффри за решетку.

Окружной прокурор Анжела Пайнс взяла папку.

— Бумаги, Лиза? Можно ведь прислать по электронке.

— Тогда нечем эффектно хлопнуть по столу. — Лиза подалась вперед. — Вы сказали добыть больше улик. Я добыла. Вы сказали, что нужны свидетели. Я их нашла. Вы сказали: чтобы призвать к ответу миллиардера, дело должно быть железобетонным. Он у нас в кармане.

Пайнс начала читать. Они работали вместе уже несколько месяцев. Это дело не из тех, что расследуют без прокурора. Однако Пайнс дотошна. И захочет снова пройтись по каждому пункту, включая те, что добавили сегодня.

Лиза посмотрела на свою воодушевленную команду. Наверное, не стоило тащить их всех сюда, но они работали над этим делом не один год. И теперь...

Она повернулась обратно к прокурору, затаив дыхание.

Пайнс встретилась с ней взглядом и кивнула.

— Пора выдавать ордер на арест. Молодцы. — Она помолчала. — Мэр будет доволен, Лиза. Он узнает, что это ваша заслуга, я позабочусь.

— Спасибо. Но он уже знает. Думаете, я не написала ему первым же делом?

Пайнс помедлила, понимая, что в этом деле перетянуть одеяло на себя не получится. Потом улыбнулась как профессионал профессионалу.

— Думаю, — произнесла она, вставая, — в ближайшем будущем мы будем видеться часто. Пойдемте за ордером.

***

Восемь часов спустя, когда почти все разошлись по домам, Дейн неторопливо шагал по притихшим коридорам первого участка. Пустое здание всегда вызывало у него беспокойство. Лет до тридцати он работал патрульным в небольших участках. Там никогда не бывало тихо, особенно по ночам. Улицы не спали, и полиция тоже.

Но это управление полиции с ударением на слове «управление», а не на слове «полиции». Здесь работают с бумагами, а не с наркотиками. Здесь свет по ночам и правда гаснет, потому что если кто-то и продолжает работать, то эту работу можно унести домой в сумке для ноутбука.

Так что он шагал мимо пустых кабинок. Отдел по расследованию финансовых преступлений. Кто бы мог вообразить, до чего дойдет, но либо умираешь героем, либо выживаешь и становишься начальством.

Время близилось к одиннадцати, но в одном кабинете свет все же горел, как и думал Дейн. Он прошел мимо своего кабинета, аккуратного и прибранного. Для любого, кто его знал, это верный признак того, что он им почти не пользуется. Дейн прислонился к дверному косяку соседнего освещенного кабинета. Лиза, разумеется, засиделась за работой. Даже после того, как прижала одну из самых крупных шишек в штате. Лиза Стерлинг: высокая, с длинными черными волосами, в белой блузке и строгих коричневых брюках, с пронизывающим взглядом, которым можно забивать гвозди в бетон. Все шло к тому, что она станет первой темнокожей женщиной на должности комиссара городской полиции.

Судя по переписке в чатах, в которые она его добавила, команда отправилась отмечать арест. Но не Лиза. У нее всегда находилось время для работы, но для друзей? Что ж, всегда можно найти новых.

— Итак, — сказал Дейн, — ты его прищучила.

Лиза не подняла головы.

— Мы его прищучили. Дейн, ты прекрасно справился с этим делом. Братья в конце концов раскололись, согласились на сделку и дали показания. Как ты и говорил.

— Обычная история. Просто следуй за деньгами... — Дейн так и стоял в дверях. — Думаешь, этого хватит для обвинительного приговора?

— Судебный процесс наверняка растянется на годы. Но я уверена. — Она внимательно просмотрела еще несколько страниц. — Разве что Хармона надо было брать первым. Небольшой просчет... После ареста босса он заляжет на дно.

Лиза любила работать с настоящими бумагами, на клавиатуре у нее даже «А» и «О» не стерлись. Дейну всегда нравилась ее искренняя привязанность к аналоговым технологиям. Одна из немногих ее черт, которые в последнее время казались искренними.

— Тебе стоило пойти с нами, — заметила она, делая пометки. — Прокурор о тебе спрашивала.

— Нет, не спрашивала.

— Она заметила, что тебя нет.

— Лиза, политические игры меня не интересуют. Мне все равно, что она подумала о моем отсутствии.

Наконец Лиза вздохнула и отложила бумаги. Взглянула на Дейна, отметила пистолет на боку и сосредоточилась на его лице.

— На таких делах строят карьеры. За ним следит мэр.

Дейн сложил руки на груди.

— Еще бы. И мы оба знаем почему.

Лиза прижала руку к голове, и Дейну стало неловко оттого, что он поднял этот вопрос в день, который должен быть победным. Просто... в ходе расследования он узнал, что человек, которого они разрабатывали — Гоффри, — спонсировал соперника мэра на выборах.

— Ты сомневаешься, что Гоффри виновен? — спросила Лиза.

— Нет. Но совпадение очень удачное. Крупнейший спонсор оппозиции замешан в крупнейшей схеме хищения? Неудивительно, что нам выделили дополнительные ресурсы.

Лиза вернулась к бумагам.

— Так играют на нашем уровне, Дейн. Мэр получает поддержку своей предвыборной кампании, я сажаю за решетку человека, который решительно того заслуживает. Красть из пенсионного фонда собственных сотрудников?

— Подонок до мозга костей, — согласился Дейн. — Просто я ненавижу эту игру.

— Четыре года назад такой ненависти ты не испытывал.

Дейн поморщился, но она его подловила. Если бы не ее помощь... его бы здесь не было. Выписывал бы штрафы за нарушение правил дорожного движения, если бы вообще до сих пор работал в полиции.

Он отвернулся и тихо спросил:

— Не скучаешь по тем дням? По полевой работе. Делать что-то настоящее. Спасать жизни.

— А тут, я, по-твоему, не спасаю жизни? Он воровал у своих же сотрудников.

Дейн пожал плечами и оглядел слишком тихое помещение с пустыми кабинками, набитыми делами. Эти дела всегда могут подождать до завтра.

— А мне кажется, на улице я приносил больше пользы. Там один человек что-то да значит, Ли. Не то что здесь, где выдвигаешь обвинения по решению комитета и тянешься за салфеткой каждый раз, как чихает какой-нибудь политик.

Лиза резко втянула воздух. Проклятье, на этот раз он зашел слишком далеко. Если шеф Бронт уходит на пенсию, как все говорят, управлению с Лизой повезет. Просто... он уже не понимал, что она делает ради общего блага, а что ради карьеры.

— Видишь ли, — холодно произнесла она, — никому не нужен еще один вооруженный до зубов коп с комплексом героя. Ты не суперсолдат, Дейн. Ты детектив в отделе финансовых преступлений. Тебе никогда не придется стрелять из штурмовой винтовки при исполнении, и чем дольше ты делаешь вид, что это не так, тем нелепее выглядишь.

Лиза наградила его одним из своих взглядов, от которых крошились камни. Дейн из упрямства его выдержал. Но в такие моменты у него возникали сомнения, правильно ли он помнит прежние времена. Времена, когда не требовалась чашка теплого антифриза, чтобы у нее забился пульс.

Наконец он вздохнул и первым отвел взгляд.

— Я подаю прошение о переводе в спецназ. Я тренировался и нормативы вполне потяну.

Лиза удивленно застыла. Они не один год работали вместе, и она, видимо, считала, что он всегда будет рядом.

— В сорок, Дейн? Серьезно? Ты готов выбросить на помойку столько лет работы детективом и просрать карьерный толчок, который даст тебе это дело?

Он пожал плечами.

— В твоем возрасте большинство подумывает перейти на управленческие позиции, а не начинать все с нуля, да еще когда для этого требуется столько физических усилий.

Справедливое замечание. Но после стольких лет, пока он следовал за ней и дослужился до отдела финансовых преступлений… картинка упорно не сходилась. Она это не видела. А он видел.

— Я подал бы прошение раньше, — признался Дейн. — Наверное, стоило это сделать. Просто… люблю все доводить до конца. Шеф Бронт… когда он уходит на пенсию?

— Мне по секрету сказали, он ждал, чтобы мы раскрыли это дело, прежде чем идти к мэру.

— Значит, скоро.

— Если мне достанется эта должность, я, наверное, смогу помочь тебе получить любое место, какое захочешь.

— Ясно. — Он поймал ее взгляд. — Может, поэтому я и ждал. Выходит, я тоже играю в эту игру?

— Я бы не просила тебя стать моим напарником столько лет назад, если бы так не считала.

Дейн подавил вздох. Почему он не рассказал ей всего? Почему тянул? Из-за того, что было между ними?

Люди отдаляются друг от друга, меняют профессии. Естественный ход жизни. Тем не менее вместо того, чтобы продолжать разговор, он достал из кармана сложенный листок и бросил на стол.

— Что это? — спросила Лиза.

— Зацепка по делу, над которым я работаю. Подумал, может, вместе проверим. Как-никак, мы все еще напарники. Пару месяцев точно.

Лиза с любопытством развернула листок. Дейн так и думал, что она оценит настоящую бумагу.

— Опять та пропавшая ученая? — вздохнула она.

— Ученые тоже имеют дело с финансами. Для исследований.

— Дейн, ты знаешь, о чем я. Это дело для отдела розыска. Насколько я помню, с их слов, она вовсе не пропала. Просто прекратила общаться с семьей.

— Они ошибаются.

— Я читала сводки. Ее исчезновение выглядит добровольным.

— Значит, от проверки вреда не будет. — Дейн кивнул на листок. — Просто убедимся, что с ней и правда все в порядке. Отработаем зацепку. Потопчем асфальт. В последний раз.

Лиза задумалась. Она превратилась в достаточно важную фигуру, чтобы не заниматься мелкими делами, даже связанными с финансовыми преступлениями. Ей приходилось все больше времени проводить в управлении, готовясь занять место шефа, поскольку и он, и его заместитель были уже в возрасте. Дело Гоффри — исключение, их первое настоящее детективное расследование за долгое время, и Дейн по большей части сидел и читал чужие отчеты.

Иногда Лиза позволяла ему развлекаться с такими пустяками, как эта пропавшая ученая. Оба знали, что иначе он сойдет с ума. Тем не менее Дейн ожидал, что этим вечером она откажет. Однако Лиза убрала бумаги и навела на столе порядок, оставив только банку с ручками, именную табличку и фото Новы с выпускного из начальной школы два года назад.

— Ладно, идем. — Она встала.

— Что, прямо сейчас?

— Разве не ты всегда говоришь, что здешние копы должны больше работать по ночам? Судя по твоей зацепке, пропавшую ученую видели около полуночи, поэтому можно предположить, что у нее такой же режим, как у тебя.

— Да, ладно. Черт, почему бы и нет? Твоя машина или моя? — Он помедлил. — Моя.

— Из-за пушек в багажнике, полагаю?

Дейн пожал плечами.

— Это обычное дело о пропаже. — Лиза надела блейзер. — Что? Думаешь, нарвемся на террористов?

— Не обольщайся. Кроме того, в моей машине есть блютуз. А в твоей… как называется этот ужас?

— Восьмидорожечник. Они сейчас хиповые.

— Ли, тебе сорок три. Пора прекратить хиповать. Это написано в уставе.

Дейн молчал, пока они шли к парковке.

— Если честно, я почти уверен, что даже слово «хиповать» больше не хиповое… Надо спросить у Новы.

Лиза улыбнулась. Всего на миг они вернулись в старые добрые времена. Эта пропавшая ученая — явно дохлый номер. Но кто знает, может, им все-таки попадется что-нибудь интересное.

Глава 2

За 90 минут до нулевого момента

Разумеется, Дейну не удалось подключить телефон, и они заблудились на полпути.

Лиза со вздохом откинула голову на спинку пассажирского сиденья огромного внедорожника. Пока Дейн безуспешно пытался сориентироваться, она достала добытую им зацепку — запись экстренного вызова из телефона-автомата в круглосуточном магазине.

Дата записи: 15.05.2024, 13:42

Оператор: Служба спасения, что у вас произошло?

Звонящий: Я… я не знаю. Правда.

Оператор: Где вы находитесь?

Звонящий: Слушайте, есть тут один дом. Адрес: Саут-Мэйпл-Корт, 1103. И там, блин, творится какая-то чертовщина.

Оператор: Вы сейчас там? Кто-нибудь пострадал?

Звонящий: Нет. Я туда доставку делал. Вчера ночью. Поздно, около полуночи. И… что-то там чертовски странное. Просто… проверьте, ладно? Мне нужно идти.

Оператор: Можете подробнее описать проблему? Кому-то грозит опасность?

Звонящий: Думаю, да. Не знаю. Слушайте, там женщина, она вела себя странно. Назим. Э, да. Ее зовут Назим.

Оператор: Можете ее описать?

Звонящий: Невысокая, худая. Рыжие волосы. Блин, с ней что-то не так. Просто… сходите посмотрите. Ладно?

[Звонящий повесил трубку. Полицейские, отправленные к месту вызова, ничего не обнаружили. Описание и имя женщины соответствует пропавшей. Рапорт приобщен к текущему расследованию.]

Дейну не следовало браться за это дело, но отдел розыска был завален работой. Кроме того, шеф разрешал Дейну вести несколько проектов в качестве… хобби, чтобы не скучал.

Исчезновение ученой по-прежнему казалось Лизе добровольным. Нет ничего противозаконного в том, чтобы игнорировать родных, и даже в том, чтобы уйти из дома и не вернуться. Подло? Возможно. Противозаконно? Нет. Обычно в таких случаях полиция проверяла, что с человеком все в порядке. После этого семье сообщали лишь одно: их близкий в безопасности.

Такие дела были не особо приоритетными, но Дейн смотрел на работу… да и вообще на все… в своем особом свете. Лиза перечитала запись еще раз, потом отправила сообщение Нове на случай, если та проснется и не поймет, где мама. К счастью, родители Лизы живут через три дома, а Нова весьма смышленая для своих четырнадцати. По мнению Лизы, девочка способна позаботиться о себе едва ли не лучше, чем Дейн. По крайней мере, она умеет пользоваться навигатором.

Дейн негромко выругался, тряся телефон.

— Блютуз, значит? — уточнила Лиза. — Жутко полезная штука.

— Полезная, когда я не забываю зарядить телефон…

На экране горел лишь символ разряженной батареи.

— Опять? Я же говорила купить адаптер.

— Я купил! Он… у меня на столе.

— Ясно. Можно полюбопытствовать, а сколько стволов ты прихватил?

— Без комментариев.

Лиза продемонстрировала свой кнопочный телефон.

— Пять дней на одной зарядке.

— Да? А навигатор?

— ...отсутствует.

— А если нужно что-то быстро найти... — Дейн с улыбкой глянул на нее, пока они сворачивали в темный переулок. — Пишешь Нове?

— Пишу Нове. Если честно, я бы завела смартфон, если бы речь шла о серьезной полевой работе, а не о том, чтобы охотиться ночью не пойми за кем с человеком, у которого точно есть дела поважнее.

Дейн улыбнулся: в этой шпильке нет яда. Лиза поморщилась, вспомнив, что сказала раньше.

«Зачем ты так с ним, Ли? Знаешь ведь, как он хочет помогать людям».

Вот так она собирается руководить управлением? Осаживая рьяных детективов?

Нужно учиться вести себя иначе. Пусть Дейн будет счастлив, несмотря ни на что. Ее занимала мысль о том, что он переходит в спецназ и останется рядом, но в другом здании. Может, если их будет разделять некоторое расстояние, их отношения станут менее напряженными. Со временем она все исправит. Это она умеет.

— Слушай, — сказал Дейн, поворачивая за очередной угол, — ты попросила кого-нибудь записать сегодняшнее выступление Новы?

— Не пришлось. Я там была.

— Но арест...

— Мне не обязательно самой надевать наручники на Гоффри. Я думала, это сделаешь ты, но раз ты не пошел, я предоставила эту честь Джону. Он такое любит.

— Правда? Надо же. — Дейн покосился на нее. — Вот почему задержалась допоздна? Чувствовала себя виноватой за то, что пропустила арест?

— Может быть, — признала Лиза.

— Уделять время своему ребенку — нормально.

— Знаю, Дейн. Не надо меня опекать.

— Прости, — сказал он, похоже, искренне.

Хотя, может, она и сама немного болезненно относится к этой теме. Но ей пришлось вытерпеть столько нотаций, столько косых взглядов и домыслов... Остальным, даже Дейну, трудно признать, что женщина может и построить серьезную карьеру, и быть хорошей матерью. Все всегда считали, что Нова остается в проигрыше.

— Тебе стоило пойти, — сказала Лиза. — На концерт, я имею в виду. Нова по тебе скучает.

— В прошлом году...

— Крис сегодня вообще не явился.

— Подонок пропустил выступление дочери?

— В прошлый раз ты его ударил и арестовал. Можно ли его винить?

Дейн скривился в ухмылке. Крис сам напросился — приперся на концерт пьяным. Нова сгорала от стыда, пока Дейн, как извечный рыцарь на белом коне, не решил проблему единственным понятным ему способом.

Лиза никогда не признавалась и не признается, насколько приятно было наблюдать, как Крис упал от точного хука в челюсть, после того как сам по глупости полез в драку. Дейн мигом вытащил его из зала и арестовал за нарушение общественного порядка. Нова спокойно доиграла концерт и до сих пор вспоминает о поступке Дейна с горящими глазами. Пожалуй, слишком часто. Эта девочка...

Деваться некуда. Нова узнает, если Лиза не выполнит обещание, поэтому она неохотно достала кое-что из кармана и бросила на приборную панель.

— Она просила передать тебе.

Дейн припарковался у тротуара и взял подарок — браслет с настоящим кораллом и серебряным сердечком. Точнее, половинкой сердечка. Он перевел взгляд на похожий браслет на запястье Лизы.

— Кружок по изготовлению украшений, — пояснила та. — Внеклассные занятия.

— Ты рассказала ей, что мы с тобой... Ну, то есть...

— Дейн, она не слепая. Но еще и оптимистка. — Лиза посмотрела на него.

— Хорошо, что хоть кто-то в семье оптимист. — Дейн взял браслет и толкнул дверцу. — Приехали.

— Я думала, мы заблудились.

— Так и есть. Но все равно приехали. По крайней мере, район примерно тот.

— Что значит «примерно»?

Лиза вышла из машины.

Несмотря на поздний час, район казался довольно приличным, из тех, где водятся ее преступники, а не его.

— Я практически уверен, что мы на нужной улице.

Лиза прислонилась к машине, пока Дейн рылся в багажнике.

— Слушай, если станешь комиссаром, мне придется отдавать тебе честь?

— Таков протокол в официальных ситуациях. Повышения и тому подобное. Ты… вообще когда-нибудь отдавал честь начальству? Если честно, я не припомню.

— Только тем, кого уважаю.

— Дейн… тебе нужно хотя бы иногда думать о карьере.

— А тебе хотя бы иногда давать отпор всяким напыщенным идиотам. Но, полагаю, мы оба будем делать то, что делаем?

Лиза промолчала, не желая снова ругаться.

— Ага, вот.

Она страдальчески протянула руку. Дейн как раз достал для нее пистолет и наплечную кобуру. Оба знали, что у нее нет оружия. И оба знали, что он настоит на своем. Таков протокол, жаловаться не на что. Лиза проверила предохранитель и патронник и надела кобуру под блейзер.

Дейн с тоской посмотрел на остальное снаряжение: штурмовая винтовка, светошумовые гранаты.

— Дейн… — начала Лиза.

— Знаю. — Он закрыл багажник. — Сегодня не возьму.

— Они тебе вообще не нужны.

— Не нужны, пока вдруг не окажутся нужны.

Они двинулись по улице. Лиза проверяла сообщения в телефоне, Дейн считал номера домов. У фонаря они заметили мужчину. Тот забирал почту из ящика и дружелюбно улыбнулся Дейну, но, заметив блеснувший значок, сразу изменился в лице и ощетинился:

— Коп? Чего надо?

— Эй, все нормально. Просто хочу узнать дорогу.

Мужчина показал, куда идти, и Лиза сделала вид, что не слышит, как он вполголоса обозвал Дейна.

Дейн сник. И... да, ей больно видеть, как мимолетный разговор лишил его энтузиазма. Лиза заметила, как он оглянулся на ходу, задержав взгляд на фонаре возле почтовых ящиков. Она бы не назвала реакцию мужчины в таком районе обычной, но в целом это не редкость. Даже после стольких лет Дейн всегда удивлялся, если к нему относились с презрением.

Наконец они свернули в проулок, заканчивающийся большими воротами. Разглядеть, что за ними, не удавалось из-за толстых стен, перед которыми росли разнообразные кустарники, чтобы укрепления не казались слишком уж неуместными. Район, конечно, приличный, но не настолько, чтобы иметь частную подъездную дорожку с собственной охраной.

Дейн уступил инициативу ей. Лиза подошла к домофону и нажала кнопку вызова.

— Да? — ответил грубый голос.

— Полиция. — Лиза показала значок в камеру. — Мы расследуем дело о пропавшем человеке и хотели бы задать вам несколько вопросов.

Молчание.

— Кто пропал? — наконец спросил голос.

— Кэролайн Назим, — ответила Лиза. — Невысокая, белая, с рыжими волосами. Она не в розыске, но ее родные беспокоятся.

Опять молчание.

— Мы о такой не слышали.

— Мы все же можем войти и задать вопросы?

— У вас есть ордер?

— Как я уже сказала, — Лиза старалась говорить как можно любезнее, — мы не подозреваем никаких правонарушений. Нам просто нужно подтвердить для отчетности, что с Назим все хорошо. Ордер не нужен. — А теперь уколоть. — Пока что.

Молчание.

— Это Кэролайн Назим, — произнес другой голос. На заднем плане слышалось гудение, будто от работающего оборудования. Похоже, звонок переключили на чей-то мобильный. — Охранник сказал, что вы хотите со мной поговорить?

— Просто хотим убедиться, что у вас все хорошо, мисс Назим, — ответила Лиза. — Ваши родные волнуются.

— Вас провели, детектив. Мои братья и сестры прекрасно знают, где я нахожусь. Они просто злятся, что я не без веских причин оборвала контакты с ними, а также лишила их содержания.

— Мы можем хотя бы увидеть вас лично, чтобы удостовериться...

— Передайте моим родственникам, что я с ними порвала. Спокойной ночи.

Домофон отключился. Лиза позвонила еще раз, но никто не ответил. Они с Дейном отошли назад, подальше от камер и микрофонов.

— Ну, согласись, это подозрительно. — Дейн взял ее под руку, когда они свернули за угол.

— Что именно? Женщина не хочет общаться с семьей. Они попытались подключить полицию, чтобы ее припугнуть. Сам знаешь, такое часто бывает.

— А те странные звуки? — Дейн помахал рукой.

— Странные звуки — не основание для обыска.

— В записи говорится, что внутри творится «чертовщина». Нам нужно туда попасть.

— «Чертовщина» тоже не является достаточным основанием. — Лиза вздохнула. — Дейн, нам нельзя обострять ситуацию. Нужно зафиксировать, что мы выяснили, а днем прислать сюда группу. Черт, если ты так волнуешься, можно поставить сотрудника в штатском, чтобы проследил за ученой, когда она выйдет. В любом случае ей, похоже, ничего не угрожает.

— Это если по домофону говорила действительно она, — заметил Дейн. — Как только ты пригрозила ордером, они тут же нашли женщину, которая выдала

себя за Назим. Кто знает, она ли это? И что, если настоящая Назим в беде или ее заставили говорить с нами, и мы только что все осложнили, предупредили тех, кто в доме?

— Ты делаешь поспешные выводы.

Дейн оглянулся.

— Это называется чутье. Нутром чую, что нужно надавить немного сильнее.

— Дейн, твое нутро хочет только чипсы и пивка.

— Давай хотя бы обойдем периметр. После такой тревожной зацепки никто не упрекнет нас в том, что мы прошлись вокруг. Вдруг увидим кого-то в беде.

Лиза задумалась, разглядывая его. Проклятье, у него появился тот самый взгляд. Он собирался…

— С тебя должок, — сказал Дейн.

— Должок? — огрызнулась Лиза. — С чего я тебе что-то должна, Дейн?

— Сама знаешь.

— Честно, не знаю. Скажи мне сам.

Дейн стоял упрямее скалы и смотрел на нее. Она вздохнула и повернулась к машине.

— Я не просто перехожу в другое подразделение, Ли. Когда подам заявку в спецназ, это будет другой штат.

Помедлив, Лиза обернулась.

— Документы уже готовы, — добавил он. — Подаюсь в Калифорнию, в несколько мест.

Дейн встретил ее взгляд.

— Я решил… начать все с чистого листа. Сама понимаешь.

Эти слова ударили по ней, как пуля. Безупречный прицел Дейна и простое послание: «Я сдаюсь. Между нами все кончено».

Проклятье. Однако она ни единым словом не выдала то, что творилось у нее на душе.

— Наверное, это хорошая идея. Тебе придется как-то сказать Нове.

— Знаю. Это самое трудное.

Вот что, оказывается, самое трудное?

«Я выдержу, — твердо сказала себе Лиза. — Найду способ все исправить».

Дейн кивнул в сторону дома.

— Пойдем, Ли. Это наше последнее дело, может, наша последняя ночь как настоящих напарников. Если шеф ждал… до конца недели мы, наверное, узнаем о его отставке. Вот и все. Одна ночь.

— Дейн, мы не можем нарушать границы чужой собственности ради твоего прощального выхода.

— Я не говорю о незаконном проникновении! Ты вообще слушаешь? Я хочу обойти периметр снаружи. Сделаем все по правилам: посмотрим через деревья, на территорию заходить не будем.

Он взглянул на нее.

— Это приемлемо даже для человека, которому ради блестящей карьеры нужно личное дело без единого пятнышка.

Лиза вдохнула поглубже. В ней боролись два мнения. С одной стороны, налицо типичная незрелость Дейна. Настаивать на своем, потому что, видите ли, сработало чутье? Он решил напоследок поиграть в ковбоя и почему-то всегда хотел, чтобы она была на подхвате. Но она не могла позволить себе действовать очертя голову, как он. Лиза уже пыталась объяснить, как все следят за каждым ее промахом; как она всегда и мишень для критики, и пример; как ей пришлось научиться ориентироваться в мире, который сам Дейн попросту игнорировал. Слова, которые не звучали бы как жалоба жертвы, так и не нашлись. И жертву тоже в ней высматривали, с тем же въедливым вниманием.

Она склонялась к тому, чтобы просто уйти. Дейн почти наверняка двинется дальше в одиночку.

— Пожалуйста, — сказал он. — Последний раз.

С другой стороны, для него это, очевидно, важно. Да, глупо, но таковы люди. Можно признавать, что нечто важно для человека, не видя этой важности самой. Лиза колебалась и вдруг ощутила, как браслет Новы словно потяжелел. Обход снаружи был в рамках протокола.

Если она пойдет, подтолкнет ли его остаться в городе? И хочет ли она этого? Лиза посмотрела на часы: чуть больше половины двенадцатого. В конце концов она приняла решение.

Глава 3

За 5 минут до нулевого момента

Дейн пробирался сквозь кусты вокруг особняка. Лиза без всякого энтузиазма тащилась следом.

Она все-таки пошла. На этот счет у него были сомнения, но она пошла. Ведь это что-то значит? Она еще не сдалась? Или он снова видит то, чего нет?

«Еще можно все исправить. Можно наладить. Если бы времени было больше».

Но времени нет.

Как ни крути, предлог для обхода особняка насквозь неубедительный. За высокой глухой стеной практически ничего не разглядишь. К тому же у них есть запись голоса пропавшей женщины, и по домофону явно ответила именно она.

Только вот концы с концами не сходятся. Родственники пропавшей явно беспокоятся всерьез. В голосе звонившего чувствуется тревога, которую никакой рапорт не передаст. Что-то явно не так.

А может, ему просто хочется так думать. Дейн оглянулся на Лизу и против воли ощутил неприязнь: слишком уж легко она отнеслась к известию о его переводе. Несколько недель он мучился, не знал, как ей сказать, а когда наконец все выпалил, она отослала его поговорить с Новой. Он вообще хоть что-то для нее значил?

Дейн стиснул зубы и двинулся дальше, закипая все сильнее. Как всегда в последнее время, сильнее всего раздражало то, что для этих эмоций у него нет никаких оснований. Жизнь идет своим чередом. Нужно либо радоваться работе, либо переключиться на что-то другое, а не ждать у моря погоды.

Но это были старые, затертые до дыр мысли. Он уже достаточно гонял их по кругу. Пока что нужно смотреть по сторонам. Еще раньше он заметил, что снаружи стены тянется низина, заросшая чахлыми деревцами, с каменистой почвой и крутыми склонами, явно бывшее русло реки. Его дядя как-то присматривался к похожему участку под строительство, пока не узнал, во сколько обойдется его выровнять. В итоге он продал землю соседям, и те оставили живописный лесной уголок для контраста с ухоженными пригородными газонами. Может, здесь то же самое.

Лес окружал особняк со всех сторон. При ближайшем рассмотрении участок оказался куда скромнее, чем выглядел с фасада: акра четыре, не больше — солидно, но вовсе не необъятные угодья, какие вообразил себе Дейн. Стена лишь

укрепила это впечатление: три ярда высотой, без колючей проволоки и шипов поверху. В полном соответствии с городскими нормами, как он тоже знал от дяди, хотя настоящие богачи умеют обходить подобные ограничения.

Кем бы ни был владелец, он либо недостаточно влиятелен, чтобы добиться разрешения, либо ему все равно. А возможно... он просто не хочет привлекать внимание, обращаясь за разрешением. Вот и поставил стену максимальной высоты, а вместо шипов и колючей проволоки — камеры.

Они с Лизой осторожно пробирались в темноте мимо приземистых деревьев. Те торчали, как скрюченные руки с неестественно большим числом переломанных пальцев.

— Дейн, ты правда думаешь, что в другом городе найдешь то, что ищешь? — негромко спросила Лиза, пока они огибали участок с задней стороны.

— Пока не попробуешь, не узнаешь.

— Новая жизнь с чистого листа... Дейн, это не упрек, но ты действительно понимаешь, что ищешь? Я только за, чтобы ты попробовал что-то новое, пусть и в другом штате. Только скажи мне, что знаешь, чего хочешь. Что в новом отделе ты не будешь просто плыть по течению, как здесь.

Дейн не ответил. Большинство решило, что он гонится за славой. Перес посмеивался над ним, когда думал, что Дейн не слышит. Полицейский, который возомнил себя героем только потому, что умеет стрелять из штурмовой винтовки.

— Я хочу делать что-то значимое, — прошептал Дейн.

— Будь это правдой, тебя бы больше радовали дела о финансовых преступлениях, которые ты помогал раскрывать.

Черт, она права. Тогда почему эти дела кажутся такими... несущественными? Трудно чувствовать себя нужным, когда нельзя взять человека за руку и вытащить из беды. Цифры на доске — совсем не то.

И будет ли иначе в другом отделе? Дейн думал об убойном, но понимал, что там, в общем, все то же самое, что у них с Лизой, — сериалы врут. Берешь показания. Допрашиваешь подозреваемых. Сидишь в офисе и выстраиваешь дело. Спецназ — совсем другой разговор. Но если кто-нибудь откопает в его личном деле те пятна, которые Лиза помогла скрыть четыре года назад...

Если не лукавить, от мысли о переезде все внутри переворачивается. Неужели все? Действительно все? Его жизнь здесь закончена?

Его размышления прервал какой-то звук. Дейн остановился, в темноте протянул руку Лизе, которая отводила ветки с дороги.

Раздались приглушенные стоны.

— Черт, — сказала Лиза. — Слышишь?

— Из-за стены.

Послышались глухие удары и лязг.

— Подсади меня.

Дейн улыбнулся. В один миг взяла верх Лиза-детектив, а детектив она чертовски хороший. Она бросилась к стене и махнула ему рукой. Он подставил ладони под ее ногу, она ухватилась за край стены и подтянулась.

— Штормовой погреб. Снаружи заперт на цепь. Там кто-то есть, слышно, как он стонет и пытается выбраться.

Лиза глянула на него сверху вниз, в зрачках отразился лунный свет.

— Ты и твое дурацкое чутье.

— Главное, почаще его баловать. Чипсами и пивком.

Дейн разбежался, прыгнул, ухватился за край стены, и Лиза вытянула его наверх. Они вместе перемахнули на другую сторону, глухо приземлившись на стриженый газон.

Пока они пересекали двор, Лиза вызвала дежурного:

— Код десять-шестьдесят семь, человек в опасности при подозрительных обстоятельствах. Мы проникли на территорию потенциально враждебного объекта, присутствует охрана. Срочно пришлите патрульных. Адрес…

Лиза посмотрела на Дейна и протянула телефон.

— Марси, я занес адрес в журнал, — сказал он, нагнувшись к микрофону. — Сразу перед выездом. Скажи им искать тупик, а не улицу, они в разных местах.

— Принято, — отозвалась дежурная. — Шеф, вы… сами на выезде?

— Так точно, — ответила Лиза. — Мы с Дейном уже на месте. Гони машины, Марси. Живо.

Они добрались до погреба: тот был вделан прямо в землю у стены дома. Двери дребезжали под глухие стоны изнутри. Лиза присела и начала объяснять, что помощь пришла.

Нужно чем-то перебить цепь… Дейн рванул к сторожке садовника неподалеку. Меньше минуты — и он уже стоял у погреба с ломом.

— Мы из полиции, — говорила Лиза. — Подтвердите, что вы в опасности.

Приглушенный ответ звучал как «да».

— Тебе нужно подтверждение? — Дейн вставил лом в щель.

— Всегда лучше уточнить. — Лиза оглянулась. — Скоро нагрянут гости. Скорее всего, за нами наблюдали, пока мы бродили снаружи.

— Так, значит, — пробурчал Дейн, когда лом соскользнул.

Но металлические кольца, на которых держится замок, вбиты в старое трухлявое дерево, а оно, пожалуй… Хрясь! Вся конструкция вывалилась целиком, дерево разлетелось в щепки.

— Молодец.

Лиза распахнула двери. Дейн потянулся к телефону, чтобы включить фонарик, но вспомнил, что проклятая батарея разряжена. К счастью, луна светила достаточно ярко. Внизу на ступенях виднелась фигура: во рту кляп, руки связаны. (Азиат, лет пятидесяти-шестидесяти, глаза красные от слез.) Мужчина поднимался по ступеням и, судя по всему, изо всех сил бил плечом в дверь.

— Кто это такой, черт возьми? — спросил Дейн.

Лиза помогла мужчине встать и принялась возиться с кляпом.

— Следи за охраной. Не обостряй, пока они не достанут оружие.

— Ты серьезно? Тут человек связан в…

— У нас не все факты, — возразила она. — Не обязательно доводить до перестрелки. Выведем его в безопасное место, подождем подкрепление, потом разберемся.

Дейн смерил ее взглядом. Это нарушение протокола: есть явные основания считать людей в особняке угрозой. Рядовым копам она бы такого не приказала… но рядовые копы не были политически уязвимы, как она в последнее время. Нельзя, чтобы шеф полиции Лиза Стерлинг участвовала в перестрелке. Пресса перевернет все с ног на голову.

Дейн вздохнул и, хотя руку держал на кобуре, не стал вытаскивать пистолет, когда из-за угла выбежали трое громил-охранников. Увидев его, они тоже опустили руки.

— Полиция, — крикнул Дейн. — Вы и сами знаете. Без глупостей.

Он ждал. За его спиной Лиза наконец справилась с кляпом.

— Вы должны ее остановить! — воскликнул освобожденный. — Времени нет! Не беспокойтесь обо мне! Остановите Назим!

Дейн погрузился в холодное спокойствие, не сводя глаз с рук охранников на кобурах. Да, пульс участился. Да, на лбу выступила испарина. Но он был спокоен.

Он готовился, но так и не потянулся за пистолетом.

Охранники развели руки в стороны, подальше от оружия.

— Нам не нужны проблемы! — крикнул один. — Это все одно большое недоразумение.

— Почему у вас в погребе связанный человек? — крикнул Дейн.

— Он перебрал, и у него началась паранойя. С ним такое бывает, к утру все проходит. Давайте спокойно все обсудим. Наверное, вы уже вызвали подкрепление. Мы просто подождем здесь и все объясним.

— Они тянут время, — сказал мужчина. — Вы должны меня выслушать. Она собирается активировать устройство, но ее расчеты неверны. Она дестабилизирует реальность.

— Помедленнее. — Лиза неловко распутывала веревку на его руках. — Устройство? Какое устройство?

— Нет времени! Пожалуйста, оставьте меня и остановите ее!

Что бы ни говорили охранники, мужчина не под кайфом. За годы в патруле Дейн повидал достаточно и мог отличить одно от другого. Он оглядел охранников: стоят открыто, руки подняты, никакой угрозы.

Точно, тянут время.

Он ухватил Лизу и потащил ее вместе с освобожденным обратно в погреб.

— Дейн? — позвала она.

— Чутье!

Он захлопнул двери и просунул лом в ручки с внутренней стороны. Послышалась ругань: охранники приближались.

В полутьме лестницы, освещенной лишь одним аварийным светильником, Дейн развернул к себе бывшего пленника:

— Послушайте, вы слишком важны, чтобы бросить вас. Мы сделаем, как вы говорите, но нельзя действовать вслепую. Можете показать, что именно нужно остановить?

— Я… Да! Хорошо. — Голос у мужчины казался знакомым. — Да, нам нужно пройти под землей в главную лабораторию.

Двери наверху задребезжали от ударов. Бывший пленник уже спускался по ступеням, указывая на другую закрытую дверь.

— Прелестно. — Лиза спускалась следом за Дейном. Краем глаза он заметил, что пистолет уже у нее в руке. — Ты понимаешь, что, возможно, только что запер нас здесь?

— Заметила, как он перепуган?

— Меня зовут Юн. — Мужчина добрался до двери из погреба в дом. — Профессор Юн, теоретическая физика… ОКТЯ.

— Общественный колледж? — удивилась Лиза.

— Вакансий не так много, — пояснил Юн. — Порой это толкает на отчаянные поступки. Простите меня. Нельзя было доводить до такого. Когда я понял, что она меня не слушает, то покинул проект, но сегодня вернулся и попытался ее отговорить. Меня бросили в погреб.

— Погодите, — сказал Дейн. — Ваш голос. Вы тот курьер, который вызвал полицию!

— Уловка, чтобы кто-нибудь проверил это место! Простите за ложь. Но больше нет времени! Пожалуйста, я покажу, но быстрее!

К счастью, вторая дверь не доставила хлопот. Три удара ногой — и Дейн ее выбил, после чего высунулся в коридор (белые стены, стерильный свет, голый пол).

— Устройство, — сказал Юн в ответ на вопрос Лизы. — Вы слышали о червоточинах? Мы нашли одну. Проблема в том, что, согласно расчетам, оборудование не выдержит нагрузки, поэтому… — Он глубоко вздохнул. — Мы построили бомбу, детективы. Что бы Назим ни думала, у нас получилась бомба. Если она активирует устройство, опираясь на ошибочные расчеты… оно взорвется. Я уверен.

Охранники не прекращали ломиться в двери погреба. Юн свернул налево и повел их по коридору.

Лиза оставалась верна себе и выуживала информацию.

— Какой мощности бомба? — прошипела она, когда они добрались до следующего перекрестка.

Несмотря на нетерпение Юна, Дейн остановился и заглянул за угол. Длинный коридор вел прямо к комнате, где мерцал свет и доносилось эхо голосов.

— Не могу сказать, — ответил Юн. — Не знаю, какими данными она пользуется, а значит, и сколько энергии будет втянуто извне. Может хватить, чтобы разрушить здание. А может, и...

— Квартал?

— Э... больше, детектив. Намного, намного больше.

— Черт.

— Пожалуйста, нам нужно спешить, — сказал Юн. — Уже недалеко.

Дейн вытащил пистолет и посмотрел на Лизу. Та кивнула. Применение оружия разрешено. Лишь бы Юн не лгал, не заблуждался и не был сумасшедшим. Дейн пошел первым. Лиза обошла Юна, велела ему держаться позади и двинулась следом.

Дейн прижался к стене в поисках хоть какого-то укрытия, но позиция была ужасной: сзади светлее, чем впереди, длинный коридор ведет в большое помещение с непросматриваемыми углами. А еще крики охранников...

Неудивительно, что к концу коридора, когда Дейн осторожно заглянул в следующую комнату, нервы у него были натянуты до предела. Комната оказалась пустой, только дальняя стена была почти целиком стеклянной, будто он попал в студию звукозаписи. За стеклом находилось несколько человек, в том числе еще трое охранников с оружием наготове.

Мокрый от пота, Дейн застыл в дверном проеме, не сводя взгляда с охранников. Рядом с несколькими технарями, скрестив руки на груди, стояла и сама Назим в джинсах и рубашке на пуговицах. Лиза остановилась около Дейна. Пересечь пустую комнату — оказаться у них как на ладони, но и оставаться на месте тоже не вариант. В этом коридоре они как две крупные селедки в очень узкой бочке.

— Ну, полно, — прозвучал голос Назим из динамиков в большой комнате. — Зачем нам оружие, детективы? Давайте немного успокоимся.

Дейн осмотрел углы. Да, комната пустая (квадратная, каждая сторона футов двадцать пять, приглушенный свет). В пультовой — компьютеры и столы. Но... что это за искры по краям комнаты? Будто блестки в воздухе. Он заметил еще кое-что

необычное — черную точку в центре испытательной камеры, почти неразличимую в полутьме. Эта точка казалась отчего-то темнее всего вокруг... и, разглядев ее, Дейн уже не мог отвести взгляд. Крошечная, меньше ластика на карандаше, она намертво приковывала к себе внимание.

— Прикажите охранникам сложить оружие. — Лиза будто не замечала точку. — И всем отойти от компьютеров. Никто не нажимает никакие кнопки.

Дейн наконец оторвал взгляд от точки. Назим улыбнулась и кивнула. У нее было узкое лицо, обрамленное рыжей челкой с мелированием. Как ни странно, когда она велела охранникам опустить оружие, Дейн напрягся еще сильнее.

Юн осмелился выглянуть из-за плеча Лизы:

— О нет. Эти огни по углам. Назим, ты уже его открыла?

Назим нашла его взглядом, и ее улыбка на мгновение сменилась злобной гримасой:

— Да. В рамках подготовки к испытанию. От которого ты все время отказывался.

— Назим, нельзя отправлять человека! — воскликнул Юн. — Послушай, твои расчеты неверны!

— О, Юн. Они думают иначе.

— Они?.. — переспросил Юн.

— Голоса. Из дыры.

Дейн сжал пистолет в потной руке, лихорадочно соображая. Технари отошли от компьютеров, но Назим по-прежнему стояла близко. Ее было отчетливо видно сквозь стеклянную стену.

— Отойдите от компьютеров. — Лиза вскинула пистолет.

— Разумеется, детектив. — Назим не пошевелилась.

Дейн навел на нее пистолет. Назим наконец отошла от консоли. Но... пультовая устроена так, чтобы наблюдать за большим помещением и служить укрытием для тех, кто внутри. Стекло наверняка пуленепробиваемое. Вернее, рассчитанное на взрыв, а значит, и выстрелы его не возьмут.

Тогда почему она отошла?

— Что-то здесь не то, тебе не кажется? — прошипела Лиза.

— Кажется, — ответил Дейн. — Юн, что она имела в виду? Насчет голосов?

— Не знаю Я никогда… то есть… если из червоточины что-то говорит… Назим! Это слишком опасно. Нельзя отправлять человека через эту дыру!

— Человека, Юн? — отозвалась Назим из пультовой. — Как мелко. Я отправляю не человека, а весь особняк.

Под точкой разливалось свечение, оборудование оживало. Истина обрушилась на Дейна, как кирпич с тысячи футов: с самого начала они тянули время.

— Устройство на таймере! — Он ринулся в комнату, не думая об опасности.

Впереди захлопали выстрелы — охранник высунулся из пультовой. Дейна не задело. Нужно добраться до пульта, пока…

Прямо под ним что-то взорвалось, и все затопило белым.

Глава 4

За 65 часов до нулевого момента

Лиза резко проснулась.

В кровати. В своей кровати. Одна.

Это был… сон? Она поднесла руку к голове, села. Сквозь полупрозрачные шторы светило восходящее солнце. Часы на тумбочке показывали 6:37. До сигнала будильника три минуты.

Она отключила будильник и побрела в ванную. В голове плавали обрывки воспоминаний. Последнее расследование с Дейном перед его переводом в другой город. Устройство на таймере! Выстрелы и сдавленный стон Дейна, будто его зацепило. Белый свет.

Лиза ждала, пока развеются остатки сна. Легла она в одежде… потому что засиделась допоздна на работе? А как добралась домой? Не вспомнить. Она еще толком не проснулась, и это не казалось важным.

Лиза приняла душ и оделась. Судя по тому, как внизу гремели тарелки, Нова уже встала и возилась с завтраком. Странно: дочь никогда не была жаворонком. Хотя четырнадцать лет, старшая школа на носу. Может, что-то меняется. Несколько дней назад сама Лиза тоже встала без напоминаний.

По лестнице она спускалась с тягостным ощущением… неправильности. Сон не развеивался. Она помнила его, будто все случилось по-настоящему. На кухне Нова в клетчатой школьной форме жарила яичницу. Волосы у нее были черные, прямые и длинные, как у матери. Она обернулась с припасенной для Лизы улыбкой, отчего на щеках заиграли ямочки, но слишком резко и смахнула локтем коробку хлопьев со стойки, а яйца едва не вылетели из сковородки.

Точь-в-точь как пару дней назад.

Хлопья рассыпались по полу, несколько докатилось до ног Лизы. Она смотрела на них, не в силах пошевелиться. И вспоминала…

«Вот дер… в смысле, блин! Прости, мам!»

— Вот дер… — вырвалось у Новы. — В смысле, блин! Прости, мам!

Дочь поставила сковородку и бросилась за веником.

Это уже было. В понедельник.

— Нова, ты меня разыгрываешь?

— Я не нарочно! Нервничаю из-за репетиции. Прости, прости!

Лиза взяла ее за плечи и заглянула в глаза.

Девочка дернулась, скользнула взглядом в сторону, пальцы у нее задвигались, будто она пыталась подметать.

— Нова? — Лиза ощутила настоящий ужас. Дочь смотрела сквозь нее, словно вообще не видела. — Нова!

Нова сфокусировалась на ней и склонила голову набок, будто увидела впервые. Но стоило Лизе разжать руки, как девочка кинулась подметать, а потом на ходу проглотила яичницу.

— Прости, мам! Утренняя репетиция перед концертом, ты же помнишь?

Она снова стала собой и, лучась улыбкой, взяла Лизу за руки.

— Ты ведь придешь? Даже если на работе запарка?

— Приду… я уже при…

Лиза отчетливо помнила звуки, запахи, вид зала. Джазовое фортепиано, аплодисменты.

Неужели это ей тоже приснилось?

— Не на репетицию, — уточнила Нова. — На сам концерт!

— Который будет...

— В среду.

— А сегодня у нас...

— Понедельник. — Нова закатила глаза. — Как будто у тебя все не расписано по минутам.

— Ты запорешь концовку «Ночи в Тунисе»...

— Ничего я не запорю.

Нова отпустила ее и подхватила рюкзак. Замерла. Пошарила в кармане и вытащила браслет из красного коралла.

Лиза машинально коснулась запястья. На нем уже был точно такой же.

— Вот! — Нова протянула браслет. — Я сама сделала. Для тебя.

Потом, прикусив губу, достала второй.

— И для Дейна. Отдашь ему?.. Пусть думает о нас.

Девочка протянула ей оба браслета.

— Нова. — Лиза подняла руку с браслетом на запястье. — Нова.

— Знаю, мам. — Девочка вздохнула. — Я знаю, что вы с ним... Но пожалуйста, передай ему. Мне нужно хотя бы попробовать.

— Нова, посмотри на мою руку.

Лиза постучала по браслету. Нова уставилась на него. Снова этот наклон головы.

— Как... он уже у тебя?

— Нова, происходит что-то непонятное. — Лиза опустила руку. — Что-то очень странное.

Нова отвела взгляд.

— Думаю, Дейну понравится. Пожалуйста, передай ему.

Она положила оба браслета на стол и обернулась.

— Как думаешь... папа в этом году придет?

— Нова, разве это важно? Я говорю тебе: что-то не так.

— Да. Если он придет, вот тогда будет не так.

Нова вздохнула, но тут же оживилась. Будто… совсем забыла про странность с браслетами или не хотела об этом думать.

— Но Дейн снова с ним разберется! Мне пора! Пока! — И умчалась.

Лиза опустилась на стул. Под ногами захрустели хлопья, которые Нова так и не убрала до конца. Разговор вышел таким странным… И как… как она вчера добралась домой? Нахмурившись, Лиза позвонила Дейну и сразу попала на голосовую почту. Этот его дурацкий смартфон с вечно дохлой батарейкой! Она начала набирать сообщение, и тут пришло сообщение от отца Новы.

«Ладно, — написал он. — Переживу».

Лиза нахмурилась и вспомнила: несколько дней назад она сама с ним связалась. Обещала записать концерт, но намекнула, что лично приходить не стоит. Она прокрутила переписку вверх и нашла точно такое же сообщение. Понедельник, 6:52. Та же дата. То же время.

Сердце забилось быстрее. Она бросилась наверх, проверила кровать, потом пол рядом. Вот он, пистолет Дейна. Тот самый, что он вытащил из багажника и отдал ей. Она держала его в момент взрыва. Руки задрожали. Лиза скатилась вниз, прыгнула в машину и погнала, не разбирая дороги. В управление удалось добраться около половины восьмого, до главных пробок.

Лиза влетела в здание и помчалась к своему кабинету. Роуна уже была на месте. По вторникам и четвергам она никогда не приходила раньше — развозила детей. Если она здесь…

— Роуна, — позвала Лиза.

Та продолжала печатать.

— Роуна? — Самообладание Лизы грозило дать трещину. — Пожалуйста!

Женщина вздрогнула, глянула на Лизу и ойкнула.

— Шеф! Не стоит подкрадываться к вооруженной женщине.

Она улыбнулась, но нервы у Лизы уже не выдерживали. Роуна нахмурилась.

— Шеф?

— Дело Гоффри.

— Почти раскрыли. Ждем, когда кто-нибудь из братьев Ким расколется. Как только заговорит, показания будут у вас на столе. Только еще придется убедить прокурора, что этого достаточно. Желаю удачи, шеф.

Лиза стояла ни жива ни мертва. Никто из проходящих мимо детективов на нее даже не взглянул, будто она невидимка. Роуна принялась печатать, потом обернулась, увидела Лизу и снова вздрогнула. Как будто та только что появилась.

Дэвис принес кофе для коллег. Понедельник — его очередь. На доске красовалась точная копия ее субботних заметок. Лиза стерла их во вторник вечером, когда расписывала план задержания. Она взглянула на свой кабинет. Стекло в двери треснуло. Его меняли… в среду…

О, черт…

— Дейн, — прошептала она.

Лиза положила руку на плечо Роуны. Та снова вздрогнула.

— Шеф? Все еще волнуетесь насчет дела?

— Дейн на месте?

— Шеф… до полудня еще далеко. Как сами думаете?

Лиза повернулась и пошла к выходу, с каждым шагом все быстрее, пока не случилось что-нибудь еще более жуткое. Ее начали замечать. Люди оглядывались, улыбались, здоровались. Потому что…

Потому что было 7:48. Примерно в это время она обычно появлялась на работе. Скорее всего, именно в это время она пришла в понедельник. В… другой понедельник. Теперь, когда ей полагалось здесь быть, все вдруг стали вести себя нормально.

Но ничего нормального в этом нет. Лиза убежала.

Она прыгнула в машину и поехала к Дейну. До его квартиры было рукой подать, но как раз начинались пробки, и в нее то и дело едва не врезались машины. После пятого раза, когда очередная машина вильнула в сторону и просигналила, Лиза припарковалась и прошла оставшиеся три квартала пешком.

Тим — худой, как жердь, консьерж — заметил ее только со второй попытки.

— А, мисс Лиза.

— Дейн выходил сегодня? — По спине у нее струился пот.

— Нет, мисс Лиза. Но ведь до…

— До полудня еще далеко. Да, я знаю.

Она проскочила мимо сломанного лифта, который не работал уже много лет, и бегом поднялась на третий этаж. Остановилась, запыхавшись, и попыталась собраться с мыслями. Что-то случилось в том особняке с «устройством». Что говорила та женщина в конце? Что они собираются отправить весь особняк через… что? Какую-то дыру?

К счастью, город не уничтожен. Но что-то произошло. Что-то невозможное, не укладывающееся в голове. Или она просто теряет рассудок.

Лиза открыла дверь запасным ключом, который все время забывала вернуть. Квартира встретила ее знакомым «холостяцким» запахом: остатки китайской еды, пустые банки в мусоре и грязная одежда в крошечной прачечной. Дейн — не неряха. За годы работы в патруле она повидала настоящих нерях. Он просто обычный человек из тех, что живут одни и редко приглашают гостей.

Она толкнула дверь в спальню. Дейна нет. Кровать не заправлена. Впрочем, это еще ничего не значит. Но телефона на зарядке нет. И что важнее, пистолета тоже нет. Дейн всегда вешал кобуру на крючок у кровати и убирал, только когда кто-то оставался ночевать. Если пистолета нет, значит, что-то случилось.

Либо он вернулся и переживает то же самое, что и Лиза, но не пошел в управление и не позвонил ей. Либо… не вернулся во времени.

Лиза опустилась на край кровати — растерянная, выжатая, подавленная. Белый свет невозможным образом отправил ее домой на три дня в прошлое.

Но куда… или в когда… отправился Дейн?

Глава 5

Через некоторое время после нулевого момента

У Дейна вырвался стон. Ощущение было такое, будто он превратился в гравий и застрял в рифленой подошве берцев. Проморгавшись, он обнаружил, что лежит на твердом, покрытом пылью полу. Дейн сел. Пыль осыпалась с него, взвилась облачком и лениво поплыла в луче послеполуденного света из единственного грязного окна.

Его окна?..

Это его спальня. Только полки упали со стен, а книги валялись на полу и гнили. Ваза разбилась при падении, и часть черепков превратилась в крошево.

Дейн поднялся на ноги. Видимо... это все, что осталось от кровати. Древесные ошметки, простыни, расползающиеся от одного прикосновения. Он стряхнул пыль, ничего не понимая, потом заметил кое-что в мусоре под ногами. Выудил пистолет — целый — и сжал рукоять. Хоть что-то надежное.

Тишина. В центре города никогда не бывает тихо. Редкие вопли означают, что все в порядке, а сирены — его ночная серенада. Он добрел до окна и оперся о подоконник. Дерево под левой рукой хрустнуло.

«Что за?..»

Дейн поднял руку и посмотрел на вмятины от своих пальцев. Потом убрал пистолет в кобуру и осторожно протер стекло рукавом. От его прикосновения оно вывалилось из рамы. Дейн поморщился: звук разбившегося внизу стекла резанул тишину, как выстрел в пустом зале.

Однако он недолго смотрел на стекло.

«Проклятье...»

Здания вдоль улицы в основном еще стояли, но машины лежали ржавыми грудами. Одни посреди дороги, другие припаркованные. Все они будто одновременно заглохли и, разрушаясь, простояли века. Пустые провалы окон. Пни вместо деревьев. Упавшие фонарные столбы оставили на земле ржаво-красные полосы. И тишина.

Оглушительная тишина.

— Что же натворила эта бомба? — прошептал он.

Третий этаж внезапно перестал казаться безопасным. К счастью, его квартира была по сути бетонной коробкой. Ковер истлел, но пол держался. Дейн подошел к двери, взялся за ручку — и просто оторвал ее, механизм рассыпался. Даже латунная ручка слегка крошилась, если поскрести ногтем.

Это не нормальный износ. Латунь же вечная? Доспехи из нее сохранились еще с римских времен. Дейн прикрыл голову рукой, плечом снес дверь — та разлетелась щепками — и прошел через кухню к двери в коридор. Той уже не было: судя по обломкам, ее выбило внутрь.

Само собой, электричество не работало. Плохо другое: обыскав комнаты, Дейн нашел фонарик, но тот проржавел насквозь и больше ни на что не годился. Он вернулся в коридор. Темно, только солнце пробивается сквозь дыры в дальней стене. Будто прошлись из дробовика. Он повернул направо к лестнице. Пол держался — добрый старый бетон с арматурой. На лестничной площадке он

шагнул на пару ступеней вниз, но темнота была хоть глаз выколи. Дейн вытащил телефон из кармана на штанине… на черном экране мигал лишь значок батареи.

Ясно. Он убрал телефон обратно и, вдохнув поглубже, начал осторожно спускаться на ощупь. Главное, не шагнуть на ступеньку, которой уже нет.

«Всего один этаж, — сказал он себе. — Если что, падать невысоко».

Да и выбора нет: пожарная лестница явно проржавела и осыпалась, а лифт никогда не работал. Впрочем, в нынешней ситуации ему точно не стоит доверять.

В ушах грохотал пульс. Каждый шаг в темноте ощущался как прыжок в бесконечную пустоту. Ни звука, кроме учащенного стука сердца. Дейн пытался обрести спокойствие, которое приходит на стрельбище, но там видишь мишени и сосредотачиваешься на цели. Здесь же… оставалось только шагать вперед, ведя ладонью по бетонной стене и носком нащупывая следующую ступеньку. Каждый раз казалось, что он тянется слишком далеко, а ступенька никак не находится.

Увидев полоску света, Дейн ощутил такое облегчение, что последние несколько ступенек буквально пролетел. Он вышел в вестибюль. Темноту разгонял лишь солнечный свет с улицы.

«Черт, это слишком жутко».

Он оказался в каком-то странном постапокалиптическом кошмаре… и его напугал спуск по лестнице? Дейн пересек пыльный вестибюль и остановился. Следы. По всему полу. Столько пыли могло накопиться за… века?

Проклятье, неужели и правда прошли века?

Неприятно покалывала мысль о том, что кто-то совсем недавно оставил здесь следы. Дейн вытащил пистолет и начал осматривать темные бесформенные силуэты — мебель и поваленную стойку рецепции. Один из силуэтов открыл светящиеся белые глаза.

Сердце рванулось из груди. Тихо выругавшись, Дейн попятился и навел пистолет на тень. Та поднялась. Перед ним оказался истощенный мужчина в лохмотьях. Высокий, с зачесом…

— Тим? — прошептал Дейн, узнав консьержа. — Черт, Тим. Что с тобой случилось? Почему у тебя…

«Почему у тебя светятся глаза?»

Тим сосредоточился на нем и прошептал пять слов, от которых мороз пошел по коже:

— Дейн, я чувствую твое тепло.

Дейн сделал еще шаг назад и уперся пяткой в стену. За спиной был только пустой лестничный пролет. Он держал Тима на мушке, тот приближался.

— Ты еще теплый, — прохрипел Тим. — Поделись теплом. Мне нужно.

— Тим, стой. Не двигайся. Покажи руки.

— Мне нужно.

— НИ ШАГА!

Светящиеся глаза уставились прямо на него. Из бока Тима появилась мерцающая фигура, белая и прозрачная, с застывшим в крике лицом. Она будто пыталась вырваться наружу. Это… миссис Банлер. Соседка через три двери.

Тим бросился вперед.

Дейн выстрелил дважды, прямо в корпус, как на тренировках.

Никакого эффекта.

Через миг Тим врезался в него и ударил по пистолету. Откуда в этих ручках-веточках столько силы? Дейна швырнуло к стене. Одной рукой он пытался развернуть оружие, другой сдерживал Тима. Этот… дух… миссис Банлер рвался наружу с гримасой боли на лице. Тим схватил Дейна за горло.

Прикосновение будто что-то вытягивало из него, тело захлестнул холод. Это было сродни удару под дых, как в тот раз, когда он узнал, что мать в больнице, только на порядок сильнее. Дейн застонал. Глаза Тима расширились, засветились ярче.

К счастью, такой захват не самый опасный. Несмотря на нарастающую слабость, тело вспомнило тренировки. Убрать пистолет. Захват под руку. Перенести вес, и…

Дейн провел бросок. Тим влетел в остатки стойки и со стоном прокатился по щепкам. Дейн качнулся, тяжело дыша. Потянулся к пистолету, но…

Проклятье. Два прямых попадания в корпус — и ничего.

Тим с воплем вскочил. Дейн забыл все, чему его учили, и снова полез в рукопашную — попытался взять противника в захват. Это оказалось непросто. Прикосновение к коже Тима вызывало тот же жуткий холод. К тому же он был силен, сильнее любого из инструкторов Дейна.

Тим разорвал захват и впечатал Дейна в стену. Удар ногой в грудь хотя бы отбросил консьержа назад. Он был сильным, но легким, как пугало.

«Затяжной бой все равно не выиграть», — подумал Дейн, заметив, как легко Тим вскочил на ноги. Сам он уже выдыхался. Покосившись в сторону, он оттолкнулся от стены, встретил Тима на середине вестибюля и ударил в лицо. Это уже чистый инстинкт. Тим открылся, и боксерская мышечная память взяла свое. Но сработало.

Две пули — и ничего, а кулак в лицо, похоже, его оглушил. Дейн добавил еще дважды, жалея, что нет перчаток, и холодея от каждого прикосновения. Напоследок он схватил консьержа за руку, развернул и толкнул прямо сквозь деревянный щит, закрывающий шахту лифта. Его оставили рабочие, и он был таким же трухлявым, как все вокруг.

Тим проломил его насквозь и с воем рухнул в подвал. Потом вой резко оборвался.

Дейн упал на колени, пытаясь отдышаться. Так его не выматывал ни один спарринг. Однако не стоило маячить, как мишень, на открытом месте, мало ли кто выскочит с лестницы внизу. Он кое-как поднялся и заглянул в шахту лифта.

Тело Тима лежало внизу скрученное и переломанное, видное по холодному белому свечению. Образ кричащей женщины медленно гас. Судя по всему, Тим ударился головой. И, самое главное, не вставал.

— Наконец-то этот лифт на что-то сгодился... — сказал Дейн, упершись ладонями в колени и переводя дыхание.

Он обернулся, проверил другие тени, но чудовищ со светящимися белыми глазами больше не было. Он снова посмотрел в шахту лифта, и его замутило. Не только от прикосновений и схватки, но... это был Тим или, вернее, то, что от него осталось. Они вместе ходили в бар. А теперь...

Теперь последние остатки света угасли, и темнота поглотила тело целиком.

К счастью, силы начали возвращаться. Тело теплело. Как бы ни повлияло на него прикосновение Тима, последствия, похоже, не постоянные. Не считая напряжения после схватки, Дейн чувствовал себя почти нормально. Он осторожно выбрался на улицу и осмотрелся по сторонам. Его машины на парковке нет. Черт, наверное, гниет возле особняка, где случился взрыв.

Во всем этом нет ни малейшего смысла, но пока можно обойтись и без него. Нужно найти безопасное место и подумать, а в этом здании Дейн точно не

чувствовал себя в безопасности. С другими жильцами могло произойти то же, что с Тимом. Судя по солнцу, близился вечер. Ночевать здесь точно не стоит.

Может, в пригороде безопаснее — меньше людей? Но как добраться без транспорта? Все машины на улице выглядели так, будто стояли и ржавели не одно поколение.

«Что бы ни произошло, это связано с тем экспериментом. Устройство. Белый свет».

Особняк располагался в восточном пригороде, значит, нужно двигаться на запад? Других идей на ум не пришло. Дейн выскользнул на улицу, сжимая пистолет в потной руке.

Он шагал по разбитому тротуару, обшаривая взглядом каждый перекресток. Отчаянно хотелось увидеть хоть что-то, кроме разрушенных зданий и брошенных дорог. Если есть выжившие — не такие, как Тим, — они должны были оставить следы, верно? Дейн свернул на Розмари и явственно почувствовал, как что-то наблюдает за ним из какого-то здания.

Он прибавил шагу, свернул за угол и заметил фигуры, прячущиеся за ржавым грузовиком. Помедлил и подумал, не вернуться ли, но...

Нужно проверить. Это могут быть люди, а не чудовища. Нервничая, но полный решимости, Дейн побежал к грузовику с пистолетом в руке, дулом вниз. Вскоре одна из фигур обернулась в его сторону и оказалась обычным парнем. Одежда у него не расползалась, а глаза, пусть и выпученные от страха, не светились.

Тем не менее последние футы Дейн преодолел так же осторожно. Двое, лет по двадцать с небольшим. Девушка (латиноамериканка, короткие волосы, плотная кожаная куртка) и парень (белый, стрижка маллет, веснушки). Они заметили его только у самого грузовика и дернулись. Парень скользнул взглядом по значку Дейна. Тот, как всегда, висел на ремне.

— Коп? — спросила девушка. По старой привычке Дейн напрягся. — Слава богу.

Девушка схватилась за крестик на шее, а другой рукой настойчиво поманила его ближе.

Чутье подсказывало, что это не чудовища. Слишком уж нервничают, и на лицах читается облегчение. Он и сам испытал едва выносимое облегчение при виде людей, которые вроде не хотят его убить. Дейн подбежал и присел рядом, отведя пистолет в сторону.

— Нужно уходить! — прошипел парень. — Немедленно!

— Но остальные... — начала девушка.

— Они мертвы! Нужно шевелиться.

— Остальные, — сказал Дейн. — Где они?

Девушка неуверенно указала за ржавый грузовик с пылью вместо шин. За поворотом Дейн различил три фигуры в лохмотьях: две истощенные, но одна — с такой мускулатурой, что позавидовал бы культурист.

На глазах у Дейна из здоровяка пытались вырваться сияющие тени с искаженными агонией лицами. У всех троих были такие же светящиеся глаза, что и у Тима. Троица скользнула в здание через окно первого этажа. Это был банк — Дейн часто проходил мимо по дороге на работу.

— Там целая стая возвращенцев, — прошептала девушка. — Мы запаниковали и разделились. Мы побежали сюда, а Терри и остальные... в банк.

— Сколько? — спросил Дейн. — Сколько там ваших друзей и сколько этих тварей вы видели?

— Нас еще четверо, — ответила девушка. — Возвращенцев... должно быть, больше дюжины. Плюс эти трое только что подтянулись, видимо, на крики.

— Нужно уходить, — настаивал парень. — Терри и остальные мертвы.

Уходить.

— Ага, — сказал Дейн. — Только это мой участок. Вы двое пока прячьтесь, а если что, кричите и бегите на открытое место.

— Но...

Дейн вытащил из кармана на левой штанине две запасные обоймы и заткнул их за ремень. Потом добил текущую еще двумя патронами. Пока выжившие в ужасе жались друг к другу, он вышел из-за грузовика, выпрямился в полный рост и с пистолетом в руке пошел к банку.

— Я детектив Эндрю Дейн. Все трое — на выход, руки вверх. Медленно. Не бежать. Второй раз просить не буду и церемониться не стану. У вас десять секунд, чтобы выйти, или вхожу я и стреляю.

Руки дрожали. Дейн считал про себя и вспоминал. Впервые за много лет он снова оказался в такой ситуации. Он...

Из окна выпрыгнула фигура со светящимися глазами.

Дейн наконец обрел спокойствие.

Выстрел угодил твари прямо в лоб. Она рухнула на бетон, прокатилась и замерла. За ней из окна выпрыгнула вторая, крича что-то про «тепло» Дейна.

Второй выстрел — и мужчина упал рядом с женщиной. Оба не двигались, свет угасал. Их… их действительно можно убить.

Но вышли только двое. С третьего этажа доносились крики. Живые люди в беде. Деваться некуда. Дейн вошел в здание, проверяя углы. Навыки не подвели: последний из уже виденной троицы — здоровяк — попытался взять его слева.

Дейн отпрыгнул, возвращенец бросился за ним. Из него рвались светящиеся духи, каждый раз разные. Будто он, в отличие от Тима, поглотил десятки людей. Вот откуда этот сытый вид.

Дейн, увернувшись, выскочил из здания и всадил пулю здоровяку прямо в голову. Тот не отставал.

Следующий выстрел просвистел мимо. Возвращенец схватил Дейна и швырнул. Тот откатился в сторону. Здоровяк налетел с невероятной скоростью, прыгнул на него и впечатал в землю с такой силой, что вышибло дыхание. Внутри разлился холод. Из Дейна снова что-то вытягивали.

— Твое тепло такое вкусное, детектив, — произнес возвращенец, склонившись над ним. — Эндрю Дейн. Знаешь, мне нравится знать имя своей еды.

Дейн моргнул сквозь пелену боли и слез и увидел след от пули. Она срикошетила, рассекла кожу, но не пробила череп.

Жизнь утекала. Прижатый к земле, Дейн принял решение. Может, глупое.

Он изо всех сил боднул тварь.

В глазах потемнело, сквозь холод пробилась боль. Здоровяк его отпустил, но тут же снова с рычанием ухватил. Однако Дейн успел поднять пистолет. В глазах плавали только темные пятна, но он сумел упереть ствол в подбородок противника, как раз когда тот снова припечатал его к земле.

Дейн опустошил в челюсть весь магазин. Возвращенец дернулся и взорвался светом. Призрачные силуэты вырвались наружу. Крик стих. Тело обмякло.

Дейн со стоном отпихнул труп. Тот перекатился на спину, мертвые глаза уставились в небо.

— Последнюю пулю звали Нэнси, — пробурчал Дейн, пнув здоровяка в голову. — Всегда пожалуйста.

Он быстро сменил обойму и побрел к зданию с пистолетом наготове, надеясь, что силы вернутся. Пальцы онемели, будто он целый час держал лед. Внутри поджидала еще одна темная лестница. Он стиснул зубы и стал подниматься, ориентируясь на звуки. Скоро забрезжил свет: глаза чудовища отбрасывали отблески на стены при каждом движении.

Выстрел в голову.

Пока в ушах звенело, Дейн перепрыгнул через труп и мысленно возблагодарил бесконечные часы на стрельбище. Силы возвращались. Сердце билось ровно. Годы тренировок брали свое.

Он вошел в комнату и огляделся. Две фигуры. Светящиеся глаза.

Выстрел в голову.

И еще один.

Он пробежал мимо двух содрогающихся тел. Свет в их глазах угасал. В коридор. Комната справа.

Что-то бросилось на него слева.

Разворот. Прицел.

Выстрел в голову.

Шаг в сторону. Тело падает.

Он побежал дальше на крики. Дверь хранилища разодрана когтями. Внутрь. Быстро оценить. Три противника.

Один выстрел.

Второй.

Третий.

Дейн опустил пистолет. Он убил семерых. Парень с девушкой говорили о дюжине, но свидетели всегда склонны преувеличивать. Дейн стоял посреди хранилища в окружении истлевших купюр и смотрел на четверых перепуганных людей, которые только что отбивались от чудовищ. Ужас на их лицах сменился растерянностью и наконец ошеломленным облегчением.

— Еще враги есть? — спросил он.

— Кто… — промямлил один парень (лысый, в очках).

— Еще враги есть?

Они покачали головами. Дейн опустился на колено рядом с девушкой, которой досталось больше всех: царапины на лице и горле, кровь, дыхание поверхностное.

— Как ей помочь?

— Теплом. — Другая девушка обняла пострадавшую, их обступили еще двое.

Дейн вышел проверить убитых тварей. Всегда проверяй тех, кого считаешь мертвыми. Тейлор — его инструктор по огневой подготовке — раньше служил в морской пехоте и давал этот совет с каким-то особым напором, словно из личного тяжелого опыта.

Похоже, все и правда мертвы. Дейн выглянул в окно, махнул двум выжившим на улице и спустился встретить их в вестибюле.

— Трое остальных вроде в порядке, — сказал он, ведя их наверх. — Только одна девушка пострадала.

На третьем этаже они прошли мимо убитых возвращенцев. Девушка бросилась в хранилище, а парень с маллетом остановился в коридоре и уставился на мертвых тварей.

— Как… — сказал он. — То есть… Проклятье.

Дейн молча сменил обойму, сосчитал оставшиеся патроны. Чувствовал он себя… живым.

Тепло вернулось и принесло с собой еще кое-что: возбуждение, азарт, ощущение цели. Он убрал пистолет и кивнул в сторону хранилища: девушка на руках друзей начинала приходить в себя.

— Есть другие выжившие? — спросил Дейн. — Знаете безопасное место?

— Ага, мы поисковая группа, — ответил парень. — Ходили в хозяйственный за снаряжением. Нас отрезали, мы запаниковали и разбежались. Нельзя было заходить в мертвую зону…

— Сколько выживших, по твоим данным?

— Пара сотен. Засели в кантри-клубе, на Семнадцатой.

Дейн кивнул. Там много открытого пространства, сразу видно, если кто-то приближается. Не идеальное укрытие, но вполне приличное.

— Вы… Ну то есть… из спецназа или что? Армия едет? Нас вытащат?

Они до сих пор ждут армию?

— Сколько времени прошло? — спросил Дейн. — С тех пор как… это… началось?

— Мы называем это «светолом». Ну, этот… выброс… Как вы можете не знать, сколько прошло времени?

— Меня вырубило. Только недавно пришел в себя, и вот тебе, пожалуйста. Сколько прошло? Двадцать лет? Тридцать?

— Три дня. — Голос у парня был мертвый. — Детектив, это случилось… три дня назад.

Глава 6

За 63 часа до нулевого момента

Лиза мерила шагами спальню Дейна и сопротивлялась желанию убрать гору носков. Он всегда забывал снять их до того, как лечь, и стаскивал уже в кровати, так и накопилась невероятная коллекция. Сколько раз он просто пожимал плечами и шел покупать новые? Она почти не сомневалась, что археолог, копнув поглубже, отыскал бы носки еще со школьного выпускного.

«Сосредоточься».

В прикроватной тумбочке нашелся карманный блокнот и карандаш. Лиза принялась записывать все, что известно.

1. Каким-то образом я оказалась в прошлом. Я помню следующие три дня. Больше никто не помнит.

2. Примерно через шестьдесят три часа, в полночь в среду, ученая проведет эксперимент, который исказит само время.

3. Все, кого я встречаю, ведут себя странно, будто едва меня замечают. Будто меня здесь нет по-настоящему.

4. Дурацкий телефон Дейна, скорее всего, разряжен. Или он в другом времени или месте, куда мне не попасть. Я не знаю, стоит ли искать его здесь.

Тревога за Дейна не отпускала. Лиза слышала выстрелы еще до взрыва и, кажется, видела, как его задело, но в той суматохе ей все могло показаться. Очень хотелось знать, вернулся ли он в ее время. Она надеялась, что да, и отправила ему

еще одно сообщение. Если зарядит телефон — увидит их. Покончив с этим, она попыталась наметить план действий. Поехать в первый участок и собрать аналитиков? Или взять отряд и устроить рейд на месте взрыва? Охрана Назим ни о чем не подозревает. С Лизой они «познакомятся» еще через два с половиной дня.

Вот только… найдет ли она особняк? Дейн и тот заблудился по дороге, а сама она почти не смотрела по сторонам — отвечала на письма, пока он вел машину. Примерный район, пожалуй, отыскать удастся, но в этом плане есть и другие слабые места. Если она возьмет отряд, станут ли ее слушаться? Не разбредутся ли прямо посреди рейда?

Рассчитывать на отряд, которому нельзя доверять, не хотелось. Ей нужен эксперт…

Лиза остановилась и опустила блокнот.

— Ученый, — прошептала она.

Юн. Мужчина, которого они нашли связанным. Что он говорил? Что ушел из проекта по этическим соображениям и вернулся только в день эксперимента? Значит, в ее временной линии он, скорее всего, ведет обычную жизнь. И не только знает место взрыва, но понимает, что именно происходит.

Юн работал в ОКТЯ. Общественный колледж Тайсон-Ярдс. «Вакансий не так много…»

Вот это настоящий план. Шанс хоть что-то взять под контроль или хотя бы получить ответы. Лиза почти бегом спустилась по лестнице, миновала Тима. Тот не поднял глаз от журнала. Ей показалось, что он вздрогнул, когда за ней хлопнула дверь.

Уже в машине Лиза открыла карту. Недалеко. Ехала она быстрее, чем следовало, и сама это понимала. Чтобы подавать пример другим, она всегда строго придерживалась ограничений скорости и жестко отчитывала детективов, которые считали, что служба дает им право гнать без веской причины. Когда она станет комиссаром…

Авария случилась так быстро, что она едва успела среагировать. Пока Лиза тормозила на светофоре, сзади в нее врезалась машина и вытолкнула на перекресток. В лицо ударила подушка безопасности. Как раз…

БАХ!

Что-то шарахнуло с пассажирской стороны, машину закрутило.

Через несколько секунд машина остановилась. Лиза запоздало выдохнула. В крови бушевал адреналин, сердце колотилось, в голове помутилось. Однако улицы в этой части города неширокие, и внезапное боковое столкновение вышло не слишком сильным. Ее трясло, шею свело от удара о подушку безопасности, но, кажется, ничего не сломано.

Дрожа, Лиза с трудом открыла дверцу, выбралась из машины и заозиралась из страха, что в нее снова врежутся. Боялась она напрасно: машина стояла на тротуаре, прижатая пассажирской стороной к стене магазинчика. На перекрестке двое других водителей с растерянным видом осматривали друг друга.

— Эй! — крикнула Лиза. — Идиоты!

Оба оглянулись и вздрогнули, явно удивившись. Вот черт... Она и раньше замечала, что водители словно не видят ее на дороге.

«Не надо было садиться за руль. Сама виновата».

Разум все еще отказывался принимать происходящее. Она едва не погибла.

«Надо ли вызвать полицию...»

Для аварий с участием сотрудников полиции это обязательно даже в куда менее серьезных случаях. Поколебавшись, Лиза решила пока не звонить. Скорее всего, ее просто не заметят. Непонятно даже, как вызвать эвакуатор.

«Сначала нужно спасти город. Остальное подождет».

Двое водителей обменялись контактами. Другие машины объезжали их, не создавая затор. Но пока она сидела на тротуаре и приходила в себя, ни один из них не подошел к ней, а их разговор, как ей показалось, занял слишком мало времени. Более того, оба сели в машины и уехали — у одного заметно вихляло колесо, — будто просто вернулись к прерванным делам.

«Ладно. — Лиза прислонилась к стене магазина. — Только метро, и никак иначе».

Дорога заняла намного больше времени, пришлось делать две пересадки. К тому же люди постоянно налетали на нее или пытались занять ее место. Зато так несравнимо безопаснее. В конце концов она добралась до ОКТЯ — трехэтажного здания с неожиданно большим для своего возраста количеством окон.

Выяснилось, что дальше вестибюля без пропуска не пройти. Район не самый благополучный, но и не самый плохой. Вполне стандартный протокол безопасности. В некоторых местных школах похожая система.

Лиза предъявила значок на стойке.

— Детектив Лиза Стерлинг. Мне нужно поговорить с профессором Юном.

— Юн… — Женщина что-то набирала на компьютере. — Сейчас вызову. Подождите минутку.

Лиза принялась мерить шагами вестибюль. Минутка превратилась в две, потом в три. Наконец она вернулась к стойке.

— Он идет?

Женщина моргнула.

— А вы…

Лиза снова предъявила значок.

— Я просила вас вызвать профессора Юна.

— Юн… — Женщина что-то набирала на компьютере. — Сейчас вызову. Подождите минутку.

Лиза со вздохом прижала правую руку ко лбу. Ее все еще трясло после аварии. Когда очередной студент открыл внутреннюю дверь, она просто прошла следом, и никто ее не остановил. Это нарушение протокола, но протокол не очень-то предусматривает ситуацию, когда по нелепости становишься практически невидимкой.

Она нашла преподавательские кабинеты. К счастью, на каждом висели часы приема. Судя по расписанию, Юн должен появиться через десять минут. Лиза все равно постучала, но никто не ответил. Она стояла и гадала: а вдруг он внутри и просто не слышит? Дверь была заперта, и, к ее раздражению, оставалось только ждать.

Она ждала.

И ждала.

Юн так и не пришел. Но потом случилось кое-что обнадеживающее: в кармане завибрировал телефон. Лиза вытащила его и чуть не выронила от волнения.

Наконец позвонил Дейн.

Глава 7

67 часов после нулевого момента

— Я Чарльз, хотя все зовут меня Чип, — сказал парень с маллетом и кивнул на латиноамериканку, которая настояла, чтобы они не бросали остальных. — А это Адриана.

Члены отряда по очереди представились, пока Дейн следил за коридором на случай, если возвращенцы полезут с лестницы. Пока было тихо. Всем нужна передышка, но скоро стемнеет. Надо выдвигаться.

Однако сначала нужны сведения.

— Так они, — Дейн мотнул головой в сторону трупов, — были нормальными людьми, до того как...

— Да, три дня назад, — пояснила Адриана. — Что бы там ни выбралось во время светолома, оно прошлось по целым районам.

— Выбралось? — Дейн нахмурился. — В каком смысле выбралось?

Несколько человек переглянулись.

— Появились огромные световые столбы, — наконец произнес Чип. — Из одной точки, где-то в восточных пригородах. Кто видел, говорят, это было похоже на сияющие прозрачные щупальца. Они взметнулись в воздух, а потом обрушились, как спицы колеса.

— Никакие это были не щупальца, — возразила Адриана. — Скорее огромные извивающиеся световые лучи. Больше похоже на извержение, чем на чудовище.

— Ладно, неважно, — продолжил Чип. — Все, чего они коснулись... стало мертвой зоной.

— Люди превратились в возвращенцев, — прошептала Адриана. — Мертвые зоны сразу начали разрушаться. Дерево потрескалось, железо проржавело, даже некоторые другие металлы рассыпались в труху. С каждым днем все хуже... Это конец света. Это...

— Насчет «возвращенцев», — перебил Дейн. — Все, кто находился в мертвых зонах, стали такими?

— Увы, — ответил Чип. — Только люди, насколько мы поняли, животных не затронуло. И это у всех происходило с разной скоростью. Те, кто был в помещении, менялись быстрее, чем те, кто снаружи.

— Странно, правда? — сказал Дейн. — Почему те, кто попал под свет, менялись дольше?

Остальные пожали плечами.

— Больше ничего не имеет смысла, — прошептал кто-то. — Зачем искать логику во всем... этом...

— В общем, — сказал Чип, — к концу первого дня все, кого коснулись эти штуки...

— То был свет Божьего суда, — пробормотала Адриана.

— ...обратились.

— И возвращенцы едят обычных людей? — спросил Дейн.

— Да. Кто не попал под светолом, для них корм. — Чип поежился. — Они чуют наше тепло. Выходят на охоту. Ночью хуже всего.

Еще бы. У Дейна оставалось тринадцать патронов, все в одной обойме. На еще одну стаю, может, и хватит, а дальше что — кулаками или камнями драться? К счастью, раненая девушка — Фелиция — немного оправилась. Надо выдвигаться.

— Посмотрим, что у вас за припасы. — Он кивнул на рюкзак с трофейным снаряжением. — Рация есть?

— Рации больше не работают, — ответил Чип.

— В каком смысле?

— Ну... не работают. — Чип пожал плечами и глянул на остальных. Те закивали. — Даже в паре ярдов друг от друга, даже не тронутые ржавчиной. Просто не работают.

— Вам тоже не по себе от этого?

— Ага. Детектив, мир просто... не тот, что раньше. Мы не понимаем, что это значит, но в штабе разбираются. Вам стоит с ними поговорить.

— Обязательно. Так что вы тогда нашли, раз не рации?

— В основном электроинструменты, — пояснил кто-то. — И кое-что из электроники. А еще переносные фонари, провода, веревку, наушники, пару зарядников...

— Зарядники? — Дейну передали небольшое, с ладонь устройство. — Еще живые?

— В них обычно что-то остается, — ответил Чип. — Смотря сколько пролежали на полке.

Ухмыльнувшись, Дейн вытащил из другого рюкзака USB-кабель и подключил свой телефон к зарядному.

— Телефоны тоже не работают, — прошептала Фелиция. — Все вышки рухнули, а даже если бы нет, электросеть тянется через мертвые зоны. Все провода сгнили.

— Ну, телефон хотя бы заменит фонарик, — сказал Дейн. — И мало ли, вдруг где-то поднимут сеть. Другие города заметят, что мы замолчали, и попробуют выйти на связь. Если у них самих не происходит то же самое.

Он спросил про оружие. Оружия не нашлось, зато в одном рюкзаке обнаружился внушительный нож Боуи. Дейн забрал его и вывел отряд на улицу. Снаружи еще раз осмотрел мертвого здоровяка-возвращенца, который любил умничать. Тот лежал смирно, куска черепа как не было, так и нет.

— Много таких крупных? — спросил Дейн.

— Раньше не видел, — ответил Чип.

Остальные по очереди согласились.

Дейн нахмурился. Пригляделся, склонив голову набок. Черт, знакомое лицо...

— У него было намного больше... призраков...

— Это души его жертв, — сказала Адриана, держась за крестик. — Вы их освободили, детектив Дейн.

— Может, он стольких сожрал, что... э-э... набрал силу?

Остальные пожали плечами. Дейн снова вспомнил, что прошло всего три дня. Даже меньше. Светолом случился в полночь, а теперь вечер третьего дня.

До кантри-клуба — штаба — было полчаса ходьбы, но путь по большей части пролегал через мертвую зону. Дейн шагал впереди с пистолетом наготове и вел отряд ближе к середине улицы. Да, они как на ладони, зато никто не бросится из дверного проема или окна.

Мимо тянулись разгромленные магазины: даже металлические решетки и сетки, которые опускали на ночь поверх витрин, были разодраны. Большинство зданий казались ямами, за дверьми таилась непроглядная тьма. Дейн и не

представлял, что без электричества городская улица так быстро превращается в аллею склепов.

— Машины еще на ходу? — Он резко повел стволом на движение впереди.

Бродячий кот покосился на них и исчез в здании.

— Которые не попали в мертвую зону — да, — ответила Адриана. — Только дороги забиты брошенными машинами, не проедешь. На мотоциклах немного проще, но...

— Но?

— Похоже, мертвые зоны расширяются. Мы нашли велосипеды в магазине рядом с зоной, но не в самой зоне, и они начали ржаветь. Если пронести оборудование через мертвую зону, оно постепенно приходит в негодность. Будто... затронутые районы... радиоактивны. Только это какая-то новая радиоактивность, которую мы не умеем измерять.

Черт, Дейну захотелось убраться из этого места еще быстрее. К сожалению, Фелиция еле держалась на ногах после того, как ее едва не сожрал возвращенец, и шла медленно, опираясь на чужое плечо.

— Она еще долго будет такой, — прошептала Адриана. — Неизвестно сколько. Мы даже не знаем, способны ли вообще выжившие полностью восстановиться после касания возвращенца.

— А вдруг она...

— Превратится в одного из них? Слава богу, пока такого не случалось. Судя по всему, если возвращенец выпьет тебя досуха, ты просто умираешь. Новые возвращенцы не появляются. Но во время светолома лучи расширялись, отдаляясь от эпицентра, и накрыли больше половины города. Поэтому...

Возвращенцев и так более чем достаточно. Однако при мысли, что люди больше не обращаются, стало немного легче.

— Она поправится, — сказал Дейн. — В конце концов, я же поправился.

— Вы... что?

Из переулка раздался шум. Дейн вскинул кулак, останавливая отряд. Вскоре на них выскочили двое возвращенцев — обычные, тощие — и, ускоряясь, припустили к ним. Дейн глубоко вдохнул, прицелился и стал ждать. Чем ближе цель, тем точнее выстрел. Еще несколько ударов сердца...

Бах!

Выдох. Подождать, пока замрет пистолет.

Бах!

Второй возвращенец покатился по асфальту и замер с дыркой во лбу.

— Черт, метко, — прошептал Чип.

— Хорошо, что они не уворачиваются, — отозвался Дейн. Осталось одиннадцать патронов. — Не стоим.

Ему рассказали, что громкие звуки привлекают возвращенцев, но не так сильно, как обычных хищников. Еще их можно ненадолго отвлечь теплом. Костром, например. В городе с этим непросто, большая часть дерева сгнила, но рядом со штабом два соседних здания набиты дровами и маслом, а лучник стоит наготове с горящей головней. В случае массовой атаки они рассчитывали отвлечь возвращенцев достаточно надолго, чтобы отбиться или уйти.

Чем больше Дейн узнавал об их приготовлениях, тем сильнее удивлялся. Спустя такое короткое время большинство, казалось бы, должно все еще пребывать в растерянности и панике, но кто-то явно не потерял голову. Незажженные костры для отвлечения, посты наблюдения за крупными скоплениями врага, стратегические вылазки за припасами? Неплохо для третьего дня апокалипсиса.

— Насколько большими бывают стаи? — тихо спросил он.

— Похоже, становятся все больше, — ответила Адриана. — В первый день была большая волна, пока люди обращались. На второй попадались в основном одиночки. На третий… — Она поежилась. — В телескопы мы видели стаи по тридцать-сорок особей в мертвых зонах. Может, и больше…

Проклятье, столкнуться с тридцатью сразу…

Дейн ускорил шаг и на ходу показал двум парням, как нести Фелицию на закорках. Они свернули на улицу пошире, и…

Впереди виднелись здания без следов разрушения и целые деревья, а не сгнившие пни. Они почти добрались, когда земля ушла у них из-под ног.

Хруст.

Темнота.

Дейн жестко приземлился и глухо застонал, едва устояв на ногах. Выругавшись, посмотрел вверх, на светящийся диск… Люк. Он наступил на

крышку люка, которая не успела до конца сгнить. Железо подалось под его весом, и он упал футов на тридцать в технический тоннель метро.

Он поморгал, снова прикидывая расстояние. Вокруг отверстия появились головы. Да... футов тридцать. Или больше. Дейн глянул на бетон под ногами. Неужели он только что упал с тридцати футов и устоял на ногах? Ноги ныли, но боль стихала.

Как можно упасть с высоты трех этажей и встать как ни в чем не бывало?

— Детектив Дейн? — в панике позвал сверху Чип.

— Все в порядке, — крикнул Дейн. — Бросьте мне веревку.

Они справедливо решили, что не пострадав он не мог упасть больше чем на десять футов. Веревку пришлось опускать ниже. Потом еще ниже. Дейн вскарабкался по ней и выбрался из люка.

— Глупая ошибка, — сказал он. — Прошу прощения. Надо было смотреть под ноги.

— Насколько там глубоко? — спросил Чип.

— Идем. — Дейн повел отряд дальше. — Хочу убраться из мертвой зоны.

Похоже, остальные разделяли его желание, хотя и предупредили, что за пределами мертвой зоны небезопасно. Просто безопаснее. Возвращенцы рыскали снаружи, но регулярно возвращались в эти разрушенные районы, будто им что-то нужно — возможно, та самая неизмеримая радиация.

Как ни крути, Дейн почувствовал себя намного лучше, когда они пересекли границу, оставив позади здания, которые выглядели на сто лет старше. Вокруг раскинулся город, куда больше похожий на тот, что он помнил. Кое-где встречались выбитые стекла и следы запустения, поскольку все, кто жил в этом районе...

Ну, либо с ними вышли на связь выжившие и переправили в кантри-клуб, либо они бежали из города, либо их выпили возвращенцы. Здания — по большей части жилые дома, а не магазины — пустовали так же, как те, что остались позади, но разбросанные трупы выглядели более свежими. Как его и предупреждали, деревья ближе к мертвой зоне начинали гнить с одной стороны. На машинах появлялись пятна ржавчины.

Дейн подгонял отряд. Видимо, возвращенцы предпочитают охотиться именно в приграничных районах. Нетерпение гнало его вперед, к нему

присоединилась Адриана. Когда они оказались вне пределов слышимости, она прошептала:

— Как вы пережили падение?

— Без понятия.

— Что вы от нас скрываете? Вы говорили, что вас коснулся возвращенец?

— Да. Консьерж моего дома, после того как я проснулся и спустился в вестибюль. Он меня неплохо приложил, высосал до такой степени, что я с трудом мог стоять. Но я сбросил его в шахту лифта и через пару минут снова был в норме.

— С другими не так. Кого возвращенец задевает хотя бы вскользь, целыми днями лежат без сил. Никто не восстановился полностью. Кого высосали частично, до сих пор прикованы к постели. А вы не просто ходите, но еще и падаете с трехэтажной высоты.

Дейн не остановился, лишь обернулся и помахал остальным, чтобы поторапливались.

— Вы говорите, что проснулись в своей квартире. Но она в мертвой зоне, значит, вы не могли проспать три дня. К тому же у вас работает пистолет. Кто вы такой?

— Я друг.

Глаза у Адрианы расширились. Она снова схватилась за крестик и кивнула, словно… воодушевившись.

Черт, решила ведь, что Дейн — ангел или кто-то наподобие. Может, стоило объяснить. Вряд ли он провел в постели все три дня. Дейн все больше убеждался, что из-за взрыва перенесся сквозь время и прибыл уже после того, как все произошло. Но почему именно в свою спальню? И как он пережил падение в люк?

К счастью, Адриана больше не задавала вопросов, потому что ответов у него все равно нет.

Пока Дейн подгонял всех вперед, в кармане завибрировал телефон. Зарядился и включился. Хорошо. Дейн расстегнул карман и вытащил его. Теперь можно проверить…

Он уставился на экран.

Три новых сообщения.

— Как? — спросил Чип, когда отряд сгрудился вокруг. — Есть сигнал?

— Вроде того, — ответил Дейн. — Это Лиза. Лиза прислала мне сообщение.

«Дейн. Позвони мне, как только зарядишь свой проклятый телефон».

Сообщение было отправлено пятнадцать минут назад… или, вернее, в это время телефон включился у него в кармане, а он не заметил. То же самое со вторым сообщением: «Я только что ушла из твоей квартиры, заходила тебя поискать. Еду в ОКТЯ выслеживать того профессора. Пожалуйста, позвони мне!»

Третье сообщение пришло всего несколько мгновений назад, отчего и завибрировал карман: «Как только все закончится, я куплю тебе новую батарею».

— Время отправки… — заметил Чип. — Это невозможно. Телефоны не работают. Посмотрите, у вас нет сети.

Дейн покосился на него, потом на остальных. Нажал кнопку вызова.

Пошли гудки.

Лиза ответила.

Глава 8

За 63 часа до нулевого момента

— Дейн. — Лиза приложила телефон к уху, расхаживая перед кабинетом Юна. — Наконец-то. Ты в порядке? Не ранен?

— Лиза? — Голос Дейна по какой-то причине был искаженным, но разборчивым. — Черт, Лиза! Нет, я более-менее в порядке. Разве что…

— С тобой тоже это случилось?

— Ага. Минуту. Дай отойду от остальных.

В трубке послышался приглушенный шорох.

— Ладно, я вставил наушник, чтобы руки были свободны, и отошел поговорить без лишних ушей. Ли, я думаю, мы каким-то образом перенеслись во времени.

Лиза глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Она не отдавала себе отчета, как сильно хотела услышать именно эти слова. Дело не только в ней. Она не сошла с ума.

— Дейн, ты в порядке? Я слышала выстрелы перед взрывом, а охранники стояли к тебе лицом.

— Они меня не задели. А ты как? В безопасности?

— Да. Есть один совет, если ты еще не разобрался. Не садись за руль.

— Здесь это и так не вариант. Где ты?

— Пытаюсь разыскать того пленника, которого ты нашел. Юна, ученого из местного общественного колледжа. Думаю, у него могут быть ответы. А ты?

— Я в нескольких минутах от старого кантри-клуба «Фэйргрин», рядом с центром. Там укрылись выжившие.

Выжившие? Лиза застыла посреди коридора.

— Что значит «выжившие»?

— Ты никого не встретила? А возвращенцы? Лиза, тебе нужно быть осторожной. Они чуют тепло.

От острой напряженности в его голосе ее пробрал озноб.

— Дейн, все, кого я встречала, кажутся нормальными, кроме того, как они со мной обращаются. Будто не видят меня и, даже когда мы общаемся, при первой возможности начинают снова игнорировать. У тебя как?

— Лучше бы меня игнорировали. Я уложил уже почти с десяток тварей. Они опасны. Держись подальше от тех районов города, где все разрушается, но возвращенцы могут быть где угодно. Если увидишь кого-то со светящимися глазами, это последствия взрыва три дня назад, когда...

— Три дня назад? — прошептала она.

— Ага.

— Дейн. Какое у тебя число и время?

— Вечер субботы, восемнадцатое.

Восемнадцатое.

О господи...

— Погоди, — сказал он. — А у тебя?

— У меня тринадцатое, — ответила она. — Еще до полудня. Я проснулась сегодня утром и помню все, через что мы прошли: пропавшая ученая, я иду за тобой, развязываю Юна, взрыв... Но я вернулась в понедельник и буквально заново прожила то же самое утро. Я в прошлом.

— А я в будущем, Ли.

Невозможно… это…

Дейн лжет?

Что за глупость вообще задаваться этим вопросом. Голос у него не шутливый. Это голос из серии «мне только что пришлось убить несколько человек». Она слышала его только однажды, но он до сих пор не давал ей покоя.

— Все плохо?

— Что бы там ни взорвалось, все перевернулось с ног на голову. Секунду. Черт.

Послышались выстрелы. Потом крики, стоны. Лиза беспомощно слушала и вздрагивала.

Снова выстрелы — вдалеке. Тишина. Потом Дейн… рассмеялся? Она выдохнула.

— Патруль, — пояснил он. — Несколько тварей нас обнаружили, но мы наткнулись на один из патрулей кантри-клуба. Они почти безоружные, только у двоих охотничьи винтовки, но этого хватило. Думаю, мы доберемся. Уже недалеко.

— Дейн. — Лиза расхаживала по узкому коридору и вглядывалась в каждого, кто проходил мимо, хотя никто на нее даже не смотрел. — Как мы вообще разговариваем? Между нами почти шесть дней.

— Без понятия. Но ты сказала, что у тебя там все странно?

— Очень странно. Правда, меня никто не пытается убить.

— Возвращенцы, они вроде… не знаю, вампиров? Только высасывают тепло. Но кусаться им не нужно, так что они, скорее, как призраки. У них есть тела, и их можно застрелить, но они продолжают переть на тебя, пока не попадешь им в голову.

Звучало дико, но учитывая, что происходит с ней самой…

— Дейн, — прошептала она, — пожалуйста, скажи, что ты преувеличиваешь, говоришь в переносном смысле или что-то в этом духе.

— Нет. Ли… это ужасно. Весь город разваливается. Здания разрушаются с невероятной скоростью. Машины проржавели, хотя прошло всего три дня. Я же

сказал, этот взрыв... — Он помолчал. — Черт, ты же в прошлом. И можешь все остановить!

— Думаешь, сработает?

Лиза посмотрела на проходящего мимо студента. Ее внезапно охватил ужас: что, если его глаза начнут светиться и он на нее набросится?

— Откуда мне знать?

— Ну, у меня есть зацепка. Профессор Юн. Как я уже сказала, пытаюсь его разыскать.

— Теоретический физик из общественного колледжа?

— Именно. К сожалению, в часы приема он так и не появился. Я начинаю беспокоиться, что его нет в кампусе. Возможно, придется отправиться на место взрыва. Кстати, раз уж зашла речь, дай мне точный адрес.

Лиза записала адрес в прихваченный блокнот. Только... заметила кое-что странное. Заметки, сделанные раньше, стирались, стоило коснуться их рукой. Графит крошился и размазывался под пальцами.

— Ли? — позвал Дейн. — Что случилось?

— Заметки, которые я делала раньше в блокноте... исчезают.

Лиза провела большим пальцем, и графит снова стерся неестественным образом. След от карандаша, оставшийся с первого раза, будто...

Не безумие ли так думать? Будто реальность противилась ей. Отвергала все, что она делала.

— М-м, — произнес Дейн, хотя, похоже, на что-то отвлекся. — Интересно.

— Скорее тревожно.

— Я не о твоих заметках, Ли. Прости. М-м, у меня есть кое-какие новости. Может, хорошие, а может, плохие.

— В чем дело? — Она похолодела.

— Профессор, которого ты разыскиваешь? Кажется, я знаю, почему ты не можешь его найти. Он стоит прямо передо мной.

Глава 9

68 часов после нулевого момента

Вместе с патрулем и отрядом выживших Дейн добрался до периметра кантри-клуба. На импровизированном наблюдательном посту из автовышки и лестницы, футах в десяти над землей стоял профессор Юн.

С дробовиком в руках, обвешанный двумя набитыми патронташами, выглядел он совершенно иначе, чем когда Дейн нашел его связанным. Тот пленник совсем не походил на этого уверенного в себе человека: рукава закатаны, в каждом движении — твердость. Юн оглядел его и съехал по лестнице вниз. Кивнул командирам патруля. Потом с улыбкой протянул Дейну руку.

— Детектив. Как же я рад вас видеть.

— Значит, вы помните? — Дейн пожал его руку. — Взрыв, все остальное? Вас тоже забросило вперед во времени?

— Вперед во… — Юн осекся и поспешно схватил Дейна за руку. — Нам нужно поговорить.

***

— Не знаю, как я выжил.

Они устроились в удобных креслах в курительной комнате кантри-клуба. Юн занял ее под свой кабинет. Он руководил этой группой выживших и придумал такие термины, как «светолом» и «возвращенец».

Юн залепил уже почти всю стену клейкими листками из блокнота и притащил огромную белую доску, но даже так ему не удалось полностью превратить это место в логово ученого. Комната по-прежнему хранила запах благородного дерева и дорогой мебели. Дейна не покидало ощущение нереальности происходящего. Только что он сражался за свою жизнь в разваливающемся апокалиптическом городе, а теперь сидит в глубоком кожаном кресле у камина, потягивает воду из бутылки, и рядом на столике стоит мисочка с дорогими оливками. Доедали то, что уже открыто.

Телефон Дейна лежал на столе, все еще подключенный к зарядному, на громкой связи. Лиза слушала.

— Я выбрался из-под обломков практически невредимым, — объяснял Юн. — Пожалуй… это неестественно. Теперь я держу удар, как никогда раньше. Поднимаю тяжести, словно занимался этим всю жизнь. Координация глаз и рук

улучшилась, и прицел тоже. Лучше меня стреляют только Даг и Карлос. Вы с ними познакомились — оба охотники.

Дейн хмыкнул.

— В ямы никакие не падали?

— Нет. Почему вы спрашиваете?

— Я пережил падение, после которого должен был переломать все кости. И после прикосновения возвращенца восстановился всего за несколько минут.

Юн кивнул. Из телефона раздался голос Лизы:

— Стоп. Дейн, что ты имеешь в виду?

— Что бы ни произошло во время светолома, — сказал Юн, — мир подвергся воздействию нового вида энергии. И, насколько я могу судить, изменились законы физики. Радио больше нигде не работает. Возможно, мертвые зоны создают помехи. А возможно… это что-то другое.

— Что именно? — спросила Лиза.

— У меня есть кое-какие теории, детектив. Но прежде чем мы продолжим, скажите, вы сейчас у меня на работе, в прошлом?

— Да, у вашего кабинета в колледже. Я надеялась найти вас — вашу версию из прошлого.

— Шесть дней назад я был на работе. Если вы меня не нашли, это само по себе кое-что значит.

— Может, каждый из нас троих существует только в одном времени, — предположил Дейн. — Лиза же ходила ко мне в квартиру и не нашла меня.

— Возможно, — сказал Юн. — У меня есть основания думать иначе, но сейчас это не важно. Детектив Стерлинг? Моя квартира всего в трех кварталах от кампуса. В ней должны быть мои записи по проекту. В нашей временной линии квартира находится в мертвой зоне, так что все превратилось в пыль. Но в вашем времени…

— Уже иду, — сказала Лиза. — Дайте адрес.

Юн продиктовал адрес, объяснил, как лучше добраться, и назвал код от здания. Дейн откинулся на спинку кресла, размышляя о том, что следует из слов Юна. Неужели во временной линии Лизы существует еще один Дейн?

— Итак, — Юн встал с кресла, — давайте проверим мои преподавательские навыки и посмотрим, получится ли у меня все объяснить. Я считаю, что эксперимент Назим разорвал реальность и открыл портал в другое измерение. Измерение с иными законами физики.

— Но как физика может быть иной? — спросил Дейн.

— А почему нет?

Юн подошел к одному из листков, прикрепленных к дубовой панели на стене, и указал на список наблюдений о мертвых зонах. Многое Дейн испытал на собственной шкуре.

— На своих занятиях я рассказываю, как все устроено, и с упрощенной, и с более глубокой точки зрения. Мы можем упрощенно описать субатомные частицы: как они себя ведут, как взаимодействуют. Но если копнуть глубже… мы ищем единую теорию уже почти сто лет.

Почему нельзя перемещаться быстрее скорости света? Это связано с соотношением массы и энергии, которое описывается знаменитым уравнением. Но если идти глубже, мы в тупике: почему скорость света равна именно этому числу? Точно так же, почему радиус действия гравитации бесконечен? Можно объяснять следствия с помощью математики, находить константы… но что касается фундаментальных основ… многое в науке мы просто принимаем как данность. Пока мы не можем их объяснить, приходится пользоваться константами. И исходить из того, что они никогда не изменятся. До сих пор.

— До… сих пор? — переспросил Дейн.

— Полагаю, детектив, скорость света изменилась. — Юн указал на другой листок. — Из-за того, что мы открыли червоточину таких размеров и впустили через нее то, что было по ту сторону… изменился как минимум один фундаментальный закон вселенной. Это объясняет, почему не работает радио: по техническим причинам, связанным с нашими цифровыми приемниками. Я надеялся найти старое аналоговое радио, чтобы покрутить ручку вручную и проверить свою гипотезу, хотя кое-какие данные у меня уже есть…

Дейн слушал, совершенно потерянный. Юн остановился у одного листка и постучал по нему ногтем.

— Значит… — донесся голос Лизы. — Вы считаете, что портал впустил в наш мир… законы другого измерения?

— В общем, да. — Юн будто оживился. — Но, наверное, мне следует объяснить, что именно пыталась сделать Назим.

— Да, пожалуйста! — воскликнула Лиза. — Кстати, вы сказали, что ваша квартира на Третьей улице...

— Верно. Большое синее здание.

— Поняла. — Она слегка запыхалась. — Пожалуйста, продолжайте.

Дейн сидел молча, попивая воду и жуя оливки, и пытался не замечать, как земля уходит у него из-под ног.

— Мы с Назим обнаружили небольшую червоточину. — Юн подошел к очередному огромному листку с какими-то схемами, закрывающему ровно выкрашенный участок стены. — Несколько лет назад я заметил странные показания в одном из своих экспериментов, и Назим была единственной, кого я смог уговорить меня финансировать. Когда работаешь в общественном колледже и у тебя почти нет публикаций в приличных журналах, довольствуешься тем, что есть. Изначально я переехал сюда, чтобы изучать эти показания, и познакомился с ней на местном благотворительном мероприятии.

Назим отнеслась ко мне серьезно. Мне удалось найти микроскопическую червоточину размером с булавочный укол. Благодаря моим усилиям мы выяснили, что ее можно уменьшать и увеличивать. Вы... ведь знаете, что такое червоточина?

— Что-то вроде телепортационного портала? — Дейн пытался припомнить что-то из фильмов. — В фантастических сериалах через них летают корабли.

Юн кивнул.

— Да, в общем, большинство ранних материалов и гипотез рассматривали их в чрезвычайно малом масштабе. На квантовом уровне. Поэтому червоточина с булавочный укол по сравнению с ними считается огромной. В итоге я обнаружил в городе три червоточины — крошечные дырочки в реальности. Всего три, но они казались стабильными, и... — Он глубоко вздохнул. — Подключив электричество, мы стабилизировали их еще больше, чтобы они не исчезали. Мы все хранили в тайне, хотели изучать их самостоятельно и хорошо задокументировать, чтобы было что предъявить. Нас обоих ждала блестящая карьера. Мне бы это открытие принесло уважение, значимость. Назим многократно увеличила бы свое небольшое состояние. Она выкупила все три объекта, и мы устроили в них лаборатории. Надеялись использовать их для телепортации материи.

— Профессор, это не очень похоже на телепортацию, — сказала Лиза. — Назим разорвала реальность!

— Ну, для телепортации именно это и нужно сделать, — ответил Юн. — Согласно нашей физике это невозможно, но с точки зрения законов другой реальности? Мы проводили эксперименты с червоточинами и успешно отправляли данные через одну к другим. Не буду вдаваться в технические детали, но по сути, чтобы инициировать отправку, нужно подать в червоточину некоторое количество энергии. Мы начали с цифровых сигналов, вроде...

Юн сделал паузу и оглянулся на Дейна.

— Вроде мобильной связи? — спросил тот.

— Именно. Я не знаю, почему она работает у вас двоих. Мобильные телефоны используют радиоволны. Но в этом и состоит проблема насчет всего, что мы пытаемся понять в новом мире. Правила, сами законы изменились. В древние времена люди не знали, почему бьет молния, только что она бьет. Внезапно мы оказались в таком же мире. Все по-новому. И объяснений у нас пока нет, только смутные догадки.

И снова он показался слишком уж воодушевленным всем происходящим, хотя в этом есть своя логика. Если всю жизнь посвятил изучению одной темы, новые аспекты исследования должны приводить в восторг.

— Возможно, вы двое каким-то образом связаны, — сказал Юн. — В общем, Назим не была довольна одной лишь передачей данных. Боялась, что, как только мы объявим об открытии червоточин, явится кто-нибудь еще, выполнит всю важную работу и заберет славу себе. — Он снова коснулся листка со схемами. — Больше такой опасности нет, правда?

— А что насчет эксперимента, который мы прервали? — спросил Дейн. — Она собиралась не просто передавать данные?

— Да. Именно из-за этого я покинул проект, рассчитывая, что без меня они не смогут продолжить. Во время экспериментов через червоточину проходило слишком много энергии. Этот вид энергии не полностью регистрировался моими приборами, но я словно мог ее чувствовать. Мои расчеты были неверными. Раз за разом я получал неправильные данные. Мы отправляли что-то через червоточину, оно прибывало спустя несколько дней, как и ожидалось, но усиленным... и данные никогда не совпадали с моими прогнозами.

Что-то было очень неправильно, и я беспокоился, что если мы не остановимся, то... ну, выпустим нечто ужасное. К несчастью, я узнал от знакомого из проекта, что Назим продолжила без меня и сделала собственные, еще более ошибочные расчеты. Я знал, что она собирается подать слишком много энергии. Мой уход из проекта ничего не дал. Только ухудшил ситуацию.

— И вы сделали ложный вызов в полицию, — сказала Лиза. — А когда это не помогло, вернулись и попытались остановить эксперимент лично.

— Да. Остальное вам известно. — Юн убрал руку с листка. — Разве что... вы помните, что она сказала перед тем, как все пошло наперекосяк?

— Что она общалась, — Дейн похолодел, — с чем-то внутри червоточины.

— Может, даже я не понимаю, что на самом деле происходило все это время. Меня всегда удивляло, как быстро и легко она приняла мои теории, когда другие потенциальные инвесторы умывали руки. Как быстро купила все объекты, особенно особняк, словно уже знала...

Он умолк, и Дейн дал ему время взять себя в руки. Из телефона донесся звонок — наверное, лифт.

— Как же мы оказались там, где оказались? — спросил Дейн. — Мы телепортировались, но не в две другие лаборатории, которые вы упоминали. И я, и Лиза попали к себе домой. Но в разное время.

— Сложно что-либо утверждать наверняка, — ответил Юн. — По крайней мере, без дополнительных данных. У меня те же вопросы насчет вас двоих. Почему вас, детектив Дейн, забросило вперед, а вашу напарницу назад?.. В этом нет смысла.

— А в путешествиях во времени есть смысл? — возразила Лиза. Ее голос гулко отдавался в коридоре.

— Это объясняет проблемы с моими расчетами, — сказал Юн. — Вот чего нам не хватало... Именно поэтому первые испытания с материей дали неверные результаты. Мы отправляли ее не в другое место, а в другое время. Да... вот почему передачи шли так долго... — Он начал черкать в блокноте.

— М-м... — протянул Дейн. — Понятно, что в этом разговоре я тупица, но...

— Не бывает глупых вопросов, детектив. Если человек не боится их задавать, значит, он вовсе не тупица.

— Ладно. Так вот, данные, которые вы отправляли...

— И даже небольшие фрагменты материи, — добавил Юн. — Червоточине не нужно быть достаточно большой, чтобы протолкнуть их через себя; нужен именно разрыв, семя. Мы могли отправлять небольшие предметы. Энергия временно расширяла дыру. Но даже после того, как она сужалась обратно, ее размер становился больше прежнего. В общем, какой у вас вопрос?

— Вы сказали, что данные и предметы прибывали через несколько дней. Но разве телепортация не мгновенная? В этом же весь смысл?

— Нет, смысл в том, чтобы добраться из точки А в точку Б, не преодолевая пространство между ними. Разумеется, мгновенная телепортация — это замечательно, и я знаю, что Назим хотела добиться именно этого. Но поначалу нас вполне устраивал временной промежуток между отправкой и прибытием.

— О каком промежутке идет речь? — Дейн чувствовал, что картинка вот-вот сложится.

— Зависит от системы отсчета и от того, как путешествие в другом измерении влияет на восприятие времени. Мы не знали, как долго это может ощущаться для того, кто перемещается. Но для нас первоначальное испытание...

Он умолк, потом повернулся.

— Детектив Стерлинг... на сколько часов вас забросило в прошлое?

— Шестьдесят с чем-то, — ответила Лиза. — От двух до трех дней.

— Возможно ли, что это ровно шестьдесят пять часов? — тихо спросил Юн.

— Я проснулась между шестью и семью утра. А взрыв был в полночь, значит...

— Значит, да. Шестьдесят пять часов. Или около того. Но почему только около?

— Дайте угадаю, — сказал Дейн. — Именно столько должна была занять телепортация?

— Да. Хотя данные не совсем верные. Возможно, они изменили часть моих расчетов. Детектив Стерлинг, вы добрались до моей квартиры?

— Добралась.

— Запасной ключ у моего соседа Санни. Постучите, и я скажу ему по телефону, чтобы он отдал его вам.

— Хорошо.

Лиза постучала к соседу.

Стучать пришлось очень долго, но в конце концов ей открыли.

— Что такое? — растерянно произнес парень. — Мне...

— Санни, это я, — сказал Юн по телефону. — Можешь одолжить этой женщине мой запасной ключ? Она из полиции.

— Ладно, хорошо...

— Ты же говорила, они тебя не видят, — сказал Дейн Лизе.

— Видят, — ответила она, — но это... дается им с трудом. Мне приходится привлекать их внимание. Вот, например, я вошла в комнату следом за Санни, а он просто сел обратно смотреть телевизор. Юн, где ключ?

— Обычно хранится в комоде у двери. Верхний правый ящик. С синей крышкой.

— Нашла. Иду в вашу квартиру.

— Хорошо. Посмотрите, есть ли там следы моего недавнего пребывания. Не помешает найти мою версию из прошлого, чтобы помочь вам.

— Ладно, — сказала Лиза. — Разве мы не решили, что каждый из нас троих существует только в одном временном отрезке?

— Нет. — Дейн глянул на Юна. — Он сказал, что думает как раз обратное. Почему?

Юн посмотрел на него и отвел взгляд. Наконец вздохнул.

— Потому что... когда я очнулся в обломках особняка, рядом со мной под обвалившейся стеной лежал труп. Это была... детектив Стерлинг. Я предположил, что вы, детектив Дейн, тоже мертвы. Вот почему я остолбенел, когда увидел вас.

Со стороны Лизы повисла тишина.

— Что вы сказали?

— Простите, детектив. Но я все видел совершенно ясно, своими собственными глазами. Вас раздавило, когда рухнул потолок. Я мог бы отвести детектива Дейна к вашему телу, будь у нас время. Простите... но если мы ничего не изменим, послезавтра в полночь вы погибнете при взрыве.

Глава 10

За 62 часа до нулевого момента

Смерть.

С одной стороны, Лиза знала, что нельзя бояться этого слова. Город стоит на пороге апокалипсиса. Если она его не предотвратит, погибнут тысячи. Ставки в этой игре несравнимо выше, чем ее жизнь.

И все же… Юн видел ее труп…

Это потрясло больше всего. Но она взяла себя в руки, вошла в его квартиру и закрыла дверь изнутри.

— Простите, что все так вывалил, — сказал Юн.

Лиза держала телефон в кармане и использовала блютуз-наушник с микрофоном, какие любят силовики. Она умела обращаться с техникой, несмотря на все шуточки Дейна и Новы.

Нова. О… Нова! Выжила ли дочь? Все происходило быстро, а временная линия Дейна казалась слишком умозрительной, и Лиза не успела осмыслить, что будет с теми, кого она любит и кто живет в этом мире.

— Я откладывал объяснение, — добавил Юн, — не знал, как сказать потактичнее.

— Я… со мной все в порядке. Спасибо, что сообщили. Но если в будущем существует альтернативная версия меня…

Мертвая. Окровавленная. Труп.

— …тогда в прошлом со мной должны быть и альтернативные Юн с Дейном. Дейн, и альтернативная Нова в твоей линии.

— Да, — мрачно отозвался он. — Ли… я смотрю на карту города. Твоя квартира прямо посреди одной из мертвых зон. Мне очень жаль.

Ее пробрала дрожь, подкатила тошнота.

«Не думай об этом. Не думай о той другой девочке, которая осталась одна в момент катастрофы. Еще ничего не случилось. Даже если Дейн уже живет в этом. Твоя Нова все еще жива. Ты можешь ее спасти. И себя тоже. Ты обязана это остановить».

— Юн, нам нужно найти вас из прошлого. — Лиза с облегчением заметила, что голос у нее звучит уверенно. — Он мне поможет.

— Как я и сказал, — согласился Юн. — Только в квартире меня нет?

Она быстро обошла все три комнаты.

— Нет, но здесь кто-то был.

— Как вы узнали?

— Мокрая зубная щетка. В раковине грязные тарелки после завтрака. Кукурузные хлопья. Все довольно свежее.

— Скорее всего, это был я, — согласился Юн. — Быстро вы меня вычислили.

— Лиза — одна из лучших, — сказал Дейн. — Или... была.

«Не была, а есть, — подумала она с раздражением. — Если я ставлю перед собой более высокие цели, это не значит, что я потеряла хватку».

Лиза ничего не сказала — старалась не препираться при гражданских. И потом, Нова в будущем... ее собственное тело под куском бетона... эти мысли не отпускали. Она хороший детектив, но потянет ли такое дело?

— Нам нужны мои записи, — сказал Юн. — Мне потребуются годы, чтобы их воссоздать. Даже расчеты, которые я делал три дня назад, чтобы остановить Назим, отняли у меня несколько недель.

— Эти записи... — Лиза остановилась перед распахнутым сейфом в стене.

— В сейфе за книгами в шкафу. Код...

— Не понадобится. Сейф уже открыт и пуст.

— Пуст? Совсем?..

— Что еще было внутри? — спросил Дейн.

— Наличные, — ответил Юн. — Предоплаченные кредитки. Одноразовый телефон. Фальшивый паспорт.

— Ваш ноутбук тоже пропал, — сказала Лиза, подходя к столу. — Провод, правда, остался.

— У меня есть запасной в сумке. — В трубке послышался тяжелый вздох. — Мой обычный телефон в мусорке?

Лиза проверила.

— Да.

— Он окажется очищен. И номер одноразового телефона я не помню. Судя по всему, меня из прошлого всерьез напугали.

— У вас есть одноразовый телефон и заначка на черный день? — удивился Дейн. — Что за ученый держит такое под рукой?

— Ученый, который лезет в сомнительные проекты на деньги эксцентричных миллионеров. По-моему, я говорил вам три дня назад, что к тому, чем я занимался, много вопросов с точки зрения закона.

— Юн, вы взорвали город, — сказала Лиза. — Сомнительные — это мягко сказано.

Ученый замолчал.

— Я понимаю, детектив, — произнес он наконец. — По крайней мере, я старался это предотвратить...

— Нужно еще постараться. Ваша версия из прошлого сбежала. Куда?

— Я бы отправился в отель. Но не стал бы заранее выбирать конкретный, чтобы внести элемент случайности и не быть предсказуемым. Я могу оказаться в любом из сотни мест. Поиск займет недели, а не дни — так и задумано.

— Значит, эта ниточка никуда не ведет, — подытожила Лиза. — Придется делать рейд в лабораторию Назим. Расскажите все, что знаете об этом месте.

— Я сделаю все, что в моих силах, детектив, — заверил Юн. — Но боюсь, этого может оказаться недостаточно.

— Почему? Если я упрячу Назим за решетку, взрыва не случится. Нет взрыва — нет апокалипсиса. Так?

— Давайте кое-что проверим. Вы сейчас в моем кабинете?

— Да. — Лиза оглядела небольшую комнату с густым ковровым покрытием и пластиковым матом, застилавшим половину пола.

— На моем столе должна быть кружка с ручками. На одной написано «Фанкон 2009».

Лиза перебрала ручки и выудила синюю — из дешевых, какие раздают на промоакциях. Белые буквы сбоку точно соответствовали описанию.

— Нашла.

— У меня в кармане эта же самая ручка, — объяснил Юн. — Взял ее, когда пошел к Назим, и пользовался ею, чтобы делать заметки в вашем будущем. Это

единственная такая ручка у меня, возможно, одна из последних в мире — в том году на Фан-коне было мало посетителей. Сломайте ее и положите обратно в кружку.

Лиза медленно кивнула, слушая указания. Легко отломила зажим, затем положила ручку и зажим обратно в кружку.

— Что-нибудь изменилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил Юн.

— Погодите, — сказал Дейн с набитым ртом, — что мы вообще делаем?

— Проверяем, — Лиза опустилась в кресло Юна, ощутив внезапную усталость, — повлияют ли мои действия на вас в будущем. И... кажется, что нет.

— Увы, — сказал Юн. — В моем времени ручка совсем не изменилась.

— А значит... — произнес Дейн, продолжая жевать.

— А значит, мы в разных линиях, — закончила за него Лиза. — Что-то случилось во время взрыва.

— Нулевой момент, — понял Юн. — Точка, где наши временные линии разошлись.

— То есть мы полностью разделены, — подытожила Лиза. — Я могу влиять на свое будущее, но не на ваше.

«Их Нова — не моя». Нужно думать об этом так. Той малышке она помочь бессильна.

— Именно, — сказал Юн. — Исход удручающий, но вполне ожидаемый. Разветвление — один из немногих возможных рациональных вариантов. Разве что... вы вернетесь, а ручка как-то сама починится.

Лизу кольнула тревога, будто в лицо плеснули холодной водой.

— Что это будет значить?

— Сначала, — продолжил Юн, — я должен еще раз подчеркнуть: мы на совершенно неизведанной территории. Правила неизвестны, а любые теории почти ничего не значат без новых данных. Опираться на старые представления о путешествиях во времени, когда это было чистой спекуляцией, — все равно что угадывать предмет в темноте по едва заметным признакам. Но на данный момент у нас больше ничего нет.

— Ладно. — Лиза выпрямилась и уставилась на все еще сломанную ручку. — А скажите, что это значит, если, допустим, я что-то пишу в блокноте, а графит стирается, будто отказывается оставаться на бумаге?

— А... понятно, — сказал Юн. — И еще люди почти не замечают вас... если только вы не занимаетесь тем, что должны были делать в тот день?

— Они будто меня не видят. Будто... сама вселенная меня игнорирует.

— Хм, да. — Юн вздохнул поглубже. — Детектив, проверьте ручку еще раз.

Лиза нерешительно вытащила ручку из кружки. И... сломанный зажим оказался на месте.

— О, блин.

— Полагаю, она починилась? — спросил Юн.

— Ага.

— Видимо, прошлое не настолько податливо, как нам хотелось бы.

— Что это значит? — спросил Дейн.

Однако Лиза уже поняла. Она не теоретический физик, но прожила этот день и видела, как люди на нее реагируют.

— Это значит, что детектив Стерлинг не сможет предотвратить апокалипсис, — сказал Юн. — Для вселенной он уже произошел... и должен повториться.

Глава 11

69 часов после нулевого момента

Дейн поднялся с мягкого кресла.

— Нет. Я не верю.

Юн отвернулся от стены, сплошь покрытой заметками.

— Детектив Дейн, мне жаль. Согласно данным детектива Стерлинг, ее временная линия крайне неэластична. Смотрите сами.

Он начертил на листе линию, в середине сделал большую пометку и подписал: «нулевой момент». Потом добавил еще одну слева: «прошлая временная линия».

— Вот это, — Юн указал пальцем, — временная линия вашей напарницы. Три дня назад эта линия отделилась от основной, однако возможности вмешательства в нее крайне ограничены. Стоит вашей напарнице попытаться что-то изменить, и вселенная сопротивляется. Не поймите буквально, это просто фигура речи. Но она сопротивляется изменениям так же, как гравитация мешает нам покинуть атмосферу Земли.

Он начертил еще одну линию, отходящую от основной там, где Лиза вернулась назад во времени, а затем, не прерывая объяснений, плавной дугой подвел ее обратно к отметке «нулевой момент».

— Я бы сказал, что бесконечной мультивселенной не существует. Я обстоятельно изучал эту тему, и все указывает на то, что для нашей вселенной есть лишь одна основная временная линия. Использовав такое огромное количество энергии в эксперименте, Назим дестабилизировала эту линию. Возникли два возможных сценария, но отклонение, вероятно, будет недолгим. Считается, что в таких случаях вселенная сама себя исправляет и обеспечивает нужный исход. К тому времени, как детектив Стерлинг достигнет нулевого момента, все снова встанет на свои места.

— Я жив не просто так, док. — Дейн решительно шагнул к Юну. — Мы оба живы не просто так. А чтобы это остановить.

— Мы живы лишь потому, что находились рядом с эпицентром взрыва, — возразил Юн. — Внутри этого маленького пузыря искаженного пространства-времени действовали другие правила. А вас — тех, кто оказался прямо у червоточины, — затянуло внутрь, и вы перенеслись.

— Это «упрощенное» объяснение, а не — как вы там выразились? — «более глубокое»? — Дейн ткнул пальцем в листок, прямо в точку «нулевой момент». — Я здесь затем, чтобы это остановить.

— Вы не можете это знать.

— Как и вы. Вы сами только что сказали: правила больше не известны, все прежние теории — как гадание в темноте. Так почему вы уверены, что прошлое нельзя изменить?

Они стояли, глядя друг на друга, пока не заговорила Лиза.

— Я согласна с Дейном. — Ее голос перестал дрожать и стал тверже. — Профессор, вы привели в пример гравитацию. Но человечество сумело преодолеть ее и вырваться в космос. Возможно, нам точно так же нужно найти способ вырваться из инерции моей временной линии. В конце концов, если я постараюсь,

люди начинают меня видеть. Прошлое, в котором я сейчас существую, не совсем жесткое.

Юн поджал губы. Он казался… более суровым, чем когда они его спасли. Более прагматичным. Неужели три дня способны так сильно изменить человека?

Наверное, если прожить их, наблюдая за концом света.

— Должен признать, — наконец сказал Юн, — такую возможность полностью исключать нельзя. Но если мы и можем все изменить, способа сделать это я пока не вижу.

От стола с недоеденным сэндвичем Дейна раздался голос Лизы:

— У меня есть идея. Подождите секунду.

— Ладно, — сказал Дейн. — Профессор, как я вижу, вселенная уже решила, что эта временная линия настоящая. Можем ли мы как-то это исправить? Сделать настоящей линию Лизы?

— Я не понимаю как. Смотрите, эти расчеты прояснят, что происходит.

Юн достал ручку из кармана, но в спешке выронил, и она глухо стукнулась о пол. Он глянул на нее и застыл в изумлении.

Дейн ничего не понимал, пока не увидел: от ручки отломился зажим, две половинки лежали на полу.

— Что случилось? — спросила Лиза.

— Ручка только что сломалась, — ответил Дейн.

— Ха! Я только что отбила зажим у ручки, разломила его пополам и выбросила в окно.

— Это может быть совпадением. — Юн поднял ручку. — Или… или признаком того, что вселенная пытается согласовать наши временные линии. Починить ручку во временной линии детектива Стерлинг оказалось труднее, поэтому сломался мой зажим… — Он покачал головой. — Это все равно может быть совпадением.

— А может, и нет. — Дейн ощутил прилив уверенности. — Что говорится в ваших книгах?

— При таком… при наличии этих свидетельств… — Юн набрал в грудь воздуха. — Хорошо. Я все еще сомневаюсь, но единственный возможный способ

все исправить — если верна эластичная теория. Если вселенная будет пытаться свести временные линии воедино, идя по пути наименьшего сопротивления.

Но есть загвоздка, детективы. Эта временная линия обладает наибольшей инерцией. Она стала «настоящей», потому что в ее продолжение вложено слишком много энергии. Именно поэтому она сопротивляется детективу Стерлинг. Это как… валун, катящийся с горы. Слишком многое уже изменилось. Слишком многие погибли.

Юн принялся проводить вычисления прямо на одном из приклеенных к стене листков.

— Из-за этой инерции детективу Стерлинг будет сложно изменить прошлое в своей временной линии: это уже не похоже на фокус с ручкой. Она может устроить налет на лаборатории Назим, но это даст лишь краткую отсрочку. Подозреваю, при уборке кто-нибудь случайно нажмет нужную кнопку. Или произойдет короткое замыкание, и все сработает само по себе. Вариантов множество, ведь вселенная будет стремиться к той временной линии, у которой больше инерция.

— Док, вы должны что-нибудь придумать, — заявил Дейн.

Юн снова взглянул на свою ветвящуюся схему.

— Есть одна идея.

— Любое решение, — сказала Лиза. — Пожалуйста.

— Нам нужно сделать так, чтобы временная линия, в которой не произошел взрыв, казалась наиболее логичной и убедительной. Я думаю… и повторяю, это только догадка… что если вмешаетесь вы, детектив Дейн, то у нас может появиться шанс.

— Я пока не улавливаю, — сказал Дейн.

— Мы отправим вас обратно, к моменту взрыва. И здесь, в этой временной линии, вы его предотвратите.

Юн нарисовал петлю от основной линии к исходной точке.

— Разве так мы не фрагментируем временную линию еще сильнее? — поинтересовалась Лиза.

— Не обязательно, — ответил Юн. — Думаю, отчасти весь этот хаос напрямую связан с ошибками в расчетах Назим: энергии было так много, что временные линии разделились. Насколько я могу судить, когда мы проводили эксперименты раньше, разветвлений не возникало, потому что я тщательно

контролировал расход энергии. Здесь много технических деталей, но я думаю... что могу отправить вас обратно к нулевому моменту в этой же временной линии. Вы предотвратите взрыв. Это даст детективу Стерлинг возможность сделать то же самое в ее временной линии, потому что здесь светолом больше не случится. А затем обе линии должны схлопнуться, поскольку они очень схожи.

— Итак, для ясности, вы считаете, что Дейн сможет остановить светолом, а я нет? — Как обычно, Лиза задавала уточняющие вопросы, чему на этот раз Дейн только порадовался.

— Именно, — ответил Юн. — По крайней мере, вы не предотвратите взрыв в вашей линии, пока его не предотвратят в этой. Да... думаю, это сработает. Это как... рыть канал для стремительной реки. Пусть поток времени пойдет по пути наименьшего сопротивления. Но смогу ли я отправить вас обратно в этой линии, детектив? Если смогу, мы окончательно подтвердим, что мои расчеты верны...

Он снова начал быстро записывать на листочке.

— Допустим, у вас получится, — сказал Дейн, — но как мы доберемся до оборудования? Разве особняк не уничтожило полностью во время светолома?

— Ведь были еще две другие лаборатории? — спросила Лиза.

— Именно.

Юн указал на карту города, приколотую к стене. На ней серым цветом были отмечены огромные секторы, расширяющиеся по мере удаления от места эксперимента. Две другие точки обозначали дополнительные лаборатории, образуя треугольник. Они находились за пределами мертвых зон, но довольно далеко. Чтобы добраться до ближайшей, потребуется пересечь несколько мертвых зон. Но если это единственный вариант... черт возьми, нужно рискнуть.

— Как мы запитаем червоточину? — спросил Дейн.

— В каждой лаборатории есть резервные генераторы, — ответил Юн. — Их должно хватить, чтобы запустить оборудование. Хотя, если подумать, я обойдусь и парой мощных батарей. Как я уже говорил, вопрос в том, смогу ли я отправить вас обратно к конкретному моменту? Расчеты вроде сходятся...

Он положил руку на карту с огромными, закрашенными серыми участками. Две трети населения исчезло.

— Думаю, я справлюсь, если удастся добыть мои записи во временной линии детектива Стерлинг. Но хочу сразу предупредить: это лишь предположение. Авантюра. Да, единственный шанс все остановить, но и шанс ошибиться. Проявим ту же самонадеянность, что и Назим, и при повторном

запуске просто разрушим город еще сильнее. Выпустим в мир еще больше того, что уже вышло…

Дейн замолчал, обдумывая последствия. Черт, он… не был уверен, что у него вообще есть ответ.

— Решать нужно прямо сейчас? — спросила Лиза тоном, которым всегда брала ситуацию под контроль. — И если да, то какие у нас, по-вашему, шансы, если их вообще можно рассчитать?

— Детектив Стерлинг, чем дольше эта временная линия развивается сама по себе, тем труднее будет ее изменить. Так что на первый вопрос мой ответ таков: если мы собираемся что-то предпринять, действовать нужно быстро. У нас, возможно, есть пара дней, но тянуть дольше не стоит.

Он взглянул на телефон.

— Что касается второго вопроса… меня обнадеживает сама встреча с вами двумя. Раньше я бы так не сказал. Этот телефон, то, как вы, детектив Стерлинг, можете действовать в прошлом и вносить реальные изменения… Это не укладывается в классическое представление о квантовой запутанности, между вами нечто другое. Некий якорь, который удерживает временные линии вместе.

Думаю, лучше всего, если вы оба окажетесь в нулевом моменте и вместе предотвратите активацию устройства. Так или иначе это должно сработать. Детектив Стерлинг попадет туда естественным образом, просто прожив свои три дня. Мы тем временем подготовим и запустим оборудование, а затем отправим детектива Дейна. Если понадобится отправить его раньше, чтобы он сперва остановил светолом в этой временной линии за несколько дней до того, как вы сделаете это в своей… надеюсь, так тоже получится. Но интуиция подсказывает, что попробовать стоит в любом случае. Кроме нас, шансов ни у кого нет.

— Тогда я согласна, — сказала Лиза. — Нужно хотя бы все подготовить, чтобы у нас был выбор.

— Да! — воодушевился Дейн. — Да, у нас есть план! Я возвращаюсь на три дня назад и предотвращаю запуск устройства. Временные линии снова сходятся. Все спасены.

— При условии, что мы сумеем найти мои записи, — сказал Юн.

— Я этим займусь, — отозвалась Лиза. — Юн, я найду вас в прошлом.

— Дело о пропавшем ученом… — улыбнулся Дейн. — Просто другой ученый и другие ставки. Лиза — одна из лучших, Юн. Она отыщет ваши записи.

— К тому же у меня есть доступ к другой вашей версии, — добавила она.

— Это не так уж сильно облегчит задачу, — произнес Юн. — Как я уже говорил, согласно протоколу мне следовало выбрать случайный отель и заплатить наличными. Если потребуется, при заселении воспользоваться совершенно новой предоплаченной картой. И затаиться. Даже я сам не знаю, куда бы отправился. И мы не понимаем, почему я вообще пустился в бега.

— Зато это еще одно доказательство, что временные линии не предопределены раз и навсегда, — сказала Лиза. — Из общего ритма выбиваюсь не только я, но и ваша версия из прошлого.

— Да, не поспоришь. Вполне возможно, вы запустили эффект бабочки, который вселенная уже не в силах загасить. Для нас это хорошая новость, раз уж мы собрались изменить ход событий.

— Стоит поискать и мою версию из прошлого, — сказал Дейн. — Вдвоем вы справитесь быстрее.

— Есть идеи, где тебя искать? Твою квартиру я уже проверила.

— Ага, утро понедельника… в ту ночь я не ночевал дома.

— Понятно. — Лиза замялась. — Имя ее помнишь?

Разумеется, она сразу решила, что он был у другой женщины. Дейн закатил глаза.

— В воскресенье вечером мы с ребятами смотрели матч у Переса. Выпили по паре банок пива, и я решил подать хороший пример — хотя почти наверняка в рамки закона укладывался — в общем, как ты мне всегда и талдычишь. Я остался ночевать у него. Если вдруг меня тоже все игнорируют, поищи там. Я, если залягу… то могу и до весны проспать.

— Ясно, — сказала Лиза. — Сперва я попробую найти Юна из моей временной линии. Ты отправляйся к лаборатории. Мы передадим нужные расчеты твоему Юну по телефону, а потом, если не появится причин для отмены, снова запустим устройство и попытаемся отправить тебя назад во времени. Проще простого. Безумие, конечно, но проще простого.

— Проще простого? — Юн ткнул пальцем в карту, на вторую лабораторию. — Чтобы туда попасть, придется пройти через три мертвые зоны. Хуже того, по данным дозорных, вокруг всех трех лабораторий собираются сотни возвращенцев. Возможно, они чувствуют энергию червоточин. Сколько у вас патронов в этом пистолете?

— Одиннадцать, — признал Дейн. — У вас есть девятимиллиметровые?

— Две коробки. Мы нашли их тут, в клубе, вместе с пистолетом и дробовиком. Но к дробовику есть в основном дробь — против возвращенцев она оказалась совершенно бесполезной. Еще есть небольшая коробка пулевых, наполовину израсходованная. Кроме того, четыре охотничьих винтовки, но их я, как правило, оставляю для защиты штаба. Как нам пересечь кишащие возвращенцами территории и пробиться внутрь лаборатории с таким унылым арсеналом?

Дейн изучал карту, пока вдруг не ткнул пальцем в один из адресов примерно в десяти милях за пределами ближайшей мертвой зоны.

— Тут размещается спецназ. Внизу оружейная. Думаю, как бы ни повернулось дело с машинами времени, вашим людям не помешают дополнительные стволы?

На лице Юна впервые появилась улыбка.

— Полагаю, на такую операцию моих людей уговаривать не придется.

— Десять миль — путь неблизкий, — задумчиво сказал Дейн. — Что там Чип говорил про мотоциклы?

Глава 12

За 62 часа до нулевого момента

Лиза вполуха слушала, как Дейн и Юн готовятся к вылазке в оружейную спецназа: собирают еду, формируют команду. Связь они не прерывали. Судя по всему, Дейн раздобыл липучку и прикрепил телефон с зарядником к груди, словно полицейскую рацию. Никто не решался завершить звонок, на случай если второй попытки не будет.

Лиза приглушила звук и села за стол, пытаясь придумать, что делать дальше. Она без колебаний заявила, что найдет Юна из своей временной линии, — так всегда говорят, когда люди напуганы и нужно решать проблему. А теперь, если смотреть правде в глаза… три дня? Чтобы найти умелого беглеца, который залег на дно? Да еще без поддержки других оперативников?

Задача казалась почти неподъемной. Она даже не может делать записи. Или может? Лиза покосилась на телефон, по-прежнему передающий сигнал. Увесистый кирпичик, зато с функцией заметок. Она проверила: сообщения, отправленные Дейну, никуда не исчезли.

«Все, что было при мне в момент переноса, подчиняется тем же правилам, что и я. Или электронные сигналы сложнее стереть?»

Лиза наспех сделала несколько заметок и с удовлетворением обнаружила, что спустя пару минут они не пропали. Мелочь, но уверенности у нее прибавилось. Хорошо, что есть хоть какой-то контроль над ситуацией.

Итак… как подступиться к этому делу? Денежный след вычислить вряд ли получится. Юн — в заметках она назвала его Прошлым Юном — расплачивался наличными. Она еще раз тщательно проверила комнаты, выискивая любую мелочь, которая могла бы пригодиться, но, в отличие от детективных романов, никакого бросающегося в глаза спичечного коробка, который вывел бы ее на нужный отель, не нашлось. Да и кто еще пользуется спичками?

В наше время почти все зацепки цифровые. Юн стер данные с телефона и забрал ноутбук. Однако…

— Эй, Юн. У вас случайно нет старого компа?

— Хм? Под кроватью целая гора старого железа. А что?

Улыбнувшись, Лиза пошурудила под кроватью и вытащила коробку. Люди постоянно обновляют технику и вечно забывают почистить старые устройства. Прошлый Юн уходил в спешке и это не учел. Она вытащила самый новый на вид ноутбук. Судя по блоку питания на стене, та же модель, что и его нынешний. Лиза подключила его, и он, как она и надеялась, запустился.

— Когда вы сменили ноут? Я нашла старый, по виду ему всего пара лет.

— Я разбил экран три или четыре года назад. Пароль 1f2g3h4j5k. Но, детектив, там нет ничего важного. Я пользовался им в основном для колледжа. Даже если делал какие-то записи, они слишком старые, от них не будет толку.

— Да, но он автоматически подключился к вашему вай-фаю в квартире, и на нем до сих пор выполнен вход в почту. — Лиза проверила выпадающий список. — А точнее, во все ваши электронные адреса.

Юн помолчал.

— Вот так недоработка.

— Удивительно частая ошибка. Знаете, сколько мы ловим людей, которые ломают телефон, чтобы скрыть данные от полиции, а дома у них валяется старый «Айфон»? Он автоматически синхронизируется с облаком и выдает нам все, что было на новом телефоне.

— Что-нибудь нашли? — спросил Юн.

Прямо рядом с телефоном Дейн пробовал один из мотоциклов. Мотор несколько раз взревел.

— Письма от администрации колледжа, — сказала Лиза, просматривая почту. — Их довольно много. Хм… дайте мне пару минут…

Интересно, что все письма оказались почти одинаковыми — их отправили с разницей в пять минут. Юн пропустил собрание коллектива, и декан написал письмо, чтобы выяснить, что случилось. Потом еще одно. И еще. Это не цепочка писем, а практически точные копии с мелкими отличиями. Будто…

Будто декан все время замечал отсутствие Юна и тут же об этом забывал.

Неужели?

— Юн, похоже, вселенная не стирает письма, которые появились из-за того, что вы, так сказать, отклонились от сценария.

— Наверное, здесь задействованы естественные процессы. Вам было легче сломать зажим у ручки во второй раз?

— Намного.

— Словно он приклеился случайно, а не благодаря магической силе. Графит стирается из блокнота при трении. Со временем эти письма, вероятно, будут удалены — при очередном сбое или очистке в облаке.

Лиза открыла папку с исходящими Прошлого Юна и обнаружила то, что искала, — отправленное утром письмо:

«Мам,

Пожалуйста, скажи, что ты получила это письмо. Скажи, что знаешь — я жив. Что-то ужасно неправильно, и… я боюсь, что схожу с ума. Студенты глядят туда, где меня нет, и отвечают на вопросы, которых я не задавал. В коридорах в меня врезаются. Все ведут себя так, будто я не существую.

Пожалуйста. Ты не берешь трубку. Мне так нужно услышать знакомый голос. Пожалуйста.

Альберт»

— Вас зовут Альберт? — спросила Лиза.

— Да, а что?

— Похоже, мы с вами в одинаковом положении, профессор. — Лиза прибавила громкость. — Возьмите телефон у Дейна на минутку. Вам нужно услышать, что я обнаружила.

Юн снял телефон с груди Дейна, и она прочитала письмо.

Он тихонько присвистнул.

— Теперь мы знаем, что меня так перепугало. У меня та же проблема, что и у вас. Наверное, стоило догадаться раньше. Я сам был рядом со взрывом.

— Итак, утром Прошлый Юн отправляется на занятия, — сказала Лиза. — Как и я, он считает, что события в лаборатории — лишь страшный сон. В конце концов, проснулся он в своей кровати. Поначалу все кажется привычным.

Но он немного сбивается с графика, может, опаздывает на занятия и рассинхронизируется с действиями, которых ждет от него вселенная. Пытается подстроиться, но в конце концов не выдерживает и убегает домой. Пишет это письмо, но настолько выбит из колеи, что в итоге срывается.

— Держу пари, он сообразил, что на объекте и правда что-то произошло, — сказал Юн. — Он понимает, что каким-то образом напортачил с временной линией. Я… испытал нечто похожее, когда очнулся среди обломков. Да, я его понимаю, но намеренно не стану говорить, куда бы я отправился.

Лиза мельком глянула в блокнот на столе: полно каракулей и заметок, но она искала ту, что стерта. Заметку, которую он написал сегодня и которую вселенная пыталась стереть. Вдавленные, еще не исчезнувшие следы, такие же, как в блокноте, который она принесла, сложились в номер — 237.

— Юн, как бы вы выбрали случайный отель?

— В городе их предостаточно.

Лиза проверила историю браузера — стерта. Странно.

— Двести тридцать семь, — сказала она. — Поиск в «Гугл» выдает именно столько отелей в городской черте. Это же число вы записали в блокноте, прежде чем уйти. Еще раз, как бы вы выбрали один из отелей?

— Хм. Наверное, я бы попросил ИИ-бота в телефоне выбрать случайное число от одного до двухсот тридцати семи. Конечно, оно не совсем случайное, но можно ли считать что-либо по-настоящему случайным? И у меня привычка им пользоваться.

— ИИ-бот в телефоне, говорите? Предпочитаете какой-то определенный сервис?

— Да.

— Какой сайт и логин? Они ведь сохраняют все задаваемые вопросы? Чтобы можно было просмотреть прошлые беседы?

Юн чертыхнулся себе под нос, потом сообщил данные. После входа в систему Лиза увидела запрос на генерацию числа между одним и двумястами тридцатью семью и результат — 19.

— Вы в девятнадцатом отеле из списка. — Она просмотрела отели. — Один из «Марриоттов» в деловом районе.

— Черт, — сказал Будущий Юн. — Похоже, я совсем не умею прятаться?

— На самом деле у вас получается неплохо. Лучше, чем у большинства из тех, кто пытается замести следы. Но вы, Юн, не профессиональный преступник, а я профессиональный детектив. На чье имя фальшивый паспорт?

— Теодор Шанься. — Он сделал паузу. — Это не настоящее имя, а шутка. По-китайски значит «под горой»…

— Забавно. Похоже, мне придется съездить в этот «Марриотт» и посмотреть, зарегистрированы ли вы там.

Лиза задумалась.

— При нормальных обстоятельствах я бы просто помахала удостоверением, и они бы все выдали. Но сейчас? Сотрудники на рецепции, скорее всего, даже не заметят, если я сяду за их компьютеры.

На линии снова взревел мотоцикл, еще громче прежнего. Лиза откинулась в кресле и представила, как Дейн готовится мчаться сквозь ад в будущем… и как он при этом искренне наслаждается жизнью.

Дейн рожден для таких испытаний и всегда жил с ощущением, что попал не в ту эпоху. Может, поэтому вселенная отправила его вперед, а ее — назад. Лиза любила постоянство и предсказуемость. А что может более устойчиво и предсказуемо, чем прошлое, которое ты уже прожил?

От этой мысли ее снова пробрал озноб. Ужасало, что она не сможет повлиять на ситуацию. Нове грозит опасность, родителям и сестре тоже… будто все они в поезде, который несется навстречу неминуемой гибели, и остановить его ей не под силу.

«Пожалуйста, — взмолилась она. — Пусть это окажется неправдой. Дай мне хотя бы шанс все изменить».

Лиза не могла вспомнить, когда в последний раз ходила с родителями в церковь. Пожалуй, от этой привычки не стоило отказываться, как бы ни закрутилась ее новая, такая загруженная жизнь…

Мотор заревел еще громче — видимо, Юн отдал телефон. Через мгновение заговорил Дейн:

— А ты уверяла, что после внедорожника я на байк больше не полезу. Как там у тебя дела?

— Терпимо. Просто сижу и думаю, что внезапно у меня больше нет контроля над собственной жизнью.

Дейн смолк.

— Просто… — Лиза встала и спрятала ключ от квартиры Юна в карман. Пора двигаться к отелю. Но у двери она задержалась и высказала то, что назревало с того момента, как Будущий Юн сообщил, что в их временной линии она мертва. — Это так ужасно. Сама мысль о том, что я, возможно, вообще не могу повлиять на происходящее. Дейн, ты когда-нибудь чувствовал себя настолько беспомощным?

— Да, Ли, — ответил он тихо. — Каждый день с тех пор, как мы стали «белыми воротничками».

— Ты мог уйти, сменить работу. Это не то же самое.

— Пожалуй. — Он внезапно смягчился. — Но в некотором смысле именно понимание того, что я мог — должен был — все изменить, делало ситуацию только хуже. Еще унизительнее от того, что каждый день я просто двигался по накатанной. Делал одно и то же. Ненавидел их. Застрял, как пуля в обойме, которую никто не выстреливает.

— Я все еще не понимаю. Почему ты не пришел ко мне раньше? Почему не подался на перевод?

— Когда движешься по инерции, трудно остановиться. К тому же… ну…

— Только не говори, что остался из-за меня.

— Нет. Но, может, из-за нас… Я не знаю, Ли. Тебе когда-нибудь казалось, что место тебе подходит, а ты ему — нет?

— Никогда. До сегодняшнего дня.

Лиза постояла немного в тишине.

— Тот случай четыре года назад… — начал Дейн.

— Не обязательно об этом говорить, — сказала она, возможно, слишком поспешно. — Ты не виноват.

Он глубоко вздохнул.

— Четыре года назад, после той перестрелки с дилерами… я кое-что понял. Бюрократия настигла бы меня, как бы я ее ни игнорировал. Миру все равно, правильно я поступаю или нет, иногда просто нужен козел отпущения. Ты меня прикрыла. Спасибо.

— Ты мой напарник, Дейн. И мой друг.

— Ага. — Он с характерным щелчком вставил обойму в пистолет. — Сегодня, Ли, я прикрою тебя. Я не дам уничтожить этот город.

Дейн замолчал, и она услышала, как в его голосе вновь появилась улыбка.

— Кажется, иногда нам все еще нужны ковбои.

— Я тебя умоляю. Ты никогда в жизни не сидел на лошади.

— Сидел, на детской ферме, когда мне было шесть. — Взревел мотоцикл, за ним и другие. — С железным конем мне проще, чем с настоящим. Я заглушу звук. Пришлю сообщение, когда раздобудем пушки.

— Принято.

Лиза глубоко вздохнула и снова шагнула в мир, намеренный ее игнорировать. Нужно найти человека, способного скрываться от самой реальности.

Глава 13

69 часов после нулевого момента

Поездка на мотоцикле сквозь апокалипсис вышла не такой безумной, как ожидал Дейн. Они лавировали между рядами машин. К его ужасу, во многих виднелись трупы. Ехавший рядом Кэл с охотничьим ружьем за спиной (борода, бейсболка, футболка «Металлика») объяснил, что возвращенцы хлынули из мертвых зон в первую очередь к главным улицам. Их как магнитом притянуло к перегретым моторам и горячим телам. Застрявшие в пробке люди стали для них настоящим пиром. Выпивая тепло и… собственно, души… чудовища оставляли после себя только трупы.

Столько смертей за такой короткий срок. Дейн перестал заглядывать в окна машин и присоединился к остальным четырем выжившим. Они ровным темпом двигались по дороге. Вел команду Юн вместе с Адрианой — бывшей таксисткой и одной из лучших разведчиц. Кэл и его сестра Сисси (ковбойская шляпа, татуировка-флаг на предплечье, рваные джинсы) называли себя реднеками и замыкали шествие. Они считались стрелками. В этой команде это означало, что они каждый год охотились на оленей.

Пятерка держалась середины дороги. Как Дейн и предполагал, входить в здания даже за пределами мертвых зон было опасно. В каждом проеме неосторожную добычу могла поджидать стая тварей. Вначале на каждого живого человека приходилось по три–четыре возвращенца, но спустя три дня никто не знал, сколько осталось выживших. Не ясно и то, сколько тварей все еще бродит по городу. Отдельные стаи видели на дорогах: они уходили вглубь страны, выискивая жертв в спокойных, ничего не подозревающих городках.

Дейн склонился к рулю. Солнцезащитные очки защищали глаза от ветра. Он никак не мог решить, что хуже: застрять в машине, когда к тебе подбираются возвращенцы, или сидеть в тихом домике за городом, ни о чем не догадываясь, пока кто-то не полезет к тебе в окно.

«Мы это остановим, — подумал он, решительно отгоняя пугающие образы. — Когда мы все исправим, этого будто и не случится».

При всех заумных технических подробностях он все-таки понял общий замысел. Вселенная хотела оставить одну-единственную временную линию и выбрала эту как «настоящую». А линию Лизы тянула ко взрыву, сопротивляясь попыткам что-либо изменить. Но если Дейн сумеет вернуться к нулевому моменту, то «выключит» эту линию и сделает настоящей линию Лизы.

Больше никаких мертвецов. И никаких возвращенцев.

Впереди резко распахнулась дверь фургона.

На мотоцикл Дейн не садился уже несколько лет, но тело вспомнило все мгновенно. Он резко увернулся, не врезавшись ни в дверь, ни в машину слева. Набрал скорость, выровнялся и глянул в зеркало заднего вида: из фургона выбирался возвращенец. К счастью, слишком медленно, но ясно, что сидел он там в засаде.

Вокруг захлопали двери: из машин полезли твари с мерцающими глазами и плененными душами. Одна дверь ударила Юна прямо в грудь, и он впечатался в соседнюю машину. На него прыгнул возвращенец, но ему тут же снесли полголовы выстрелом из дробовика.

Юн мгновенно вскочил, едва Дейн притормозил рядом.

— Быстрее, — крикнул он. — Это засада! Не останавливайтесь!

Черт, профессор не ошибся. Десятки возвращенцев вылезали из машин и направлялись к пятерке живых. Трое остальных замедлились, но по приказу Юна снова прибавили газу и рванули вперед. Дейн дождался, пока Юн тронется, и только потом поехал за ним. Впереди открывались новые двери, поэтому команда выехала на тротуар: впереди Адриана, за ней реднеки, сзади Юн и Дейн.

К сожалению, тротуар был неровным и загроможденным чем попало: книжными тележками у магазина, стульями и столами под навесом у кафе, почтовыми ящиками, вывесками. Для проезда оставалась лишь узкая дорожка. Выжившие едва успевали уворачиваться, пока…

Кэл задел бордюр и на такой скорости тут же упал. Остальные, включая Дейна, пронеслись мимо. Они немного сбавили скорость, но вокруг из машин и зданий, как из сотни осиных гнезд, выскакивали возвращенцы. Пока Дейн доставал пистолет, стая тварей накинулась на Кэла.

— Вперед! — крикнул Юн. — Миссия важнее! С ними не справиться, надо их обогнать!

Он был прав. Но, проклятье…

«Это моя территория».

Дейн развернулся и понесся обратно. Ветер бил в лицо. Остальные кричали, но он видел только Кэла — человека, погребенного под стаей голодных монстров. Подчинившись инстинкту, Дейн накренил мотоцикл на левый бок и спрыгнул, а тот врезался в стаю.

Он должен был упасть, так как мчался со скоростью тридцать миль в час, но наклонился в сторону заноса и удержал равновесие.

Дейн выстрелил шесть раз прямо в стаю, напавшую на Кэла. Насчитал он только четырех врагов, но не мог позволить себе промахнуться и для верности в двоих выстрелил еще по разу. Остановившись рядом на тротуаре, вытащил ошеломленного Кэла из-под кучи тварей. Четверо возвращенцев остались лежать мертвыми. Дейн резко развернулся, надеясь, что они не успели выпить Кэла, и толкнул его к лежащему неподалеку мотоциклу. Потом прицелился и по одному расстрелял ближайших возвращенцев, лезущих из машин.

Бах!

Спокойно.

Бах!

Сосредоточиться на тех, что спереди.

Бах! Бах!

Сосредоточиться на сердцебиении, пока перезаряжаешь.

Бах! Бах! Бах!

Рядом взревел мотор. Дейн обернулся: побледневшему Кэлу хватило сил поднять и завести свой мотоцикл. Кэл отодвинулся, и Дейн сел за руль. Он пристрелил еще одного возвращенца впереди, чтобы расчистить путь, затем убрал пистолет в кобуру и дал газу. Колеса взвизгнули и задымились. Они рванули прочь от наступающей стаи.

Кэл сзади еле держался, и Дейн услышал:

— Спасибо. Я… просто… спасибо, Дейн.

Остальные сбавили скорость. Похоже, им удалось прорваться через засаду. Вокруг перебирались через машины лишь редкие возвращенцы. Дейн встретился взглядом с Юном, когда они поравнялись, но ни один не сказал ни слова. Они прибавили газу, и ужасная стая осталась позади.

Через некоторое время, когда возвращенцы уже не могли их догнать, Дейн заметил на стенах зданий следы разрухи — признак близости мертвой зоны. За следующим поворотом показался восемнадцатый участок, штаб спецназа — высокое узкое здание в длинном ряду домов, стилизованных под старую городскую застройку. Раньше это был отдельный городок. Большой город поглотил его уже несколько десятилетий назад, хотя местный колорит сохранился. Они еще не вошли в мертвую зону, но уже опасно приблизились. Оставалось надеяться, что разруха не добралась до оружия в подвале.

Мотоциклисты притормозили перед полицейским участком: двери выломаны, окна разбиты, ни следа полицейских — ни живых, ни мертвых. Дейн понял, что напрасно надеялся обнаружить здесь еще одну группу выживших. Не повезло. Ему показалось, что в темном вестибюле мелькнула пара мерцающих глаз, но тут же исчезла.

— Ну, — он оглянулся через плечо, — это явно ловушка. Сначала они устроили засаду. Теперь здание стоит с открытыми дверями и тенями внутри. Как они узнали, что мы придем?

— Узнали? — переспросила Адриана. — Нам просто не повезло. Большая стая спала прямо на дороге, и мы на них наткнулись.

Сисси помогла Кэлу сесть и принесла ему попить, потом встала с винтовкой наизготовку — следить за возвращенцами.

Юн скрестил руки.

— Возвращенцы, которых мы встречали до сих пор, похоже, не способны строить планы, детектив Дейн. Из моих бесед с выжившими следует, что возвращенцы помнят свою прежнюю жизнь, но эти воспоминания кажутся им… смутными. Они больше напоминают животных, чем людей.

— Это верно для большинства из тех, что я видел, — сказал Дейн. — Но был один. Адриана, помнишь его? Крупный, сытый. Прятался и пытался меня подловить.

— Он прав, док, — подтвердила Адриана. — Я сама видела. Этот дьявол вел себя совсем не так, как остальные.

Юн хмыкнул.

— Если вы говорите, что они способны планировать и думать, мне нечего вам возразить. Три дня… недостаточно для настоящей науки. Можно разве что сделать поспешные выводы. Но как они вообще могли узнать, что мы идем в эту сторону?

Они переглянулись. Если подумать, это и есть самое тревожное. Дейн снова повернулся к вестибюлю полицейского участка и вгляделся в темноту. Откуда-то он точно знал, что твари поджидают именно его.

— Что нам делать? — спросила Адриана. — Там может быть целая армия.

Дейн отключил беззвучный режим на телефоне.

— Дайте мне минуту. Нужно подумать.

Глава 14

За 61 час до нулевого момента

Метро вполне удобно, когда не нужно делать пересадки. Наверное, до «Марриотта» Лиза быстрее доехала бы на машине — утренний час пик уже миновал, — но в метро у нее было больше времени подумать. Больше времени прийти в себя.

Когда она добралась до места, на душе немного полегчало. Оказалось, что отель выдержан в том стиле «дешевый шик», что часто встречается в деловых

кварталах: достаточно приличный, чтобы не чувствовать себя неловко за деловым ужином, и не настолько шикарный, чтобы корпоративные бухгалтеры заподозрили тебя в расточительстве.

Народу было немного. Похоже, она приехала в затишье. Лиза окинула взглядом длинную стойку регистрации с шестью местами для администраторов. Когда Дейн снова вышел на связь, она обдумывала, как лучше действовать.

— Привет, — раздалось у нее в ухе. — Ты хорошо знаешь восемнадцатый участок?

— Не очень. А что?

— Чутье подсказывает, что ломиться через парадный вход не стоит. Можешь позвонить дежурному и узнать, не раздобудет ли он мне план здания?

— Дежурный меня, скорее всего, проигнорирует.

— Верно. Проклятье, все время забываю.

Задумавшись, Лиза прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Проходящие мимо люди ее не замечали. Что там говорил Юн? Вселенная хочет, чтобы все было просто, идет по пути наименьшего сопротивления. Можно ли обратить это себе на пользу?

— Дай мне минуту. — Лиза перевела Дейна на беззвучный режим.

Неудобно, конечно, принимать два звонка одновременно, но иногда нужна конференц-связь, вот она и научилась. Пришлось набирать три раза, прежде чем удалось дозвониться до Роуны.

— Шеф? У меня написано, что я пропустила два звонка от вас. Как… не понимаю, как это вышло. Простите. Я думала, вы в кабинете, работаете над делом…

— Не важно, — отозвалась Лиза. — Нужно, чтобы кто-нибудь раздобыл мне план здания восемнадцатого участка.

— Разумеется. Я переключу вас на…

— Нет. — Лиза представила, как часами висит на линии у кого-то, кто так и не заметит ее звонок. — Мне нужно, чтобы это сделала ты.

— Да, хорошо. — Голос Роуны стал удаляться. — Что вам нужно…

— План здания восемнадцатого участка. Где штаб спецназа.

— Разумеется. Я переключу вас на…

— Роуна, нет. Послушай меня. Ты сама это сделаешь.

Тишина.

— Сделаю… что именно, шеф?

Проклятье! Как заставить вселенную не сопротивляться, а следовать тому, что она хочет? Юн сказал: рыть канаву, чтобы вода текла сама. Понедельник… чем она занималась в понедельник, кроме того, что работала над большим делом?

Инвентаризационные отчеты. Комиссар готовил ее себе в преемники и перекладывал на нее часть своих обязанностей. В том числе инвентаризационные отчеты, которые она просматривала для него в понедельник.

— Инвентаризация, — выпалила Лиза. — Мне нужно провести инвентаризацию для комиссара.

— О! — Роуна будто очнулась. — Да, точно. Вам же нужно с этим разобраться.

— Да. Я собираюсь отправить кого-нибудь пересчитать боеприпасы спецназа, но не хочу, чтобы они знали заранее. Подозреваю, с учетом у них не все в порядке.

Судя по всему, это достаточно близко к истине. Спецназ любил проводить время на стрельбище и не всегда аккуратно отмечал выдачу и возврат снаряжения.

— Так, скачиваю план здания восемнадцатого участка… — сказала Роуна. — Что именно вас интересует?

— Как войти не через парадный вход. Какие есть варианты?

— Хм… Три входа, у каждого будка с охраной. Разве что спуститься с крыши по снайперскому подъему.

— По снайперскому подъему.

— Ну да. — Роуна рассмеялась. — Они настояли на закрытой лестнице, чтобы выставлять человека на крышу. Ничего особенного, но им нравится название. Сами же их знаете.

Одной секунды хватило, чтобы понять, что выберет Дейн. Роуна отправила ей на телефон данные по каждому входу и план здания.

— Спасибо, Роуна.

Лиза закончила разговор, переслала схемы Дейну и переключилась обратно на его линию.

— Дейн, ты еще тут?

— Угу.

— Тебе понравится: вход с крыши.

— С крыши? Отлично. — Он потратил минуту, просматривая схемы, прежде чем продолжить. — Хотя придется следить за теми частями здания, где нет бетона. Конструкция более современная, а не просто бетонный блок, с кучей отверстий в потолках и полах, которые могли проржаветь.

— Это проблема?

— Зависит от расстояния до мертвых зон. Мы близко, но здание все еще стоит, так что, возможно, не слишком пострадало. Но все равно боюсь, что один неверный шаг — и провалишься сквозь пол.

Что ж, хорошо, что она раздобыла для него столько подробностей. А еще убедилась, что его телефон принимает фото от нее, значит, можно будет отправить Юну снимки его записей. Если, конечно, она сумеет их найти.

Лиза снова поставила Дейна на беззвучный, но оба знали, что нужно следить за сообщениями. Теперь ее очередь. Она глубоко вдохнула и прошла через вестибюль с высоким потолком к стойке регистрации. Не предпринимая никаких попыток привлечь внимание, она дождалась, пока один из администраторов выйдет через боковую дверь, и скользнула за стойку.

Чувствуя себя такой же заметной, как наркоман, колющийся на углу первого участка, она наблюдала за администраторами из-за спин и старалась разобраться в системе. Никто на нее даже не взглянул, хотя пришлось несколько раз уступать дорогу. Всю жизнь Лиза боролась за то, чтобы от нее не отмахивались и воспринимали всерьез. Неприятно рассчитывать на то, что теперь ее будут игнорировать. Когда один из администраторов ушел на перерыв, Лиза подошла к его терминалу и быстро нашла нужное. И… вот он, Юн, под вымышленным именем, в номере 1412. А снизу записка: «Прекратите заселять людей в этот номер. Он занят! Кэти».

Лиза сделала себе ключ, повторяя движения администраторов, выскользнула наружу и перевела дух. Понятно, что она в сущности невидима, но все равно странно действовать в открытую. В каком-то смысле это обесценивает детективную часть ее работы, хотя, будь она видимой, получила бы те же ответы с помощью значка.

По дороге к лифтам Лиза ощутила предательский азарт от того, что снова работает в поле. Раскручивает настоящую зацепку, а не отслеживает цифры в таблице. Черт… а вдруг Дейн прав? Это веселее? Уж точно реальнее. Ей удалось немного отвлечься от мысли о своей, возможно, неизбежной смерти.

Лиза вошла в лифт — электроника была куда менее склонна ее игнорировать — и нажала четырнадцатый этаж. В этот момент ей на глаза попался мускулистый мужчина, прислонившийся к колонне в вестибюле.

Смотрел он прямо на нее.

От того, как он уставился, наклонив голову, ее бросило в дрожь. Впервые с тех пор, как она вышла из первого участка, кто-то ее заметил. Двери закрылись, и зрительный контакт прервался, но Лиза кое-что осознала.

Этот мужчина ей знаком. Охранник из особняка — один из тех троих, что сцепились с Дейном и последовали за ними через погреб.

Судя по взгляду, которым ее одарил охранник, нет сомнений: в отличие от всех остальных, он сразу ее увидел.

Глава 15

70 часов после нулевого момента

Дейн осматривал восемнадцатый участок — штаб спецназа — из укрытия на крыше соседнего жилого дома. И… да, часть кровли просела именно там, где он и ожидал по чертежам. Давала знать о себе близость к мертвой зоне.

«Пушки должны быть целы».

Оружие заперто в больших сейфах, и Юн полагал, что ему ничего не грозит. Похоже, коррозия расползалась снаружи внутрь. Только вот кровля вызывала беспокойство. Согласно чертежам, ослабленный участок находился там, где изначально оставили место для светового люка, но полиция его так и не установила.

Чтобы забраться на крышу, с которой Дейн вел наблюдение, пришлось вскарабкаться по кирпичной стене с тыльной стороны здания. Пригодились навыки, полученные на скалодроме, и не потребовалось пробираться через пустые внутренние помещения. Впрочем, особо гордиться нечем: Юн последовал за ним без видимых усилий.

Осматривая цель в бинокль, Дейн не мог не признать, что от близости к мертвой зоне чувствует себя… заряженным. Мертвая зона справа ощущалась как

второе солнце — мощный источник невидимого тепла. По стене он взлетел с рекордной скоростью и казался себе собранным, сильным.

«Сосредоточься. У тебя есть задание».

Дейн передал бинокль Юну, который сидел на корточках у дымохода. Тот навел его на здание спецназа через два дома.

— Вы сможете перепрыгнуть?

— Раньше мог без проблем, — ответил Дейн. — Теперь будет еще проще.

— Да. Я тоже это чувствую. — Юн вернул бинокль. — Мы их отвлечем, но мне это не нравится. Дейн, если вы правы и нас ждут, значит, мы не владеем всей информацией.

— Разберусь в любом случае.

Юн положил руку на плечо Дейна.

— Не думайте, что вы неуязвимы. Да, вы можете упасть с большой высоты и вскарабкаться по стене почти без опоры, но у того, что с нами происходит, есть пределы. У меня до сих пор ломит тело от того удара о машину — вполне возможно, кость треснула.

Дейн глубоко вдохнул и кивнул. Дельное напоминание. Новые возможности дарили ощущение всесильности, но он помнил тот глубокий, до самой души пронизывающий холод. Тим его едва не убил.

Однако солнце только что зашло, и он хотел управиться с оружейной, пока совсем не стемнело.

— Буду осторожен. Вам пора на позицию.

— И последнее, — сказал Юн. — Попробуйте позвонить по этому номеру.

Дейн нахмурился, но переключился с линии Лизы, поставленной на беззвучный режим, пока она прочесывала «Марриотт», и набрал номер.

Зазвонил телефон Юна.

— Но... — начал Дейн.

— Я тоже был там, — перебил Юн. — Меня не забросило сквозь время, как вас. Должно быть, я стоял недостаточно близко. Свет ударил сначала в вас, потом в детектива Стерлинг, а потом в меня. Мы знаем, что моя версия из прошлого испытывает некоторые из тех же эффектов, что и она, а я ощущаю некоторые из тех же физических усилений, что и вы. Вот я и подумал: вдруг тоже сработает.

Юн ответил на звонок, отошел немного по крыше и заговорил в трубку:

— Слышите меня?

— Плохо. — Дейну пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать тихие слова. — Как будто издалека.

— У меня так же. Как будто… связь не такая сильная. Занятно. По крайней мере, мы сможем общаться, если разделимся. Удачи, детектив.

— Взаимно. Пока поставлю вас на беззвучный.

Они разошлись. Дейн закрепил телефон на груди и вытащил пистолет. Три обоймы, все полные. Сорок пять патронов. Хорошо бы ни один не пригодился. И все же он бы многое отдал за нормальное снаряжение. У него нет даже берушей. Хотя, если вспомнить прошлую перестрелку в помещении, уши почти не пострадали… так что, может, теперь он достаточно крепкий.

Дейн стиснул зубы, присел на корточки и стал ждать сигнала. Одиночный выстрел. Потом еще. Команда Юна — четверо выживших — открыла огонь по парадным дверям. Отвлекающий маневр обязан сработать, на него угробят уйму патронов.

К счастью, вскоре донеслись вопли возвращенцев. Они хлынули из здания, обнаружив, что ловушка сработала. Снова загремели выстрелы, а потом… совершенно точно послышался ответный огонь. Возвращенцы были вооружены.

Прелестно.

Досчитав до ста, Дейн рванул вперед. Прыжок — и очередная крыша встретила его на полном ходу, даже кувыркаться не пришлось. Следующим прыжком он преодолел пролет до крыши полицейского участка и намеренно приземлился подальше от просевшей секции. Теперь быстрый бросок вниз по нескольким лестничным пролетам…

Дверь на лестницу с грохотом распахнулась, показалась громадная фигура со светящимися глазами…

Проклятье, в форме охранника. Частная охрана. Дейн наконец понял, где видел того другого здоровяка-возвращенца. Рядом со взрывом находились не только они с Юном, а еще шестеро охранников. Трое прошли следом через двери погреба, еще трое поджидали за защитным стеклом.

Похоже, в эпицентре с ним, Лизой и Юном что-то случилось, а те, кто были чуть в стороне, превратились в… возвращенцев.

Здоровяк навел на Дейна штурмовую винтовку. Приняв мгновенное решение, тот выбрал быстрый путь — прыгнул на просевший участок кровли, когда уже полетели пули. Секунду спустя Дейн рухнул сквозь облако пыли и куски проржавевшего металла на пятый этаж.

Внутри почти не было окон, да и те, похоже, возвращенцы забили досками. Дейн оказался в странном царстве темноты и пыли, мерцающей в свете из дыры на потолке. Вокруг него открылись глаза — жуткие белые глаза.

К счастью, все они были отличной мишенью.

Дейн открыл огонь. Пистолет вспыхивал в темноте, пока он перепрыгивал через столы и ломился сквозь стенки кабинок, уже начавших рассыпаться от призрачного излучения. По его опыту, ребята из спецназа обожали оставлять вещи где попало, так что он сбивал с разваливающихся столов обоймы, ножи, даже патроны. Казалось, он дерется в детской диораме из бумаги и клея: стены рвались по одному желанию. Мебель была еще достаточно крепкой, чтобы пинком отправить ее в противника, и разлеталась в щепки.

На несколько секунд Дейн превратился в вихрь выстрелов. Ориентировался он по умирающим возвращенцам, которые ненадолго вспыхивали, когда их покидала жизнь. К тому моменту, как здоровяк со штурмовой винтовкой провалился сквозь потолок, Дейн уже сменил позицию. Бывший охранник осматривал помещение, вооруженный до зубов: на широкой груди бронежилет, на голове спецназовский шлем — прикрыть самое уязвимое место. И... гранаты на патронташе? Откуда? Они запрещены даже для спецназа, хотя порой их конфискуют при облавах наркоторговцев.

Дейн успел выстрелить, но пуля отскочила от шлема. Тварь начала поливать все вокруг огнем, не заботясь, в кого попадает. Дейн нырнул за обломки кабинки, но возвращенцы чуяли его тепло. Темнота давала куда меньше прикрытия, чем он надеялся. Двое возвращенцев рыскали у него за спиной, и здоровяк тоже скоро его засек, не обращая внимания на стрельбу снизу и снаружи.

Проклятье. Дейн ухватил за лохмотья одного из возвращенцев помельче, когда тот бросился на него, и, используя его как щит, устремился к месту, которое приметил раньше: на просевшем полу были свалены в кучу стулья. Пули достигали цели: возвращенец метался и выл, царапая голову Дейна, кожу обдавало холодом. Добравшись до просевшего участка, Дейн отшвырнул возвращенца, обеими ногами обрушился на пол и, проломив его, жестко приземлился в комнате отдыха на четвертом этаже.

Сверху выли возвращенцы. Что хуже, на этом этаже открылись новые пары глаз. Сколько же их здесь? Быстро сменив обойму, Дейн застрелил двоих, потом

проломился сквозь стену в коридор. Пыль и дым тянулись следом за ним сквозь все более темные помещения. Свет просачивался лишь между досками на окнах и сквозь дыру сверху.

Дыра вскоре заполнилась спрыгивающими возвращенцами. Но Дейн… чувствовал, как что-то пульсирует на востоке. Мертвая зона с ее бодрящим теплом гнала его вперед, заставляя следовать инстинктам, которые он оттачивал годами и которым редко давал волю. Выстрелы — его боевой клич, светящиеся тела мертвых — фонарь. Он пробивался по коридору сквозь пыль, по пути выстрелами укладывая демонов.

Дейн добрался до конференц-зала, где, судя по чертежам, должен был просесть пол. Вместо этого он обнаружил дыру — пол уже провалился. Он прыгнул к ней. В этот миг стена справа разлетелась. Здоровяк-возвращенец выбрал более короткий путь.

Он кинулся на Дейна, бросив штурмовую винтовку болтаться на ремне. Они столкнулись и рухнули в дыру. Свободной рукой Дейн отчаянно отталкивал чудовище.

Когда они приземлились на третьем этаже, Дейн нащупал что-то металлическое. В суматохе показалось, что это часть вражеского оружия. Он ухватил его, но оно оторвалось. Дейну удалось оттолкнуться от громилы ногами. Он перекатился по полу и вскочил на корточки: пистолет в правой руке, а то, что схватил, — в левой.

Граната. Без чеки. Рычаг прижат.

Черт.

Дейн едва не отшвырнул ее, но в такой тесноте, да еще темноте ничего не стоило взорвать себя. Он развернулся, крепко держа гранату левой рукой, и открыл огонь. Пули рикошетили от шлема здоровяка, и хотя одна прошила ему руку, он лишь улыбнулся: белые зубы и торжествующее выражение за треснувшим забралом. Пуленепробиваемый пластик справился с задачей.

Дейн все равно выстрелил еще пару раз, но на втором выстреле затвор встал на задержку: кончились патроны. С проклятием он протаранил плечом ближайшую стену. Сзади здоровяк открыл полуавтоматический огонь. Дейн нырнул за большой картотечный шкаф, который, как он надеялся, покрепче всего вокруг, и в темноте с трудом сменил обойму, не выпуская гранату. Можно откатить ее за угол, но…

Стоп. Это кровь?

Дейн прижал пальцы правой руки к боку и ощутил влагу. Зацепило живот. А он… даже не почувствовал. Черт. В глубине души он понимал, что не может так везти. Под таким градом выстрелов один да попадет в цель.

«Аптечки в подвале, — подумал он, — в оружейной».

Дейн зажал рану рукой. Времени на жгут нет, да и не то место на теле, где поможет жгут. У нужной комнаты в подвале металлический потолок. В обычном мире это надежнее, но теперь… без бетонной оболочки, возможно, удастся пробиться.

Дейн вытер кровь о джинсы, дослал патрон из последней обоймы и замер. Стрельба снаружи стихла. Скорее всего, у его людей кончились патроны. На этом этаже возвращенцев больше нет. Только пыль, свет сквозь доски и тени.

— Я чую твое тепло, детектив, — раздался голос из темноты. — Ты пылаешь, как костер, жарче любой другой еды. Как ты прятался от нас три дня?

Разные этажи перепутались в голове, хотя Дейн старательно запоминал планировку. Слабый пол… в восточном углу? Или в западном?

— Это ты убил Адама? — спросил голос, и сквозь темноту проступила тень со светящимися глазами. Только вот из этого существа не пытались вырваться никакие призраки. — Мы много лет были друзьями. Он возродился, чтобы стать королем в этом новом мире. А ты все испортил.

Под здоровяком скрипел пол. Он двигался справа от Дейна, минуя узкие полосы света, и словно приглашал в себя выстрелить.

— Выходи. Дам тебе один шанс. Попробуешь меня уложить.

Дейн рванул к восточному углу и скользнул в небольшой кабинет. Дульная вспышка осветила комнату. Проклятье, пол не просел. А он был так уверен. С рычанием Дейн подпрыгнул и всем весом обрушился на перекрытия.

К счастью, пол поддался. Он не ошибся, просто этот участок оказался чуть крепче. Полетели щепки, Дейн свалился вниз. В темноте выли возвращенцы, открылись десятки глаз. Не стреляя, Дейн побежал, перепрыгивая и проламывая столы. Здоровяк-возвращенец грохнулся следом.

Дейн добрался до центра помещения.

Удар.

Вниз, на первый этаж, прямо над подвальной комнатой. Пол выдержал его вес: металл не утратил прочности. Что ж, есть еще один путь. Дейн бросился к задней лестнице, уложил по дороге двух возвращенцев и, истекая кровью, нырнул

в темноту. Его преследовали жуткий скрежет и страшные светящиеся глаза. Добравшись до подвальной оружейной, он обернулся и выстрелил, чтобы благодаря дульной вспышке разглядеть планировку помещения.

Дверь оружейной была сорвана с петель. Дейн отступил в комнату и выстрелил еще дважды. Возвращенцы поработали инструментами: один сейф был взломан, два еще держались, проржавевшие, в царапинах и вмятинах.

Именно то, что ему нужно.

Здоровяк-возвращенец взревел, ломясь следом за Дейном. Комнату раз за разом освещали вспышки. Стрелял он быстро, а это значило лишь одно: через несколько секунд патроны кончатся. Бережнее нужно. Патроны всегда кончаются быстрее, чем хочется.

К тому же, если добыча укрылась за огромным стальным сейфом, это не очень эффективно. Секунду спустя Дейн бросил гранату. Комнату тряхнуло, полыхнула вспышка, раздался чудовищный грохот, все засыпало обломками.

Воцарились тишина и темнота. Кромешная темнота, лишь мигающие светящиеся глаза приходили в себя после взрыва. Здоровяк выругался, и Дейн услышал щелчки — перезаряжается. Из него начали вытягиваться духи, освещая комнату. Здоровяк стоял в центре, позади жались возвращенцы помельче. Видимо, до сих пор он удерживал духов внутри себя.

Здоровяк поднял штурмовую винтовку, но прямо перед тем, как он дослал первый патрон, Дейн бросился на него с кулаками. Бить человека в лицо, когда на нем шлем, — занятие малоприятное, но костяшки выдержали. Дейн бил снова и снова, заставив здоровяка опустить оружие и потянуться к нему руками.

Тогда он отпрыгнул назад.

— Знаешь, в полиции частенько потешаются над охранниками.

Тварь бросилась на него. Слишком быстро. Дейн едва увернулся.

— Я не потешаюсь, — добавил Дейн. — Многие из охранников — бывшие военные. Потешаться над такими неразумно. Но некоторые идут в охрану вовсе без опыта.

Здоровяк зарычал, оттесняя Дейна в угол, потом снова прыгнул. На этот раз Дейн не успел отскочить. Они сцепились. Дейн кряхтел, думая только о том, как вырваться. Напрягшись, он оттолкнулся правой рукой и потянулся левой.

— Знаешь, как отличить неумех?

Здоровяк попытался ухватить его за голову, но Дейн вывернулся.

— Неумехи вешают гранаты на грудь, как чертовы значки на капоте.

Дейн бросил чеку возвращенцу в лицо и снова нырнул за сейфы.

Взрыв был не таким оглушительным, как первый. Дейн переждал, выполз и обнаружил, что оглушенный здоровяк лежит на полу с дырой в груди, каким-то образом еще живой. Десяток душ рвался из него наружу. Свечение освещало комнату, как камин.

Дейн подхватил что-то с пола и подошел к поверженному противнику. Тот встретил его взгляд, почти не слушающимися руками потянулся к винтовке, но та при взрыве отлетела в сторону, как и шлем. У гранат есть одна особенность: они не так уж сильно повреждают нехрупкие предметы. Винтовка вполне могла пережить град осколков.

— А теперь я воспользуюсь своим шансом.

Дейн дослал патрон в винтовку и всадил пулю здоровяку в глаз.

Несколько минут спустя он вышел через парадный вход, оставив за спиной десятки мертвых возвращенцев. Его команда выглянула из укрытия и уставилась на него с изумлением. Смотрелся он примечательно: перевязанная рана, одежда в пыли, на плече штурмовая винтовка.

Земля перед входом была усеяна телами возвращенцев, хотя большинство, похоже, отступило обратно в здание, чтобы остановить Дейна. Пока команда выбиралась из укрытия, один из «мертвых» возвращенцев вдруг вскочил и бросился в атаку.

Дейн пристрелил его за долю секунды до того, как тот добрался до Юна.

— Всегда проверяйте тех, кого уложили. — Дейн прошелся между телами, пиная каждое. — Половина останется здесь на страже. Остальные — вниз, начинайте паковать снаряжение. Сейфы я вскрыл. Выгребаем все и уходим.

Глава 16

За 60 часов до нулевого момента

Лиза добралась до четырнадцатого этажа отеля, все еще не в силах отделаться от беспокойства из-за того мужчины. Он точно ее видел. Казалось бы, повод выдохнуть, но вместо этого она лишь насторожилась, причем настолько, что, отыскав номер Юна, не стала ни стучать, ни врываться, а прижалась ухом к двери.

В номере слышались голоса. Дверь была слишком толстой, чтобы разобрать слова, но откуда у Юна гости? Он параноик, раз уничтожил телефон и залег на дно. Лиза быстро приняла решение: скрылась за углом в боковом коридоре и принялась ждать. Несколько минут спустя осторожность принесла свои плоды: дверь открылась.

— ...понятия не имею, куда он делся, босс, — произнес мужской голос. — Мы взяли компьютер и кучу блокнотов. Все, что выглядело важным.

Обливаясь потом, Лиза вжалась в дверь, надеясь скрыться в дверном проеме. Трое мужчин пересекли коридор, направляясь к лифту. Вдалеке громко гудел аппарат для льда, но, к счастью, в ее сторону никто не смотрел.

— Да, — сказал один в трубку. — Адам, кажется, заметил кого-то подозрительного. Темнокожая женщина, длинные волосы. Не знаем, кто такая, но он клянется, что она его видела. Непонятно, как он это определил...

Двое были в форме охранников, третий — тот, что говорил по телефону, — в штатском. Может, кто-то из ученых? Один охранник держал пистолет наготове и настороженно оглядывался. Второй нес коробку, видимо, с записями Юна, сверху торчал ноутбук.

Лиза подалась вперед, намереваясь произвести арест, но... так она раскроет свои карты. Охранник выглядел готовым стрелять. Если они столкнулись с теми же проблемами, что и она, то они на взводе и опасны.

«Не лезь сломя голову», — подсказывали инстинкты.

Ученый продолжал говорить по телефону, пока они ждали лифт. Лиза осторожно двинулась вперед, вытащила пистолет и, держа его на изготовку, притаилась за углом.

— Понятия не имею, как Юн от нас ушел. Наверное, отлучился ненадолго. Да, Гамильтон молодец, что установил жучок в ноутбук. Привезем тебе все в целости и сохранности. Ты была права, что беспокоилась о Юне. Он каким-то образом причастен к тому, почему все нас игнорируют. Может, создал собственное устройство телепортации. Это многое бы объяснило.

Звякнул лифт, и Лиза выглянула из-за угла. Мужчина из вестибюля ждал у лифта с пистолетом наготове. Адам — так его называли, — громила с бегающими злыми глазами. Выйди она сейчас из-за угла — перестрелки не избежать. А попробуй она задержать их раньше, этот тип застал бы ее врасплох.

Может, она слишком осторожна в последнее время, как и говорил Дейн, но нельзя схлопотать пулю. Трое против одного, даже имея преимущество, —

слишком большой риск. Если ее убьют, некому будет остановить конец света. Лучше не торопиться, тем более она знает, куда увозят записи — прямо в лабораторию. Если удастся заставить других полицейских помочь, как вышло с Роуной, лучший вариант — рейд на лабораторию. Тогда можно добраться и до записей, и до ученых Назим.

Только вот где Юн?

Этот вопрос помог принять окончательное решение — не вмешиваться. Трое присоединились к Адаму в лифте. Двери закрылись. Молясь о том, чтобы не обречь город, Лиза поспешила обратно в номер Юна.

Небольшую комнату перевернули вверх дном, улик не найти. Если он оставил вещи, значит, где-то рядом, но кровать вспорота, чемодан разорван, одежда разбросана. Ковер местами тоже разрезали — убедиться, что под ним ничего не спрятано.

Лиза рассеянно перебирала браслет, вспоминая, как они с Дейном осматривали похожую квартиру. Искать здесь улики — неверный ход. Охранники не добрались до Юна, значит, обыск вряд ли что даст. Что его предупредило, что заставило сбежать? Она выглянула в окно — не видно ли подозрительных аварий. Если машину людей Назим задело на улице, это могло спугнуть Юна. Ничего. И…

Нет, это не объяснение. Он оставил ноутбук.

Юн так не поступил бы, если только… просто не вышел на минуту. Лиза взглянула на небольшой холодильник. Сверху стояли стаканы. Громилы не обратили на них внимания: что там смотреть, просто чистые стаканы.

Очевидная улика лишь одна — большое пятно посередине, где раньше стоял ведерко для льда. Юн не сбежал. По чистой случайности он отлучился именно тогда, когда явились люди Назим. Лиза проверила свою теорию: вышла из номера и отыскала ледогенератор. Ее ждало неопровержимое доказательство в виде рассыпанного льда. Скорее всего, Юн выронил ведерко, когда заметил приближающихся громил. Лиза присела на корточки и отметила, что лед почти не растаял. Это случилось совсем недавно. Прямо напротив по коридору виднелась аварийная лестница.

Лиза спустилась по голой бетонной лестнице на несколько пролетов, пока не услышала всхлипы. Она остановилась, преодолела последний пролет и обнаружила дверь с надписью: «Аварийный выход, сработает сигнализация». Юн сидел на полу, прислонившись спиной к стене. Глаза закрыты, по щекам текут слезы.

— Я не знал, что вероятнее, — прошептал он, — что вы погонитесь за мной по лестнице или что я выдам себя сигнализацией. Плохо выбрал, полагаю.

— Это зависит от того, кем вы меня считаете.

Юн открыл глаза, поморгал. Изучил ее, потом покачал головой.

— Вы из другой лаборатории?

— Нет. — Она протянула руку. — Я детектив Лиза Стерлинг. Примерно через двое суток я спасу вас из погреба, где вас будут держать связанным, и вместе мы не сумеем помешать Назим взорвать город. Вторую часть я рассчитываю изменить.

Глаза у него расширились.

— Через двое суток...

— Вы не помните?

Юн нахмурился.

— С чего бы?

— Я думала, что вы, возможно, помните, раз уж я помню, и ваша версия из будущего тоже. Но он-то, конечно, должен помнить, правда?

— Моя версия из будущего...

Прошлый Юн принял ее руку, дав поднять себя на ноги.

— Назим активировала устройство? Оно исказило реальность. Вот почему никто меня не видит! Не потому, что уже произошло, а потому, что еще произойдет!

— Может произойти. Мы с напарником делаем все возможное, чтобы этому помешать.

Лиза толкнула дверь с надписью про сигнализацию. Не раздалось ни звука. На замешательство Юна она пожала плечами.

— На таких дверях обычно нет сигнализации, по крайней мере в городе. Слишком легко вызвать общую панику. Люди решат, что пожар. По нормам не положено. Идем. Нужно многое вам рассказать.

Глава 17

71 час после нулевого момента

Дейн поморщился, заливая рану антисептиком (низ туловища, правый бок, над бедром, кость цела). Боль была нешуточной, но, как ни странно, двигаться не мешала. Он всегда считал, что огнестрел сразу выбьет его из строя, а поди ж ты, пока вполне держится.

Юн на ходу бросил ему рулон бинта. Они вернулись в курительную комнату кантри-клуба. На ближайшей стойке лежало несколько стволов. Похоже, оба чувствовали себя спокойнее, когда оружие под рукой.

— Кажется, я предупреждал, — сказал Юн, пока Дейн перебинтовывал рану. — Мы не бессмертны.

— В целом терпимо. — Дейн не удержался от гримасы. — Крови почти нет. Для сквозного — странно.

— Вам нужно быть осторожнее. Вполне возможно, наше обостренное ощущение силы — просто иллюзия. Повреждения серьезные. Вы можете лучше их переносить, но умирать от них будете точно так же, как от обычной раны.

— Мне кажется, все заживает быстрее.

— Мы не можем знать наверняка. Пожалуйста, будьте осторожны.

— Это апокалипсис, док. На осторожность времени нет.

Дейн проверил телефон, думая о Лизе. В этот момент браслет — подарок Новы — слегка дрогнул сам по себе и повернулся на запястье.

Хм. Странно. Через секунду все прекратилось. Браслет ему дала Лиза. На нем висела половинка плоского металлического сердечка из тех, что обычно штампуют серийно, но, похоже, именно это Нова смастерила своими руками — разрезала пополам. По половинке на каждом браслете.

Юн подошел к карте на стене.

— Вы по-прежнему хотите попробовать сегодня ночью? В темноте?

— В штабе спецназа я вполне справился.

Юн покосился на повязку.

— Вполне?

— Если вы правы и с раной все хуже, чем я признаю, у нас проблемы. Больниц нет, лекарств кот наплакал. Поэтому нужно добраться до телепорта, пока я еще на ногах.

Дейн натянул рубашку.

— Доводы весомые, но я не стану рисковать своими людьми ради похода через три мертвые зоны, — сказал Юн. — Я сам пойду с вами. Только я.

— Договорились. Но тогда хватит жаловаться, что я рискую.

Юн улыбнулся.

— Приятное ощущение, правда?

— Когда тебя подстрелили?

— Когда делаешь что-то важное. Что-то значишь.

Дейн подошел к столу и принялся перебирать снаряжение, в том числе бронежилет с креплениями под обоймы. Он бросил взгляд через плечо на профессора и кивнул.

— Да.

Сверхквалифицированного ученого загнали вести вводный курс по физике в захолустном колледже. Первоклассный стрелок целыми днями просиживал за офисным столом.

Мир в них не нуждался. До сих пор.

Телефон Дейна завибрировал.

«Прошлый Юн у меня, — написала Лиза. — Записи у Назим. Работаю над планом, как их вернуть».

Дейн переслал сообщение Будущему Юну и выключил беззвучный режим.

— Молодец.

— Да ладно, — отозвалась Лиза. — Я упустила людей Назим. Ты бы, наверное, рванул за ними с пистолетом.

— Это зависит от того, была бы ты рядом, чтобы меня урезонить. В штаб спецназа сходили нормально, но нас ждали, как я и боялся.

— Нехорошо.

На этот счет у него имелись соображения, но говорить их вслух Дейн пока не собирался. Юн подошел, бросил взгляд на его торс, хотя повязка была под одеждой, и приподнял бровь. Дейн отрицательно качнул головой. Нет. Лизе и без того есть о чем беспокоиться.

— Юн, познакомьтесь с собой, — сказала она.

— Здравствуй, Альберт, — произнес Юн Дейна.

— Здравствуй... Альберт, — донесся тот же голос со стороны Лизы. — Должен признаться, большая часть того, что рассказала детектив Стерлинг, кажется мне... неправдоподобной.

— Но ты же понимаешь, что все так и есть? Это единственное возможное объяснение.

— Да, — сказал Юн Лизы. — «Неправдоподобное», оказывается, не синоним «невозможного».

— Нужно подождать, пока я соберу группу и мы возьмем главную лабораторию Назим, — сказала Лиза. — Тогда записи будут у нас.

— Не уверен, что у нас есть столько времени, — негромко заметил Дейн.

— Почему?

— Чутье. Но не только. Возвращенцы нас поджидали. Они знали, что происходит, и наверняка знают, что мы пытаемся остановить светолом. Если будем ждать, пока ты готовишь рейд, в моей временной линии к нам нагрянут враги. Нельзя давать им время.

— Но у нас нет записей.

— Зато у нас два Юна. Может, этого хватит?

— Я... — начал Юн Лизы. — Я весь день перечитывал записи, пока их не забрали. Искал объяснение тому, что со мной случилось. Теперь, когда я знаю подробности... что вас перенесло во времени, а не в пространстве...

— Слишком много энергии, — сказал Юн Дейна. — Назим закачала слишком много энергии. Я убежден, что именно этот перерасход породил проблемы в моей временной линии.

— Да... — продолжил Юн Лизы. — Расчеты у меня в голове еще свежие. За час-другой я, пожалуй, смогу восстановить нужные фрагменты и найти способ запустить устройство без повторения катастрофы. С записями было бы куда надежнее, но если иначе никак... думаю, я помню достаточно.

— Уж точно больше, чем я, — буркнул Юн Дейна. — Три дня — долгий срок.

— Да. Но, признаться, я еще не во всем разобрался. Просто… есть один вопрос.

— Какой? — спросил Дейн.

— Есть ли у кого-нибудь версия, почему один из вас попал в будущее, а другой в прошлое?

— Мне кажется, все было не так, — сказал Юн Дейна. — Детектив Стерлинг, видимо, забыла упомянуть, что в этой временной линии существует ее мертвая версия. Значит…

— Значит, вас обоих занесло в обе стороны? — спросил Юн Лизы.

— Не совсем, — нахмурился Дейн. — Ее труп вы нашли на месте взрыва, во времени он не перемещался.

— Но вы ведь находились ближе всего к червоточине? — спросил Юн Лизы. — Скорее всего, дело именно в этом. Вас втянуло целиком. Детектив Стерлинг, стоявшая рядом с вами, оказалась в прошлом, но с воспоминаниями о будущем. Я, Назим, охранники, которые меня разыскивают, — мы ощущаем, что что-то не так, но воспоминаний у нас нет. Полагаю, это вопрос близости к червоточине. Мне нужно время заняться расчетами…

— К сожалению, времени у нас нет, док. — Дейн застегнул бронежилет. — Мы с моим Юном отправляемся к одной из лабораторий прямо сейчас. С учетом нескольких мертвых зон дорога займет около часа. Когда доберемся, расчеты должны быть готовы. Успеете?

— Около часа? — переспросил Юн Лизы. — Большую часть этого часа я буду по памяти восстанавливать записи. Но… возможно… Если все сводится к тому, чтобы изменить настройки устройства и снизить потребление энергии…

Возможно?

Дейн взглянул на своего Юна. Тот кивнул. Ждать нельзя, Дейн ранен. Сегодня должно хватить и «возможно».

Глава 18

За 59 часов до нулевого момента

Лиза повела Прошлого Юна в метро. Судя по всему, до отеля он добирался пешком.

— Люблю пешие прогулки, — пояснил он, пока Лиза прикладывала карту к турникету. — Думается лучше.

По дороге он успел успокоиться. Ответы помогали справиться с тревогой, Лиза знала это по себе. Очень важно понимать, что ты не сошел с ума, что кто-то еще пережил то же самое.

— Что бы ни случилось, за руль ни ногой, — сказала она, пока они спускались по ступенькам. — И в метро поглядывайте, чтобы никто на вас не сел.

Юн кивнул. В вагоне оказалось не слишком людно, так что он все-таки сел и сразу уткнулся в телефон, пытаясь восстановить по памяти и пересчитать нужные куски своих записей. Лиза отошла в сторону, выключила громкую связь и поднесла телефон к уху.

— Дейн, ты тут?

— Да, — отозвался он. Мотоцикл двигался на удивление почти бесшумно.

— Ты за рулем? Тебя почти не слышно.

— Нашли мне шлем с блютузом.

— В общем, мы с Прошлым Юном едем в ту же лабораторию, что и ты. Охраны там меньше. Он думает, нужно проникнуть тихо и найти данные, которые они загрузили в систему управления. Это поможет ему с расчетами.

— Насколько это опасно?

— Не слишком. Никого из тех охранников и ученых не было при взрыве. По идее, нас просто не заметят.

— Годится.

Лиза помедлила, но все же решилась:

— Пока Юны не слышат, Дейн, что стряслось? Ты что-то недоговариваешь. Я слышу по голосу.

— Меня зацепило, — признал он. — Огнестрел. Не смертельно, но и не подарок судьбы.

— Ты же в той временной линии вроде как супергерой?

— В том-то и дело. Мне кажется, ничего страшного, но Юн переживает — говорит, рана хуже, чем я признаю. Что меня еще может накрыть. Не знаю. Но, Ли… я и правда чувствую, что время поджимает. Лучше бы разобраться с этой раной в линии, где есть нормальные больницы.

— Ты… справишься?

— Должен.

Лиза принялась мерить шагами вагон. Эта ветка метро шла прямо до нужной станции, ни одной пересадки.

— Дейн, ты меня пугаешь.

— Я не специально. Просто надо двигаться вперед. Говорю же, время будто поджимает, и дело не только в ране. Не люблю, когда у противника есть возможность подготовиться.

— Да, но ты всегда торопишься. — Лиза развернулась в другую сторону. — Тебе всегда все надо решать здесь и сейчас.

— Не всегда. В нашем случае я ждал. Наверное, дольше, чем следовало.

Лиза прикусила губу.

— Дело не только в тебе, Дейн. Я твердила себе, что все исправлю. Когда-нибудь потом. Верила, что это возможно. И если честно… до сих пор верю.

Он рассмеялся.

— Если мы оба хотим все исправить, что нам мешает?

— Боюсь, мы по-разному понимаем, что значит «исправить».

— Да. — Дейн помолчал. — Как думаешь… настоящая проблема в том, что произошло четыре года назад, во время того экстренного вызова?

Лиза не знала. Именно тогда она решила всерьез идти в политику. Комиссар намекнул, что подумывает о пенсии, а его заместитель не горел желанием занять место начальника. Послужной список у Лизы безупречен. Она познакомилась с мэром, и…

И тут поступил экстренный вызов. Девушка в панике сообщила, что ее парень влип в наркосделку, и все пошло наперекосяк: все стали хвататься за оружие, и она боится за свою жизнь. По протоколу на такие вызовы обязаны

реагировать все полицейские в районе — и детективы, и патрульные. Дейн был ближе всех.

Приехав, он стал действовать, не дождавшись подкрепления и ни с кем ничего не согласовав. Ситуация вышла из-под контроля, ему пришлось залечь в укрытие. Он попытался нейтрализовать главного стрелка, но тот успел убить еще троих, в том числе звонившую девушку.

Вопрос так и повис в воздухе. Следовало ли сначала попытаться разрядить ситуацию? А если уж решил действовать, то лучший исход — нейтрализовать стрелка. Формально Дейн ничего не нарушил. Он руководствовался собственным суждением, хотел помочь, первым не стрелял. Управление его прикрыло, но пришлось постараться, чтобы он не стал разменной монетой в накаленной политической обстановке. И еще... Лиза не была уверена на сто процентов, что хочет снова видеть Дейна в похожей ситуации, когда заложники и случайные люди могут оказаться под перекрестным огнем.

В трубке смолк мотор.

— Дейн?

— Выехали из мертвой зоны. — Лиза услышала, как он пьет из бутылки. — Осталось еще две. Ждем, пока Юн разведывает следующую улицу с биноклем.

«Нужно обо всем поговорить, — подумала Лиза. — Нужно нажать на него. Нельзя откладывать вечно».

Наверное, сейчас не время его отвлекать, но... при таком развитии событий... другого шанса может не быть.

— Дейн, то, что случилось четыре года назад, не в счет. Я тебе доверяю. Всегда доверяла.

— Ты настояла, чтобы я торчал за столом. — Он сделал глоток. — И... я согласился. Я был выбит из колеи.

— Ты отлично справлялся с финансовыми преступлениями.

— Тоска зеленая.

— Для твоего же блага. Знаешь, чего мне стоило вытащить тебя из-под прицела прессы? Все грянуло сразу после той разоблачительной статьи о том, что мы не умеем гасить конфликты.

— Так ты сделала это ради моего блага или своего?

— Ради твоего. Очевидно же.

— Ли… я тебе не верю. Хочу верить, но в глубине души не верю. Вот в чем проблема, понимаешь?

— Одна из проблем.

Лиза прошагала мимо Прошлого Юна. Тот по-прежнему не отрывался от телефона. Вагон тряхнуло на крутом повороте.

— Дейн… я доверяю тебе поступать так, как ты считаешь правильным.

— Но моему суждению не доверяешь. Ты знаешь, что я поступлю так, как считаю правильным, но не веришь, будто я понимаю, что правильно. По крайней мере, по меркам управления.

Лиза поморщилась. Ей было тошно от этих слов. Точнее, от мысли, чем это признание ему грозит.

— Да, — сказал он, застав ее врасплох. — Ладно. Я могу принять это от тебя. Сам не всегда доверяю своему суждению. В тот день четыре года назад… можно было подождать подкрепление. Нужно было его подождать. Я ворвался без плана, пустил псу под хвост все, чему учили. Когда началась стрельба, я не понимал, кто где находится, а главное, у меня не хватило навыков нейтрализовать стрелка. Ли… на мне двойная вина за смерть тех людей. Курок я не спускал, но они погибли из-за моего суждения.

Черт, раньше он никогда это не признавал.

— У стрелка было оружие, — сказала Лиза, — и он всем угрожал. Ты сам говорил: он выстрелил в пол.

— Да, выстрелил. Тогда мне казалось, если не войду — они погибнут. Но мы не знаем, Лиза. И правда такова: я даже не задумался, надо ли ждать. Просто пошел напролом. Нужно было хотя бы узнать, где другие полицейские. Прикинуть, не лучше ли сначала пустить переговорщика.

Именно это она всегда и хотела от него услышать.

Лиза глубоко вздохнула.

— Дейн, я должна быть честной. Наверное… я и правда завалила тебя бумажной работой, потому что переживала за свою карьеру. Тогда мне так не казалось, но, оглядываясь назад… все так и есть. То, в чем ты меня обвиняешь… было. Было — и есть.

Дейн неожиданно хмыкнул. Браслет на ее запястье шевельнулся сам по себе, будто Дейн перебирал его пальцами в своей временной линии. Браслеты что, связаны, как телефонный сигнал?

— Это ты? — спросила Лиза. — С браслетом?

— Ага. Чувствуешь через свой?

— Чувствую.

— Знак, что вселенная считает нас парой?

— По крайней мере, так считает одна маленькая девочка, Дейн.

— А та взрослая, с которой я разговариваю?

— Она не знает.

Лиза снова зашагала в другую сторону.

— Я тоже, — сказал Дейн. — Знаешь, почему я влетел туда? Я иногда думал об этом. По той же причине, по которой оставался в отделе финансовых преступлений, хотя давно надо было подать прошение о переводе.

— Почему?

— Я все время искал шанс показать тебе, на что способен. Может, потому что, как дурак, хотел быть правым. А может...

— ...хотел, чтобы я тобой гордилась.

— Ты однажды сказала мне что-то похожее. — В его голосе слышалась грусть. — Прямо перед тем, как мы стали напарниками. До... всего этого. Ты сказала, что читала мое личное дело и оно тебя впечатлило. Наверное, я хотел услышать это еще раз — уже теперь, когда ты меня знаешь.

Дейн вздохнул.

— Прости. Не стоило взваливать все это на тебя. Будто ты что-то сделала не так.

— Может, и сделала.

— Может, мы оба.

— Скорее всего.

— Ли... а ты не думала, что нам хочется наладить отношения просто потому, что мы так устроены? Никогда не сдаемся. Долбим проблему, пока не расколется.

Лиза выдохнула, и... и...

И он прав. В ту же секунду она поняла, почему не отпускает ситуацию. Не потому что хочет быть с ним, а потому, что отпустить равносильно провалу.

— Твою ж мать, Дейн.

— Крепко сказано для твоих уст, — усмехнулся он. — Ли, я хотел, чтобы ты меня уважала… но это не то же самое, что хотеть твоей любви. И чем больше я думаю, тем больше боюсь, что перепутал одно с другим. Решил, что, раз хочу одного, значит, хочу и другого. А сейчас смотрю на все и… думаю, что хочу отпустить. Нет ничего плохого в том, чтобы признать: у нас никогда по-настоящему не ладилось. Как у напарников — да. Но как у пары?

— Это был кошмар! — Лиза вдруг оживилась. — Мы почти все время давили друг другу на больные мозоли!

— Настоящий ужас, — подтвердил Дейн со смехом. — Помнишь последнее Рождество? С твоими родителями?

— Прошу, не напоминай. — Она помолчала. — Нова видит в тебе отца.

— Я могу им быть. Как твой напарник и друг.

— Еще бы. Значит, остаешься в городе? Переводишься в спецназ, с моей рекомендацией?

— Ты мне доверяешь в таких делах?

— Дейн, — Лиза почувствовала, что и правда говорит всерьез, — я доверяю тебе судьбу мира. Да, доверяю. Но это не значит, что нам нужно быть вместе. Правда ведь?..

— Правда. Нам понадобился конец света, чтобы признать очевидное? — Дейн рассмеялся. — Мы оба упертые, как ослы.

— Ты сам сказал: мы оба не любим признавать поражение.

— Значит, не поражение. Наши отношения — сплошной успех. Мы оба выяснили, чего не хотим.

Лиза поймала себя на том, что улыбается. В трубке снова взревел мотоцикл — глухо, сквозь шлем. Потом наступила тишина. И в этой тишине Лиза испытала… катарсис. Застарелый дефект, как плесень в стенах, наконец вскрыли, и началась работа по его устранению.

— Хорошо, что мы наконец выговорились, — сказал Дейн. — И знай, Ли: мне не все равно. Ты мой друг и, черт возьми, станешь лучшим начальником полиции в истории этого города.

Лиза улыбнулась.

— Я рада, что раз уж меня угораздило пережить конец света, то с лучшим напарником в мире. Хорошо, что я все-таки вернулась за тобой, до взрыва. Даже с учетом всего, что случилось.

— Вернулась?

— В особняке Назим. — Лиза бросила взгляд на табло с названием следующей остановки. — Ты поставил меня перед выбором: идти вместе или позволить тебе сделать обход в одиночку. Я выбрала уйти… но если бы не решила вернуться… кто знает. Помнила бы я взрыв? Были бы мы связаны? Был бы у нас шанс все остановить?

— Надо же. Не знал, что ты хотела уйти. Видно, упрямство взыграло. Совсем на меня не похоже.

Поезд остановился на нужной станции. Лиза кивнула Прошлому Юну, и тот быстро встал.

— Мы у второй лаборатории. Вы?

— Будем через полчаса. Жутко тут. Мы во второй мертвой зоне, но не встретили ни одного возвращенца.

— Попробую незаметно пробраться внутрь. Юн говорит, это старый трейлерный парк. Они нашли червоточину, купили большой трейлер и переделали его в лабораторию. Разведаю территорию, чтобы ты знал, куда идешь. Заберу данные, которые нужны Прошлому Юну, и буду ждать. По идее, тебе останется только ввести параметры, которые скажет Юн, и активировать устройство.

— Принято. Не давай себя подстрелить, Ли. Это по-настоящему мерзко.

— Постараюсь. В свою очередь, пожалуйста, не давай себя съесть. А то придется крайне неловко объясняться на твоей посмертной церемонии награждения.

— Здесь покоится Дейн. Да настигнет сих зомби несварение. Аминь. — Дейн прибавил газу. — Не вешай трубку. Я подключу своего Юна, чтобы вы оба слышали. Объясню ему план. И да, кажется, я снова лезу в самое пекло очертя голову. Как всегда…

Глава 19

72 часа после нулевого момента

— Короче, — сказал Дейн, пока фары резали темноту второй мертвой зоны, — оба идем напролом, быстро и жестко, давим огнем и скоростью, прорываемся сквозь их ряды и выходим к телепорту.

— Прямо с востока, — отозвался Юн через наушник в шлеме Дейна. — Дерзко. Даже безумно.

— И это весь план? — спросила Лиза. — Серьезно, Дейн? Ты сказал не вешать трубку, а твой план сводится к «просто палим во все подряд»?

— Ну, все подряд — это, пожалуй, перебор...

Лиза вздохнула.

— Ладно, я сама говорила, что нам не до изящества. К тому же не уверена, что есть другие варианты. Значит, напролом. По крайней мере, я буду на своей стороне вести разведку без зомби.

— Ничего лучше мы не придумаем, — согласился Юн Дейна. — Грубовато, но что поделаешь. Насколько мой двойник уверен, что справится с расчетами?

— С натяжкой, — сказала Лиза неуверенно. — Гарантирует, что город снова не взорвем. И думает, что знает, как точно определить время отправки Дейна, хотя понятия не имею откуда. Вы ведь даже не знали, что путешествия во времени возможны.

— Мы знали: что-то не так. Расчеты раз за разом не сходились. Часто достаточно просто понять, в чем именно ошибаешься. Иногда мы отправляли предмет, и ничего не происходило. Мы ломали голову: куда уходит энергия? Почему ничего не меняется? Теперь понятно: мы отправляли предмет обратно во времени.

— Вы не замечали, что предметы переносятся в прошлое? — спросил Дейн.

— А вот где вы очнулись? — спросил Юн Дейна.

— В своей спальне.

— Как и детектив Стерлинг. Вы перенеслись не туда, откуда исчезли, а туда, где находились в той временной линии. Вселенная старалась не нарушать ход событий. Неодушевленные предметы, которые мы отправляли... не могли ни говорить, ни менять временную линию. Поэтому они появлялись, занимали место

своих прошлых версий, и линии не расходились. Кроме одного случая, когда мы отправили хронометр, и показания нас озадачили.

— Признак путешествия во времени, — заметила Лиза.

— Именно. Теперь ясно: когда мы взяли хронометр для отправки, на нем уже были показания. Мы решили, что это ошибка, а на самом деле он шел с того момента, как появился несколько дней назад. Потом временные линии совпали и схлопнулись, оставив его показания нетронутыми.

— Юн из моей временной линии говорит, что не помнит все нужные переменные, — сказала Лиза.

— Большую часть расчетов я восстановлю, — подключился ее Юн, — но последний кусок придется взять с одной из машин в лаборатории. Главное, не отправить детектива Дейна снова в будущее. По крайней мере, у нас есть точка отсчета — нулевой момент. Для него это самое важное — полночь в четверг. Возьмем за базовый ориентир.

— Лишь бы я прибыл до взрыва, — сказал Дейн. — Толку мало, если я появлюсь в тот самый момент, когда все летит к чертям.

— Да-да, — согласился Юн и, похоже, передал трубку Лизе.

Она добавила:

— Главное, окончательно убедиться, что временная линия больше не расщепится. Не знаю, как справляться с двумя Дейнами, если второй все же объявится. А уж четыре — это просто катастрофа.

Дейн ухмыльнулся, хотя его Юн воспринял слова Лизы всерьез.

— Моя ручка доказывает, что временные линии стремятся к воссоединению, — сказал он. — У меня даже... появляются проблески воспоминаний о встрече с вами, детектив Стерлинг, еще до того, как вы с детективом Дейном меня освободили. Они всплывают по мере того, как линии пытаются соединиться. Если мы будем осторожны с расходом энергии, думаю, вместо того чтобы дробить и множить наше будущее, мы сможем стянуть его воедино.

— Придется довольствоваться вашей версией, — произнес Дейн. — Бьем по противнику жестко, прямо с востока. Отсюда туда — прямая линия.

Они отключили звук: Лиза разведывала местность и не хотела, чтобы чужой голос из телефона привлек внимание. Дейн и Юн проехали еще немного, выбрались из второй мертвой зоны и пересекли узкую полосу нетронутого города.

При въезде в третью, последнюю мертвую зону, к западу от которой располагался трейлерный парк с лабораторией, Дейн махнул Юну и свернул на боковую улицу.

После секундного замешательства Юн последовал за ним и попросил объяснений, указав на свой шлем, подключенный к его телефону. Дейн покачал головой и повел их по дуге, чтобы зайти с севера, наперекор ранее изложенному плану. Скоро впереди показался большой открытый парк: любого возвращенца было бы видно заранее, вздумай тот подобраться незаметно. Дейн остановился у ржавых остатков детского городка.

— В чем дело? — спросил Юн, стягивая шлем. — Почему мы не едем прямо к лаборатории?

— Дальше пешком.

Дейн спрыгнул с мотоцикла и заглушил его. Фара погасла, вокруг сгустилась темнота.

— Зайдем с севера. Там под дорогой проходит канализационная труба. Было у меня одно дело пару лет назад. Спустимся через люк, пройдем под землей и выберемся прямо у трейлерного парка.

— А как же «напролом, быстро и жестко»?

— Это я говорил для противника. — Дейн пристроил шлем на мотоцикл. — Они как-то подключились к нашей линии.

— Что?

Юна было едва видно в угасающем свете. Он схватил штурмовую винтовку и принялся обшаривать взглядом округу.

— Откуда вы знаете?

— Я… не знаю наверняка.

Дейн вытащил рюкзак из багажного ящика и закинул его на спину, хотя к бронежилету у него уже были пристегнуты запасные магазины, а рядом с табельным пистолетом висела винтовка AR-15. В аккуратно застегнутом набедренном кармане лежали сигнальные ракеты и светошумовые гранаты. Довершал картину спецназовский шлем под стать бронежилету.

— Будьте добры объяснить, детектив, — сказал Юн.

— Они устроили засаду на улице.

— Это могло быть совпадением.

— На крыше восемнадцатого меня поджидал возвращенец. Самого опасного бойца не загоняют так высоко, если только не знают, что кто-то попробует пробраться именно с той стороны. А крышу в разговоре по телефону Лиза упомянула первой.

Юн медленно кивнул.

— Я грешил на крота у вас, — сказал Дейн, пристегивая фонарик к винтовке. — Но не сходится.

— Да, — согласился Юн. — Как бы он успел передать информацию противнику достаточно быстро, чтобы устроить засаду? Разве что у них есть доступ к нашим телефонам...

— По вашему телефону можно позвонить мне, по моему — Лизе. А в момент взрыва рядом была еще Назим с компанией.

— Пожалуй... вы правы.

— Это легко проверить. Если они стянули силы к трейлерному парку и смотрят на восток... значит, нас слушали. — Дейн закинул винтовку на плечо. — Так или иначе, будем надеяться, что тихой атаки из-под земли с севера они не ждут.

— Разумно.

Они наблюдали, как догорают сумерки, давая Лизе время занять позицию.

— Дейн... скажите честно. Вам... будет этого не хватать?

— Апокалипсиса?

— Нет, конечно. Но... этого ощущения: что делаешь что-то важное, что ты нужен.

Дейн отвел взгляд в сторону, но промолчал.

— Я всю жизнь мечтал о великих открытиях, — прошептал Юн, — а кончил тем, что объяснял скучающим первокурсникам волновые формы. И вдруг последние несколько дней я лидер. Тот, кто знает, что делать. Меня слушают. Я что-то создал. Пусть в страшных обстоятельствах, пусть я не желал этих смертей. Но в глубине души... я буду по этому скучать.

— По ту сторону вам скучать не придется, док, — отозвался Дейн. — Вы станете первооткрывателем путешествий во времени. И героем, спасшим мир.

В угасающем свете Юн кивнул, похоже, немного успокоившись. Вид у него был виноватый, будто он сожалел, что вообще открыл рот. Пожалуй, кто-то другой его бы осудил. Что за чудовище будет грустить, пытаясь остановить конец света? Но Дейну пришлось признать, что он чувствует то же самое, ту же тихую меланхолию. Мир наконец нуждался в нем. Здесь он был человеком, умеющим выживать и защищать. Вся его подготовка после того провала… годы на стрельбище, чтобы в следующей перестрелке пули летели точно, куда нужно…

Здесь наконец что-то значила именно эта подготовка, а не часы, которые он просиживал за столом. Вернись он в другую временную линию… даже перейди в спецназ, в нем больше никогда не будут так отчаянно нуждаться, как здесь. Что бы он ни говорил Юну, в основной линии их, скорее всего, никто не оценит, если вообще узнает, что они сделали. Он ждал и чувствовал, как подрагивает браслет, — Лиза теребила свой. Может, думала о нем.

Перебирая все это в голове, Дейн вдруг понял, что никогда не занимался всей этой подготовкой ради признания. Никогда. И даже не ради Лизы, хотя раньше думал иначе. Он хотел, чтобы она уважала его как напарника, но вовсе не нуждался в том, чтобы она, да и в целом кто угодно считали его героем. Ничего страшного, если никто не узнает, что он совершил. Вся подготовка не ради этого.

А ради того, чтобы на этот раз все сделать как надо.

Дейн записал кое-что в блокноте, который взял из кантри-клуба. Когда пришло время выдвигаться, еще раз проверил, надежно ли закреплены запасные магазины на жилете, и повернулся к Юну.

— Сможете объяснить, как управлять телепортом?

— Зачем?

— На углу Семнадцатой и Арбор есть здание с хорошим обзором на мой маршрут. Старая пожарная часть с доступом на крышу по восточной стене. Я там бывал. Мне было бы спокойнее, если бы кто-то держал меня в поле зрения.

Юн задумался.

— Устройство довольно капризное, но, скорее всего, нужно изменить лишь два параметра. Вам необходимо войти в систему управления, но именно я курировал сборку оборудования до ухода. И оставил для себя лазейку. Так что… да, я могу объяснить. Если вас не смущает, что нас могут услышать.

— К тому времени они и так поймут, что к чему, это будет уже не важно. Не хочу, чтобы нас обоих поймали или убили. Один должен остаться снаружи и

прикрывать другого огнем. Если меня убьют, вам нужно добраться до третьей лаборатории и попробовать отправить себя обратно. Ясно?

Юн кивнул.

— Отлично. Связь — только текстом, вот условные обозначения. — Дейн протянул листок с кодовыми словами. — Выдвигаемся.

— Понял. Должен признать… этот план вселяет в меня куда больше уверенности.

— Иногда я включаю мозги. — Дейн шагал к люку. — И на меня сваливается неплохая идея. Или, как сейчас, я сам в нее сваливаюсь.

Кивнув Юну, он пнул ржавую крышку. Та разлетелась, осколки посыпались в темноту. Дейн посветил вниз, прикинул расстояние и прыгнул.

Оказавшись внизу, он пошел быстро и собранно: винтовка поднята, фонарик направлен вперед. Оставалось надеяться, что противник уже выгнал возвращенцев из канализации для подготовки к атаке. Последнее дело стрелять под землей, о его приближении тут же узнают.

Но еще Дейн обещал Лизе, пусть и не вслух, что не будет, как раньше, переть напролом в одиночку. На этот раз он рассчитывал удивить даже ее.

Глава 20

За 58 часов до нулевого момента

Лиза покачала головой, приближаясь к лаборатории. Как же это характерно для Дейна: извиниться за то, что полез напролом, и тут же изложить план, как он снова полезет напролом.

С другой стороны, апокалипсис наступил у него, а не у нее. Если она что и усвоила за годы подготовки к должности комиссара, так это не ставить под сомнение решения полицейских на месте. Советовать, предлагать — пожалуйста. Но в конечном счете те, кто находится внутри ситуации, лучше понимают, что делать. При условии, что они нормально подготовлены.

Главное, чтобы его не подстрелили. Еще раз.

— Значит, трейлер-парк? — спросила Лиза у шагающего рядом Юна.

— Мы не выбирали, где появится червоточина, — напомнил он, — но для лаборатории место на самом деле неплохое. Такие парки почти не регулируются,

арендодатели не задают лишних вопросов. Наверное, решили, что мы собираемся варить мет. Я бывал там лишь несколько раз, в основном когда привозил оборудование для расширения червоточины и подключения питания. Большую часть времени я проводил в первой лаборатории.

Лиза сделала несколько снимков входа и отправила Дейну. Порядка и правда не наблюдалось: ворота нараспашку, охранника нет. Она вошла, стараясь держаться непринужденно. Парк выглядел почти заброшенным. Многие дома пустовали — давно привычная картина в городе. Население убывало, хотя по пробкам в час пик не скажешь. Брошенный мобильный дом можно получить даром, только плати аренду за землю. Многие трейлер-парки по сути превратились в города-призраки.

От этой мысли по спине пробежал холодок. Лиза взглянула на солнце. В ее линии день, у Дейна время более позднее. Доберется он уже в темноте. Лиза двинулась дальше и вздрогнула от неожиданного звука за спиной.

— Юн? — Она оглянулась. — Вам лучше подождать у входа. На всякий случай.

— Не хочу снова оставаться один, — сказал он, держась поближе. — Утро выдалось... не самое приятное, детектив. Вдруг вы исчезнете или забудете меня?

— Мы оба знаем, что это так не работает.

— Мы оба знаем, — уточнил он, — что правила нам не вполне понятны. А если вам понадобится помощь? Подкрепление? Понятно, что я немного стою, но... — Юн пожал плечами.

Тащить гражданского в потенциально опасную ситуацию? Это нарушение всех мыслимых правил. Но, опять же, главное правило — доверять полицейскому на месте. На кону судьба города, а то и больше...

— Держитесь рядом, — прошептала она. — Если почувствуете, что нас заметили, не смотрите в их сторону. Мы не знаем наверняка, был ли кто-нибудь из этой лаборатории на месте взрыва. Думаю, именно зрительный контакт с тем охранником меня и выдал.

— Ясно. У вас нет... запасного пистолета?

— Нет. Но до применения силы дойти не должно.

— Да, конечно. — Юн оглянулся по сторонам. — В нашей временной линии нет зомби. Насколько мы знаем.

Лиза шла первой, считая ряды. На каждом перекрестке делала фото и отправляла Дейну. За годы в патруле она насмотрелась на трейлер-парки. Некоторые не заслуживали своей дурной репутации. Во многих были деревья, детские площадки, ряды домиков — небольших, но обжитых и ухоженных.

Этот парк не из таких. Почти без дворов, сорняков больше, чем травы, ни единого дерева. Что-то вроде стоянки, где оставляют ненужные дома и больше о них не вспоминают.

Лаборатория нашлась без труда — дом двойной ширины, перед входом двое мужчин. Они не носили форму и сидели в раскладных креслах с напитками, но и так было ясно, что охранники. Одни стрижки чего стоили. Да еще футболки поло? В трейлер-парке?

Лиза остановилась на углу, притворившись, что копается в телефоне, и незаметно сделала несколько снимков. Потом попросила Юна остаться, а сама прошла мимо лаборатории. Ощущение не из приятных, она как на ладони. Но этих охранников в первой лаборатории не было. А на месте взрыва их было шестеро. Вряд ли эти двое входят в оставшуюся тройку.

На всякий случай Лиза решила проверить: громко окликнула случайного прохожего и помахала ему, как старому знакомому. Крик должен был привлечь внимание охранников, но ни один даже не отвлекся от разговора. Или они никудышные охранники, или она для них невидимка. Ее устраивал любой вариант. Лиза вернулась, забрала Юна и, вдохнув поглубже, провела его к дому. Юн набрал код на двери, и они скользнули внутрь, пока охранники в паре ярдов от них по-прежнему обсуждали вчерашнюю игру.

Мобильный дом полностью выпотрошили и заставили оборудованием. Получилось большое открытое пространство с несколькими несущими колоннами посередине. В дальнем правом углу виднелся плексигласовый защитный экран, похожий на прозрачный короб, а внутри — крошечная черная точка.

Червоточина.

С полдюжины ученых работали за компьютерами, трое из них сгрудились вокруг одного и о чем-то переговаривались. Лиза и Юн нырнули в небольшую нишу посреди стены и, пригнувшись, обошли комнату. Лиза сделала несколько фото и отправила Дейну.

— Не нравятся мне это, — сказал один из ученых. — Мы еще не начали испытание, а показания уже пляшут.

— Еще не начали, но начнем, — донесся голос из компьютера, похоже, по видеосвязи.

— Это Назим, — прошептал Юн.

— Именно это меня и беспокоит, — сказал ученый рядом с Лизой. — Если то, что мы собираемся сделать, уже отражается в наших измерениях аномалии...

— ...значит, мы на верном пути, — перебила Назим. — Показания подтверждают, что мы добьемся успеха. Ваши опасения совершенно беспочвенны.

— Я все же считаю, надо спросить Юна, — сказал мужчина за компьютером. — Назим, то, что вы задумали... Нутром чую: стоит начать подавать энергию в червоточину, она дестабилизируется. Юн бы знал, как это остановить.

Двое других ученых кивнули.

— Юна не приплетайте, — отрезала Назим. — Действуем по плану. Впрочем, вы наверняка забудете обо мне, как только я отключусь.

Трое ученых переглянулись. Еще трое продолжали работать, сгорбившись, будто нарочно не замечая разговора. А может, их к этому принуждала инерция временной линии.

Лиза кивнула Юну, и они крадучись двинулись вперед. Ему нужен доступ к одному из компьютеров. Она поймала себя на том, что рада его просьбе пойти вместе. Прежний план — вынести компьютер — выглядел куда менее разумным, чем просто усадить Юна, чтобы он собрал нужную информацию. Хотя, конечно, не слишком приятно оказаться буквально в окружении врагов.

— Просто делайте, что делали, — велела Назим троим ученым у компьютера. — Видимо, иначе вы не можете. Хватит меня отвлекать.

Звонок завершился, ученые отступили. Лиза застыла в паре шагов, прямо у них на виду.

Никто на нее не взглянул.

— Что за бред, — сказала женщина-ученая, скрестив руки на груди. — Как думаете, в ее настойчивых утверждениях что-то есть? Что мы... застряли в какой-то... не знаю, складке времени?

— О! — подал голос один из мужчин. — Может, мы во временной петле, как в том фильме. Все по кругу...

— Что-то не так, — заволновался третий. — Не хочется признавать, но я постоянно пропускаю ее звонки. Во время каждого разговора в голове туман. Я пробовал записывать, но в прошлый раз, уже после звонка, отвлекся и, похоже, бросил писать на середине предложения. Жуть.

— Нужно что-то с этим делать, — сказала первая женщина, не меняя позы. — Остановить эксперимент. Вдруг это и правда доказательство того, что он сработает, как утверждает Назим. А может, нет. Кто знает? Сначала нужно провести дополнительные тесты.

Остальные согласились. Потом все трое какое-то время просто стояли. И наконец разбрелись по своим местам, судя по всему, вернувшись к тому, чем занимались до звонка. Лиза скрючилась рядом с Юном у стола, стиснув зубы. Ученые только что решили остановить эксперимент и уже, похоже, об этом не помнили. Время толкало их к взрыву.

— Поразительно, — шепнул Юн. — Они замечают неладное, но словно не в состоянии ничего сделать...

— Профессор, сосредоточьтесь, — прошептала Лиза. — Вон свободный компьютер, подойдет?

— У меня есть лазейка только к тому компьютеру, который напрямую подключен к устройству. В него вводятся параметры для перемещений. К сожалению, за ним кто-то работает. — Он помолчал. — Кстати, почему мы шепчем и сидим на корточках?

— Так кажется правильнее.

Лиза по очереди оглядела ученых. Нет повода тревожиться, однако добраться до свободной рабочей станции оказалось сложнее, чем она рассчитывала. Ученые иногда отходили, но быстро возвращались. Наткнись кто-нибудь на Юна, и его наверняка заметят.

Нужна... пожарная тревога.

Проклятье, серьезно? Коронный прием Дейна для очистки помещения. Она не раз ругала его за такие выходки, но обычно это срабатывало.

— Эй, Юн, — прошипела она. — Здесь есть какая-нибудь сигнализация, чтобы все побежали на выход?

Он склонил голову и нехорошо ухмыльнулся. Потом поманил ее к правой стене и принялся ковыряться в приборе, вставленном в розетку.

— Надо просто переключить в режим тестирования... Лучше отойдите, детектив, вдруг придут проверить.

Лиза отступила. Через несколько секунд завыла сигнализация. Ученые не шелохнулись. Она раздраженно закрыла глаза, стараясь не дать звуку вывести ее из себя.

Секунд через тридцать один из ученых наконец поднял голову.

— Черт! Это радиационная тревога?

Остальные пятеро застыли. Потом наконец беспорядочно ринулись наружу, прихватив лишь самое необходимое. Юн последовал за ними к выходу, перевел дверь с электронным замком на ручное управление и шепнул, что кодовая панель теперь отключена. Потом быстро запер другую дверь. В этой его решимости уже угадывался человек, которым он станет во время конца света.

— Думаете, сработает? — спросила Лиза.

— Должно. — Юн отключил тревогу. — В таком шуме я не соображаю.

Он устроился за рабочей станцией.

— Компьютер не заблокирован.

— Найдете нужные данные?

— Все здесь, — сказал он, печатая. — Все наши предыдущие тесты, а главное, данные по тем случаям, где я уверен, что мы отправляли объекты в прошлое, сами того не понимая. Скорее всего, теперь я смогу передать детективу Дейну правильные параметры, когда он доберется до лаборатории в своей временной линии. Должно сработать. Но мне нужно несколько минут.

Лиза подошла к окну. Стекло было матовым, с небольшой откидной заслонкой. Снаружи ученые и двое охранников растерянно топтались на месте, очевидно, гадая, что случилось, раз тревога уже смолкла. Один попробовал открыть дверь и с удивлением обнаружил, что та заперта, а по коду засов не разблокируется.

«Мы внутри, — написала Лиза Дейну. — Прошлый Юн добывает тебе данные. Но время у нас ограничено».

Она ждала, не находя себе места. Где он, сражается? Жив вообще?

«Мы еще не на позиции, — пришел ответ. — Прости. Неожиданно остановились на перекус».

«На перекус? Вы будто заехали за бургерами».

«Если честно, за бургер я бы сейчас убил. Но хорошо бы немного передохнуть без того, чтобы кто-то висел на хвосте. Дай мне минуту привести себя в порядок. И выдвигаемся».

Глава 21

73 часа после нулевого момента

Дейн опустил телефон и привалился спиной к стене тоннеля. Сердце колотилось. У ног наконец перестала дергаться в конвульсиях женщина-возвращенец с ножом в виске. Дейн потер лоб, чувствуя, как тает ледяной след от ее прикосновения.

Завибрировал телефон.

«Надо же, какие мы сегодня воспитанные», — написала Лиза в ответ на его сообщение о том, что нужно привести себя в порядок.

Дейн выдавил улыбку, уперся ногой в труп и выдернул нож. Он лопухнулся, дал застать себя врасплох. Вряд ли это разведчица крупного отряда, просто отбившаяся одиночка, которая рыскала по канализации и наткнулась на потенциальный обед. Обед, который не мог стрелять, иначе на шум примчались бы сотни ее сородичей.

Он вытер нож, убрал его в ножны на поясе и написал: «Ты же меня знаешь. Я человек воспитанный. Знаю, куда класть каждый столовый прибор. В общем, мы с Юном опять готовимся. До лаборатории минут двадцать».

Если противник прослушивает его телефон, это объяснит, почему он задерживается. Вряд ли они перехватывают сообщения. Да и насчет прослушки не факт. Но лучше варианта все равно нет.

Дейн поднялся на ноги. Слабость после того, как возвращенец тянул из него жизненные силы, почти прошла. Он подошел к ближайшей лестнице, подергал несколько ступеней — крепкие. Мертвая зона осталась позади, а в самом центре живой зоны ржавчины почти нет.

Добравшись до верха, Дейн сдвинул крышку люка и выглянул наружу. Тьму разгонял лишь лунный свет, пробивающийся сквозь облака. Впрочем, свечение возвращенцев он бы заметил в любом случае. До лаборатории несколько кварталов, чисто. Он нырнул обратно и пробежал остаток пути. У следующей лестницы коснулся перевязанной раны. Странно, почти не болит. Дейн отогнал беспокойство и снова пересмотрел снимки, которые прислала Лиза, запоминая маршрут и планировку нужного дома.

Он отправил Юну последнее сообщение — просто вопросительный знак. В ответ пришло: «Жди». Это условный сигнал: Юн на позиции. Дейн ответил стрелкой — еще одним условным знаком. Он выдвигается.

Дейн выключил фонарик, поднялся по последней лестнице и растворился в темноте за оградой трейлер-парка. Когда-то здесь, наверное, было неплохо. Его бабушка жила в похожем парке неподалеку. У него остались теплые воспоминания об играх между рядами домиков. Апокалиптическая ночь превратила идиллию в кошмар. Он медленно крался вперед. Каждый темный куст казался затаившимся возвращенцем, только и ждущим, чтобы открыть глаза.

Сложно понять, с какой скоростью двигаться. Чем медленнее, тем вероятнее его заметят, но в такой темноте не заставишь себя идти быстро. Споткнуться об игрушку, как едва не вышло сразу за воротами, и наделать шуму тоже никуда не годится. Дейн двигался спокойно и сосредоточенно, по старой привычке прислушиваясь к сердцебиению, чтобы держать нервы в узде.

Сработало. Он смотрел в оба и сразу заметил, как тени наконец зашевелились и рванули к нему из темных трейлеров. Глаза у них горели мягким светом. Такой свет Дейн уже научился связывать со слабыми возвращенцами, не успевшими поглотить много душ. Шестеро. С ножом всех не возьмешь. В темноте вспыхивали широко распахнутые голодные глаза. Дейн стиснул зубы, включил фонарик и открыл огонь.

Выстрелы разорвали воздух, как петарды в библиотеке. Хуже того, в темноте он не мог быть уверен, что попадает в каждого. Тела метались, в луче фонаря проступали изнуренные лица. Он укладывал одного за другим, целясь в голову.

Что-то ударило его сбоку. Дейн упал, потянулся за ножом. Вдали грянул выстрел, и тварь свалилась с него.

Дейн вскочил на ноги и включил звук на телефоне, прикрепленном на груди, — общую линию с Юном и Лизой.

— Отличный выстрел, — сказал он Юну и рванул к лаборатории. О скрытности речь больше не шла. К счастью, половину пути он уже одолел.

— Еще двое на хвосте, — отозвался Юн. — Может, больше. Не разберу толком. Прибор ночного видения барахлит.

Они нашли приборы ночного видения в штабе спецназа, но проводка внутри начала разрушаться. Оружие из сейфов, к счастью, оказалось крепче.

— Дейн? — позвала Лиза. — У тебя проблемы? Я думала, тебе еще минут пятнадцать до лаборатории.

— Я почти на месте. Потом объясню. Пусть твой Юн приготовится.

Раздался выстрел.

— Уложил, — сказал Юн.

— Смотри, чтобы тебя не выдали дульные вспышки, — предупредил Дейн, вписываясь в поворот.

Нужный трейлер должен быть прямо впереди. Он бросил на бегу сигнальную шашку, потом еще одну. Вдали послышались еще два выстрела: Юн укладывал возвращенцев у него на хвосте.

— Меня больше беспокоит, сколько займутся тобой, — сказал Юн. — Похоже, план сработал. Большинство собралось у другого входа, но через считанные минуты тебя обложат сотни.

— Значит, поторопимся. Ли, мне нужны расчеты.

— Поднажму на Прошлого Юна.

— Отлично.

Дейн уложил пятерых возвращенцев во дворе лаборатории. Сигнальные шашки отвлекли тех, кто был поблизости, но ненадолго. Все лучше, чем ничего. Дейн швырнул еще одну шашку в окно соседнего мобильного дома. Потом ворвался в лабораторию, мысленно поблагодарив Лизу за снимки, по которым так быстро нашел нужный дом.

Дейн обвел помещение стволом с фонариком. Возвращенцев не видно.

А компьютер… уничтожен.

Он застыл и поморгал, глядя на обломки. Крошечная червоточина на месте, но оборудование, которое питает ее энергией и обеспечивает перемещение… уничтожено. Не ржавчиной, а намеренно разбито вдребезги.

— Детектив Дейн, почему вы так рветесь помешать нашему перерождению? — произнес женский голос. — Разве новый мир не куда занятнее старого?

Дейн крутанулся, шаря взглядом в темноте. Сердце колотилось. Он прижался спиной к стене и попытался определить источник звука. Голос принадлежал… Назим.

— Вы уничтожили оборудование, — сказал он, главным образом для Юна и Лизы. И услышал, как оба выругались. — Зачем?

— Нельзя допустить, чтобы вы перечеркнули всю мою работу, — ответила Назим из темноты. — Детектив, я так много узнала от тех, кто живет по ту сторону тьмы. Старый мир был застойным, угасающим. Исследования, достижения, инициативность… все умирало, как цветы без света.

— Вы убили сотни тысяч людей.

— А то и миллионы. Мертвые зоны, как вы их называете, должны простираться на сотни миль. Изменения реальности — еще дальше. Но, детектив Дейн, вы не хуже меня знаете, что это необходимо. Те, кто говорят из тьмы, заставили меня понять это... так ясно. Когда жизнь застывает, ей нужна перезагрузка. Испытание.

Дейн продолжал шарить взглядом в темноте. Черт. Она тянет время? Ждет, пока орды возвращенцев доберутся до него и прикончат? Что ему делать — бежать? Надо хотя бы попытаться вынести обломки. Может, Юн соберет из них что-нибудь путное.

Слабая надежда. Но другой нет. Он начал красться к разбитому устройству.

— Я знаю, что вы обнаружили прослушку, — сказала Назим. — Голоса слышат ваши переговоры. Они передаются через место по другую сторону тьмы. Из них я знаю, что прошлое сопротивляется переменам. Детектив, этого требует сама вселенная. Герои и чудовища вернулись на Землю. Вы и правда хотите жить в мире без тех и других?

Справа у дальней стены, вокруг черного участка диаметром в пару ярдов разлилось белое свечение. Дейн невольно опустил пистолет. Голос шел из этой округлой пустоты, которая выглядела не иначе как... маленькая черная дыра. Свет огибал ее по краям.

Во что бы ни превратилась Назим... это не простой возвращенец. Она зашла намного дальше с помощью тех, кто нашептывал из далекой тьмы.

— Мы будем врагами, — тихо сказала Назим. — Вы сражаетесь за выживших, я — за перерожденных. Наши столкновения сделают нас обоих лучше, сильнее. А когда мы закончим... меня примут... как равную.

— Дейн, тяни время! — раздался в ухе голос Лизы.

— Что? — прошипел он.

— У нас есть план!

Умница. И если Назим узнаёт об их разговорах через червоточину, у него, возможно, есть время, пока она не поймет, что у Лизы есть план.

Но... тянуть время с сущностью в виде светящейся черной дыры, которая когда-то была ученым? Запросто. М-м-м...

— Что с вами, черт возьми, случилось? — выпалил он.

— Я слилась с ними. С тьмой по ту сторону света.

— Эта тьма, часом, не изъясняется понятнее? Я бы с радостью задал ей пару вопросов.

Назим рассмеялась. Сквозь окно Дейн видел тени. Матовое стекло скрывало детали, но, судя по свечению глаз, снаружи стягивались со всех сторон сотни возвращенцев. Жуткое море светящихся глаз и пустых лиц. План Лизы должен быть исключительным, поскольку момент для бегства уже миновал.

— Детектив, зачем нам оскорблять друг друга? Мы хотим одного и того же.

— Чего же?

— Лучшего мира.

— Дейн, слушай,— прошипела Лиза. Судя по приглушенному шороху она куда-то переносила телефон.

— Э... итак... — сказал ее Юн. — Ваша телефонная линия существует в обеих временных линиях. Я думаю... любой портал, который мы откроем, поведет себя так же. В конце концов, первый затронул вас обоих и открылся в обе стороны.

— К чему ты клонишь? — спросил Юн Дейна. — Ближе к делу.

— Детектив Дейн, вам не нужно активировать устройство, — сказал Юн Лизы. — Если мы запустим его в нашей временной линии, портал должен открыться и в вашей. Именно он соединяет и пронизывает оба мира.

Ну надо же. Может, он еще поживет. Дейн взглянул на светящуюся тьму, в которую превратилась Назим. Свечение усилилось. Видимо, она наконец узнала, что они кое-что замыслили. Дейн еще немного потянул время единственным доступным способом — разрядил в нее целый магазин. Такое нечасто выпадает, и в этом есть свое удовольствие. Пусть даже пули засосало в световую корону, где они стали носиться по кругу.

Возвращенцы полезли в окна и двери, но в этот момент Юн Лизы сделал свое дело: на полу под червоточиной разлилось свечение. Червоточина начала дрожать и меняться. Дейн бросился к ней, перемахнув через обломки устройства, лишь фонарик на стволе чертил зигзаги по потолку.

— Детектив! — крикнула Назим. — Не надо все портить! Не отнимайте у нас перерождение, мы его заслужили!

— Дамочка, — Дейн нырнул в свечение на полу, — единственное, что вы заслужили, — это удар локтем прямо в... э... горизонт событий. Юн, меня перенесет обратно, до взрыва?

— Я… — отозвался тот. — На точные расчеты не хватило времени! Я…

Юн не успел закончить. Свет целиком поглотил Дейна.

Глава 22

За 5 часов до нулевого момента

Свет.

Лиза увидела Дейна. Он стоял ночью на улице. Той самой, у особняка.

«Пожалуйста. Последний раз…»

Она зашагала прочь, к машине.

Потом… все сдвинулось, и вот она уже в коридорах особняка, бежит вместе с Юном следом за Дейном.

Выстрелы. Похоже, Дейна зацепило дважды. Потом все побелело… расплылось…

Просто воспоминание, угасшее вместе со светом. Лиза стояла в дверях и смотрела на ряды кресел перед маленькой сценой с пианино. Миссис Дугалл раздавала программки с порядком выступления детей. Сзади кто-то покашлял, давая понять, что она загородила проход.

Концерт. Она на концерте Новы.

Как в тумане, Лиза обошла миссис Дугалл, не взяв программку. Только что она была в лаборатории с Юном. Тот открыл портал для Дейна И вдруг она оказалась здесь?

Лиза завертелась, ища часы на стене. Половина седьмого.

— Среда? Сегодня среда?

Миссис Дугалл продолжала раздавать программки. Никто из сидящих в креслах, которые Лиза уже миновала, даже не взглянул на нее. Еще ничего не закончилось. Пришлось потрудиться, чтобы привлечь внимание мужчины в последнем ряду.

Он помотал головой, наконец заметив ее руку на своем плече.

— Э… прошу прощения?

— Сегодня среда? — спросила Лиза.

— Да. — Он показал ей программку с датой.

Лиза огляделась в поисках выхода. И замерла. Если еще ничего не закончилось… если она потеряла несколько дней и до нулевого момента считанные часы…

Ее задача стала куда более неотложной, но сначала нужно заняться кое-чем другим. Она бросилась в гримерку. Нова в черном концертном платье нервно мерила шагами комнату.

Лиза обняла дочь, и только тогда та ее заметила.

— Мам?..

— Я здесь, Нова, — прошептала Лиза со слезами на глазах. — Я все исправлю. На этот раз… я смогу все исправить. Обязана.

— Мам, это из-за папы? Он…

— Нет, случилось кое-что другое. Мне нужно идти. Ты, скорее всего, не запомнишь этот разговор и будешь думать, что я сижу в зале. Именно этого хочет вселенная. Но если что-то и останется… помни, я тебя люблю.

На такие признания некоторые дети закатывают глаза, однако Нова всегда отвечала на нежность. Она растерянно обняла Лизу. Потом ее взгляд зацепился за браслет.

— Ты его носишь!

— Да.

Лиза заметила, как браслет дрогнул сам по себе. Дейн. Что бы ни случилось, он жив и хочет, чтобы она знала.

— И он помогает.

Лиза коснулась ладонью щеки Новы, вытерла слезы и заставила себя уйти. День взрыва. И она появилась намного раньше, чем должна. А Дейн? Значит ли это, что он прибыл вовремя?

Выскочив из комнаты, она быстро набрала его номер, но сразу попала на голосовую почту. Однако у нее есть браслет. Лиза крутанула его на запястье, и он крутанулся в ответ. Наверное, снова проблемы с телефоном.

Лиза отправила короткое сообщение и вспомнила о другом номере. Нашла его в заметках — номер одноразового телефона Юна. К счастью, тот не исчез. Она набрала его, расхаживая по коридору.

Он ответил.

— Детектив Стерлинг?

— Да.

— Слава богу. Куда вы пропали? Прошло несколько дней!

— Не для меня, профессор. Минуту назад я была с вами, а теперь на концерте дочери. Примерно за пять часов до взрыва.

— О... О! У меня то же самое время, только мне пришлось проживать дни. Когда детектив Дейн ступил в портал, вас перенесло во времени благодаря вашей связи. Вы с ним созвонились?

— Он не отвечает. Может, он там, где нужно. У него всегда было более позднее время.

— Я просто... так рад вас слышать. Я прятался от людей Назим... Два дня показались мне вечностью.

— Расскажите, что случилось.

Лиза вышла на улицу. Ранний вечер, часа два до заката.

— Произошла перегрузка. Не такая катастрофичная, как в тот раз, когда Назим пыталась телепортировать всю лабораторию, но в моих расчетах все равно есть ошибка. Я перепроверял их два дня и ничего не понимаю. Не знаю, что пошло не так: все вроде бы верно.

— Понятно, — сказала Лиза, переваривая услышанное. — Но что с вами сейчас?

— Я убежал, когда устройство взорвалось, но в ту же ночь вернулся. Вас не нашел. Назим была там с охранниками, и они могли меня увидеть, пришлось опять сбежать. Я остановился в... О, лучше не говорить, вдруг они прослушивают...

— Ничего страшного. — Лиза сделала глубокий вдох. — Возможно, Дейн прибыл вовремя и успел остановить все в своей линии. Пока не дозвонимся до него, не узнаем. Будем готовиться к сегодняшней ночи. Нам нужно попасть в основную лабораторию и помешать Назим активировать устройство.

— Да... хорошо. Я... буду там.

— Пока оставайтесь там, где вы есть. Я хочу сделать то, что пыталась сделать с самого начала.

— Что именно?

— Найти Дейна из нашей временной линии. — Лиза решительно зашагала к метро. — Позвоните, если что-то изменится.

— Хорошо.

Лиза убрала телефон и сбежала по ступенькам. Хорошо, что она примерно знает, где искать. На задержание Гоффри Дейн не поехал и к прокурору с Лизой не пошел. Оба раза отговорился одинаково: надо потренироваться на стрельбище.

Вскоре Лиза взбегала по ступеням управления. Навстречу двигались коллеги, расходившиеся по домам после рабочего дня. Впрочем, большинство из отдела финансовых преступлений уехало на задержание. По крайней мере, не придется терпеть, как ее игнорирует Роуна.

В подвале она воспользовалась своей карточкой-ключом, чтобы попасть на стрельбище. Джерри за стойкой даже не подняла глаза от телефона. Стрельбище делилось на две части: огневые позиции справа и полоса препятствий побольше слева. У стола с оборудованием Перес осматривал оружие. Флаги были выставлены — стрельбище холодное. Все должны включить предохранители, убрать оружие в кобуру и не подходить к огневым позициям. Лиза миновала пары полицейских, снаряжающих магазины.

Никто из них не замечал трупа Дейна. Тот лежал прямо посередине полосы препятствий.

Лиза остановилась как вкопанная, заметив труп, приваленный к бетонному блоку. Произнеся беззвучную молитву, она подошла и опустилась рядом на колени. Два пулевых в грудь… как ей и показалось перед первой вспышкой света в главной лаборатории.

Труп не самый свежий, но и не настолько старый. Крови на полу почти нет. Проверять некогда, но, видимо, в первую вспышку света он телепортировался на диван к Пересу и занял место Дейна в прошлом. Там, наверное, вся кровь и вытекла. А совсем недавно, когда активировалось второе устройство, труп телепортировался сюда.

В его линии она мертва. В ее линии мертв он. Это и вызвало разветвление? И… что это значит в контексте воссоединения линий?

«А вдруг это Дейн из будущего?» — подумала Лиза, и по спине пробежал холодок. Он же говорил, что его подстрелили…

Нет. Рана не смертельная, и браслет шевелился. Это Дейн из ее линии. Все эти часы он разлагался на диване у Переса.

Из-за потрясения и усталости, накопившейся за этот странный день, или дни, или что там было, Лиза не вставала с колен, пока Перес не объявил стрельбище горячим. Оглушенная, она с трудом поднялась и перешла в безопасный коридор между двумя частями стрельбища. Обхватила себя руками и задрожала. Если она погибнет, ее труп тоже будет лежать вот так, незамеченным? Увидят ли Дейна, когда временные линии соединятся? Или… эта его версия навсегда застрянет в странном течении временной инерции, невидимая, пока не превратится в скелет, о который кто-нибудь случайно споткнется на бегу?

В глубине души поселился страх, что так будет всегда, что она останется невидимкой даже для тех, кто ее любит. Лиза долго не могла взять себя в руки. Через некоторое время завибрировал телефон: пришло сообщение от Дейна из будущего. Нужно думать о нем как о настоящем Дейне.

И он все еще в беде.

Глава 23

5 часов после нулевого момента

Во вспышке света Дейн увидел себя и Лизу: как они последний раз работают вместе, находят Юна, сталкиваются с Назим и ее учеными. Выстрелы. Последний отчаянный рывок в попытке все остановить…

Мелькнула мысль: он там, где надо, телепорт сработал. Потом видение потускнело, и он оказался в своей квартире, в своей постели, ночью.

Ну, в этот раз хоть не на полу. Его подушка, его одеяло. Дейн встал с кровати, задев ногами стопку носков на экстренный случай. Проклятье, все казалось сном, вот только…

Он прижал руку к боку и осторожно потрогал перевязанную рану под бронежилетом. И еще что-то не так с комнатой. Дейн не сразу понял: из-за жалюзи не пробивается свет. Будильник тоже не светится. Он снял штурмовую винтовку с плеча и побрел к окну. Ни фонаря, ни огонька в окнах.

Улица внизу запружена людьми. Слоняются без цели. Дейн раздвинул жалюзи шире, и они упали. Карниз переломился. Черт. От его пальцев на деревянном подоконнике остались вмятины. Ковер расползался. Уже началось.

До нулевого момента он не добрался. Переместился назад во времени, но не достаточно далеко. Дрожащими пальцами Дейн достал телефон и увидел предупреждение о разряженной батарее.

— Серьезно?..

Он вытащил зарядник. Тоже сдох. Приходилось так много пользоваться телефоном, что зарядить его нормально не удавалось, и когда сел зарядник, телефону оставалось недолго. Черт, наверное, весь штурм второй лаборатории он проработал на честном слове.

Дейн откинулся на спинку кровати. Она тут же треснула. Нулевой момент упущен. Но...

Но это хороший знак, разве нет? Он переместился назад, а не вперед во времени. Комната разрушена куда меньше, чем в прошлый раз, и у людей на улице не светятся глаза. Юн Лизы все сделал правильно. Может, не до конца, но грех жаловаться. Еще минуту назад Дейн был в кольце врагов. А теперь у него есть еще один шанс.

Он зашел в кладовку, где фонарик не был заметен снаружи, и проверил снаряжение. Бронежилет и шлем. Разряженный телефон. Маленькая аптечка с обезболивающими. Винтовка с шестью полными магазинами. Табельный пистолет с двумя запасными магазинами. Две светошумовые гранаты, три сигнальные шашки.

Снаряжение приличное, но нужен другой зарядник. Первым делом необходимо восстановить связь с Лизой и Юнами. Хотя... Дейн помедлил и покрутил браслет. Через несколько секунд тот провернулся обратно. Между ним и Лизой по-прежнему есть связь.

Пора выдвигаться. Дейн убавил фонарик до минимума и закрепил его на винтовке. В коридоре из-за приоткрытой двери, выпучив глаза, выглядывала миссис Банлер (белая, в муу-муу, телосложение соответствующее).

— Дейн? — позвала она. — Что случилось?

— Не знаю, — соврал он. — Но вам лучше оставаться на месте. Э... заприте дверь. Никого не впускайте. Особенно Тима.

— Мне нехорошо. — Она открыла дверь шире. — Я была на улице, когда рвануло. Метро и автобусы перестали ходить, пришлось возвращаться пешком. Но Мелиссы нет дома, и телефон не работает.

Дейн стоял у ее двери, чувствуя себя беспомощным. Если она была на Четвертой улице... значит, находилась за пределами мертвых зон. Но теперь оказалась в самом эпицентре, и скоро каждый второй будет охотиться за ее душой...

Почему-то все начиналось с тех, кто находился внутри зданий. Получившие меньшую дозу менялись быстрее. Юн говорил, что первые изменения наступили часов через пять после светолома. Сначала переродились те, кто был в помещении, за ними те, кто был на улице.

— Послушайте меня. — Дейн взял миссис Банлер за плечо. — Вам нужно уходить. Знаете кантри-клуб на Семнадцатой?

Она посмотрела на него в свете фонарика и вроде поняла. Потом кивнула.

— Хорошо. Давайте я выведу вас по лестнице.

— Мелисса...

— Если увижу Мел, отправлю ее туда же. По дороге не останавливайтесь и ни с кем не разговаривайте. Просто идите как можно быстрее и ждите. Прошу... доверьтесь мне.

Он провел ее вниз по ступенькам, через вестибюль и едва не врезался в Тима. Тот стоял у выхода и смотрел на звезды. Тим всегда был тощим, но теперь, Дейн мог поклясться, выглядел прямо-таки изнуренным.

— Дейн? — произнес консьерж, как в дурмане.

— Привет, Тим. — Дейн подтолкнул миссис Банлер в нужную сторону. — Как ты себя чувствуешь?

— Холодно. Страшно холодно. Будто я никогда... не знал тепла... — Тим уставился на Дейна. — Но ты теплый...

Дейн побежал. На следующем перекрестке справа послышался крик миссис Банлер. Обернувшись, он нацелил винтовку: две женщины прижимали ее к стене. Одна взглянула на него, и глаза у нее разгорелись призрачным белым светом.

Дейн ее пристрелил. И подругу тоже. На звук выстрелов к ним повернулись сотни голов. Люди, бродившие по улице, вдруг заметили его. Мгновенно взмокнув, он поспешил к миссис Банлер. Та лежала на земле, тряслась и едва могла пошевелиться.

— Д-дейн? П-почему...

— Тихо, — сказал он, поднимая взгляд.

Из соседних зданий выбирались возвращенцы, хотя люди на улице еще не изменились.

Их слишком много, чтобы перестрелять. Слишком много, чтобы...

Что делать? Тащить миссис Банлер до самого кантри-клуба? Дейн запалил сигнальную шашку и с криком швырнул ее в здание, надеясь отвлечь возвращенцев. Отчасти удалось.

— Вам нужно встать.

Миссис Банлер лежала без сил.

«Это мой район. Я должен… должен…»

Он не может ей помочь. Просто… не может. С соседней улицы послышались крики, потом с другой стороны. Люди звали на помощь. Из вестибюлей, коридоров, домов вываливалось все больше возвращенцев. Дейн осознал, что миссис Банлер не единственная, кто добрался домой после светолома. Некоторые из тех, кто бродит по улице, изменятся. Других еще можно спасти…

Люди кричали. А он… не в силах им помочь. Разве что искоренит саму проблему.

Беспомощный, ненавидящий себя, Дейн бросил миссис Банлер. На нее разом накинулись трое еще не окрепших возвращенцев. Сил кричать у нее не осталось.

«По одному никого не спасти, — подумал Дейн. — Нужно сделать что-то для всех. И первый шаг — найти батарейку».

Раз все уже начало разрушаться, прежде чем искать магазин электроники, нужно выбраться из мертвой зоны. Ориентируясь по памяти, Дейн побежал в сторону кантри-клуба. Везде вспыхивали стычки: возвращенцы из зданий набрасывались на тех, кто еще не изменился, сея панику.

Вслушиваясь, Дейн укрылся за углом и уложил кинувшегося на него возвращенца. Вскоре все начало стихать. Дейн выглянул и увидел нечто страшное: многие из тех, кто только что спасался от возвращенцев, сами начинали меняться. Вторая волна — все, кто во время светолома находился на улице.

Возвращенцы тут же теряли к ним интерес. Все их внимание переключалось на тех несчастных, которым не повезло вернуться домой уже после светолома. На тех, кто не стал и не должен был стать возвращенцами.

Дейн развернулся и побежал по переулку. Это хуже жуткой тишины после прошлого пробуждения. Приходилось отворачиваться от тех, кто звал на помощь. Его преследовали крики боли и отчаяния.

Дейн опустил голову и не останавливался. Люди вокруг менялись, спасались бегством, заходились криком. Однако хаос играл ему на руку. Он

укладывал всех возвращенцев, которые выбирали его в толпе. Пока он целился в очередного, неподалеку раздались выстрелы.

Дейн спустил курок и побежал на звук. Кто-то еще отстреливается? И действительно, выскочив на Семнадцатую, которая уже наверняка находилась за пределами мертвой зоны, он впервые увидел свет — длинную вереницу автомобильных фар и стоп-сигналов. Люди пытались выбраться из города. Эта дорога была шире (четыре полосы, светофоры), но через несколько миль углублялась в мертвую зону. Все машины встанут намертво. Пробка — смертельная ловушка.

Кто-то заехал на тротуар и, укрывшись за машиной, стрелял вдоль поперечной улицы. Дейн привлек внимание стрелка, и тот взмахом руки разрешил подойти. Вскоре Дейн сидел на корточках рядом с мужчиной (черный, короткая стрижка, явно ходит в спортзал), который бил из дробовика по светящимся глазам в боковом переулке.

— Штурмовая? — спросил мужчина, оживившись при виде Дейна. — Блин, лишней нет?

— К сожалению, нет. Но твоя тоже сойдет, если стрелять в голову.

— Я… помню.

— Погоди. Помнишь?

— Ну да. Как сон… Все белое… Эти твари повсюду. Я что, видел будущее?

Что-то новенькое.

— Дейн, — представился Дейн, протягивая руку.

— Малик. — Мужчина ответил рукопожатием. — Военный?

— Просто местный полицейский.

Дейн выглянул поверх машины. С той стороны стягивались белые глаза. А что насчет пути, которым он пришел? Там скапливалось все больше возвращенцев. Похоже, они покончили с теми немногими, кто пришел извне мертвой зоны или просто дольше не менялся.

Дейн оглянулся на забитую машинами Семнадцатую. В одной из них можно зарядить телефон. Только нужна батарея, которую можно унести с собой. К тому же…

— Малик, это место вот-вот превратится в гигантский шведский стол для десятков тысяч возвращенцев, — прошептал Дейн. — Единственный шанс все

остановить — перенестись во времени и вообще не дать этому случиться. Сейчас объяснять некогда, но можешь прикрыть меня, пока я ищу, где зарядить телефон? Тогда я вызову подкрепление.

— У меня телефон заряжен, — отозвался Малик, — только никто не берет трубку.

— Вышки рухнули.

Дейн потянул его за плечо: глаза из бокового переулка большими группами двинулись вперед, словно мерцающие светлячки в темноте.

Малик упирался, но Дейн все же сдвинул его с места. Похоже, парень сообразил, что светящихся глаз не просто десятки, а гораздо больше. Они побежали вместе.

— Не нравится мне это, — бормотал Малик себе под нос. — Ни капли не нравится. Не должно так быть... Не может быть...

Дейн бросился к нескольким людям, высоко подняв значок.

— Идите к кантри-клубу. Он дальше по улице! Если еще кого увидите, скажите им! Стучите в окна машин, вытаскивайте людей. Передавайте дальше! У кого светятся глаза — опасны! Избегайте столкновений, но если нет выхода, их можно взять только выстрелом в голову!

Большинство смотрело на него с ужасом, но другие побежали. Кто-то начал передавать его слова дальше. Вместе с Маликом Дейн рванул к небольшому магазину электроники. Внутри были люди — обычные люди. Они опустили стальную решетку на окнах — неплохая защита.

Полицейский значок убедил их открыть дверь. Пока Малик объяснял про кантри-клуб, Дейн нашел на полке зарядники, вскрыл один и подключил телефон, однако индикатор зарядки не появился.

— Когда они поступили? — спросил он семью, которая держала магазин.

— На стикере сзади написано, — ответила женщина с сильным акцентом. — Нам оставаться в магазине или бежать?

Дейн вспомнил взломанные магазины с проржавевшими витринами, которые видел на этой самой улице двумя днями позже. Решетка долго не продержится.

— Бегите. Мне жаль. Оба варианта ужасны, но если останетесь, они вломятся в магазин.

Семья ретировалась. Он надеялся, что они выберутся, но снова почувствовал себя беспомощным.

Нет. Его цель — сделать так, чтобы им не пришлось выбираться. Он их не бросал, а искал способ помочь всем сразу. Как Лиза всегда и говорила.

На обратной стороне упаковки зарядника был стикер с датой отгрузки и поступления на полку. Год назад? Черт. Дейн принялся перебирать зарядники, проверяя стикеры, пока наконец не нашел один от другого бренда, поступивший на полку всего несколько недель назад.

«Давай же», — подумал он, вскрывая упаковку и подключая телефон.

Индикатор зарядки загорелся. Дейн перевел дух и убрал телефон и зарядник в бронежилет. Через несколько минут телефон должен включиться.

Снаружи послышались крики. Этот маленький магазинчик был одним из множества таких же в центре — длинных и узких гастрономов, мини-маркетов, магазинов электроники. Немногим больше длинного чулана. Малик стоял у стеклянных дверей, а Дейн ждал, пока зарядится телефон.

— Вот же дрянь приключилась, — сказал Малик.

— Не говори, — отозвался Дейн. — Расскажи подробнее, что помнишь.

— Помню, как Назим сказала нам найти копа. Помню... эксперимент. Надо было его остановить. Мы все знали: что-то не так...

Стоп.

О... нет.

— Ты один из ее охранников, — прошептал Дейн. — Из тех, что были рядом со взрывом. Вот почему ты все помнишь.

— Я взял мотоцикл и все это время пытался добраться до главного управления, надеялся, они смогут это остановить. Я чувствовал... что-то в этой стороне. — Он повернулся к Дейну. Глаза у него светились. — Твое тепло.

Дейн выхватил пистолет одним плавным движением, как раз когда Малик поднял дробовик и спустил курок, и успел дважды выстрелить возвращенцу в голову, как что-то ударило его в левую ногу. Он упал назад на полки.

Малик пошатнулся. Не упал, но больше не стрелял.

— Это не остановить, — прошептал он. — Я превращусь в монстра. Чуть медленнее, чем большинство, но это произойдет.

Еще два выстрела лежа — и Малик рухнул. Дейн со стоном прижал левую руку к ноге, к свежей ране. Проклятье! Надо было сразу заметить: с Маликом что-то не так. Дейн попытался встать, но поскользнулся и упал. Подполз ко входу в магазин, убедился, что Малик мертв, и запер засов. Потом наложил жгут из бинтов. Пуля прошла навылет через левое бедро.

Снаружи возвращенцам было чем заняться. Люди с криками разбегались, а из мертвой зоны выплескивалось все больше воющих, жадных до тепла тварей. Но даже при таком изобилии добычи некоторые возвращенцы поворачивались к его магазинчику и смотрели сквозь решетку. Дейн вспомнил о развороченных зданиях. Заставил себя подняться и на одной ноге захромал к задней части магазина, надеясь выбраться с той стороны.

В заднюю дверь уже колотили. Слышалось царапанье вперемешку с воем. Возвращенцы. Черт. Дейн проверил засов и попятился: с такой раной с боем не прорваться.

Он оцепенело сполз по стене рядом с чехлами для телефонов. По крайней мере… нога болела не так сильно, как следовало бы…

Завибрировал телефон.

«Жив?» — написала Лиза.

Дейн улыбнулся.

«Жив, но все не так гладко, как мы рассчитывали».

Спустя секунду Лиза позвонила.

— Дейн, — выдохнула она с облегчением. — Когда все кончится, я обязательно куплю тебе новый телефон.

Он усмехнулся.

— Ли, расчеты Юна не сошлись.

— Дай угадаю. Ты появился на пару часов позже нулевого момента?

— Да. Похоже, сейчас раннее утро. Рассвета еще нет, но на востоке светлеет. Примерно… около пяти.

— Совпадает. Я перенеслась примерно за пять часов до взрыва. На концерт. Надеялась, что ты успел. Жаль.

Дейн кивнул. Стук в заднюю дверь усиливался, возвращенцы у входа начали трясти стальную решетку на окнах.

— Что за шум? — спросила Лиза.

Поморщившись, Дейн вытащил из рюкзака еще бинтов и при свете фонарика попытался получше перевязать бедро. Выглядело скверно.

— Кажется, я влип.

— О, черт. Такие дурацкие слова ты используешь, только когда дела совсем плохи.

— Меня подстрелили в ногу. В ближайшее время побегать не получится. Я заперт в магазине на Семнадцатой, возвращенцы ломятся в обе двери. Но если мне понадобится новый чехол для телефона, выбор богатый.

Лиза замолчала, лишь слышалось дыхание в трубке. Дейн почти физически ощущал ее беспокойство.

— Прости, Ли. — Он закрыл глаза, чтобы отвлечься от воя и стука. На тротуарах и в машинах с криками умирали люди. — Я… не знаю, как выбраться. Наверное, тебе придется справиться без меня.

— Нам нужно остановить это в обеих временных линиях.

— Вдруг мой Юн справится. Найди мою версию из твоей линии, он поможет…

— Дейн, он мертв. Я только что обнаружила тело. И Юн прямо говорил, что телепортировать тебя — наш лучший шанс. Не знаю, получится ли без тебя.

Дейн ровно дышал и искал другое решение.

— То, что сделал Юн, сработало. Я прыгнул назад во времени, просто недостаточно далеко. Нужно попробовать еще раз. Добраться до лаборатории, открыть портал, скорректировать расчеты… Раз Юн знает, на сколько часов ошибся, то должен знать, что подправить. Все равно что откалибровать прицел.

— Я уже говорила с Прошлым Юном. Ему кажется, что расчеты верные, но ты прав. Наверное, он что-то упустил. Нужно попробовать еще раз. Если…

Если Дейн сможет двигаться. Ему удалось с трудом встать, но опираться на ногу было невозможно. Он и так почти совершил подвиг. Сдавленно застонав от боли, он заставил себя посмотреть на возвращенцев, ломящихся в переднюю дверь.

Снаружи собралось несколько десятков, если не больше. Пожалуй… он бы и без ранения не прорвался. По сравнению с остальными его явно считали лакомым кусочком.

— Лиза, — прошептал он, — я правда вряд ли выберусь. Даже если расстреляю все патроны, меня сомнут числом. Тебе придется справиться без меня.

— Нет, — сказала она своим особым тоном. — Дейн, я все исправлю.

— Ли, не все можно исправить.

— Послушай: когда ты шагнул в портал, я прыгнула вперед во времени. Понимаешь? Мы связаны. Значит, если я доберусь до лаборатории на своей стороне и отправлю себя ровно на пять часов вперед…

Тогда его потянет ровно на пять часов назад, к нулевому моменту — туда, где он находился в тот час в этой линии. Это… может сработать.

— Я разберусь, — пообещала Лиза. — Дейн, тебе нужно лишь продержаться, пока я не запущу еще один телепорт.

Глава 24

За 5 часов до нулевого момента

Лиза спускалась по ступеням главного управления, на ходу разговаривая с Прошлым Юном:

— Нам нужно активировать одно из устройств. Как можно быстрее.

— Но… я не знаю, где мы ошиблись! — воскликнул он. — Продолжать слишком опасно.

— Опаснее, чем конец света через пять часов, Юн? Ваша будущая версия может вернуться и все остановить? Кто-нибудь еще может?

— Не знаю. Но, похоже, связь между вами двумя самая сильная. Когда детектив Дейн шагнул в червоточину, вы перенеслись, чего, судя по всему, не скажешь ни обо мне, ни о моей будущей версии. Почти наверняка дело именно в вас двоих.

— Значит, если Дейн погибнет, с ним умрет надежда на воссоединение временных линий. Пора рисковать. Можете прикинуть расчеты, чтобы перебросить нас ближе к нулевому моменту?

— Это… сложно. Мы слишком плохо понимаем, с чем работаем. Даже не знаем точно, почему разделились линии.

— В одной линии мертва я, в другой — Дейн, — сказала Лиза. — Думаю, дело в этом.

— Возможно. Закачка такого количества энергии в червоточину… и есть настоящая причина. Когда это произошло, выбор стоящих рядом людей мог расщепить линии. Я полагаю, в одной первым бросился к охранникам он, а в другой — вы.

— Я была слишком далеко, бежала по коридору после того, как развязала вас. Как бы то ни было, Юн, это ваш шанс. Вы можете спасти мир, если сумеете разобраться с расчетами.

— Постараюсь, детектив Стерлинг. Но я в пригороде, на другом конце города от главной лаборатории. Не меньше двух часов на метро.

Лиза остановилась посреди улицы. Продержится Дейн два часа?

— А третья лаборатория?

— Ну, она ко мне ближе, — признал Юн. — Но Назим с охраной… они будут помнить, что случилось два дня назад, когда мы нагрянули во вторую лабораторию. С их точки зрения, мы ее уничтожили. Я слышал их разговор, пока прятался в темноте: они надеялись найти вас в обломках. Назим выставит охрану на обоих оставшихся объектах, причем тех, кто нас видит, потому что кое-что знает о том, что происходит.

Лиза помолчала, обдумывая ситуацию.

— Где третья лаборатория?

— На Мэйфлауэр, в начале улицы.

— Торговый квартал?

— Да, офисное здание, четвертый этаж.

Торговый квартал… начало улицы…

— Пришлите мне адрес, — сказала она. — Встретимся там через полчаса.

— И как мы попадем внутрь?

— Разберемся. Успеете?

— Наверное. Станция метро… Восемьдесят девятая улица, кажется? Да. А вы где?

— В даунтауне.

— Метро не…

— Возьму такси вместо метро. Приложению без разницы, заметит ли меня водитель.

— Не выйдет. Я вчера пробовал. Через пять минут водитель отменил поездку и взял другой заказ.

Проклятье. Лиза остановилась на тротуаре, обернулась и увидела... огромный внедорожник Дейна, припаркованный у обочины. Запасной брелок-ключ был при ней.

Час пик. И придется гнать по шоссе, чтобы успеть к Юну.

Не самая хорошая идея...

— Встретимся там, — повторила она. — Тридцать минут. Выдвигайтесь.

Лиза завершила звонок и подошла к громадине. Глубоко вдохнула, забралась внутрь, отрегулировала сиденье. Она всегда ездила осторожно, даже когда работала в патруле, но иногда осторожность нужно отбросить и действовать напролом. Она завела двигатель, вдавила газ и вылетела на улицу с мигалкой и сиреной, надеясь, что хоть так ее будут замечать.

Не помогло. В нее тут же едва не врезались сбоку, пришлось выскочить на тротуар, а потом сразу вывернуть обратно, чтобы не сбить семью, которая не видела ее машину. С проклятием она проскочила на красный, чтобы никто не въехал в нее сзади, и на скорости вписалась в поворот, лишь взвизгнули шины.

Вся в поту, Лиза добралась до въезда на шоссе, едва уйдя от машины, пытавшейся въехать в нее сбоку. Будто сама вселенная объявила ее законной целью, и каждый водитель на дороге — потенциальная пуля. К счастью, на шоссе полегчало: светофоров нет, да и пробок, на удивление, тоже.

Держась обочины, где казалось безопаснее, Лиза набрала Роуну. Теоретически та должна быть на выезде, а не в управлении. Пришлось позвонить трижды, прежде чем помощница ответила.

— Шеф? Вы разве не на концерте?

— У меня появилась новая информация по делу Гоффри, — сказала Лиза. — Решающая.

— О! — Роуна оживилась. — Но мы почти готовы его брать!

— Вся группа с тобой?

Из-за моста пришлось влиться обратно в поток. Лиза вильнула в сторону, едва не врезавшись в другую машину: кто-то влез сзади в ее ряд и тут же попытался проехать сквозь нее.

— Да, все хотели участвовать. И с ордером на обыск нужно много рук.

Значит, на задержание пойдут десять человек. Немало, но и дело не рядовое. Гоффри вряд ли будет сопротивляться — предпочтет суд, но телохранители у него есть. Значит, все вооружены. На всякий случай.

— Я просматривала отчеты и кое-что заметила. Как только мы возьмем Гоффри, его бухгалтеры залягут на дно. Сначала нужно взять Хармона.

— Э... правда?

— Да. — Лиза надеялась, что это звучит достаточно убедительно. — Скажи остальным, что арест откладывается. Сначала проведем рейд в торговом квартале.

В тот день она поняла проблему с Хармоном позже вечером, когда Дейн пришел ее донимать. Проблема настоящая, и разумнее сначала разобраться с ней. Нужен отдельный ордер, но Лиза решила, что сумеет хотя бы ненадолго выкрутиться разговорами.

Имеет ли значение для вселенной, что настоящая Лиза и правда вполне может отменить арест? По-прежнему не совсем понятно, почему Роуна прислушалась, когда им требовался план здания.

Действительно, сегодня помощница просто ускользнула из разговора. Послышались голоса, потом Роуна повесила трубку. Лиза стиснула зубы. Приходилось следить за дорогой: поток замедлился, обочина снова сузилась. Замедление оказалось опаснее, ее место всем казалось восхитительно пустым: можно влезть, выиграть пару корпусов и добраться домой на долю секунды раньше.

Ей удалось разминуться с двумя машинами, но третья — «Тесла» с очень решительным водителем — ее заперла. Лиза сжала зубы и ударила «Теслу» в бок. Оставалось надеяться, авария окажется не слишком серьезной.

Она снова набрала Роуну голосовой командой.

Та не ответила.

— Ну же. — Поморщившись, Лиза снесла еще одну машину. — Я стараюсь сделать все правдоподобным. Тебе разве не важно, что я устраиваю аварии? Ведь это тоже ломает временную линию?

Но, как говорил Юн, вселенной все равно. Она не давила намеренно, так же как лесные пожары прошлым летом не думали о домах, которые сжигали. Лизе противостояла не воля, а инерция.

Инерция.

Роуна отвечала, потому что Лиза проявляла настойчивость. Люди ее замечали, потому что она снова и снова пыталась привлечь их внимание. Во время звонка насчет штаба спецназа она не позволила Роуне передать ее вопрос другому. Может, дело не в том, чтобы убеждать или обманывать вселенную. Может, нужно просто быть настолько занудной, чтобы накопить собственную инерцию.

Лиза позвонила Роуне еще три раза. Когда та наконец ответила, у них состоялся тот же разговор, слово в слово, о том, что нужно сначала взять бухгалтера. Только на этот раз Лиза не дала Роуне ускользнуть.

— Сосредоточься! — Лиза застонала, когда в нее врезалась машина. — Роуна, нам нужно взять Хармона.

— Нужно?..

— Да!

Тот же разговор повторился еще раз, прежде чем Роуну отвлекли по другому делу и она, не задумываясь, отключилась, несмотря на протесты Лизы.

Лиза позвонила снова. И опять то же самое.

И в четвертый раз.

Затем она надиктовала короткое письмо и отправила его по электронной почте всей команде. Двадцать раз.

Еще один звонок.

— Шеф? — ответила Роуна.

— Нам нужно взять Хармона, — сказала Лиза. — Не ходите за...

— Да-да, — перебила Роуна. — Вы уже это говорили, шеф. Торговый район. Выдвигаемся.

Неужели сработало?..

Сработало!

Наверное. Лиза связалась с диспетчерской. Свернув на нужный съезд, она проскочила на красный, вылетела на улицу и мысленно возблагодарила

чудовищную машину Дейна и ее дурацкую инерцию. Лиза приказала диспетчерской официально перенаправить команду в торговый район, на адрес, который сообщил Юн. Потом повторила это еще дважды.

Вскоре она добралась до нужного адреса, в последний момент заехав на бордюр. Ее команда уже ждала на углу у всех на виду: Роуна и еще девять полицейских в форме. Они сразу ее заметили.

Черт, до чего же приятно.

Лиза остановилась, выбила ногой разбитое боковое стекло — дверь заклинило — и выбралась наружу. От внедорожника почти ничего не осталось. Дейн разозлится?

Нет, решит, что она крутая.

— Шеф? — окликнул Рамирес. — Вы уверены, что Хармон здесь?

— У меня есть наводка. Заходим. Четвертый этаж. Половина группы — по восточной лестнице, половина — по западной. Объект считать враждебным. Всех охранников обезоружить и взять под стражу. Ничего не трогать. Особенно лабораторное оборудование.

— А ордер у нас есть?.. — спросила Роуна.

— У нас есть достаточные основания, — сказала Лиза. — Если все пойдет наперекосяк, ответственность я беру на себя. Все слышали?

Они закивали.

— Шеф, — Кейсон подозвал кого-то жестом, — этот человек нас ждал. Говорит, вы в курсе.

— Здравствуйте, Юн, — сказала Лиза.

— Детектив. — Юн оглядел машину. — Э-э... эффектное появление...

— Вперед! — скомандовала Лиза. — Я иду с западной группой.

Все сорвались с места. Кто бы мог подумать, что достаточно просто проявить невероятное упрямство...

Что ж, в этом она специалист.

Рамирес и его группа шли первыми. Вообще-то такими делами должен заниматься спецназ, но Лиза не позволяла сбавлять темп: времени нет. Они быстро поднялись по лестнице и начали занимать позиции. Лиза переключилась на линию Дейна.

— Пожалуйста, будь еще там, — прошептала она.

— Я здесь, — отозвался Дейн, но тут же раздались выстрелы. — По большей части. Кусок ноги мне снесло дробовиком. До сих пор не нашел...

Снова выстрелы.

— Дейн... — прошептала она.

— Они проделали несколько дыр в решетке. Но дыры маловаты, а им так не терпится, что все пытаются пролезть одновременно. Это их замедляет: приходится оттаскивать трупы. Но остальные продолжают рвать решетку...

Выстрелы.

— В детстве были такие игры, автоматы. На экране появлялись враги, а ты стрелял в них из игрушечного пистолета. Я часто в них играл.

— Уверена, тебе не было равных.

Лиза кивнула Рамиресу, и тот ворвался через дверь на четвертом этаже. Как и предсказывал Юн, их поджидали вооруженные охранники. Они крикнули, чтобы полицейские держались подальше.

Дейн хмыкнул.

— Вообще-то я вечно проигрывал. Мне всегда казалось несправедливым, что враги двигались совсем не как настоящие. — Он помолчал. — Если честно, теперь я чувствую себя немного отомщенным.

Снова раздались выстрелы.

— Мы почти на месте. Держись.

Лиза протиснулась по лестнице вперед, оказавшись во главе группы.

— Вы были правы, — прошипел Рамирес. — Вооруженное сопротивление. Сдаваться не собираются. Ждем переговорщика?

Вот черт. Кажется, в трубке послышался смешок Дейна.

— Нет, не ждем.

Методы у Дейна не всегда правильные. Но...

На этот раз придется отступить от протокола. Лиза выскочила из лестничной клетки в коридор, открыла огонь и уложила обоих охранников. Рамирес выругался, и его группа ринулась вслед за ней. Они ворвались в

лабораторию, похожую на остальные, только гораздо больше и лучше оснащенную.

Здесь тоже поджидала охрана. Десяток громил, не меньше. Похоже, Назим тоже нашла способ обойти систему. Лиза одна с таким количеством не справилась бы, но при виде полицейских, готовых открыть огонь, охранники сдались: бросили оружие и подняли руки. Это не кино, частная охрана обычно не рвется связываться с властями. За это им недостаточно платят.

Вторая группа ворвалась через другие двери. За несколько секунд ученым надели наручники и разделили их. Все это время полицейские недоумевали, что делает Лиза и где, черт возьми, Хармон.

Лиза не стала ничего объяснять.

— Профессор, пора творить чудеса. — Она усадила Юна за компьютер. — Мне нужен портал в нулевой момент.

— Дайте мне секунду. Я... сделаю все, что в моих силах.

Лиза отошла в сторону, отмахнувшись от Роуны и ее вопросов. Столько правил, столько законов нарушено. Но... она здесь старшая и должна доверять себе.

— Дейн, как там твой тир?

— На последних уровнях здорово повысили сложность. — Он тяжело дышал. — Приходится беречь патроны.

— Юн вводит параметры. — От тона Дейна ее тревога резко усилилась.

— Я уже связался со своим Юном.

— Здравствуйте, детектив, — сказал Будущий Юн. — Жаль, у меня нет данных... да и вообще ничем не могу помочь.

— Вы все помните?

— Помню. Я не перенесся во времени, детектив Стерлинг, во всяком случае, не как вы. Моя связь с вами обоими слабее, поскольку я находился дальше от взрыва. В основном я помню, что произошло с вами... вернее, произойдет... в течение нескольких дней. Словно мне это приснилось. Я не верил, пока мне не позвонил детектив Дейн. Думал, не отправиться ли ему помочь, но...

— Это самоубийство, Юн. — Дейн снова открыл огонь. — К тому же у нас есть решение. Лиза все уладит. Она в этом мастер. Но если я погибну... вы наш запасной план. Договорились?

— Вряд ли моя связь достаточно сильная, — сказал Будущий Юн. — Вы должны справиться.

Лиза взглянула на Прошлого Юна и сказала Роуне, что команда может отправляться за Гоффри. Они с готовностью взялись за дело, несмотря на полное непонимание того, что произошло и зачем они вообще сюда явились. Временная линия требовала, чтобы они вернулись к первоначальному рейду. По идее, ей должны задать массу вопросов, в том числе выяснить, зачем она застрелила двух охранников. Но временная линия торопила их, подталкивала к тому, чем им полагалось сейчас заниматься, тем более Лиза наконец их отпустила.

— Немного кружится голова, — тихо произнес Дейн.

Прошлый Юн посмотрел на нее и покачал головой. Еще нет.

— Дейн, держись, — сказала Лиза.

— Они отступили. Думаю, готовятся к более серьезной атаке. Там один из здоровяков. Только что его заметил. На этот раз они наверняка прорвутся. Что бы ты ни собиралась сделать… делай это сейчас.

Юн поднял палец, продолжая печатать другой рукой.

— Еще немного, — продолжила Лиза. — Дейн, ты выживешь. Послушай меня. Я предвкушаю, как ты будешь моим бывшим. Нас ждет уйма неловких вечеров. Мы еще посмеемся, какие ужасные у нас были отношения.

Он усмехнулся.

— Ужасные не то слово, да?

— Иногда было весело. Когда все было хорошо. Не верится, что мы вообще решили попробовать. Вернее, не верится, что я позволила тебе меня уговорить.

— Но ведь были и хорошие моменты, правда? — Дейн рассмеялся. — Жаль, что мы раньше не поговорили о проблемах. Наверное, именно такие разговоры пугают меня больше всего.

— Больше всего? Не ты ли сейчас противостоишь армии зомби?

Он застонал от боли, но Лиза слышала, что он улыбается.

— Ну скажи, — вздохнула она. — Я знаю, что тебе хочется.

— Армия зомби или разговоры об отношениях? Как думаешь, что для мужчины страшнее?

— Это сексизм. Думаешь, будь у меня выбор, я бы не выбрала армию зомби?

Дейн закашлялся от смеха.

— Ну и дело нам досталось напоследок. Ты все еще не жалеешь, что пошла со мной в ту ночь?

— Если бы не пошла, все это все равно бы произошло, но у нас не было бы шанса это остановить. Черт, я чувствую себя дурой из-за того, что сначала вернулась к машине, хотя потом все-таки пошла за тобой.

— Вот опять… — пробормотал он.

— Что?

— Ли… когда ты вернулась к машине? Этого ведь не было?

— Конечно, было. Ты настоял, чтобы мы осмотрели особняк Назим. Я не хотела, поэтому вернулась к машине, хотя знала, что ты все равно сделаешь по-своему. Но потом… вернулась.

— Ты с самого начала пошла со мной.

— Нет. Не пошла. Я…

— Черт, — перебил он. — Поперли.

— Готово! — воскликнул Прошлый Юн.

— Альберт, что ты сделал? — спросил Будущий Юн. — Я думал, у нас нет расчетов!

— Иногда остается лишь прикинуть примерно.

Прошлый Юн повернулся в кресле к Лизе. На полу, за прозрачным защитным экраном, начал разгораться свет — прямо под парящей в воздухе черной точкой.

— Удачи, детектив Стерлинг.

Лиза подошла ближе. Дейн каждый раз просто прыгал внутрь. Но, несмотря на все напряжение, она предпочла заглянуть в расширяющуюся дыру, а не входить целиком. Она увидела…

Сияние.

Затем — первую лабораторию, куда приведет ее портал. Вот только…

Что-то по-прежнему было не так.

Глава 25

6 часов после нулевого момента

Осев в углу с винтовкой у плеча, Дейн смотрел, как полчище возвращенцев со светящимися глазами прорывается через остатки витрины, и чувствовал себя… безучастным. Остался всего один магазин…

Дейн вдруг засиял.

Сработало!

Спустя мгновение его поглотил белый свет. А когда свет схлынул, Дейн очутился на тихом перекрестке где-то в пригороде и тут же привалился к каменному почтовому ящику — в ноге вспыхнула боль. Но возвращенцев поблизости вроде не видно.

Вдалеке из здания вырвался столб света.

Лаборатория Назим… основной объект. Из лаборатории поднимался ослепительный белый свет, в котором проступали… смутные очертания исполинского щупальца, полупрозрачного, уходящего высоко в небеса.

Свет растекался по земле вокруг, поглощая дома, дворы, улицы…

Светолом.

— Все равно что-то не так, — сказала Лиза по телефону.

— Ли! — закричал он. — Мы опять не успели! Я вижу светолом.

Дейн попятился. Нога выдержала, боль растворилась в накатившей панике.

Красиво.

Он воображал щупальца кальмара, но перед ним было нечто иное — призрачное, тихое, удивительно грациозное для таких размеров. Не безымянный ужас, а скорее гигантский побег, тянущийся к небу. Широко раскрыв глаза, Дейн запрокинул голову: столб света вздымался все выше, а затем разделился на лучи, и те начали опадать на город, словно спицы колеса.

Везде, где они коснутся земли, появятся мертвые зоны.

И один из лучей завис прямо у него над головой.

***

Лиза не касалась маленького разрыва в воздухе, уже выросшего до размера бейсбольного мяча, но тот словно звал к себе. Ее кожа расплывалась,

вытягивалась к разрыву, будто она была картиной, которую смазывают пальцем. Похоже, этой близости хватило, чтобы перенести Дейна, но сама она пока не решилась. Оставалась снаружи, удерживая себя от последнего шага.

Сквозь крошечную дыру Лиза видела, как Дейн лезет на дерево и перемахивает через стену. Видела, как сама карабкается наверх и замечает, как он стреляет по сбежавшимся на шум охранникам.

Те мигом ощетинились, открыли ответный огонь, но Дейн успел вышибить дверь погреба и нырнуть внутрь. Там он найдет Юна и оставит его связанным, а сам побежит останавливать устройство. Лиза отыщет Юна пару минут спустя, войдет последней за обоими охранниками и Дейном.

Она развяжет Юна, и вместе они бросятся к комнате с устройством. Лиза подоспеет как раз вовремя, чтобы увидеть… как в Дейна стреляют…

Взрыв.

Живой Дейн кричал ей в трубку. Лиза смотрела в его прошлое, завороженная светом, и вдруг поняла, в чем их ошибка.

— Юн! — крикнула она, хотя вперед тянуло уже так, что было не обернуться. — А что, если мы напутали с нулевым моментом? Что, если это не момент, когда сработало устройство?

— Тогда все расчеты насмарку! — крикнул он в ответ.

— Мы брали его за точку отсчета, — отозвался Будущий Юн. Его голос звучал глухо из-за слабого соединения. — Вроде маяка. Если это не полночь…

— …то мы никогда не попадем точно, — договорил Прошлый Юн. — Но что еще это может быть?

— Устройство стояло на таймере! — сказала Лиза. — Что, если нулевой момент — тот самый миг, когда все изменилось, — пришелся на установку таймера? Не когда устройство запустили, а когда его включили и подали энергию в дыру. Ведь это и спровоцировало разрыв, расколовший временные линии?

— Если так, нам конец, — произнес Будущий Юн. — Мы все равно не узнаем, когда это случилось.

Во сколько же это было? Она ведь глядела на часы.

— Вы сами говорили, что выбор, сделанный в тот миг, мог развести нас по разным линиям!

— Да, — подтвердил Прошлый Юн. — Выбор у самого эпицентра, в тот самый миг, когда в дыру влили уйму энергии.

«Я посмотрела на часы… сразу после половины одиннадцатого…»

— Одиннадцать тридцать семь, — сказала Лиза. — Вводите это время!

— Но… — начали оба Юна.

— Вводите!

Прошлый Юн вбил несколько цифр.

— Готово.

Дейн кричал ей, чтобы она хоть что-нибудь сделала, и Лиза коснулась портала.

Глава 26

Нулевой момент

Дейн появился на углу перед особняком Назим — достаточно далеко, чтобы не попасть на камеры наблюдения.

И вдруг понял, почему Лиза выбрала именно этот момент.

— Временная линия разделилась не тогда, когда сработало устройство, а…

— А когда я приняла решение, — сказала Лиза в трубке. — Идти за тобой или вернуться к машине. Мы с тобой помним две разные версии следующих двадцати трех минут. В одной линии ты пошел вперед один, и тебя подстрелили.

— А в другой ты пошла со мной. И… подстрелили тебя.

— Хороша из нас парочка, — прошептала она. — Я вот сейчас стою на коленях у твоего мертвого тела.

— А я нет. Почему так?

— Моя версия из той линии, наверное, сразу погибла под огнем, потому Юн и нашел мое тело под обломками. Он решил, что виноват взрыв или обвал. А ты в этой линии словил пулю, продержался до телепортации и уже потом истек кровью. Тела, как и вещи при нас, квантово запутались с нами обоими.

Дейн кивнул, стараясь не думать о собственном трупе у ее ног.

— Ли, почему в своей линии ты вернулась? Почему ушла, но все равно вернулась?

На линии повисла тишина, потом Лиза ответила:

— Уходила я из-за Дейна — несносного бойфренда, который в упор не желал видеть очевидное. А вернулась… из-за Дейна — друга и напарника, которому могла грозить опасность. Я не хотела, чтобы он столкнулся с ней в одиночку.

— Спасибо. Пусть этого и не хватило, чтобы спасти ту версию меня. Но мы по-прежнему в разных временных линиях. Разве мы не должны видеть друг друга? Мы ведь дошли до того самого момента, где все разделилось.

— Нет. Надо еще синхронизировать события: обоим остановить взрыв. Это станет путем наименьшего сопротивления. Будем надеяться, вселенная примет за «настоящую» линию будущее без апокалипсиса. Вот тогда линии должны слиться.

— Так, Юны? — спросил Дейн, поднимаясь.

Тишина. Он глянул на телефон: Лиза на связи, а вот его Юн — нет. Дейн набрал номер Юна, но никто не ответил.

— Наверное, они заняты, — сказала Лиза. — Точнее, связаны. Все как в ту ночь.

— А… точно. Значит… все началось здесь. С твоего решения.

— Вероятнее всего, именно включение устройства, когда в червоточину хлынуло столько энергии, вызвало рассогласование, из-за которого линии вообще смогли разветвиться. Может, наша с тобой развилка не единственная. Но… да.

— То есть у меня есть вполне веские основания обвинить тебя в конце света?

— Только если ты идиот, — сказала Лиза, тяжело дыша, — и нарочно выворачиваешь все наизнанку.

— Вполне в моем духе. — Дейн повернулся, и ногу обожгло болью. До этого момента все было вполне терпимо, но теперь он невольно поморщился. — Так что, решено? Штурмуем особняк в одиночку?

— А ты все еще там? — Дейн сообразил: пыхтит Лиза потому, что бежит.

— Э… ну да, — признался он.

— Шевелись! У нас двадцать минут, чтобы спасти мир.

Дейн попытался шагнуть, но боль не давала двигаться иначе как прихрамывая. Доковыляв до ворот, он поднял взгляд и понял: в таком состоянии

ему ни за что не взобраться на стену. Нужен другой путь. Может… что-нибудь этакое, в стиле Лизы.

Он нажал кнопку вызова.

— Да? — отозвался охранник.

— Это я. Малик там?

— Погоди, — произнес другой, более знакомый голос. — Откуда ты знаешь мое имя?

— А ты не помнишь? — тихо спросил Дейн. — В прошлом скачке помнил. Возвращенцы с горящими глазами. Конец света. Скажи, что помнишь.

Повисла тишина. Затем раздался потрясенный голос:

— Это кошмар.

— Это случится, если Назим запустит устройство. — Дейн привалился к воротам возле переговорника. Он весь взмок, кровь просачивалась из-под жгута и стекала по икре. — Слушай, я ранен. Это ты меня подстрелил, вернее, подстрелишь, часов через пять. Спасибо, кстати. Судя по голосу, ты сожалеешь, Малик. И знаешь: то, что она творит, неправильно. Давай ее остановим.

Дейн ждал, прислонясь к воротам. Переговорник снова умолк. Ему бы вообще не стоило нагружать ногу, но, если не обращать внимания на боль, все-таки можно стоять и ковылять. Так он и сделал, отступив, когда ворота открылись.

Подошли двое охранников: Малик и второй — почти наверняка тот перекачанный возвращенец, которого Дейн прикончил в штабе спецназа. Они остановились перед ним.

— Мы связали Адама, — сказал Малик. — Он всегда был как-то слишком… э-э… увлечен всем этим.

— Что нам делать? — спросил второй. — Чтобы кошмары не сбылись?

— Сначала, — Дейн заковылял вперед, махнув им, чтобы следовали за ним, — вытащим из погреба ученого. Потом вырубим устройство.

Он поднял к уху телефон:

— Ли, я внутри. А ты?

— Уже еду. Извини за машину. Опять.

— Что?

***

Лиза протаранила парадные ворота особняка на внедорожнике Дейна и понеслась по газону, оставляя глубокие борозды от шин. Затормозила у погреба, выбралась через окно, прихватив из багажника штурмовую винтовку Дейна: заряжена, патрон дослан, к бою готова. Охрана не успела ее остановить. С помощью лебедки внедорожника Лиза вырвала двери погреба.

Как она и надеялась, внутри сидел Прошлый Юн. Связанный, он смотрел на нее с надеждой. Она вытащила кляп.

— Долго же вы. Э, спасибо, что выручили.

— Пустяки. — Лиза одним взмахом ножа рассекла путы.

— Устройство сейчас отсчитывает время до запуска. Должно быть, его включили в тот самый момент, когда вы приняли важное решение и линии разветвились на...

— Это мы уже поняли. — Она сунула ему пистолет. — Идем.

Юн кивнул и присоединился к ней. Они сбежали по ступеням к двери. Лиза открыла ее парой крепких пинков.

— Как остановить устройство? Может, просто расстрелять его?

— Так вы, детектив, скорее запустите его раньше срока. Не забывайте: энергия уже подается в червоточину.

— Скажите, что вы предусмотрели код аварийного отключения.

— Я похож на человека, который стал бы программировать код аварийного отключения?

Лиза замерла.

— Ответ, детектив, таков: конечно похож. — Юн вскинул пистолет. — И код я запрограммировал.

Лиза улыбнулась, завела его за угол и бросила кое-что в последний коридор.

— Дымовая граната, — пояснила она. — Когда войдем — не дышите. Дейн, что у тебя?

— Порядок.

Дейн помог своему Юну подняться и вручил ему пистолет. Вместе с двумя охранниками они спустились в погреб. Малик вышиб дверь ногой, и они двинулись к комнате с устройством.

По дороге Дейн увидел…

— Лиза?

Он застыл. Остальные сгрудились рядом; один из охранников перекрестился.

По коридору спешили вперед вооруженные Лиза и Юн. Прозрачные, едва различимые.

— Временные линии сходятся, — сказал рядом Юн Дейна. — Я… поверить не могу… Подумать только, что из этого следует…

Лиза остановилась, оглянулась и распахнула глаза. В ухе у нее была гарнитура, телефон лежал в кармане.

— Ты меня видишь? — спросил Дейн.

— Ага. Ты прозрачный.

— Временные линии сходятся, — едва расслышал он в трубке голос ее Юна. — Какая удача, что я здесь… Подумать только, что из этого следует…

— Быстрее. — Лиза свернула в коридор.

Дейн со своей командой осторожно двинулся следом и заглянул в последнюю комнату. Фантомные охранники и Назим кашляли от дыма, все — из линии Лизы. Охранники подняли руки, и Лиза с Юном сноровисто затянули на них пластиковые стяжки.

А в комнате Дейна… ничего. Он готовился к перестрелке. Но тут пусто?… Ни души — ни в самой комнате, ни в пультовой за ней.

— Назим? — позвал Дейн, чуя ловушку.

«Мы отослали ее».

Голос, словно сотня шепотов, слившихся в один, проник прямо в его разум.

«Сейчас она нам не нужна. Потому что ты ничего не остановишь».

В своей линии призрачная Лиза сбила с ног призрачную Назим, которая пыталась сбежать.

Взгляд Дейна метнулся к червоточине. Та зыбко колыхалась прямо перед ним, разросшаяся, полная трескучей энергии.

«Ты ничего не остановишь, потому что знаешь: это необходимо. Всякое новое рождение основано на смерти».

Дейн стиснул зубы и вошел в комнату, не слушая голос, хотя его сила была настолько подавляющей, что он едва замечал что-либо еще. Он едва уловил, как в линии Лизы ее призрачный Юн, закашлявшись, пинком отправил дымовую гранату обратно в коридор.

Пультовая. Дейн может до нее добраться…

«Остановишь это, и снова станешь никем, — шептало многоголосье. — Мы пришли принести перемены, революцию и перерождение. Ты не помешаешь, потому что глубоко внутри всегда знал, что боролся не с тем. Прислушайся к своему чутью. В глубине души ты все понимаешь».

— В глубине души, — Дейн вошел в пультовую, команда — следом, — мне хочется только чипсов и пивка.

Устройство готовилось к запуску, по крайней мере, все огоньки на компьютерах горели. На рабочей станции у стены шел обратный отсчет.

Девять минут.

Призрачная Лиза встала рядом.

— Зажмите «Control», «Shift» и «F12»,— сказал ее Юн по телефону.

Они зажали клавиши, и появился экран отключения. Великолепно.

— Лучше бы нам сделать это одновременно. Но…

— Но что? — уточнила Лиза.

— А мы уверены, что хотим этого? — спросил ее Юн.

— С чего бы нам не хотеть? — парировал Дейн.

— Вы что… не слышите?

— Слышу.

Его Юн.

За спиной Дейна грянули выстрелы. Он крутанулся: оба охранника, вошедшие с ним в пультовую, лежали на полу в крови. Дейн выругался и вскинул оружие. Слишком медленно.

«Давай», — сказал голос. Говорил он не с ним, а с Юнами.

Едва он упер приклад в плечо, как Юн с окаменевшим лицом выстрелил ему в голову.

Дейн рухнул на пол.

— Дейн? — позвала Лиза по телефону. — Это выстрелы? Дейн?

Веки его дрогнули и сомкнулись. Кто-то подошел, забрал винтовку и телефон. Послышался хруст, и голос Лизы оборвался.

— Молодец, Юн. — Назим появилась откуда-то сзади. — Они говорили, что ты прислушаешься.

— Я... — раздался голос Юна. — Я... обсуждал это с Дейном. Он убедил меня, что я стану героем, если все остановлю. Но это неправда. В другом мире не я, просто другая версия меня. Героем станет он. А если светолома не случится... то я, тот, кем я стал, просто... перестану существовать вместе со всей этой линией.

— Мы оба получим свое, Юн. Мир героев и чудовищ.

— Мир... где я буду что-то значить...

Дыхание давалось тяжело. Дейн искал в себе силы шевельнуться, но сознание уплывало. А потом стук сердца — его вечная константа, источник спокойствия и сосредоточенности — сбился. И прекратился.

Глава 27

За семь минут до светолома

— Дейн! — закричала Лиза в трубку.

Призрачное тело на полу постепенно исчезало из виду. Не на самом деле, просто временные линии снова расходились. Она набрала его номер, но никто не ответил. Попробовала еще раз, затем обернулась к Прошлому Юну.

Тот стоял позади и целился в нее из пистолета.

Лиза похолодела. Ладони вспотели. Она посмотрела ему прямо в глаза.

«Вот дерьмо».

— Мы... мы точно хотим это остановить? — запинаясь, произнес Юн.

— Апокалипсис? Естественно!

— Но послушайте. Просто выслушайте меня.

Юн бросил взгляд на Назим и ее охранников, рядком сидящих в наручниках в испытательной комнате. Дым рассеивался, лишь отдельные клубы все еще вплывали в дверной проем пультовой.

— Я слышу... шепот. Очень далекий шепот. Он напоминает мне, что я ничего не значу в этом мире. Никто из нас ничего не значит. Детектив... Лиза. Мы ничего не значим.

— Нет, это неправда. — Лиза осторожно поднялась на ноги и убрала руки подальше от пистолета. — Мы важны, Юн. Наши жизни важны. Наши надежды важны.

— Мир, в котором мы могли бы жить. Разве вам хотя бы немного не любопытно? Совершенно новая физика. Люди, которых нужно защищать. Война, в которой нужно сражаться против ужасного врага. Мы бы сделали так, чтобы вы не погибли, и тогда вы смогли бы присоединиться к нам. Именно в горниле таких событий закаляются герои. Великие ученые прошлого стали великими отчасти потому, что им было что открывать. А мы... мы сидим в аудиториях... и лишь преподаем о них.

— Юн, — произнесла Лиза. — Альберт. Посмотрите мне в глаза.

Он посмотрел.

— Это тот самый момент. Момент, когда вы можете обрести значение. Когда вы выбираете: застрелить меня или спасти мир. Прямо сейчас. Голос сказал Назим сделать то, что она сделала. А Юн из временной линии Дейна... вы ведь не обязаны его слушать. Станьте лучшим из вас двоих.

Юн выдержал ее взгляд.

И бросил пистолет.

— Код — два-семь-четыре-семь-три, — прошептал он.

Лиза отвернулась и начала вводить код. Но вдруг замерла.

— Вы сказали, что будет лучше, если мы сделаем это одновременно с Дейном.

— Лучше всего все сделать одновременно. Чтобы помочь временным линиям выровняться. Но... Лиза. Мне кажется... Будущий Юн мог его убить. В той временной линии, где я не лучший из нас двоих...

Лиза оперлась руками о стол рабочей станции, мгновенно взмокнув. Сердце бешено грохотало в груди. Дейн…

Дейн не может умереть.

Она сжала и повернула браслет на запястье. С надеждой, с мольбой. С уверенностью.

Эндрю Дейн не может умереть.

Ведь еще оставался шанс хоть кого-то спасти.

Глава 28

За пять минут до светолома

— Тебе стоит поторопиться, — раздался голос Назим. — Нельзя оставаться здесь, когда все взорвется.

— Мне нужно быть достаточно близко, чтобы получить дозу радиации, — отозвался Юн. — Чтобы стать тем, кем суждено.

— Мне нужно быть еще ближе. Я помню… эту мощь. Ощущение абсолютной неуязвимости. Наши битвы войдут в легенды, Юн.

— Герои.

— И чудовища.

А некоторые и те, и другие.

Паря во тьме, Дейн понял, почему не погиб от ранений, почему чувствовал возвращенцев в темном здании, когда никто другой их не замечал. Понял, почему упал с высоты в тридцать футов и остался в живых.

Наверное, он знал это все время. Почему боль полностью стихла, когда на его глазах случился светолом и ему досталась доза радиации. Почему рядом с мертвой зоной он всегда ощущал прилив сил.

Чем больше энергии поглотил, тем дольше длится превращение. Первыми изменились те, кто находился внутри зданий. Потом те, кто был снаружи. За ними охранники, укрытые в защищенной от взрыва комнате. Затем…

Те, кто поглотил больше всего энергии. Он и Юн. Закрыв глаза, Дейн ощущал тепло других людей в комнате. Едва уловимое, но явное.

Он открыл глаза. По краям поля зрения появилось сияние. Спокойно, почти бесшумно он вытащил из кобуры пистолет. Для сильных всегда требовалось несколько выстрелов, даже если целиться в голову. Одной пули в лоб не хватит.

Без сердцебиения, которое всегда его вело, детектив Эндрю Дэйн вновь поднялся возвращенцем. Трижды выстрелив Юну в голову, он развернулся и разобрался с двумя охранниками, вошедшими вместе с Назим.

Вскрикнув, женщина отступила за дверь и открыла ответный огонь из его штурмовой винтовки — той самой, которую у него забрал Юн. Дейн даже не заметил, как Назим ей завладела. Он укрылся за оборудованием возле телепорта и прижался к стене, ощущая тепло павших. Рядом лежало тело Юна с открытыми глазами — окровавленное и неподвижное.

— Говорил же тебе, Юн, — прошептал Дейн. — Всегда проверяй, что они мертвы.

Без сердцебиения-ориентира было… странно не по себе.

— Вы вообще понимаете, что творите? — крикнула Назим из дверного проема, оставаясь вне поля зрения. — Мы столько всего сделали ради этого мира! Не губите его!

Дейн знал, что его время на исходе. Но телефон… телефону пришел конец. Разбитый, с треснувшим стеклом, он лежал на полу. Ему…

Браслет пошевелился. И сдвинулся.

«Лиза, ты гений», — подумал Дейн.

Она аккуратно проворачивала браслет определенное количество раз. Это код. Два. Семь. Четыре. Шесть. Три. Затем сброс, пауза и повтор. Ага, он ошибся с шестеркой. Это тоже семерка.

— Вы могли бы стать героем, — сказала Назим. — Для всех в этом городе.

— Есть лишь один человек, для которого я хотел бы стать героем. И она уже знает.

Дейн вышел из-за оборудования.

Пули прошивали его тело, но он спокойно прицелился и под ритм воображаемого сердцебиения трижды выстрелил Назим в голову. Она рухнула на пол.

Дейн осел у компьютерного стола. Проклятье. Выходит, у его тела все-таки есть предел. Было бы полезно узнать об этом заранее.

Окровавленными пальцами он начал вводить код. Одну цифру за другой.

Два.

Рядом начала прорисовываться Лиза.

Семь.

Он не услышал ее вздоха, но мог легко его представить.

Четыре.

Она стала более отчетливой. И беззвучно произнесла:

— Я знала. Потому что ты невероятный.

Семь.

Дейн улыбнулся и поднес к тройке окровавленный палец, который едва его слушался.

Лиза повторила его жест. До конца отсчета оставалось меньше минуты. Свободной рукой Дейн медленно отдал ей честь.

Хорошо, что она тоже плакала. Было бы невыносимо, если бы слезы катились только у него.

Клавишу он нажал одновременно с ней. И этим поступком детектив Эндрю Дейн пожертвовал миром, который в нем нуждался, чтобы сохранить другой, лучший мир, в котором ему нет места.

Комнату в последний раз залил белый свет.

Эпилог

Лиза сидела в кабинете мэра, пока тот перечитывал ее отчет. Мэр был настоящим громилой, бывшим пожарным, но с толикой мягкости, которую умело использовал для создания своего имиджа. У него действительно три дочери, но снимок, на котором он в розовом наряде позирует вместе с младшей после ее занятия по балету, — тщательно продуманный ход.

В этом и заключается настоящая политическая мудрость. Взять настоящего себя и показать… лишь одну из версий. С таким расчетом, чтобы эта версия казалась правдоподобной.

— Мне довольно трудно в это поверить, Стерлинг.

В отчете содержалась лишь часть правды. Та часть, которую, по мнению Лизы, мог бы принять человек на его должности.

— На меня давит пресса, требует ответы. Я не могу показать им это.

— У нас есть показания всех сотрудников, которых я привлекла, ученого и охранников. Вы прочитали отчет. И понимаете, что они не могут лгать все сразу.

— Но вы все равно действовали безрассудно. Без разрешения, ордера и подкрепления. У меня на руках погибший полицейский и двое гражданских охранников, не говоря уже об огромном ущербе: машины, съехавшие с дороги, разрушенные здания. И не забывайте о самой Назим, она подаст иски...

Лиза кивнула. Все правда. В отчете говорилось о взрыве, который им удалось предотвратить, но ничего о конце света. Вместо этого она использовала псевдонаучные комментарии Юна и приплела устройства, вызывающие потерю памяти и неадекватное поведение. Это объясняло, почему ее люди, чье проникновение в лабораторию подтверждалось нагрудными камерами и навигаторами, оказались не в состоянии об этом вспомнить. Также это объясняло, почему она не смогла вызвать помощь.

Версия правды. Взятая и представленная с таким расчетом, чтобы казаться правдоподобной.

Лиза нервничала. За последние несколько дней она странным образом привыкла знать будущее, а теперь понятия не имела, чего ждать. Ее могут уволить. Ее карьера может закончиться. Но... имеет ли это значение? Она всегда говорила, что поступает из лучших побуждений и что благо города важнее всего остального. Сидя в кресле в кабинете у мэра, она впервые за многие годы не сомневалась, что и правда руководствовалась именно этим.

Они с Дейном спасли город.

Конечно, сохранить карьеру тоже хочется. А если нет... свой выбор она уже сделала. И горе ей, если мэр или кто-то еще узнает, что той ночью после нулевого момента они с Юном побывали на каждом объекте и полностью уничтожили червоточины. Изначально именно Юн стабилизировал и увеличивал их, подавая энергию. Однажды он сказал, что ему известно, как их и уменьшить. Они схлопнули все три, а затем уничтожили записи, оборудование и файлы.

— Мы спишем разрушения и смерти на Дейна, — наконец сказал мэр. — Вас представим как хладнокровного руководителя, который довел дело до конца и не позволил Дейну зайти слишком далеко. В это поверят, когда мы обнародуем его досье.

— Нет, — неожиданно для себя сказала Лиза.

Мэр взглянул на нее с удивлением. Слово «нет» ему явно не нравилось.

— Детектив Эндрю Дейн — герой, — твердо добавила она. — Он отдал жизнь за этот город. Так его и будут помнить. Иначе можете забрать мой значок. Это не обсуждается.

Мэр долго и пристально сверлил ее взглядом. Она не дрогнула. Ей удалось поставить на место само время. И с мэром справится.

— Знаете, — наконец сказал он, — я боялся, что вы будете говорить или делать что угодно, лишь бы угодить мне и получить повышение. Хорошо, что есть красные линии, через которые вы не переступите. Хотя, признаюсь, это одновременно и раздражает. Но я понял, что именно это мне и нужно.

Он встал из-за стола.

Лиза тоже поднялась.

— Тогда придется оформить для Дейна благодарность. Это более сложный путь. Если в следующем месяце пресса разнесет эту историю, мне, возможно, придется отменить ваше повышение. Черт возьми, возможно, придется даже отдать вас под суд, если мы не сможем все подать правильно.

— Я готова пойти на этот риск. И с прессой я справлюсь. В конце концов, если не справлюсь, стоит ли вообще доверять мне эту работу?

Мэр улыбнулся и протянул ей руку. Лиза ее пожала.

— Думаю, мне понравится работать с вами, комиссар Стерлинг.

— Взаимно, господин мэр.

— А теперь, — он махнул рукой, — идите и разберитесь с этим бардаком.

— Разбираться с такими делами — моя работа, — ответила Лиза. — Когда того требует ситуация.

Послесловие

Вот мы и добрались до краеугольного камня этой книги — большой новой истории, вокруг которой я хотел выстроить сборник, а не просто издать вместе все старые повести и рассказы.

Это история, рожденная из идеи. Сюжет «копы пытаются остановить апокалипсис с разных сторон времени» был слишком интересным, чтобы не попробовать его написать. Мне понравилась структура: один переносится на несколько дней вперед во времени, другой — назад, и постепенно оба приближаются к моменту, когда все пошло наперекосяк.

Истинный ключ к истории заключается в том, что ни читатель, ни персонажи не знают, когда на самом деле наступил нулевой момент.

В моих заметках к этой истории описано множество правил и механик происходящего, но большую их часть я решил не включать. (Хотя по просьбе редакторов в финальном варианте их стало гораздо больше.) Я хотел сосредоточиться на перемещении и взаимодействии персонажей во времени.

Еще одна особенность этой истории — я писал об отношениях, которые идут к концу, а не развиваются. Об отношениях, которые уже завершились, и персонажам нужно с этим смириться. Мои агенты в Голливуде хотели, чтобы в конце персонажи снова сошлись, но я посчитал, что это ослабит историю. У нас полно историй о том, как люди снова сходятся после неудачных отношений, но не много (по крайней мере в жанре экшн) о последних естественных днях отношений, которые не сложились. Эта деталь была слишком важной для повествования, чтобы убирать ее во время редактуры, поэтому я оставил ее и надеюсь, что все получится.

Итак, перед вами «Уникальные реальности»! Двадцать пять лет (ух!) творчества Брендона Сандерсона в одной книге. Конечно, космерские истории популярнее, но именно в этих рассказах и повестях я экспериментирую с формой, и этот опыт потом отражается в сюжетах Космера. Вне Космера у меня больше свободы, и я часто выхожу за рамки привычного, поэтому истории получаются разнообразными и местами непредсказуемыми. (Да-да, я о тебе, «Вероятность стремится к нулю».)

Надеюсь, эта книга понравилась вам не только как исторический взгляд на мое развитие как писателя, но и просто как сборник увлекательных историй.

Будем надеяться, очередной такой сборник выйдет… еще через четверть века.

Благодарности

Пусть истории и написаны мной, но этот сборник — результат колоссальной работы огромной команды. Ниже я хочу сказать спасибо всем тем, благодаря кому эти истории дошли до читателей.

В издательстве «Tor»: Стефани Стейн (штатный редактор) и потрясающая команда редакторов, дизайнеров, публицистов и маркетологов: Хизер Сондерс, Джулианна Ким, Питер Лутьен, Рафаль Гибек, Эмили Млынек, Эйлин Лоуренс, Стивен Баксок, Алексис Саарела, Сара Рейди, Стив Вагнер, Терри Макгэрри, Кристина Макдональд, Хейли Джозвиак, Деви Пиллаи, Люсиль Реттино, Клэр Эдди и Уилл Хинтон.

В литературном агентстве «JABberwocky»: Джошуа Билмес, Сьюзан Веласкес, Кристина Зобель, Валентина Саинато и Брэди Макрейнольдс. В агентстве «Zeno»: Джон Берлайн.

В «Dragonsteel»: Эмили Сандерсон (операционный директор, королева и сопрезидент компании).

Креатив: Айзек Стюарт (вице-президент), Шон Бойлс (арт-директор), Бен Максуини (арт-директор), Рэйчел Линн Бьюкенен, Дженнифер Нил, Хейли Лазо, Присцилла Спенсер и Анна Эрли.

Редактура: Питер Альстром (наш непревзойденный вице-президент по редактуре), Кристи С. Гилберт (редакционный директор), Карен Альстром (директор по лору и непрерывности вселенной), Дженни Стивенс, Бетси Альстром, Эмили Шоу-Хайэм и Джек Роуз.

Пиар и маркетинг: Адам Хорн (вице-президент и по совместительству эксперт по Годзилле), Октавия Эскамилья, Тэйен Хэтч, Тейлор Хэтч и Дональд Мастард III.

Операционный отдел и кадры: Мэтт «Эйчарминатор» Хэтч (вице-президент), Джейн Хорн (операционный директор), Лекс Уиллхайт, Джеррод Уокер, Кэтлин Дорси Сандерсон, Итан Скарстедт, Бекки Уилсон, Кристиан Фэрбенкс и Макена Салуоне.

Сувенирная продукция и мероприятия: Кара Стюарт (вице-президент по сувенирной продукции, мероприятиям и выписыванию больших чеков), Кристи Якобсен (директор по сувенирной продукции), Келлин Нойманн (директор по мероприятиям и поддержке), Эмма Тан-Стокер (финансовый директор), Ричард Руберт, Даллин Холден, Мэтт Хэмптон, Элли Рип, Бретт Мур, Джой Аллен, Кэти Айвз, Дэниэл Фиппс, Брейдонн Мур, Мем Грейндж, Майкл Бейтман, Алекс Лион, Джейкоб Крисман, Камилла Уэйт, Квинтон Мартин, Холли Руберт, Гвен Хикман,

Аманда Баттерфилд, Логан Рип, Пабло Муни, Рэйчел Якобсен, Зои Хэтч, Оуэн Ноултон, Лаура Ловеридж, Джейк Делламас и Мэри Ноливос.

Нарратив: Дэн Уэллс (вице-президент). До сих пор единственный сотрудник этого отдела. Да и зачем нам кто-то еще, если его фанфики по «One Direction» и так идеальны?

Художники: Брайан Марк Тейлор (автор обложки), а также Джесси Оксе и Бен Максуини (авторы внутренних иллюстраций).

Эксперты из правоохранительных органов (консультировали меня для повести «Нулевой момент»): Трой С. Тёрстон, Закари Завала, Мойзес Маскорро и Тиффани Калиновски.

Бета-ридеры: Кендра Александр, Джессика Эшкрафт, Раким Болл, Джо Дирдефф, Тед Херман, Яна Кинг, Линдси Лютер, Сюзанна Мусин, Кальяни Полури, Билли Тодд, Пейдж Вест, Глен Фогелаар и Роб Вест.

Гамма-ридеры (в их число вошли многие бета-ридеры, а также наши самые преданные фанаты): Амир Касра Арман, Сиена «Лотус» Бьюкенен, Тим Чалленер, Тейлор Коул, Виолетта Колла, Дариян Эдсингер, Дэвид Фэллон, Аарон Форд, Крейг Хэнкс, Джошуа Харки, Брайан Т. Хилл, Алексис «Лекс» Хорайзон, Сара Кейн, Джейден Кинг, Боб Клутц, Эшли Ковальчик, Ари Куфер, Валенсия Камли, Эрика Кута Марлер, Элияху Береловиц Левин, Марк Линдберг, Брайан Маньянт, Карен Маркс, Крис Макграт, Ти-Джей Макграт, Сет «Кузнец» Моузи, Эрин Фам, Бао Фам, Дженнифер Пью, Рэйчел Рада, Бекка Репперт, Бриттон Рони, Нисарг «Любитель раздоров» Шах, Амит Штейнхарт, Гэри Сингер, Лорен «Мама Биз», Филип Форваллер, Спенсер Уайт, Дина Ковел Уитни, Дейл Винс, Розмари Уильямс, Кендра Уилсон, Кайл «Главный гик» Уилсон и Линтин «Ботаника» Сюй.

Брендон Сандерсон